

АЛЕКСАНДР
БЛОК

АЛЕКСАНДР БЛОК

6

1880 · 1980

АЛЕКСАНДР БЛОК

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ШЕСТИ ТОМАХ

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ

М.А.ДУДИНА

В.Н.ОРЛОВА

А.А.СУРКОВА

ЛЕНИНГРАД • «ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ • 1983

АЛЕКСАНДР БЛОК

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ШЕСТИ ТОМАХ

ТОМ 6

ПИСЬМА
1898·1921

ЛЕНИНГРАД·«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ·1983

ББК 84.Р1
Б70

СОСТАВЛЕНИЕ ВЛ. ОРЛОВА

ПРИМЕЧАНИЯ
М. И. ДИКМАН

ПОДГОТОВКА ТЕКСТА
М. И. ДИКМАН

ОФОРМЛЕНИЕ ХУДОЖНИКА
Н. НЕФЕДОВА

© Состав, примечания, оформление. Издательство «Художественная литература», 1983 г.

© Письма, отмеченные в содержании *. Издательство «Наука», 1978 г., 1980 г., 1981 г.

Б 4702010100-081 028(01)-83 **подписное**

ПИСЬМА

1. К. М. САДОВСКОЙ

〈Конец марта 1898. Петербург.〉

Чем больше я вижу Тебя, Оксана, тем больше во мне пробуждается то чувство, которое объяснить одним словом нельзя: в нем есть и радость, и грусть, а больше всего горячеей, искренней любви, и любовь эта не имеет границ и, мне кажется, никогда не кончится. Чувство это бурно и не дает мне совсем покоя, я имею потребность видеть Тебя как можно чаще, любоваться Тобой и хоть на минуту утишить ту страшную бурю, которая все время бушует у меня в душе; и мне хочется, чтобы Ты, безмятежный ангел, обвеяла меня своими крылами и разрушила сомненья моей больной души, которая стремится к Тебе только и не находит выхода. Ты скажешь, откуда взялись эти порывы у такого холодного, безнадежного эгоиста, который заботится только *о себе?*! Неужели же я не знаю, что я действительно эгоист, и сознание этого часто мучает меня... Я не могу ждать дольше пятницы нового свидания: если только можешь, то приходи в четверг, я буду ждать Тебя во 2-ой линии против дома; мне нужно только видеть Тебя и знать, что Ты со мной; а в пятницу прийти я не могу, меня заставляют исповедываться именно вечером. Странное совпадение! Приходи в четверг, ради бога, моя душа только к Тебе стремится, только Тебя и жаждет. Может быть, Твое письмо поможет мне избавиться от эгоизма, и этим Ты спасешь меня от большого горя в жизни; а если Ты думаешь, что экзамены и пр. будут страдать от этого, то знай, что мне прежде всего нужна жизнь, а жизнь для всякого человека самое главное, потому я и стремлюсь к Тебе и беру от Тебя все источники жизни, света и тепла. Не знаю, может быть, это свойственно моей молодости, но на меня благотворно и живительно действует эта роскошно рас-

пускающаяся весна и наполняет все мое существо, особенно когда Ты со мной, а мне кажется часто, что Ты близко от меня, и я думаю,

Не здесь ли Ты легкою тенью,
Мой гений, мой ангел, мой друг,
Беседуешь тихо со мною
И тихо летаешь вокруг?
И робким даришь вдохновеньем,
И сладкий врачуешь недуг,
И тихим даришь сновиденьем,
Мой гений, мой ангел, мой друг...¹

У меня в сердце постоянно звучат эти чудные стихи. А мысль о Тебе действует на меня, как музыка: то душа полна грусти, то внезапно замрет от бурного веселья, то жадно стремится к свету. Не правда ли, что это любовь? Будешь ли Ты еще сомневаться?

Я жду теперь Твоих писем, как неземного счастья. Жду Тебя, приходи.

2. К. М. САДОВСКОЙ

31 марта 1900. Петербург.

Глубокоуважаемая Ксения Михайловна.

Я глубоко понимаю, чувствую и верю. Прощенья я не прошу, потому что нельзя просить его. Не спрашивайте о том, что было. Получить от Вас карточку — мое глубочайшее желание. Посылаю Вам свою. Страстно хочу получать от Вас письма, хоть изредка. Кому и чему может «теперь» мешать эта переписка? — Так же страстно хочу писать Вам иногда, если хотите знать, что у меня в душе. Будет ли ответ?

Мой адрес: Петербургская сторона, казармы Л. Гв. Гренадерского полка, кв. 7. В начале мая я уеду: Николаевская железная дорога, станция Подсолнечная, имение Шахматово.

Р. С. Что было? Было, конечно, то, что очень трудно объяснить, зная даже мою отвратительную натуру. Я сам не берусь объяснять этого «психологического» явления. Со мной бывает вот что: я — весь страсть, обожание, самое полное и самое чистое; вдруг все проходит, — является скука, апатия (мне незачем рисовать-

ся), а иногда отчаянная беспредметная тоска. Что это? Молодость? Пресыщение? Безнравственная черта характера? Последнее, пожалуй, всего вернее. Вот полное объяснение.

Поверьте, это и мне тоже даром не проходит, теперь тем более не прошло.

У Вас там горы, море и южное небо Франции, а здесь — тусклый, серый Петербург и синяя дымка островов, где каждое дерево, каждая вечерняя тень, каждый поворот дорожки невыносимо больно, тоскливо и резко говорит мне, что «тогда» было первое и последнее — настоящее молодое счастье; помните Вы парк, залитый лунным светом, темное озеро, в котором опрокинулись еле заметные для глаза отраженья островов, и плывут большие, белые лебеди; а здесь на берегу Вы, Вы и Вы, — и кроме Вас нет вокруг ничего такого прекрасного, такого недоступного кисти художника. И ночь с Вами кажется еще темнее и еще полнее страстью, разлитой в воздухе, ласкающем Вас, и Ваши глаза все непонятнее, глубже и ярче... — Может быть, лебеди не плавали ночью и острова не отражались в темном озере, но я все это представляю себе именно так, — и иначе мне не хочется.¹ Кроме ночей и вечеров были еще утра и дни, но всего не напишешь, и Вам невыносимо скучно читать всю эту пустую риторику, Ваши чудные глаза рассеянно бегут по строчкам. Отчего мне так врезался в память череп, нарисованный на столе над озером?

В Вашем письме есть слово, написанное одной буквой, а <я> не пишу ни одной, — Вы и так понимаете и видите.

Иногда я бываю у Ваших окон, смотрю, как кто-нибудь выходит из дверей дома. Двери так же блестят тогда, как прежде, — и это тоже очень больно, но — что же делать? Ваши письма с первого до последнего я храню, как святыню. Пришлите Вашу теперешнюю карточку, прошу Вас. Лепестки роз в письмо вкладывать было жестоко, по меньшей мере. Будете Вы еще писать мне? Прошу Вас теперь писать прямо на мой адрес, Вы должны знать, что никто, кроме меня, писем читать не будет, а перечитывать их, думать, вспоминать, тосковать и... целовать эти благоуханные письма тоже буду один я...

Одним словом, все это и глупо, и молодо, и нужно бросить в печку, но ничего другого я писать не хочу.

и нисколько от всего, что написано, не отрекаюсь. Если бы Вы знали, как нервы раздерганы, и тоска какая здесь, и как все скверно и грустно, и хочется обнять Ваши колени и «зарыдать у Ваших ног»...² Смейтесь, а мне вовсе не смешно.

Вы напишете ответ и пришлете карточку? Напишите на карточке хоть одно слово? Все равно что, — я буду только видеть Ваш почерк, и слышать знакомый голос, и думать, думать, думать...

Может быть, моя карточка напомнит Вам лучшее время?

3. А. В. ГИППИУСУ

26 апреля 1901. <Петербург.>

Дорогой Александр Васильевич, безмерно благодарю Вас за Ваши хлопоты¹ и письмо, хотя и декадентное, но очень обстоятельное и «естественно-разговорное».² Рогалеви́ча я встретил с распростертыми объятиями. Учусь, но, вероятно, меньше, чем Вы, — экзамен будет 2-ого мая. Приду к Вам в субботу 28-ого с большим удовольствием.

Третьего дня я бродил в удельном лесу около Лесного, там все время несется «гул железного пути»³ и анемоны в бутонах под снегом — какая-то «смесь зимы и лета»⁴ (Фет?). Если бы было время сосредоточиться, оттуда можно бы вывезти «настроений» на несколько дней. Я же попал в Лесной слишком поздно, потому торопился и бегал почти рысью. И то было хорошо.

Вообще же настроение скверное — без равновесия, рифмы частенько глагольные;⁵ скверно.

Искренно любящий Вас *Ал. Блок*.

4. А. В. ГИППИУСУ

25 июня 1901. <Шахматово.>

Милый Александр Васильевич, извините, что отвечаю Вам не сразу. Дело в том, что все это время я занят сильно и нравственно и физически спектаклем, ко-

торый состоится через неделю (1 июля).¹ Придется играть три роли (моряка в «Горящих письмах» Гнедича, сумасшедшего² — в костюме и с Машей и, наконец, Ломова в «Предложении»³). Последнее особенно улыбается мне. Кроме всего этого будет народное гулянье с дивертисментом, в котором и мне придется принимать участие. Все произойдет у Менделеевых, ездить туда нужно далеко (верст 8) и часто, все это, впрочем, для меня в высшей степени приятно. Вообще провожу время довольно хорошо, в свободное от спектакля время читаю Флобера и «Вечных спутников» и перевожу очень интересную статью Ренана об Ироде Великом.⁴ Жизнь довольно полная, в высокой степени созерцательная и далеко не чуждая мистических видений, «непостижных уму».⁵ Заглянув в Пушкина, нашел там отрывок «Юдифь» — необыкновенный. Я думаю, Вы знаете его: «...Стоит, белеясь, Ветилуя в недостижимой вышине».⁶ Соловьев упоминает о нем в критике Пушкинского празднования.⁷ Вообще вокруг очень много хорошего, не знаю только, есть ли польза та, например, какую Вы хотите извлечь из лета. Удастся ли Вам это? Последнее Ваше письмо несколько разочарованное и кислотоватое: сквозь лаун-тэнис с барышнями и государственные науки (кстати, я, право, не настолько прочь от них, как Вы думаете!) смотрит черная меланхолия и «смех сквозь незримые слезы».⁸ Впрочем, надеюсь, что это было временно и даже случайно, а теперь — прошло. Однако, не думаю, чтобы Ваши «бюрократические» наклонности и желание писать сочинение⁹ и т. п. побороли летнюю обстановку Вашу, например, море. Природа не может позволить человеку совершенно сосредоточиться на одном; может быть, Вы и стихи напишете, «а я давно (этого) желал», как говорит Степ. Степ. Чубуков.¹⁰ Если напишете, то пришлите, мне очень интересно, к тому же это отчасти докажет, что для Вас начались дни с числами. А Коркунова я давно бросил, почуяв силу Мережковского и Флобера. Признаки всё дурные, но *дело* в том, что «на равнинах моей души» поселился некий Сфинкс, очень и давно уже наполняющий мое существование (с некоторыми перерывами) и направляющий все мысли к одному началу.¹¹ Ожидаю великого «смыкания кругов».¹² Вы поймете это, в сущности, так что за нагромождение непонятных и собственных терминов не очень

извиняюсь. Часто испытываю большой подъем духа, доставляющий сильное счастье.

«Конец уже близок, неожиданное сбудется скоро».¹³

Очень и от всей души желаю Вам подобных настроений (конечно, с изменениями, соответственно Вашей природе!).

Любящий Вас Ал. Блок.

5. А. В. ГИППИУСУ

28 июля 1901. <Шахматово.>

Дорогой Александр Васильевич!

По обыкновению нашему, извиняюсь. Причины на этот раз уважительнее, чем когда-либо, и вот они: жара была нестерпимая, полная засуха, даже цветущая наша природа поблекла. И только на днях полил дождь и оживил в том числе мою, начинающую киснуть, душу. Но главное впереди: мой театральный пыл (впрочем, не я один тому виной) привел меня, можно сказать, к полнейшему хаосу; без преувеличения скажу, что, решившись играть «Ромео и Джульетту» и изучив отчасти роли, мы довольно быстро сменили ее на сцену из «Гамлета». Если прибавить к этому, что в промежутках этих колебаний «труппу» приглашали гастролировать посторонние лица, а в конце концов ничего не состоялось, — то получится довольно назидательная иллюстрация к пословице «за двумя зайцами» и т. д. Надо Вам знать, что труппа состоит из двух лиц: премьерши¹ и меня. Остальные лица приглашаются по надобности и в крайности; они довольно апокрифичны.

Все это, в сущности, очень хорошо обошлось (говору «обошлось» только потому, что больше решительно не намерен предаваться спектаклям). Однако вот и лето кончается, и как-то скоро! Впрочем, еще осень длинна, и от нее я жду многого, а чего — по правде сказать, в точности сам не знаю. Но чувствуется мне, что должен произойти важный переворот в моей жизни или в хорошую, или в дурную сторону (плюс или минус!). Это чувство и постоянное «ожидание» бодрит. И часто «я плачу сладостно, как первый Иудей на ру-

беже страны обетованной»² (конечно, в переносном смысле! а может быть, буду плакать и действительно?). Вообще, если бы не временная жара, я мог бы похвастаться полнотой жизни. Теперь наверстываю потерянное. Кое-что, все-таки, прочитано, теперь даже и за Коркунова взялся. А что Ваше сочинение? Я надеюсь, что оно пойдет скоро окончательно безболезненно. А теперь мне представляется как-то, что Вы не можете сосредоточиться. И у Вас тоже очень хорошо, как здесь, но, я думаю, совершенно другие настроения возникают: Вы ходите много и с барышнями. Я если двигаюсь, то верхом на лошади и непременно к Менделеевым, вообще же хожу с неохотой и недалеко. Однако и барышня есть — к нам приехала на две недели Екатерина Евгеньевна Хрусталева, которую Вы однажды видели у нас (или дважды?). Мы мало гуляем, но иногда ведем разговоры, и, конечно, по преимуществу довольно отвлеченные. Кстати, ей очень нравятся иные из Ваших стихов, а я переписывать не даю; прощу Вас санкционировать мои поступки в ту или другую сторону. — Отвечаю на Вашу постоянную, привлекательную, но несбыточную просьбу, что приехать к Вам решительно не могу (да и поздно уж теперь было бы), потому что нет денег, а главное, я привязан к здешним местам: нас в Шахматове четверо, и убыль одного была бы чересчур заметна. Но и это можно было бы преодолеть. Дело в том, что сюда в настоящее время привлекает меня мистический магнит; отречься от него теперь, мне думается, большой грех против собственной природы; ибо он притягивает меня больше, чем когда-нибудь; и в этом я чувую перелом.³ Вы, конечно, склонны, как и я, к такому «идеализированью» собственных желаний (если интересно называть это идеализированьем), а потому поймете меня, особенно если я напомню Вам строки Фета «знать, в последний встречаю весну и тебя на земле уж не встречу».⁴ Это настроение теперь не чуждо мне, хотя и не вполне подходяще, потому что очень весеннее. Но оно и без действительной весны возможно. — И вот настоящая причина. А потому я

...боюсь, если путь мой протянется
Из родимых полей в край чужой,
Одинокое сердце оглянется
И забьется знакомой тоской.⁵

Настроение, как видите, такое, что всякую мысль готов превратить в лирический стих. Очень радостное и очень напряженное. И еще раз, желаю Вам таких же мыслей и чувств, хотя это и не будет способствовать Вашему сочинению. Да, ведь сочинение само собой напишется, потому что

Всё, кружась, исчезает во мгле,
Неподвижно лишь солнце любви.⁶

Скоро мы ведь увидимся в Петербурге; но все-таки напишите.

Искренно Вас любящий *Ал. Блок*.

Стихотворение, приводимое ниже, должно, по-моему, доставить удовольствие. Это — Аснык, в переводе... Лебедева!

ЧУДЕСНЫЙ СОН

Чудесный сон, владея мной,
Мечтою длился нежной.
Была ты — светлою волной
Я был — скалой прибрежной!.. —
Не тосковал о жизни я,
О бренном, слабом теле...
Все снилась мне любовь твоя...
Века, века летели. —
Был нем, вздымаясь в небеса,
Но жил мой камень мрачный:
В просторе — чьи-то голоса,
Лазурь — в волне прозрачной...
В объятии каменном моем
Все билась ты в печали;
Нас общим, долгим бытием
Века веков связали. —
Ты все точила мой гранит,
И в сладостном влеченьи
Я знал, я знал, что мне сулит
Судьбы предназначенье! —
Я знал — придет конец труду,
И, рухнувши без стога,
Я с ликованием паду
В твое родное лоно!..

Р. С. Может быть, Вы уже знаете его?

13 августа 1901. Шахматово.

Дорогой мой Александр Васильевич, что с Вами? Я не поверил, впрочем, настроению Вашего письма целиком; а то было бы слишком плохо, если бы поверил! Ругать Вас совсем не собираюсь, а прежде всего ужасно благодарю за доверие, еще незаслуженное.¹ Надеюсь, что письмо в иных частях своих навеяно временем дня, или временем года, или еще чем-нибудь внешним (сочинением?); Вы неузнаваемы, как будто и для Вас «проходят дни и сны земные» ужасно горестно и ужасно тяжело. «Где слава, где краса?»² где «жизненность»?³ Вас угнетают, конечно (или угнетали только?), «три группы чувств», о которых Вы мне пишете. Помоему, хуже всего сочинение. Борьба с плотью может окончиться для Вас особенно хорошо (не для Вас особенно, а хорошо особенно), если отойдут наконец «злые силы вражьи чар».⁴

Зло позабытое
Тонет в крови.
Входит омытое
Солнце любви.⁵

А о заграничной поездке ничего не знаю, потому что взглядов Ваших на этот счет не знаю.⁶

Или, может быть, я просто не понял Вашего настроения и несколькими словам сделал неверное заключение?

Мои дела и дни текут по-прежнему хорошо для меня в большинстве. Вчера вернулся с соседней станции от Соловьевых, скоро они приедут к нам (это — семья Мих. Серг. Соловьева). Узнал там факты из биографии «властителя» моих дум и некоторые из его неизданных стихов (вышеприведенные четыре строки — из предсмертного (незадолго до смерти) его стихотворения).⁷ Есть и еще властители всего моего существа в этом мире, но они заходят порою в мир иной (конечно, в воображении моем и мыслях) и трудно отделимы от божественного.⁸ И это, по-прежнему, — стимул моего поведения, а главное, душевного состояния (поведение часто ужасно негармонично и грубо). Ужасно все мне кажется «наполненным богами» (как у Фалеса).⁹ Большой для меня вопрос личный, когда наконец осущес-

ствятся мои ожидания и верования. Вот одно из бесчисленных нынешних выражений моей мысли:

Ты прошла голубыми путями,
За тобою клубится туман.
Вечереющий сумрак над нами
Обратился в желанный обман.
За твоей голубою дорогой
Протянулась зловещая мгла,
Но с глубокою верою в бога
Мне и темная церковь светла.

Много я за эти дни узнал от Соловьевых и у Соловьевых. Также перечитал очень много Гоголя и пришел в совершенный восторг. Отныне буду любить его и чтить, чего прежде не делал по недоразумению. Подробности до скорого свидания, и хочу Вас видеть прежним веселым и милым мне Александром Васильевичем. Пожалуйста, напишите.

Любящий Вас искренно *Ал. Блок*.

7. ОТЦУ

29 сентября 1901. Петербург.

Милый папа!

В этом году я более, чем когда-нибудь, почувствовал свою полную неспособность к практическим наукам, которые проходят на III курсе. Об этом мы с мамой говорили уже и летом, причем я тогда уже возымел намерение перейти на филологический факультет. Теперь же, в Петербурге, я окончательно решился на этот серьезный и крайне для меня важный шаг и уже подал прошение ректору о переводе, о чем и спешу сообщить Вам, как о важной перемене в моей жизни; дело в том, что, пока я был на юридическом факультете, мое пребывание в Университете было очень мало обосновано. Три года тому назад я желал больше всего облегчения занятий и выбрал юридический факультет, как самый легкий (при желании, разумеется). Теперь же моя тогдашняя леность и бессозна-

тельность прошли, и, вместо того, я почувствовал вполне определенное стремление к филологическим знаниям, к которым, кстати, я теперь значительно подготовлен двумя теоретическими курсами юридического факультета. Сознание необходимости моих занятий до сих пор у меня отсутствовало, и никаких целей (практических) я даже не имел возможности провидеть впереди, потому что был ужасно отчужден от того, что, собственно, должно быть в полной гармонии с моими душевными наклонностями. Мама очень поддерживает меня в моих начинаниях. Хотел бы знать, что думаете об этом Вы? Лекции я уже слушать начал. Со вторника начнутся для меня правильные занятия. Здоровье мое за лето поправилось.

Целую Вас крепко и жду Вашего ответа.

Ваш Сашура.

8. З. Н. ГИППИУС

⟨Июль (до 21) 1902. Шахматово.⟩

Многоуважаемая Зинаида Николаевна.

В Шахматове, действительно, 1 июля скончался мой дед.¹ Однако образ жизни не изменился, и я даже не ездил в Петербург, где были похороны; оставался здесь во внешнем (но не внутреннем) мире, однако с памятью о непрестанном мерцании свеч надгробных, которые, конечно, приняли мистические образы, в чем виновата, единственно, натура.² Однако уверяю Вас, что я ощущаю (как подросток Аркадий Долгорукий) желание «трех жизней»³ (это несмотря на видимую безжизненность и склонность к «панихидному» умозрению). Здесь в одной из соседних деревень ходит странное (а уж исторически совсем необъяснимое) поверье: «она мчится по ржи»⁴ (буквально — и больше ничего). Кажется, что теперь эта «она» исчезла до времени. Тут есть ведь совпадение, какая-то трудно уловимая, но ощутительно одна мечта и с тем Петербургом, который «поднимется с туманом» (у Достоевского)⁵ и с Вашим «невидимым градом Китежем»: ⁶ все они возвратятся *иными* «в последний день», т. е. — хоть в последний день для каждого из отдельных, желающих проникнуть. Наглядно и «практически» это будет хоть в виде конечного разрешения личной «жизненной драмы» (Соловьевский термин), т. е. личной мечты (у кого же жизненная драма больше самой большой мечты! Ведь всякая «серьезная» драма и есть раздвоение мечты и жизни — «Дел и дней» Гезиодовых). Если я пойму свой личный конец (или хотя бы неличный, конец известного духовного периода), как символ вселенского (тут что-то, кажется, не так?), то ведь, во всяком случае, примирюсь хоть немного с кажущейся неудовлетворенностью апокалипсических ожиданий. Пока еще

там какая-то «жизнь мировая» вращается «в стремлении смутном»,⁷ я буду хоть и со слезами «золотого мальчика» (не примите за аллегория), но уверенно ждать свой «беспечальный Век Златой».⁸ И дождусь, хоть бы пришлось прожить ужасы «трех жизней». Тогда в смертном сне должна явиться эта мечта воскресения — «она, мчащаяся по ржи», как Достоевскому явится «новый град Петербург, сходящий с неба»⁹ (в этом случае, «играя в Апокалипсис», вспоминая автора «Симфонии»¹⁰). Что у кого запечатлелось, то и пригрезится «тогда». Ведь те, кто запомнил что-либо из этого «милого» и «грустного» круга безмирных понятий, имеют, по крайней мере, одно неотъемлемое преимущество: они не преступили заповедь: «Но имею против тебя то, что ты оставил первую любовь твою».¹¹ Если все это декадентничанье будет Вам неприятно, пожалуйста напишите мне только на предыдущие «объективные» вопросы и что-нибудь о Китеже, потому что мало что на свете лучше «Китежей» (по правде сказать, их и нет на свете!). Поздравляю Вас и Дмитрия Сергеевича с разрешением «Нового пути» и заранее ужасно радуюсь ему, как новому мистическому дополнению нескольких небезызвестных мне существований (между прочим, и собственного моего). Пожалуйста, передайте Дмитрию Сергеевичу мои самые лучшие и самые искренние пожелания.

Посылаю Вам два, по возможности мистических, стихотворения.¹²

Преданный Вам.

9. А. В. ГИППИУСУ

23 июля 1902. Шахматово.

Милый Александр Васильевич!

Я Вам не верю. Все, что вы мне пишете (даже о всеобщем упадке), кажется мне имеющим *raison d'être*.^{*}¹ Дело в том, что за все то, что Вы пишете, только, конечно, под другими, свойственными каждому, формами, ухватился бы даже Мережковский; *но уже*

* Разумное основание (*фр.*). — *Ред.*

поздно. Я, со своей стороны, далеко не уверен еще, что сами Вы «чувствуете» (а не только понимаете) свою формулу. Я же ее не «чувствую», именно потому она не входит в мое «мирочувствование»; Вы, до некоторой степени, невольно и себе же наперекор отказали мне в «созерцании» мира.² Это именно так, ибо я ощущаю скорее нужду «ощутить» «три жизни» («Подросток»),³ чем провести одну в сплошном «созерцании». От созерцаний душно. Ни одного «чувствования» я не отдам за тьму «созерцаний». Скажу Вам, что про наш-то век можно сказать, что он

Свободой грезил золотую
И небом Греции своей.⁴

Что другое, а это так. Все «отсозерцались». Мережковский говорит: «будем делать». Брюсов жалуется, что он не Скиф (!).⁵ Это смешно, но бог знает, как правильно. Раскольников⁶ ведь из нашей «эры». Убить старуху — больше, чем написать статью о том, как хорошо бы ее убить, но без статьи-то нынче не убивают. Статья — дань веку. Она только предрасполагает и обостряет, а не тупит волю. Что касается людей «воли» как таковой, то есть и они — и в нашем веке и на наших глазах. Погрязшие в сплошной и беспросветной мистике, конечно, не помнят о Менделееве (и *tutti quanti*,* как сказал блаженной памяти Фед. Мих. Достоевский). Однако Менделеев, не нуждаясь в мистических санкциях (я не бранюсь, а только отдаю должное), — человек «творчества» как такового. И Ваша «сила творящая» находит в нем своего «делателя». Разве Вы не видите, что все порываются делать, может быть лишь некоторые стараются еще оградить себя «забором мечтаний». «Мистическое созерцание» отходит. «Мистическая воля» — дело другое. В воздухе-то дрожат какие-то не мертвые «трели». Вселенский голос плачет о прошлом покое и о грядущем перевороте. В нем и сожаление и желание. Неужели плеяда гибнущих застрельщиков (Антоний, Добролюбов, Ореус, Эрлих!) не говорит о границе, до которой мы дошли. Если да, то что же остается, как не броситься в этот «черный день» «со скал»⁷ — в дело (в битву, на «брань народов»). Или, в противном случае (а то и просто

* Всех других (*ит.*). — Ред

«отойдя в сторону», как Мамай с Куликовского поля),⁸ «станем добре, станем со страхом» и «всякое ныне житейское отложим попечение»,⁹ т. е.: первое и главное — бросим все наши «жизненные драмы» (Соловьевский термин, как Вы хорошо знаете!), иначе говоря: на осколках «земной любви воздвигнем небесную (sic! Так уж просто и без малейшего перехода отречемся от «родных и знакомых», которым в этом случае, очевидно, уже действительно ничего не останется, кроме «глубокого прискорбия»). Разве же это возможно? Разве можно миновать «мрак», идя к «свету»? Я лично и «пока» не отдам ни пяди «жизненной драмы» за тончайшее «мистическое созерцание» (мистическое дело — вопрос другой). Из этого отнюдь не следует, что я **ЗНАЮ**, что нужно, т. е. что я уверен в *необходимости* действия. Но, во-первых, я не вполне уверен в границах между действием и состоянием («любить есть действие — не состоянье», сказал Фет¹⁰); во-вторых, не знаю, прав или не прав ушедший на снежную вершину. Может быть, он когда-нибудь и увидит «Нечто», хотя бы «Жену, облеченную в солнце»,¹¹ а может быть, его кобылка так до конца и повернется на брюхе на самой острой горе (см. «Естественно-разговорное представление», где указаны и последствия такого верчения).¹² О менее отвлеченном напишу Вам уж в другой раз, а теперь (прибавив, что очень прошу Вашего ответа на весьма хаотическое письмо — правда, такое же, как само настроение автора вследствие «многих» причин) желаю Вам исполнения желаний (это к тому, что мне недавно пришло в голову, что *все*, чего человек хочет, *непременно* сбудется; а если не сбудется, то и желания не было; а если сбудется «не то», то разочарование только кажущееся. Сбылось именно то).¹³

Ваш Ал. Блок.

10. З. Н. ГИППИУС

2 августа 1902. Шахматово.

Многоуважаемая Зинаида Николаевна.

Извините, что отвечаю Вам не сейчас же. Это происходит оттого, что у нас посылают на почту только около 2-х раз в неделю. Ваше письмо и Ваши похвалы

моим стихам были для меня неожиданно приятны и важны. Конечно, я с величайшим удовольствием и согласием отдаю их в «Новый путь». Ваше письмо еще было мне важно тем, что навело на новые разъяснения. Ведь «широкая белая лестница» (если не ошибаюсь, ее «лирическое» «истолкование» можно найти в словах:

И вплоть до зари, пробуждения вестницы,
Я в мире свершений. Я радостно сплю.
Вот узкие окна... И белые лестницы...¹⁾

«рассекающая» сферу «здесьнего» по пути к «небу верхнему» — нездесьнему — есть, следовательно, подъем. Чем выше, тем «слитнее» видно все; значит, видно и то, как сходятся внизу пропасти и как нет причины миновать одну для другой. Обо всем ведь надо помнить. И вот на вершинах лестницы вспоминаем мы, может быть, то, что помнили только детьми (об этом есть у Дмитрия Сергеевича),² вспоминаем «странность существования», открываем удивленные глаза. И вот тут, по слову Аристотеля («Философия началась с удивления»), закипает на последней ступени лестницы истинный разум и присоединяется к «чуянью» второй ступени и к «примитивной грубости» и «чувственности» (однако, может быть, не лишенной «жизненной», живой, необработанной правды) первой ступени. Приблизительно такова «Ваша» лестница к синтезу; она таким образом, сама будучи мистической, избавляет от «крайностей» мистицизма, от его «декадентства». Ибо, еще не поднявшись на высшую ступень, мы увидим только одну пропасть, отразим в себе только ее правду, затоскуем, «размечтаемся» под ветхозаветным «кедром ливанским», забыв прекрасное древо «Нового завета». И вот в этом пункте Ваши слова нашли мои мысли этих дней, ибо именно тут (перед получением Вашего письма) захотелось мне сойти с чисто мистической дорожки и спокойно взглянуть на нее сверху. И пришло Ваше письмо о третьей «разумной» ступени, о «требовании понятности во имя Непонятного», о том «мире свершений», где сон — радостен, удивление разумно и видно далеко и «слитно», как весело странствуют «притихшие дети», бесстрашно ищут, высматривают «зарю, вестницу пробуждения».³ Ваша картина, поистине «эллински» гармоническая, однако открывает

мне другие страны «уныния», «забвения». Здесь возникает мне параллельный, «схожий» образ других лестниц, переходов, «лесов»:

Мы бродим в неконченном здании,
По шатким, дрожащим лесам,
В каком-то тупом ожидании
Не веря вечерним часам.

(Вал. Брюсов. *Tertia Vigilia*)⁴.

Об этом иногда страшно думать, потому что и это «действительно», хоть и «до времени». Это — опрокинутый бог, человек, забывший свое «подобие божие». Вот, сейчас провалятся леса, город тихонько вздрогнет и поднимется, испарится, прилетит большая птица Человеческой Надежды, сойдет, разовьет крылья и исчезнет. А куда — неизвестно. Вот оно — неверие, «декадентство», [«реализм действительной жизни-с»]. Ваши слова о двух синтезах примирительны; но я не всегда могу принять их. Иногда из-за логической гармонии смотрит мне в лицо безмирное отрицание. И я все еще не могу решить, что это: только ли «страх со змеиною колючею ласкою»,⁵ или «страх божий», боязнь испытывать. В последнем случае, может быть, еще сильные романтические когти.

Еще раз благодарю Вас, Зинаида Николаевна, за письмо, также за приглашение приехать к Вам. Но не знаю в точности, до каких пор буду в деревне. Здесь также не было лета, а только осень, теперь уж скоро настоящая, желтая, красная.

Преданный Вам Ал. Блок.

11. ОТЦУ

5 августа 1902. Шахматово.

Милый папа.

Извините, что больше месяца не отвечал Вам на Ваше письмо. Это лето проходит для меня в тихой и довольно медлительной отвлеченности (с внутренней стороны), чего я даже сам не совсем ожидал. Сквозь известную так называемую «разочарованность» (выразившуюся, между прочим, и для моего возраста в желании «объективничать»), покидая чрезмерную сказоч-

ность моего недавнего мистицизма) — все еще мне мечтается о крутом (не внезапном ли?) дорожном повороте, долженствующем вывести из «потемок» (хотя бы и «вселенских») на «свет божий». Однако, этот свет, на иной взгляд, может оказаться еще метафизичнее, еще «страннее» потемок. Но ведь и здравый Кант для иных мечтателен не в меру. Вообще-то можно сказать, что мой реализм граничит, да и будет, по-видимому, граничить с фантастическим («Подросток» Достоевского).¹ «Такова уж черта моя». ² И ее очень трудно бывает примирить, например, с прекрасной и высокоталантливой доктриной Ал. Ив. Введенского, от которой, только благодаря таланту и такту, не разит каким-то *особого* рода шестидесятничаньем. По крайней мере, иногда впечатление таково. В этом случае, обжигаясь на философии, я устремляюсь в классическую филологию, которая пострастнее и попросторнее. Иногда можно даже «обдумывать тайные стихи», ³ не ссорясь с ней. Полного же мира достигнуть нельзя, иначе непременно попадешь в компромисс: уподобишься «александрийскому» декаденту, ⁴ играющему в тонкости науки, убивающему двух зайцев, эклектику, «дилетанту». С этой точки зрения волей-неволей иногда кажется, что наука — «суэта», которой «служенье муз не терпит». ⁵ Иначе я бы и не мог думать по «беззаконности» моей природы, по тому, что «испытывать» для меня всегда труднее, тяжелее, томительнее, «соннее» (эта новая сравнительная степень появилась от избытка филологичности), чем «созерцать» (все это, разумеется, не в первобытно-романтическом, а скорее — в «реально-Достоевском» стиле, в котором созерцание углубленно, а не порхает). Внешнее мое прикосновение к мирам «иным» и литературным заключается теперь в переписке с Зиң. Гиппиус (женой Мережковского), которая уже взяла два моих стихотворения в новый журнал «Новый путь», который скоро начнет выходить (изд. П. П. Перцов). Переписка очень интересна, вполне мистична, так что почти не выходит из круга умозрения (опять-таки — современного, в духе Дм. С. Мережковского). Еще мне удастся, может быть, осенью посмотреть Московские святыни. Пока я очень много (сравнительно с прежним) читаю; чтение — умудряющее и отрезвляющее; однако, этот процесс, как всегда «безвольный», — и угнетает иногда и оставляет желать большего в жизнен-

ном смысле. — Очень благодарю Вас за письма Спекторского, очень характерные для Западной Европы и интересные для меня как «апокалиптики», иногда «чающего воскресения мертвых и жизни будущего века». ⁶ Теперь уже скоро (вероятно, в начале сентября) я буду в Петербурге. На Подсолнечной принимаются только денежные посылки, но не переводы.

Ваш Сашура.

12. З. Н. ГИППИУС

16 августа 1902. <Шахматово.>

Многоуважаемая Зинаида Николаевна.

Отвечаю Вам не сразу, потому что несколько дней подряд чувствовал ужасный упадок духа. Вероятно, это временно, хотя и до сих пор не прошло, а вообще бывает периодами. Теперешняя моя жизнь не богата происшествиями, потому что лето как будто какое-то переходное. Может быть, скоро придется оставлять все здешнее, а я к нему страшно привязан, потому что почти из года в год провожу здесь одни и те же летние месяцы. Прежде я имел смелость играть в соседнем имении Гамлета, Чацкого, Скупого рыцаря.¹ Подмостки были маленькие, и зрителей настоящих мало, [а все крестьяне]. Но были костюмы, грим, рампа, подъем духа — такая полнейшая иллюзия театра, что я несколько лет подряд упорно собирался на сцену и даже в Петербурге играл в отвратительном кружке в зале Павловой.² Это преимущественно меня и отвало. Теперь бы не хватило, пожалуй, и духа опять играть Гамлета, да и летний театр расстроился; в этом году не сыграли ни одного водевиля. Я все читал, а книги надоедают. Близкие люди у меня есть (схожусь я с ними, конечно, разное — то в том, то в другом, кроме мамы, с которой — во всем), и вид из окна великолепный — зеленый и тихий сад, розы, рябина, липы, сосна. Но нет места, где бы я не прошел без ошибки ночью или с закрытыми глазами. Поэтому, иногда, хочется нового. Да и больные кругом все лето, не говоря о недавней смерти,³ — все это не способствует оживлению. Вся жизнь медленная, ее мало, мало противовеса крайнему мисти-

цизму. А он ведь влечет за собой «непобедимое внутреннее обмеление», эти Ваши слова я очень оценил. Вы спрашиваете о Бугаеве, но я не имел о нем никаких известий. Читал только рецензию на «Симфонию» в «Новом времени». Стихи Брюсова я очень люблю, некоторые особенно — в обоих выпусках «Северных цветов» (прошлого и этого года).⁴ В Петербург поеду, вероятно, в начале сентября. Пожалуйста, напишите мне, когда Вы предполагаете выпустить «Новый путь»?

Преданный Вам *Ал. Блок.*

13. А. В. ГИППИУСУ

28 августа 1902. Шахматово.

Милый Александр Васильевич.

Очень давно не писал я Вам. Скоро мы увидимся, я приеду в город 1 сентября уже, в день, когда начнутся лекции. Пора уезжать отсюда. Лето прожито мной серовато. Осень — лучше. Осенью и всегда-то больше красок и больше жизни. В этом году мне почти чуждо то, что Вы пишете об умирающей грусти. У меня — «горящих осень ищет взоров» (Фет).¹ Ездил на сутки в Москву, смотрел, главным образом, Кремль. Впечатлений так много, что лучше передать их изустно, тем более что некоторые из них опять-таки отвлечены. А большой отвлеченности в последние дни и мне уже даже не требуется. Вы же также устали от нее — да и все устали — мои родные и знакомые. В этом году у меня не было и спектаклей (т. е. сам я ни в одном не участвовал). С летом счета сведены, с здешней осенью — тоже. Ничего мне не прибавилось (или — «почти» ничего), а убавилось ли — не знаю. Физически чувствую себя бодрым, не устаю от сорокаверстных поездок верхом. Остается — петербургская осень (все из того же еще цикла впечатлений). Зима — совсем иначе. Должен сказать Вам, что с некоторых пор у меня нравственно открыт рот от удивления на многие события, касающиеся лично меня. Все это столь «тонко», что даже во многих местах «рвется». Заплатки мало помогают, во всяком случае получается арлекинада, шутов-

ской балахон. А желтые осенние листочки пестрят еще разительнее. Простите за туманность, прямо — не в состоянии.² Вероятно, Вам известно, на что я намекаю. Вот лучше — стихотворные иллюстрации, которые и прилагаю ниже.³ Целую Вас крепко, если будете писать, то не позже 30-го, потому что 31-го — уезжаю.

Ваш Ал. Блок.

14. З. Н. ГИППИУС

8 сентября <1902. Петербург>.

Многоуважаемая Зинаида Николаевна.

Благодарю Вас за письмо, которое мне уже переслали из деревни в Петербург. 1 сентября я был в городе — и ужасно обрадовался, потому что и наше лето было темное, сонное и мокрое. Даже грозы были какие-то странные, больше обыкновенного насыщенные чертовщиной — и в этих чертах при этом тоже какое-то сверхприродное «благоразумное полубезумие»,¹ так что не на чем душу отвести, нечего пугаться и нечему радоваться. Мне странно то, что Вы пишете о сцене, о том, что с нее нельзя говорить о будущем. Мне иногда кажется, что, несмотря на все внешнее опошление современного театра, стоит актеру иметь талант (а это не так уже редко), чтобы сейчас запахло литургией.² И даже в самой закулисной личности актера иногда заметна священная черта, какое-то внутреннее бескорыстие и глубокая важность, медлительность и привычка быть королем, жрецом... и немного пророком. Право, мне это думается не отвлеченно, а на основании виденных мной даже не знаменитых итальянцев, а просто наших русских актеров императорской и частных сцен, например г. Далматова в «Короле Лире». Никогда не забуду ему той роли, да и вообще она ему зачтется впоследствии, потому что такие моменты никогда не проходят даром.³ — О первом представлении «Ипполита»⁴ я давно уже думаю (рассчитывая... на Шувалова). Так как не я один хочу видеть его, то прошу Вас, если Вам это не трудно, написать мне несколько слов о том, как и где лучше достать билеты; я очень боюсь, что они будут расписаны еще перед началом продажи в кассе.

Не будет ли билетов у Вас или у кого-нибудь из Ваших знакомых в городе? Будьте так добры написать мне об этом, и также о том, когда первое представление, объявления о котором все еще нет. — Моя «меланхолия» миновала, все краски опять резкие, осенние, не робкие. Петербург располагает к деятельности. Когда приблизительно соберетесь Вы с Дмитрием Сергеевичем в город и начнется деятельность религиозно-философских собраний? Посылаю Вам обе части моего стихотворного «диптиха» (1. Брожу в стенах монастыря. 2. Инок шел и нес святые знаки).⁵

Преданный Вам.

15. З. Н. ГИППИУС

14 сентября <1902. Петербург>.

Многоуважаемая Зинаида Николаевна.

Прежде всего извините меня за отсутствие адреса в предыдущем письме. Это случилось, кажется, в первый и, надеюсь, в последний раз. О господине Далматове мне хочется с Вами поговорить, потому что я согласен как с тем, что Вы о нем пишете,¹ так и с собственным мнением. Одно не исключит другого в известной обстановке, при известном направлении мистических мерцаний души. Или — я по временам очень грубею и становлюсь более толстокожим, чем нужно для справедливой оценки. Знаете, я, кажется, не виноват на этот раз, потому что в одну сторону (по крайней мере) вижу теперь очень далеко и в эти серые сонные дни петербургской осени, и вечером, и ночью. Душа горит опять, «как в первый день».² Там опять все — помыслы, поступки и сказки всего существа. Должно быть, даже я на этот раз добьюсь чего-то; пора уже вдохнуть новое и несказанное, чего давно и безуспешно я пытаюсь достичь. Падают желтые листья и с ними жестокие, обманные химеры. Открылся уголок «мистического реализма», открылась возможность строить здание не на песке, нашлись ощутимые средства и простые орудия. Если будет и дальше все в таком роде, моя литургия и моя симфония будет достойна тех надежд, которые я возлагаю на нее с давних пор.³ Мне

очень хотелось бы говорить с Вами и быть у Вас в Луге, но мне этого исполнить теперь нельзя. Вы будете в городе, вероятно, уже очень скоро, боюсь, что окончательно убедитесь в моем декадентстве. Декаденты ведь Ангелы, не забывшие о своем начальстве, но «оставившие» свое жилище.⁴ Всегда брезжит в памяти иной смысл, когда кругом отбивается такт мировой жизни. Припомню окончательно то, что мне было когда-то завещано, и тогда уже без колебаний исполню, чего бы это ни стоило; по всему этому я надеюсь на плодотворную и не робкую зиму этого сезона. Чувствую «перст» и не боюсь «случая». Если встречу с ним (а это случится), только зажмурюсь. Я ведь все-таки слуга и должен исполнить все заветы Господина, — а быть рабом гораздо важнее, чем даже доктором Фаустом. Пока что, разрежаю мою сгущенную молниеносную атмосферу жестокой арлекинадой, которой стихотворное выражение и посылаю Вам.⁵ Простите, что пишу все только о себе и так «самоутверждаюсь». Другому пока не судьба.

Преданный Вам *Ал. Блок*.

16. Л. Д. МЕНДЕЛЕЕВОЙ

*(10 ноября 1902. Петербург.)*¹

Ты — мое Солнце, мое Небо, мое Блаженство. Я не могу без Тебя жить ни здесь, ни там. Ты Первая моя Тайна и Последняя Моя Надежда. Моя жизнь вся без изъятий принадлежит Тебе с начала и до конца. Играй ей, если это может быть Тебе Забавой. Если мне когда-нибудь удастся что-нибудь совершить и на чем-нибудь запечатлеться, оставить мимолетный след кометы, все будет Твое, от Тебя и к Тебе. Твое Имя здешнее — великолепное, широкое, непостижимое. Но Тебе нет имени. Ты — Звонящая, Великая, Полная, Осанна моего сердца бедного, жалкого, ничтожного. Мне дано видеть Тебя Неизреченную. Не принимай это как отвлечение, как теорию, потому что моей любви нет границ, преград, пределов ни здесь ни там. И Ты везде бесконечно Совершенная, Первая и Последняя. И я везде для Тебя блаженный и без сомнений, в конечном безумии, в последнем сумасшествии совершу все, что Ты ве-

лишь, — все великое, как убийство, все малое, все ничтожное, серое, — и оно уже не будет серым и малым, потому что сойдет от Тебя, в Твоем тайном и сладостном велении. Мои мысли все бессильны, все громадны, все блаженны, все о Тебе, как отвеса, как большие, белые цветы, как озарения тех лампад, какие я возжигал Тебе. Если Тебя посетит уныние, здешняя, земная, неразгаданная скорбь, тайна земная и темная, я возвеличу Тебя, возликую близ Тебя, окружу Тебя цветами великой пышности, обниму Тебя и буду шептать Тебе все очарования, и шепот мой, и голос мой будет, как шум водный, и я найду для Тебя слова и звуки священные, царственные, пророческие. Я найду все и вскрою все тайное, ибо я недаром ждал Тебя, звал и тосковал о Тебе и провидел смутно, но наяву, близко и далеко вместе — Твои откровения, которых я и до сей поры не могу постичь и измерить, — то, что Ты назвала мое имя и сошла ко мне. Напиши мне только слово, только черту от Твоей руки, как вздох и память, символ и знак. Я не могу видеть Тебя, потому что болен и жар, но я знаю Тебя и чувствую Тебя. Все проникнуто Тобой, и моему счастью нет границы и меры, как у меня нет слов и нет логики, один оглушающий звон, благовест, звуки Любви, «сны, наяву непробудные».² Я не знаю, в чем мне клясться Тебе, и клянусь Тобой, моя Любовь. Вот Тебе стихи, глупая, сонная сказка, недосказанная и недостойная Твоей Незизреченной Красоты. Я — Твой раб, слуга, пророк и глашатай. Зови меня рабом. И прости за бессилие этих слов.

Безмолвный призрак в терему,
Я черный раб проклятой крови.
Я соблюдаю полутьму
В Ее нетронutom алькове.

Я стерегу Ее ключи
И с Ней присутствую незримо,
Когда скрещаются мечи
За красоту Недостижимой.

Мой голос глух, мой волос сед.
Черты до ужаса недвижны.
Со мной всю жизнь — один Завет:
Завет Служенья Непостижной.

(20 ноября 1902. Петербург.)

У меня нет холодных слов в сердце. Если они на бумаге, это ужаснее всего. У меня громадное, раздуваемое пламя в душе, я дышу и живу Тобой, Тобой, Солнце моего Мира. Мне невозможно сказать всего, но Ты поймешь, Ты поняла и понимаешь, чем я живу, для чего я живу, откуда моя жизнь. Если бы теперь этого не было, — меня бы не было. Если этого не будет — меня не будет. Глаза мои ослеплены Тобой, сердце так наполнено и так смеется, что страшно, и больно, и таинственно, и недалеко до слез. Еще несколько дней я не могу, говорят, Тебя видеть, т. е. выходить. Это ужасно. Ты знаешь, что это так надо, но мне странно. И еще страннее, что я подчиняюсь нелепому благоразумию. К великому счастью, я только подчиняюсь ему, но оно вне. Во мне его *нет*. Пока я знаю, что дело идет о нескольких днях (сколько — несколько?) и что от этого зависит будущее, я терплю еще. Но если бы это были недели или месяцы и болезнь была бы непрерывна и мучительна, я бежал бы ночью, как вор, по первому Твоему слову, по первому намеку. Теперь, когда пройдут эти дни и я увижу Тебя, знай, что я сделаю все. Будет говорить страсть, не будет преград. Вели — и я выдумаю скалу, чтобы броситься с нее в пропасть. Вели — и я убью первого и второго и тысячного человека из толпы и *не из толпы*. Вся жизнь в одних твоих глазах, в одном движении. Ты не увидишь перемены, кроме внешней, кроме ежечасно, ежедневно меняющихся т. н. «настроений». Во всех будет лежать печать рабства Тебе — от скептицизма мирового до печальной мудрости, от экстаза до неподвижности. Здесь в мире, в России, среди нас теперь делаются странные вещи и в Москве, и в Петербурге. Бегают бледные, старые и молодые люди, предчувствуют перевероты и волочат за собой по торжищам и по утонченным базарам, и по салонам, и по альковам красивых женщин, и по уютам лучших мира сего — знамена из тряпок и из шелка, и из неведомых и прекрасных тканей Востока и Запада. И волочат умы людей — и мой тоже. Но сердце, сердце незабвенное и все проникающее, знает Тебя. И покоряет ум и волю, и властвует над ними, и приказывает им. Там — мне нет числа. Здесь — я с Тобой и один.

Мое тамошнее треплется в странностях века. И все оно собирается здесь, у Твоих ног, как непокорная змея, желавшая познать и заслушавшаяся лучшей и неслыханной Музыки. Твоя воля открыть мне все бездны, и я безвольно и безмысленно исчезну в них.

18. М. С. СОЛОВЬЕВУ

23 декабря 1902. Петербург.

Милый дядя Миша.

Сейчас получил Ваше милое, ласковое, во всех отношениях целебное письмо, а вчера — пятый том Владимира Соловьева.¹ За все это не знаю, как Вас благодарить. Мы уж испугались одно время, что никто из Вас не писал после последнего письма тети Оли о нездоровьи Сережи. Из Вашего письма и посылки заключили, что у Вас пока все благополучно. Хорошо и приятно, что Вас можно еще ждать в январе. Ваше известие о Брюсове, которого я в Петербурге не видел, обрадовало нас с мамой очень сильно.² Еще раз благодарю Вас за все это. Мне лично тут еще, кроме всего другого, особенно важно, что мои стихи будут помещены в *Московском* сборнике, — оттого, что Ваша Москва чистая, белая, древняя, и я это чувствую с каждым новым «петербургским» вывертом Мережковских и после каждого номера холодного и рыхлого «Мира искусства». Наконец, последний его номер ясно и цинично обнаружил, как церемонно расшаркиваются наши Дягилевы, Бенуа и проч., — и как с другой стороны, с Вашей, действительно страшно до содрогания «цветет сердце»³ Андрея Белого. Странно, что я никогда не встретился и не обмолвился ни одним словом с этим до такой степени близким и милым мне человеком. По Москве бродил этой осенью, и никогда не забуду Новодевичьего монастыря вечером. Ко всему еще за прудами вились галки и был «гул железного пути»,⁴ а на могиле — неугасимая лампадка и лилии, и проходили черные монахини.⁵ Все было так хорошо, что нельзя и незачем было писать стихи, которые я тщетно пытался написать тут же.

Когда я послал Вам мое предыдущее письмо, сейчас же сообразил, что написал много ненужных вопросов

о собирании шуточных стихов Владимира Соловьева. Но Вы мне даже и на них ответили. Если Вам нужна будет впоследствии помощь, пожалуйста знайте, что для меня это величайшая честь и огромное удовольствие, как в отношении помощи Вам, так и в отношении собирания самих стихов. М-ме Мережковская однажды выразилась, что Соловьев устарел и «нам» надо уже идти дальше. Чем больше она говорит таких (а также и многих других!) вещей, тем больше я на нее злюсь, и иногда даже до такой степени злюсь, что чувствую избыток злобы и начинаю напоминать себе о ее несомненных талантах. Она ужасна и, по-видимому, могущественна в своем кругу, а я не могу постичь, чем, собственно, она берет. Ведь она, наконец, даже и не изящна, и шмыгает носом, когда у нее насморк, и вообще очень не выдерживает своего стиля. Я слышал, что в прошлом году, вместо религиозного общества, Мережковские думали (действительно!) устроить настоящий «козлак».⁶ И все сведения и сплетни от них и о них в таком роде! В довершение всего на сцену выступает г-н Добролюбов, который «выздоровел»!⁷ Наше место свято.

Ни одной из четырех книг, о которых Вы мне написали, я не прочитал, но прочту.⁸ Гамсуна давно уже имел в виду, читал рецензию Льдова,⁹ слушал похвалы и невиннейшую брань. Читаю Владимира Соловьева, древнюю философию, Аристофана, историю реформации, Тютчева, Фета и мн. др., — все это зараз, часто урывками, бегаю, как угорелый, по городу, часто радуюсь, никогда не скучаю, имею бесчисленные планы, половины которых уж верно не выполню. Стихов пишу мало, потому Вам теперь не посылаю. Спасибо Вам, крепко обнимаю Вас, целую и хочу видеть.

Ваш Ал. Блок.

19. Л. Д. МЕНДЕЛЕЕВОЙ

(23 декабря 1902. Петербург.)

Если бы только увидеть Тебя скорее, остальное все прекрасно. Ты знаешь, что я молодею около Тебя. С тех пор, как Ты изменила внезапно всю мою жизнь,

я чувствую с каждым днем все больший подъем духа. У меня никогда не бывало зим без долгих и бесплодных часов апатии. Теперь нет давно уже ничего подобного, у меня столько энергии, сколько никогда не было. Твоя близость действует незримо и таинственно, дает сознание какой-то «породы», очищающейся и расцветающей. Сегодня я уходил днем в город, был на Забалканской¹ и у нас.² Когда я вошел, я увидел свет над дверью (там была поднята штора) и стал открывать ее и шевелить без ключа, и мне казалось, что я опять услышу за дверью шорох Твоего платья, и Ты откроешь мне. Почему-то мне казалось так, хотя я и не надеялся. И был немного разочарован. Но это будет, скоро и вместе как долго! Завтра, 25-е и потом только вечером 26-го — и Ты будешь не одна. Тогда нам лучше стараться не делать ни малейших намеков, это и легче даже, потому что от намеков разгорается сердце. Я читал Твое письмо, которое Ты дала мне, и подумал, что, если бы я получил его тогда же, в прошлом году (т. е. после 29 января),³ я и тогда же разубедил бы Тебя во всем. Я бы понял тогда сразу, что разом с отвлеченных намеков нужно перейти к реальному и страстному до сумасшествия признанию во всем. Может быть, Ты до сих пор думаешь, что было когда-нибудь время, когда я *только* думал о Тебе, и не чувствовал Тебя, живую, источник моей *жизни*, а не моей фантазии. Этого никогда не было. Было только время, когда Твоя холодность принимала такие размеры, что мне *оставалось* только ждать загробных свиданий. Но не было дня, когда бы я на первое слово, движение, улыбку в мою сторону не ответил бы Тебе со всей земной страстью; и Ты напрасно думаешь и теперь, что бывают у меня дни отвлеченные и реальные. Бывают *более* отвлеченные, когда я надышусь метафизикой из книг или от людей, которые все говорят, в сущности, об одном. Тогда я только чувствую еще и будущие миры. Но никогда, раз навсегда клянусь Тебе, я не в силах уйти в полную отвлеченность. Я *никогда* не забуду, что Ты живая и молодая, такая, как Ты есть перед глазами, в простом человеческом сердце моего существа. Ты принимаешь за отвлеченное, м. б., иногда образы и фантазии в рифмах. Но ведь стихи и образы не рассудочны. Только форма их граничится рассудком (окончательная), а содержание и, главное, «субстанция»

всегда выпевается из сердца прямо, непосредственно. Воля, которая выражается в стихах, есть страстная, а не разумная воля. Я люблю Тебя так, как, наверно, никогда и никого не любил и не люблю. Ты — вся моя *молодость*, моя *живая* надежда, мое *земное* бытие. Ты — мой идеал не только «там», но и «здесь». И это было так всегда с тех пор, как я Тебя встретил. И *всегда* я сказал бы Тебе о моей страсти, если бы Ты *позволила* мне в прежние года говорить не только о бесстрастном. Но Ты никогда *не позволяла* мне этого, и это было так *надо*. Я писал бы Тебе сейчас всю ночь. Я полон Тобой весь день. Я хочу обнять Тебя, гладить Твои волосы, смотреть в Твои глаза. Напиши мне о том, что Ты чувствуешь, какое настроение, приехала ли Твоя тетя? Я получил очень интересное и важное письмо, которое покажу Тебе, — от Михаила Сергеевича Соловьева, который спросил Брюсова, будет ли он печатать мои стихи в «Северных цветах», на что Брюсов ответил: «О, да — и как можно больше».⁴ Это приятно во многих отношениях.⁵ А ты поверь мне до конца, что я люблю Тебя земной любовью, что больше этой любви нет пока, а *потом* только наступят иные времена. Но мне *не надо* их *теперь*, потому что в Тебе такой, как Ты есть, — мое все, моя вера, мой бог.

20. Л. Д. МЕНДЕЛЕЕВОЙ

⟨25 декабря 1902. Петербург.⟩

Пишу Тебе, очертя голову, не зная, как Ты получаешь письма. Беспокоюсь об этом. Сегодня — два твоих письма, боже мой, какие небывалые, несказанные слова! Я совершенно окружен излучинами Твоего сердца, думаю о том, когда мы увидимся, упрекаю себя за вчерашнее. Кажется, у меня до сих пор жар — придется ждать. Наконец-то у Тебя озарены глубины Твоей души. Я думал, что туда, в загадочную для меня область, в мое несбыточное, не проникнут мои лучи при всем их пылании. Но здесь, очевидно, судьба, дело какого-то светозарного бога, ангела, благосклонного ко мне. Здесь завязываются узлы каких-то заранее предначертанных целей, как у Ап. Григорьева:

Да, я знаю, что с Тобою
Связан я душой.
Между вечностью и мною
Встанет образ Твой.¹

«Знаю только одно, что безумно люблю».² Это и есть моя вечность, моя углубленная стихия, последняя цель, с которой издавна связывалось все происшедшее в моей жизни. Сегодня у меня нет слов, я предпочел бы петь. Написал хорошие стихи, но теперь не пошлю их Тебе. Они совсем другого типа — из Достоевского, и такие христианские, какие я только мог написать под Твоим влиянием.³ Часто я хочу теперь всех простить. То, что в прошлом году воспринималось с болью и ожесточением, теперь чище и светлее. Из сердца поднимаются такие упругие и сильные стебли, что часто кажется, будто я стою на пороге всерадостного познания — и хочу говорить: «Приидите ко мне вси труждающиеся и обремененнии — и Аз упокою вы. Ибо бремя Мое легко».⁴ Жизнь светлая, легкая, прекрасная. К счастью, мы переходим из эпохи Чеховских отчаяний в другую, более положительную: «Мы отдохнем».⁵ И это правда, потому что есть от чего отдыхать: перешли же весь сумрак, близимся к утру. Чего только не было — и романтизм, и скептицизм, и декаденты, и «две бездны».⁶ Я ведь не декадент, это напрасно думают. Я позже декадентов. Но, чтобы мне выйти из декадентства современного мне, затягивавшего меня бесформенностью и беспринципностью, нужно было волею божиею встретить то пленительное, сладостное и великое, что заключено в Тебе. И открылось дремавшее сердце. В Тебе — все спасение, от отчаянья, потому что непрестанно можно черпать из живого родника, неиссякающего, неутомимого. Ты нужна мне, как религия. Чувствую, что все, что будет еще когда-нибудь нужно, я найду в Тебе. «Сияй же, указывай путь, веди к недоступному счастью того, кто надежды не знал». Прости, что все цитирую чужих. Но мне надо песен, когда около нет Тебя, воплощенной песни моего духа.

Твой.

21. АНДРЕЮ БЕЛОМУ

3 января 1903. Петербург

Многоуважаемый Борис Николаевич.

Только что я прочел Вашу статью «Формы искусства» и почувствовал органическую потребность написать Вам.¹ Статья гениальна, откровенна. Это — «песня системы», которой я давно жду. На Вас вся надежда. Но меня глубоко тревожит одно (единое) в Вашей статье. Об этом я хочу написать, но прежде всего должен оговориться. Я до отчаянья ничего не понимаю в музыке, от природы лишен всякого признака музыкального слуха, так что не могу говорить о музыке как искусстве ни с какой стороны. Таким образом я осужден на то, чтобы вечно поющее внутри никогда не вышло наружу и не перехватило чего бы то ни было существенного из музыки искусства. Последнее может случиться только в случае перемещения воспринимающих центров, т. е. просто безумия, сумасшествия (и то — гадательно). По всему этому я буду писать Вам о том, о чем мне писать необходимо, не с точки зрения музыки-искусства, а с точки зрения интуитивной, от голоса музыки, поющего внутри, и оттуда, откуда мне слышны окружающие меня «слова о музыке», более или менее доступные. С этой оговоркой и пишу. Есть ли Ваша статья только «формы искусства»? Конечно — нет. «Не имеем ли мы здесь намек на превращение жизни в мистерию»? Следующая фраза еще настойчивее,² как настойчивы Вы всегда, как настойчивы и неотвязны Ваши духовные стихи в «Симфонии»³ и в статье об Алениной.⁴ И, остановившись на этом, я почувствовал целую боль, целый внутренний рвущийся крик оттого, что Вы (дай бог, чтобы это не было так!) заполонили всю жизнь «миром искусства». «Глубина музыки и отсутствие в ней внешней действительности

наводят на мысль о нуменальном характере музыки, объясняющей тайну движения, тайну *бытия*». Ведь Вы *хотите* слушать музыку будущего! Ведь тут вопрос последней важности, который Вы *обозначили* в Вашей статье. Это и нужно сказать, необходимо *во избежание соблазна* здесь именно кричать и вопить о границах, о пределах, о том, что апокалиптическая труба не «искуссна» (Ваша 344 страница).⁵ Вы последнего слова не сказали, и оттого последние страницы — ужас и сомнение. Ведь это окраина, вьющаяся тропинка, на которой Вы исчезаете за поворотом, и последние слова слышны как-то уже издалека, под сурдинку, в сеточке, а Вас мы уже не видим. Ваше лицо уже спряталось тогда именно, когда пришлось говорить о том, последнее ли музыка или не последнее? А главное, какая это музыка там, в конце? Под «формой» ли она искусства? Ведь это в руку эстетизму, метафизикам, «Новому пути», «Миру искусства». Вы гениально достигли полпути и вдруг свернули, улыбнулись Мережковскому с его символом-соединением (συν-βάλλω)* — подумаешь, что все дело в предлоге и глаголе! Мертвая филология, «грех, проклятие и смерть», Индийский Дионис с его «символическим» атрибутом, скалящий зубы без смеха в глазах, без «созидающего» хохота Вл. Соловьева, с «разлагающим» хохотом Arlekino-Erl-König!**).⁶ Разве у Вагнера нет ужаса «святой плоти»? Разве не одуряюще святы Зигмунд и Зиглинда⁷ и голос птички, «запевающей» Зигфриду, «манящей», inferнальной...⁸ о, да! inferнальной! «Она влияет». Тут ведь каламбур, перевод на французский язык слова «инфлуэнца» — influence! (простите за каламбур). Главное все в том, что я глубоко верю в Вас и надеюсь на Вас, потому что Вам необходимо сменить Петербург, в котором «для красы» останется один Медный всадник на болоте,⁹ на белокаменную Москву. В прошлом году я читал Ваше письмо к Зин. Ник. Гиппиус с подписью «студент-естественник».¹⁰ Теперь оно, кажется, в «Новом пути», но я не видел журнала. В этом письме все *белое*, целый свод апокалипсической белизны. В «Формах искусства» Вы *замолчали* ее. Вам неизменно приходится ссылаться на Платона, на Ницше, на Вагнера, на «бессознательного» (конечно!) Верлэна. Но ведь «музыка сфер» — *мифоло-*

* Соединяю (греч.). — Ред.

** Арлекино-Лесного царя (нем.). — Ред.

гическая глубина, ведь это Пифагорейское общество, в котором все считали друг друга равными блаженным богам (ἵσων μακάρεσσι θεοσίν), а других (!) οὐτ' ἐν λόγῳ οὐτ' ἐν ἁριθμῷ! * Ведь у них у всех последнее самоутверждение, Агамемноновские замашки папства народов. Ведь Пифагора, как Орфея, растерзали вакханки (символически). Ваши же цитаты *единственного* не языческого титана гласят:

Бывшие мгновения поступью беззвучною...

и т. д. (стр. 359)¹¹

Разве это о том? Ведь это вот что:

Страсти волну с ее пеной кипучей
Тщетным желаньем, дитя, не лови.
Вверх погляди — на *недвижно* могучий
С небом сходящийся берег любви.¹²

Весь вопрос теперь в том, где у Вас *последняя* музыка, лучше сказать, то, что *перестанет* быть музыкой-искусством, как только мы «вернемся к религиозному пониманию действительности». Действительно ли Вы считаете нуменальной только такую музыку (уже не «искусственную»)? Не оступаетесь ли Вы на краю пропасти, где лежит граница между феноменальным и нуменальным? Прекратится ли у Вас «движение», сменится ли оно «неподвижностью солнца любви»? ¹³ Есть ли эта последняя музыка — яблоня, обсыпаящая монашку белыми цветами забвения (2-ая Симфония, 4 часть ¹⁴) («Не верь мгновению, люби и позабудь»)? ¹⁵ Есть ли это «грустно-задумчивое»? Или это ужасный, опять манящий и зовущий компромисс (хотя бы только «льдины прибрежной пятно голубое» ¹⁶)? Только ли это «пророка ведущие сны», ¹⁷ или это последнее откровение, которым мы обязаны Вам (снявшему покровы и полюбившему вечность)? Не все ли еще «мистический колодезь»? Я задаю бездны вопросов, оттого, что мне суждено испытывать Вавилонскую блудницу и только «жить в белом», но не творить белое. От моего «греха» задаю я Вам вопросы и потому, что совсем понял, что центр может оказаться в Вас, а конечно не в соединяющем две бездны Мережковском и проч.¹⁸ И потому хочу кричать Вам, пока не поздно. Может быть, я Вас не понял, но тут во многом Ваша недосказанность виновата. Вам *необходимо* сказать больше, во-

* Ни в слове, ни в числе (греч.). — Ред.

пить о границах, о том, что Изида не имеет ничего общего с Девой Радужных ворот,¹⁹ тем более, что вся глубина, вся «субстанция» Ваших песен о системе — белая, не «бездонная», не «без-образная». Здесь, у нас, где все «гонят лени сон угрюмой»,²⁰ необходимо, чтобы Вы сочли число зверя, потому что Вы из стоящих «в челе» и на Вас «возлагаются надежды» (Симфония 2-ая). Ваши слова гениально прозревают, потому нам нужно их *все*. Пора угадать имя «Лучезарной Подруги»,²¹ не уклоняйтесь и пронесите знамя, веющее и *без складок*. В складках могут «прятаться». От складок страшно. Скажите прямо, что «все мы изменимся скоро, во мгновение ока».²² К этому письму меня привели только намеки на «мигание» (подмигивающих) в статье, которая открывает столь громадное в другом, что об этом и говорить нужно особо (таков намек на обновление гнетущей нас Кантовской теории познания). Нам нужно более легкое бремя, данное «бедным в дар и слабым без труда».²³ И будет легче, когда будет слышнее цветение Вашего сердца.²⁴

Преданный Вам Ал. Блок.

22. Л. Д. МЕНДЕЛЕЕВОЙ

22 февраля 1903. Петербург.

Это — вечернее письмо. Мама на панихиде — никого нет. Мне свободно и страшно грустно. Страх нет никакого, он прошел вместе с вчерашним вечером, и ушел в ту же сереющую, туманную ночь, куда ушла Ты. Там он дожидается, может быть, вернется, но не сегодня. И совсем не в нем *самом* дело.

Ты не пугайся, что я пишу Тебе. Все неизменнее, чем когда-нибудь. Но мне вдруг пришло в голову, что написать лучше, чем говорить, о том, о чем я думаю уже несколько дней. Ты во мне *чувствуешь* эти думы и постоянно спрашиваешь, не «сержусь» ли я, даже иногда говоришь, что я «притворяюсь», когда смеюсь, чтобы что-то такое скрыть. Но это не так, потому что я *перед Тобой* не притворяюсь, а, когда смеюсь, то смеюсь оттого, что весело, или оттого, что Ты *близка*, или оттого, что мы говорим друг другу смешные вещи. Я люблю Тебя — это так ясно, так неизменно, и так

само собой разумеется, что говорится только в страстные минуты, или в минуты нежного веселья сердца, как дополняющий певучий аккорд. Но это уже не требует повторения, как *подтверждений* — и Ты, я думаю, знаешь это уже теперь до конца.

Но Ты не знаешь, что мне было нужно пройти, чтобы любить Тебя так, как теперь. Этого всего все равно не опишешь, и не расскажешь; все это можно только *пережить*. А то, что пережито, совершенно «вросло», уже неизгладимо и навсегда. Свой «мистицизм» я уже пережил, и он *во мне* неразделен с жизнью. Может быть, Ты замечала, что, говоря с «людьми», я мало спорю об «основах», про них молчу, прямо-таки «пугаясь хулы и похвал»,¹ пугаясь не за самый мистицизм, а за то, что еще лишний раз кто-то, совершенно чужой мне, не любящий меня и не желающий вникнуть (таковы все «люди»), будет беречь и возмущать, все равно, что без всякой причины и цели (главное — без цели!) делать надрез на живом теле дрянненьким маленьким перочинным ножичком. То же самое и о «стихах». Если кто-нибудь скажет, что стихи не важны, а гораздо, например, важнее «помогать ближним», или: «Как вы можете *этим* заниматься, когда у вас в университете беспорядки?» (последнее сказал мне покойный В. П. Острогорский, редактор «Мира божьего», когда я принес ему стихи),² — я *ничего не* возражаю по существу, а скорее стараюсь быть благодарным, если же злюсь, то — про себя. Ибо что же отравляться чужим непониманием. Да, наконец, самый этот «мистицизм» (под которым Ты понимаешь что-то неземное, засферное, «теоретическое») есть *самое лучшее*, что во мне когда-нибудь было; он дал мне *пережить* и *почувствовать* (не *передумать*, а *перечувствовать*) все события, какие были в жизни, особенно 1) ярко, 2) красиво, 3) глубоко, 4) таинственно, 5) религиозно. И главное, он дал мне *полюбить Тебя любовью*, не требующей оправданий, *почувствовать* перед Тобой правоту сердца, увидеть все ближайшие и *многие дальнейшие* цели этой как будто бесцельной любви (как бывает *бесцельна* красота в природе и... в «Мире искусства»). «Мистицизм» дал мне всю силу *к жизни*, какая есть (если ее не так много, то это уже лежит в натуре; но, во всяком случае, она проявилась хотя бы в тех же стихах, а я думаю, что еще сильнее в том, что я чув-

ствую по отношению к Тебе, ибо и стихи — отсюда). Это — все мое лучшее «я» — лучшее, и **САМОЕ НУЖНОЕ ТЕБЕ** — потому что Тебе **НУЖНА** моя любовь. Теперь же, когда Ты **БЛИЗКА**, это и **ВСЕ** мое «я», потому что нет ни одной области в жизни, которую бы не проникала Ты, Твое присутствие, — через этот же самый «мистицизм». Мистицизм не есть «теория»; это — *непрестанное* ощущение* и констатирование в самом себе и во всем окружающем таинственных, **ЖИВЫХ**, ненарушимых связей друг с другом и через это — с Неведомым. Это — религиозное сознание, а не бессознательное затуманивание головы. Твой отец совершил *мистический* поступок, когда в великом напряжении энергии своего творчества открыл *биологический* закон (*жизненный*), и самые эти *биологические* законы *мистичны*, потому что говорят о *причинности*, т. е. «*детерминизме*» (зависимости от...). Когда по стеблю поднимаются *живые* соки — происходит *мистический* процесс. Мистика происходит от греческого слова *mysterion* (μυστήριον), что значит — *тайна*. Тайны в конце не отрицают и матерьялисты (их разновидность — *позитивисты*), говоря, что открыто *почти* все, осталось открыть только еще «небольшой кусочек». Вопрос — откроют ли они это, разложат ли, анализируют ли бога жалкие дети земли. «Земля — и в землю обратятся»³ (*revertitur in terram suam, unde erat. Et spiritus redit ad Deum, — qui dedit illum!*)** Нет ни одного человека, в котором не был бы заложен мистический элемент уж по одному тому, что он живет себе спокойно, а в минуту смерти вдруг ему станет *отчего-то* жутко. Мистики совсем не юродивые, не «олухи Царя Небесного», а только разряд людей особенно ярко и непрерывно чувствующих связи с «Иным», притом чувствующих не только в минуту смерти, а на протяжении всей жизни.

Не думай, что я один называю именно это «мистицизмом». Это — общее понимание (конечно, не специально ученых философов и пр.). Тут нет точного определения, но его и вообще *нет* для мистицизма в самом широком смысле, как нет определений для неисповедимых путей божиих.

* Не в психологическом смысле.

** «Вернется в землю свою, которою был, и дух отдаст богу, который даровал его» (*лат.*). — *Ред.*

Вот что такое «мистицизм». Он проникает меня всего, я в нем, и он во мне. Это — *моя природа*. От него я пишу стихи.

Через него я полюбил Тебя. Бог один знает, как это произошло. И оттого я всегда говорю, что в моей любви к Тебе — необыкновенное. Непрестанно люблю, как молюсь. Знаю, что это не просто любовь — не такая, как между неведающими и неверующими. Я ЗНАЮ многое, БОЛЬШЕ, ЧЕМ ДРУГИЕ. Дай бог, чтоб узнал еще и еще больше. Владимир Сергеевич Соловьев, человек редкой учености и энциклопедической образованности, по ночам плакал и молился розовой тени. Мне каждая вечерняя заря приносит неслыханное обетование о Тебе.

Все неизменно. Но невыразимо грустно, когда Ты изгоняешь из меня меня же самого, как бесов. Если хочешь, мы не будем говорить о тайнах. Нам много можно говорить о будущем счастье, в реальность которого я верю совершенно. Но только позволь мне не убивать себя самого, свою душу, которая вся направлена к Тебе одной. Когда Ты говоришь «пожалуйста, без мистицизма», Ты как будто произносишь смертный приговор над моими стихами даже. А они поют Тебе и о Тебе.

Вот все — и прости меня. В понедельник я буду ждать Тебя в 2 часа между курсами и 1-й линией Васильевского острова.⁴ А сегодня я буду Тебе и о Тебе молиться.

Твой.

Вот, я написал стихи перед письмом. Теперь после письма уж не так грустно. Я люблю Тебя. Я молюсь Тебе.

Снова иду я над этой пустынной равниной.
Сердце в глухие сомненья укрыться не властно.
Что полюбил я в Твоей красоте голубиной, —
Вечно прекрасно, — но сердце несчастно.

Я не скрываюсь, что плачу, когда поклоняюсь,
Но, перейдя за черту человеческой речи,
Я и молчу — и в слезах на Тебя улыбаюсь —
Проводы сердца — и новые встречи.

Снова нахмурилось небо — и будет ненастье.
Сердцу влюбленному негде укрыться от боли.
Так и счастливому страшно, что кончится счастье,
Так и свободный боится неволи.

〈15 мая 1903. Петербург.〉

Ужасно странное чувство — исполнимость невозможного. Вся эта зима представляется теперь каким-то страшно долгим временем, исполненным тысячью событий и чувств. Все время не было чего-то, были какие-то границы — «Ты серебрилась вдали».¹ Теперь (и то еще не часто, потому что все время отбивают многое хорошее и сознательное экзамены) я начинаю вдруг просыпаться, будто сознавать уже совершенно ясно и непреложно, *что будет скоро*. И все это еще сквозь целую зимнюю усталость, сквозь строй всего, что было, точно теперь-то и начнется весна, а пока еще лежит тонкой пеленой голубой снег событий. Внезапно, точно из какого-то откровения, чисто религиозно, как *ἄγνωστος θεός* *² (понимаешь?) появляется, возникает и опять пропадает: мысль непривычная еще, мысль небывалая. Неизреченного Света, простейшая в красоте, торжественная в величии. До какой степени в этот последний месяц все «заброшено» (если можно так сказать), многие нити не в руках, не усвоено все то, что я скоро усвою, как Величайшую Радость, перл Моей жизни, ее гордость, *вполне недоступную* никому, кроме Тебя и — меня. Вчера я перечитал ночью «Унди́ну» Жуковского (перевод) (после того как написал такое отвратительное письмо к Тебе) — и почувствовал, что бывает на свете и что *надо* вспомнить и чему служить. Ты увидишь меня другим и, дай бог, чтобы лучшим, чем я теперь. Теперь уже всплывают передо мной мои вины перед Тобой за это последнее время. Молчу, когда нужно говорить, или наоборот — и, вообще, мало чуткости и мистического внимания к Тебе. Моя Дорогая, моя Милая, моя Несказанная, до чего я опять хочу сегодня быть с Тобой вдвоем *только* и больше ни с кем никогда. Отделиться от всего стенами, не слышать ни одного звука других голосов, не видеть ни одного лица. И, точно так же, не знать и не верить ни одному событию, ни великому, ни малому, из посторонних нашему счастью. Знаешь, что это такое? То, что я давно почти ничему не удивляюсь, очень глубоко все знаю и потому не осуждаю уже никого и никогда просто. Давно из-

* Неведомый бог (греч.). — Ред.

вестно то, что еще удивляет и пугает многих, многое из этого уже скучно и ненужно. Ты знаешь, что это *не* апатия, и ничего подобного. Но устаю от обычного и не всегда хочу совсем необычного. Теперь вот это так. И потому, вот в эту минуту, чувствую, что мне нужно особенно того, что Ты, кроме совсем необычного и Одной Тебе свойственного, можешь дать мне — одна во всем мире: женской любви — *женской*. Это и есть то наше отдельное и наше будущее, о чем я сейчас думаю: одни стены, одна комната, одна обстановка, одни мысли, одно и то же чувство, одна душа, полное «сочувствие» — то, что дается *только* одним условием — браком; *не* страсти, *не* маскарад, *не* маски, *не* цыганские песни, *не* искры в глазах среди пестрой толпы. Все это будет еще, как было, никуда не ушло, и Тебе и мне дорого и необходимо. Брак *НЕ* исключает этого, я знаю. Но то, о чем я говорю в эту минуту, возможно только тогда, когда мы будем связаны неразлучно. Чувствуешь ли Ты, как я вот сейчас, что незаконность и мятежность совсем *не* исчезают в браке, они — вечно доступны, потому что мы, как птицы, свободны и можем, как птицы, замирать и биться высоко в воздухе, с тем же криком, с тем же клетотом и призывностью молодой свободы. И знаешь ли Ты еще, что *законность* и безмятежность также необходимы в другие минуты, доступны *только* знающим о неразрывности своих связей, проникшим глубоко в тайну своего, отделенного от всех других, круга, имеющим *право* не впустить в него *никого*, ибо «что бог соединил, человек не разлучает».³ И Ты думаешь еще, что я «жалею» чего-то. Ты не жалеешь, а я-то уж никогда не буду. Что же для меня *все* остальное (если хочешь, даже все остальные женщины, ибо это единственное, о чем мне, Ты думаешь, можно жалеть?), когда я так твердо и так неоспоримо знаю, что мне, кроме Тебя, никого не нужно? И может ли быть иначе, когда я все время чувствую, день ото дня сильнее, всевозможную связь с Тобой? Если бы Ты теперь вдруг, почему-нибудь, отошла от меня, я совсем не мог бы остаться. Что уж говорить о грехе, когда самоубийство стало бы глубоко законным для меня и ни одна струна не шевельнулась бы во мне против него. И ты думаешь, что я жалею!

Твое письмо пришло только в 5 часов, я уже томился от беспокойства. Оно (письмо) не глупое и не холод-

ное.⁴ Родственный вечер произвел хорошее впечатление,⁵ Ты не беспокойся. Твой папа вот какой: он давно *ВСЕ* знает, что бывает на свете. Во все проник. Не укрывается от него ничего. Его знание самое полное. Оно происходит от гениальности, у простых людей такого не бывает. У него нет никаких «убеждений» (консерватизм, либерализм, и т. д.). У него есть все. Такое впечатление он и производит. При нем вовсе не страшно, но всегда — беспокойно. И никому из Твоей семьи беспокойно, это оттого, что он все и давно знает, без рассказов, без намеков, даже не видя и не слыша. Это всепознание лежит на нем очень тяжело. Когда он вздыхает и охает, он каждый раз вздыхает *обо всем* вместе. Ничего отдельного или отрывочного у него нет — все неразделимо. То, что другие говорят, ему почти всегда скучно, потому что он все знает лучше всех, кто к нему приходит. Но он никогда *не захочет* верить, и ему *не надо* верить в то, что кто-нибудь может быть с ним откровенен и прост. Это ему очень тяжело, но он верит, что иначе не может и не должно быть, и никто в мире не убедит его в противном. Он считает необходимым долгом, например, «занимать» и т. п. Иначе он никогда делать не будет, но это ему тяжело и часто невыносимо, даже физически. Твоя мама страдает между прочим и от этого, и, вообще, до какой степени я понимаю, как она может страдать и от чего, — и мне часто ее страшно жаль, а в прошлый раз хотелось все время как-нибудь ей это выразить и ее приласкать. Но что этого нельзя было сделать и вообще делать нельзя (по крайней мере теперь) — это я тоже вполне и до конца знаю. Дай бог, чтобы мама поправилась нервами летом. И больше всего на свете я чувствую Твою жизнь, Тебя и то, сколько будет счастья.

Если можешь, напиши мне. Ты свободна теперь. Я приду 17-го вечером с карточкой. Лучше уж учиться, я боюсь потерять последнюю сообразительность и память, если буду часто видеть Тебя теперь. Прости, что так, Ты понимаешь.

Письмо мое несвязно и недостойно Тебя. Опять! Напиши, ради бога, Ты сама, хоть немного. Господь с Тобой, моя Прекрасная, Золотокудрая, моя Принцесса, моя Царевна.

Твой.

24. Л. Д. МЕНДЕЛЕЕВОЙ

31 мая <(13 июня н. ст.) 1903. Бад Науссйм>.

Моя Любовь, моя единственная.

Я получил сегодня два твоих письма. Даже сказать Тебе о них ничего не могу. И, вообще, трудно говорить с Тобой, опять трудно на таком расстоянии, в такой непривычной обстановке. Здесь совсем животная жизнь, разленивающая и скучная. Мы встаем в 7 часов, ждем ванны, после ванны лежим 1 час. Так проходит время почти до Mittag'a* (12 1/2). После него — шатанье по городу и парку, потом в 7 часов вечера — ужин, потом можно идти на террасу слушать музыку, а в 11 часов вечера все запирают. Все уже устроилось, наши комнаты внизу, в довольно тихом месте, все расстояния маленькие. Город я помню наизусть.¹ Боимся знакомств, между тем сегодня утром приходили какие-то 2 господина и не застали нас, сказали, что придут nach Mittag,** а мы ушли от них кататься на лодке по озеру, сейчас вернулись и боимся их прихода. Теперь день — длинный, длиннее русского. По вечерам бывает странное и скверное чувство отчужденности и отдаленности от всего. Я скоро устрою себе заполнение дня, по возможности, приятное и полезное. Вчера начал писать Тебе и бросил, так бесцветно и пусто вышло. Так и теперь выходит пусто и бесцветно. Лучшее, что есть, я вычитываю из Достоевского, но так нельзя. А немцы до такой степени буржуазно-скучны на вид, что о них совсем нечего писать. Страна страшно деловая, сухая. Из роз выглядывают серые лица. Пышность деревьев и цветов и плодородие земли точно ни к чему не обязывают. Нет ни одной хорошей фигуры ни у мужчин, ни у женщин. Женские лица просто на редкость безобразны, вообще нет ни одного красивого лица, мы не встречали по крайней мере. Все коренастые и грубые, заплывшие жиром. Тому же впечатлению способствуют больные, у которых ноги еле ходят, лица бледные и распухшие. Все старики и старухи, молодых меньше. И почти никого, при первом взгляде, по-настоящему не жалко, до того бессмысленным кажется их существование.

* Обед (нем.). — Ред.

** После обеда (нем.). — Ред.

И все-таки, если бы мы были здесь с Тобой вдвоем, просто так, не обращая внимания на леченья и лечащихся, было бы хорошо. Можно бы было почти никого не видеть и уходить в парк и за парк, на озеро и в поле. Несмотря на однообразие, было бы то преимущество, что мы бы были совсем вдвоем. Не было бы даже третьей — России. Здесь, по-моему, русский (особенно русский) совсем отделен — без земли, без языка и без людей, и даже к вилле прикреплен только минутой. Вот какое письмо! Я не люблю ни фактов, ни публицистики. И все-таки написал тебе то и другое. А все оттого, что выбился из колеи. Скоро отыщу точки устоя у Соловьева и Достоевского. Нужно «задуматься», чтобы понять хоть что-нибудь. Первые здешние думы были вялы. А немцы не «задумываются», и все остальные видимые люди тоже. На лицах нет той складки, которая даже у нас на улицах различима. Вот где истинно плоски лица, так это здесь — и по всей длине прусских железных дорог. Прости за мои письма. Я знаю, что Ты там, севернее меня и лучше меня. И помню все, но не могу выразить, или еще не смею снова начинать выражать, оглушенный ужасно прозаической обстановкой. Здесь нужно «осмелиться» сквозь целую ватагу людей, «живущих зверинским обычаем», воззвать к богу и к Тебе. Нужно писать стихи и молиться Твоему богу. А здесь нет бога, его не видели здешние люди.

Твой.

25. Л. Д. МЕНДЕЛЕЕВОЙ

31 мая. Вечер <(13 июня н. ст.) 1903. Бад Наусейм>.

Настал вечер, и я нашел себя. Нашел великую, бьющую волнами любовь, сердце, как факел, все дрожащее и бьющееся. Нашел Твою песню в воздухе. Лица людей слились с ночью, их не различить, и они не мешают. Жадно и сильно вспоминаю; ночь сырая и звездная. Ты, Ангел Светлый, Ангел Величавый, Ты — Богиня моих земных желаний. Я без конца буду влюбленный, буду страстный, буду Твой поклонник и раб. Если иногда будут времена упадка и слабостей — ничего. Я впился в Твою жизнь и пью ее. Вся тебе

знакомая сложность, может быть вычурность, моих рассудочных комбинаций временами, как теперь, бросается в сердце, там плавится и пылает, и все это, как огромный бушующий огонь, я чувствую и знаю, будет по-земному, по-здешнему — Твое до конца, без разделений. Будет время, которое оглушит меня самого. Я ни о чем не буду думать, буду только весь в одном чувстве. Так бывает, поверь, поверь! То, что Ты называешь не непосредственностью, вдруг будет непосредственным. Знаешь ли Ты, что меня страстно влечет к такой жизни, к такому вихрю. Пусть «роман» — он прекрасен. Пусть все, что угодно, не нужно ни слов, ни названий, ни дум, ни сомнений, ни рассудка. Я точно усну на то время, буду совсем другой. Не будет того «смеха», который давил Тебя, помнишь? Я уж говорю прямо. Будет, как служение, как молитва, как ураган — без тишины, без успокоенности. Знаешь ли — без «Тихого угла», без «семейности», будешь Ты и буду я — одно. Об этом вихре, об этих мгновениях сладких и безумных, о которых мы всю жизнь не забудем, теперь мне говорит память о Тебе. В Твоих глазах, в Твоих движениях, в очертаниях Твоих, в Твоих дрожащих руках я видел и узнал это — то, что будет. Я никогда не знал истинной влюбленной страсти — этого поразительного сочетания. Как же можешь Ты отрицать во мне возможность почувствовать ее? Я говорю Тебе, что я все забуду. Я уже теперь забываю все. Я влюблен, знаешь ли Ты это? Влюблен до глубины, весь проникнут любовью. Я понимаю, я знаю любовь, знаю, что «ума» не будет, я не хочу его, бросаю его, забрасываю грязью, топчу ногами. Есть выше, есть больше его. Ты одна дашь мне то, что больше, от этого и свято все наше прошедшее. Оно передо мной, как громадная, бесконечная, сложная, красивая, движущаяся змея. Всей этой истиной последних 5-ти лет, сплошь заполнившей жизнь, наводнившей ее, я живу и буду жить. Лучшего не было. Но все это лучшее покрывает один зовущий звук Твоего голоса. Знаешь ли Ты, что мне не нужно «тонкостей», извращенно-утонченных, «декадентско-мистических» излияний, «мужских» умствований. Мне нужно скачку, захватывающую дух, чувство Твоей влажной руки в моей, ночь, лес, поле, луны красные и серебряные; то, о чем «мечтают» девушки и юноши отвлеченно, то мне нужно на-

яву. Опьяненности и самозабвения какими угодно средствами — пусть опера, пусть самая элементарная музыка, самые романтические бредни итальянских любовников, романсы со словами «розы — слезы», «мечта — красота», «вновь — любовь» и т. д. Только пусть голос поющего призывающий, пусть Ты около, Ты, гибкая, как стебель, влюбленная, зовущая в ночь — и знать, что замолчит голос, потушат огни — и мы уйдем, и будет ночь, и будем вдвоем, и никакие силы не разделят, и будет упоение и все — забвение, сила сплетающихся рук, Твои поцелуи, Твои белые зубы, Твои плечи, Твое благоуханное дыхание, замирающие движения, красота, страсть и безумья долгих мгновений. Чтобы знали оба, что принадлежат друг другу во всем, и был ответ на вопрос без слов и без мыслей. О, я знаю, что это может быть! Я не напрасно полюбил Тебя, не напрасно вызвал Тебя из Твоего отрочества я, а не другой, мы не напрасно подали друг другу руки. Мы влюблены и верим друг другу. И многих, и многих слов уже не нужно. Ты не хочешь верить, как я чувствую, а не только понимаю то, что Ты говоришь иногда, как будто расклаваясь, что сказала. Я с Тобой единоклубен, одушевлен одним и тем же, отзываюсь не всегда оттого только, что разные впечатления предшествовали или сопутствуют этому. Но отзовусь и запою одним голосом какой Ты хочешь страсти, до бешенства и безумия пойму и приму все, отдамся весь Тебе и Ты мне. Эти времена будут повторяться и будут прерываться, так нужно и так, Ты знаешь сама, неизбежно, но еще мы оба знаем, что это ничего, что у Тебя самой будут перерывы. Так будет волнующаяся жизнь, и мы будем опьяненные высоко, на гребнях волн, и будем стремительно, в вихре и пене нырять до самых глубоких и тайных проникновений в жизни друг друга. Оттого мы совсем узнаем и поймем друг друга только тогда — и во все остальные мгновения будет памятно это стремительное и бурное познание друг друга без мыслей и разговоров, без слов и рассуждений. Так Ты хочешь, я знаю, но знай, что и я хочу именно так, не иначе. Я хочу быть без конца влюбленным в Тебя и Твою духовную и телесную красоту (прости!) и сердцем, сердцем, сердцем узнавать и любить. Поэт же, как бы он ни глубоко погружился в отвлеченность, остается в самой глубине поэтом, значит любовником и безумцем. Когда дело дой-

дет до самого важного, он откроет сердце, а не ум и возьмет в руки меч, а не перо, и будет рваться к окну, разбросав все свитки стихов и дум, положит жизнь на любовь, а не на идею. Корень творчества лежит в Той, которая вдохновляет, и она вдохновляет уже на все, даже на теорию, но, если она потребует и захочет, теории отпадут, и останется один этот живой и гибкий корень. Так и я теперь, верно, опять приближаюсь к так называемой «эротической» области поэзии, в стихах, которые скоро будут, мелодия уже поет иначе. Пока все еще поет одна мелодия, слов нет. Но я уже открываю глаза, понимаю небо и землю, встаю из праха, исполняюсь гордостью о Тебе. Содержания и слов еще почти нет, но уже знакомое чувство близко. Так бывает перед стихами. Когда напишу, пришлю тебе. Если и содержание будет не совсем то, Ты не обращай внимания. Наверное, будет песня рыцарского склада, там прислушаюсь я к цветению роз красных, розовых и белых на Твоей груди и на Твоем окне. Руки Твои белые, изваянные, дрожащие, горячие, прижимаю к губам, мое Откровение, мой Свет, моя Любовь.

Твой. Напиши.

Пиши. Bad Nauheim. Villa Gertrud. Zimmer 6. Все уже заперто, опущу письмо завтра утром.

26. АНДРЕЮ БЕЛОМУ

20 ноября 1903. Петербург.

Милый Борис Николаевич.

Спасибо Вам за все сведения о Ваших отношениях к Скорпиону и Грифу.¹ Мне было очень важно знать это, потому что верю в Вас глубоко. То, что Вы пишете *не* об этом, мне в высшей степени понятно. «Ненужные и посторонние слова» собственные так и лезут на меня со всех сторон, когда я пытаюсь говорить с понимающими или не понимающими людьми. Потому, кажется, все меня знающие могут свидетельствовать о моем молчании, похожем на похоронное. Молчу и в тех случаях, когда надо говорить. Чувствую себя виноватым и все-таки молчу по странному чувству давнишней известно-

сти моих возможных слов для тех людей, с которыми в данную минуту нахожусь в общении. И удивительно, что выходит действительно похоронно как будто, — хотя у меня внутри редкая ясность, не всегда бывающая и в одиночестве или в присутствии самых близких. Разговоры самые нужные приходят только тогда, когда я внутренне кричу от восторга или страха. Состояние же молчания стало настолько привычным, что я уже не придаю ему цены. Вы, как мне показалось, не привыкли к тому, что лишь второстепенно, и поставили Ваше состояние молчания для себя на первый план. А я уже мирюсь с этим, потому что не вижу *крайней* необходимости тратить пять лошадиных сил на второстепенное... Вот и я *«все о себе»*. Только, мне кажется, это ничего. Вам может быть интересно обо мне так же, как мне всегда захватывающе интересно все о Вас. Да и как же нам раскрыться, если не писать о себе. Ваша оговорка, мне кажется, напрасна, потому что мы понимаем уже навязчивость и ненавязчивость, так же как схоластику и не схоластику, как когда-то сказали Вы, и потому можем пользоваться свободно тем и другим для единой цели.

Ах, нам многое известно, дорогой Борис Николаевич! Вы спрашиваете, *кто я, что я?* Разве Вы не знаете? То же и то же опять, милое, единое, вечное в прошедшем, настоящем и будущем. Дойти до напряженного проникновения — «и след мечты опять стряхнуть с чела».² И что такое эти наросты окружающих толков, а *prior'*ных определений шаблона жизни — для всех одинаковой — так ли? Чем лучше то, что выходит *только* из кабинета, чем то, что выходит *только* из будуара? То и другое — метафизическая сплетня. Я говорю о самом близком, окружающем меня. Один из Петербургских поэтов пишет мне: «про Вас ходит легенда, что вы, женившись, перестали писать стихи». М-ме Мережковская, кажется, решила это заранее. Что же это значит? М-ме Мережковская создала трудную теорию о браке, рассказала мне ее в весеннюю ночь, а я в эту минуту больше любил весеннюю ночь, не расслышал теории, понял только, что она трудная. И вот женился, вот снова пишу стихи, и милое прежде осталось милым; и то, что мне во сто раз лучше жить теперь, чем прежде, не помешало писать о том же, о чем прежде, и даже об Иммануиле Канте, как оказа-

лось впоследствии из анализа стихотворения «Сижу за ширмой».³ А тут «сложилась легенда»... Это порой кажется просто глупым, отдаленным от смысла. Извините за откровенность, она *не* цинична (как Вы, я думаю, знаете), мне хочется только сказать Вам то, чего, во всяком случае, не скажу Мережковским, если даже их еще увижу. Не отнеситесь только к этому с «судорогой презрения», хотя это тоже «словесное», не особенно нужное, разумеется. Таковой же мне кажется размовка Скорпиона с Грифом. Я совершенно понимаю, если хотите, Брюсова, восстающего на Грифов. Хотя — зачем? Мне кажется, что это не навсегда, даже, может быть, ненадолго. Тому доказательство — *Urbi et orbi*. Это — бог знает что — только в обратном смысле. Книга совсем тянет, жалит, ласкает, обвивает. Внешность, содержание — ряд небывалых откровений, озарений почти гениальных. Я готов говорить еще больше, чем Вы, об этой книге. Долго просижу еще над ней, могу похвастаться и поплясать по комнате, что не всю еще прочел, не разглядел всех страниц, не пронзил сердца всеми запятыми. При чтении могут прийти на ум мысли круглого идиота о том, как много на свете делается, сколько на небе звезд, какая бывает хорошая погода — и прочие. Возвращаю с охотой и страстью, не отнимая у Вас, Ваши слова — автору:

В венце из звезд.⁴

Бальмонт тоже натворил чудес, выпустив последние две книги.⁵ А Вы!!! Молчание. Милый Борис Николаевич, мне Вы написали столько незаслуженного, что я краснел, читая.

Вы говорите, что, может быть, навсегда замолчите. Это невозможно. Вам не о чем молчать, потому что Ваши богатства неисчерпаемы и повторения Вас не будет... Однако, однако, мы обмениваемся разговорчиками! Я боюсь, как бы с моей стороны это не кончилось полнейшим отсутствием словесных знаков. Вы будете печатать, а я в ответ, вместо никуда не годных «рецензий», — мычать.

Вы знаете, наверно, что разрывание от *понимания* окружающего иногда еще болезненнее скуки. Потому, вероятно, как и я, не всегда позволяете себе понимать. Впрочем, часто этого предотвратить невозможно, а потому начинается усиленное заглядывание в зеркала

и на перепутья, где воет снеговой ветер, — не появится ли там к своему весеннему юбилею какой-нибудь морщинистый Кантик или, напротив, — Кантище на соломенной табуретке.⁶ Или, может быть, в пальто, на извозчике, с поднятым воротником. Разумеется, мы его узнаем, и придется приглашать, чего доброго... доброго-доброего... старичка.

Бывает и так. Но поймите же, наконец, *ВЫ*, московский и *НЕ* петербургский мистик, что мне жить во *СТО* раз лучше, чем прежде, а стихи писать буду, буду, буду, хотя в эту минуту мне кажется, что мои стихи — препоганье.

Как бы это Вам приехать в Петербург? Мы с женой, кажется, поедem в Москву в начале января. Страшновато мне встретиться с Вами. Как-то это выйдет «официально»... Немножко пахнет могилкой, в которой похоронили этой весной маленькую девочку в голубом платье.⁷ Этот факт мне известен из достоверных источников, едва ли не иноземных, полученных от «влюбленных гостей поздних веселых времен».⁸ Оказывается, они дальние родственники Виндалая Левуловича...⁹ А может быть — привез на извозчике маленький Кантик? Тррах! Грохнулся с извозчика, ушибся; его поднимали дворники под ручки, ввели в горницу, поставили на колени, накрыли полотенцем. Думали, что молится, оказалось — пропал без вести, пришел к невесте и провалился на месте. Только его и видели.

Все это все-таки ужасно не нравится. Чего доброго — старичка где-нибудь и повстречаешь. Юбилей — немудрено!¹⁰

До свиданья, милый Борис Николаевич, — по-настоящему. Прошу Вас, когда можете, пишите, не забывайте. Спасибо за все. Люблю Вас, как свою тишину и сон наяву — «среди белого дня».

Преданный *Ал. Блок*.

Петербург — город, по улицам которого на днях, по случаю наводнения, проплыли на ялике двое в колпаках, ухмыляясь, с ящиком, на котором написано было: «Осторожно!!!». На перекрестке из ящика просунул голову Иммануил! Он сказал: здравствуйте! Нынче хорошая погода и приятно покататься на лодке. Постарайтесь к вечеру доставить меня в Кенигсберг.

27. В. Я. БРЮСОВУ

26 ноября 1903. Петербург.

Глубокоуважаемый Валерий Яковлевич.

Каждый вечер я читаю «Urbi et orbi». Так как в эту минуту одно из таких навечерий, я, несмотря на всю мою *сдержанность*, не могу вовсе умолкнуть.

Что же вы еще сделаете после *этого*? Ничего или — ? У меня в голове груды стихов, но *этих* я *никогда* не *предполагал* возможными. Все, что я могу сделать (а *делать* что-нибудь необходимо), — это отказать себе в *честь* печататься в Вашем Альманахе,¹ хотя бы Вы и *позволили* мне это. Быть *рядом* с Вами я не надеюсь никогда. То, что *Вам* известно, не знаю, доступно ли кому-нибудь еще, и *скоро ли* будет доступно. Несмотря на всю излишность этого письма, я умолкаю только теперь.

Александр Блок.

28. П. П. ПЕРЦОВУ

9 декабря 1903. Петербург.

Многоуважаемый и милый Петр Петрович.

Спасибо Вам за Ваше неизменное отношение ко мне и стихам моим, и особенное спасибо за простое и откровенное письмо. Для меня это так важно всегда, когда дело идет о важных и неважных вещах, а между тем откровенности кругом почему-то ужасно мало — в Петербурге. А из Москвы она, как вода жизни, жаждущему часто дается даром. В Вас, если Вам это не обидно, я всегда чувствовал что-то Московское. Для меня это очень много, потому что в Москве я потерял Соловьевых¹ и приобрел Бугаева. А за последнее время «Скорпион» вызывает очень большие дозы *личной* моей благодарности, издавая свои книги. Кстати — мои рецензии, боюсь, не годятся Вам — они длинные, но от души.

Мои стихи, которые я послал Вам, я буду считать свободными (т. е., если встретится возможность, напечатать где-нибудь), списки же, если они Вам нравятся, оставьте лично у себя, в знак моей неизменной преданности Вам. Если рецензии Вы найдете возможными, бу-

ду ждать Коневского, о котором, пожалуй, придется также написать длинно, а об остальных книгах собираюсь написать маленькие рецензии.

Любящий и уважающий Вас Ал. Блок.

29. С. М. СОЛОВЬЕВУ

20 декабря 1903. Петербург.

Милый Сережа.

К тебе и стихам твоим я чувствую глубокую нежность. Люба необыкновенно точно представляет, как ты читаешь «Королеву».¹ Настолько близко, что мне стало «чуть-чуть страшно», как говорится в писании («Симфония», 1-ая героическая).² В эту минуту я вдруг опять вспомнил все прошлогоднее с новой силой. Очень и слишком часто приходят в голову эти дни, что было бы теперь, как было бы, если бы все осталось по-старому.

Долго, долго по балкону
Я хожу в вечерней мгле.
Ночь ползет по небосклону
И спускается к земле.³

Все *перемены* жизни, и мои лично, и твои, и наши, и те, и другие, и еще, и еще... все обвинили меня белой пеленой, обязали к *чему-то*. Все, что было, отрезало пути к отступлению в детство жизни. И это прекрасно, и к лучшему. Прежде *когда-то* мне удавалось прожить твою строфу:

Тревога жизни отзвучала
И замирает далеко.
Змеиной страсти злое жало
В душе уснуло глубоко.⁴

Теперь я почти поручусь, что это, когда-то стоящее рядом, навсегда остановилось в воспоминании только, и я бессилен понять такую близкую минуту. Тем более, мне издали поется это каждый день теперь. И рядом с этим, например, — Врубель, который меня затягивает и пугает реально, особенно когда вспомнишь, что с ним теперь.⁵

Еще одна разгадка твоих стихов: они требуют отдельного «настроения». Кроме того, часто требуют

твоего голоса. Они не гибки, или, выражаясь чисто современными декадентским языком, не«изысканны». То же самое в стихах Владимира Соловьева: они требуют любви, а не любовь — их. Когда им отдашь любовь, они заполнят годы жизни и ответят во сто раз больше, чем в них сказано. Может быть, заполнят и целую жизнь. Твои стихи (хотя далеко не все) тоже необходимо полюбить через кого-нибудь: иногда — через твой голос, через однозвучность и скандированье, а иногда — через собственную мысль или собственный образ, перехваченный по дороге. Тогда «Королевна» говорит во сто раз больше, чем сказано словами. Так же — «Мы шли в последней темноте» и «Золотой качался колос». Эти три — самые любимые мной — из последних. «Дымка прозрачного пара» еще под сомнением, там ужасно портит чередование настоящего и прошедшего времени (даже *perfectum* и *imperfectum*), — и еще кое-что, что я тебе говорил, особенно — «Брат положил в тихой ласке».

«Королеву» (я для краткости) я читал на днях Семенову (автору драмы и стихов в «Новом пути») и Смирнову (постоянному сотруднику «Нового пути», оба — студенты и поэты). Они отнеслись равнодушно. По этому поводу мне приходит в голову нечто о прерафаэлитстве (ибо ты к нему в последнее время, кажется, близишься, в противоположность мне, удаляющемуся;⁶ «Королеву» я нахожу в большей степени прерафаэлитской). Оно не может быть забыто теперь, но оно не к лицу нашему времени. Лицо искажено судорогой, приходит постоянное желание разглаживать его морщины, но они непременно опять соберутся. Это чересчур просто сказано у меня, но я не чувствую надобности усложнять, потому что это действительно просто до угнетения. Потому же особенно ясно, что теперь именно труднее всего рассказать другому свой самый светлый сон (это отчасти говорит Гиппиус в предисловии к «Собранию стихов»).⁷ Чтобы поняли, нужно, чтобы любили, а так как все заняты своим делом, — то своевременнее (более ли *вечно* — не знаю) действовать кинжалом, как Брюсов, как Врубель.

Скоро для поэзии наступят средние века. Поэты будут прекрасны и горды, вернутся к самому обаятельному источнику чистой поэзии, снижут нити из всех жемчугов — морского дна, и города, и ожерелья девушек каждой страны. Мне кажется возможным такое возро-

ждение стиха, что все старые жанры от народного до придворного, от фабричной песни до серенады — воскреснут. Но при этом повторится и кочевая жизнь с оружием в руках и под руками, стилеты под бархатными плащиками, целая жизнь паж, или трубадура, или крестового рыцаря, или дуэньи, или «дамы сердца» — всех в целости и полной индивидуальности — *на всю жизнь*. Это, как реакция на место богословия, с одной стороны, вздыхающей усталости — с другой. Сологуб и сквозь усталость увидел звезду Маир, реку Лигой, землю Ойле.⁸ Что же мы-то, желающие *жизни*? Я лично хочу, сойдя с астрологической башни, выйти потом из розового куста и спуститься в ров *непременно* в лунную, голубую траву, пока не появился в зеркале кто-нибудь сквозь простыню. Трудно будет с моими «восковыми чертами»,⁹ но тем не менее попробую. А пока я болен (простудился) и сижу дома. У мамы — головные боли, у дяди Франца — флюс. О Любе не говорю, чтобы не сглазить. Пожалуйста, напиши о себе.

У меня к тебе одна нескромная просьба. Скажи, пожалуйста, живет ли у тебя кто-нибудь? Дело в том, что у меня тайное желание ночевать у тебя, когда мы будем в Москве. Люба должна остановиться у своих родственников, которые очень милы, но тем не менее мне бы очень хотелось самому не стеснять их и быть по отношению к ним не слишком в зависимости, чтобы осталось больше времени на мистическую Москву. Предупреждаю тебя, что: 1) ты прежде всего **ДОЛЖЕН** совершенно обдуманно и искренно сообщить мне, помещаю я тебе или нет; 2) что мы не наверное поедem в Москву; 3) что, если поедem, рассчитаем так, чтобы, проведя дней десять, быть в Москве в день 16 января,¹⁰ притом лучше, чтобы этот день оказался одним из последних дней пребывания в Москве; 4) что я *могу* остановиться у Любиных родственников, которые даже приглашают меня, и обращаюсь к тебе скорее по собственному капризу.

Напиши, мой милый, целую тебя и обнимаю крепко. Все мы тебя любим.

Твой Ал. Блок.

Вот два последних стихотворения.¹¹
Пришли мне твои последние стихи.

30 декабря 1903. Петербург.

Милый папа.

Поздравляю Вас с Праздниками и Новым Годом. Желаю Вам искренно здоровья и всего лучшего. Наша жизнь с осени до сих пор была богаче внутренними событиями, чем внешними. В Университете я слушал польский язык и русскую литературу по преимуществу. Теперь должен представить реферат по славянскому языку, что давно уже затрудняет меня. Реферат трудный. Вообще я с удовольствием вижу конец университ. курса, потому что часто вижу в нем нечто глубоко чуждое мне и для меня трудно переносимое. Прежде всего, существует черта, на которую ни один из моих профессоров до смерти не ступит: это — религиозная мистика. Живя ею изо дня в день, я чувствовал себя одно время нещадно гонимым за правую веру. Лучшее, что предлагалось взамен религии, была грамматика. Последнее мне представляется *действительно* лучшим, потому что самый мертвый, схематический *modus geometricus** терзает меня менее, чем социологические и т. п. воззрения на то, что для меня священо. К этому всему можно присоединить глубокое неведение истинной красоты и непроходимые сальности, отпускаемые *ex cathedra*** для специалистов очевидно (ибо на общих курсах — I и II-ом — они преподносились в более ограниченном объеме). Вместе с тем я не могу пожаловаться на бездарность всех моих «учителей». Проф. Шляпкин, например, человек оригинальный и своеобразный, может быть, по-своему религиозный (что ему приходится старательно прятать), однако за вышеупомянутую черту и ему не перейти. Мне приходит в голову, что предстоящая война способна чуть-чуть оживить покойников.¹ Мои главные «впечатления» сосредоточивались за этот период на настоящем литературе, и лично я, без оговорок, могу констатировать в ней нити истинного Ренессанса. «Новый путь» при всех своих недостатках делает свое дело, а в ны-

* Геометрический способ (лат.). — Ред.

** С кафедры (лат.). — Ред.

нешней январьской книжке расцвел, как никогда. Москва обладает «Скорпионом», родился «Гриф» — книгоиздательства «для борьбы с хулиганством», как недавно писал Дм. Философов. Из поэтов, по моему, Брюсов сделал неизмеримый шаг вперед, выпустив свою последнюю книгу «Urbi et orbi». Петербургским позитивистам поневоле приходится уже считаться теперь с этим. Новое искусство растет и в ширину. Буренину придется, по-видимому, окончить земное поприще с пеной у рта. Не вредить они конечно не могут, но вред очень ничтожен, по моему, и конечно количественный (а не качественный): много сил уходит на «полемику», которой не прекратит, пожалуй, и пожарный призрак настоящей «πόλεμος». *

Мои личные литературные дела пока недурны. Пишу много стихов (часть их прилагаю).² Стихи появятся в альманахе «Гриф» (вероятно в январе), то же книгоиздательство обещает издать мою первую книжку.³ Мне хочется издать ее осенью, не знаю наверное, сможет ли сделать это «Гриф». Однако, объявление уже сделано. По-прежнему поддерживаю переписку с Андреем Белым (сыном Н. В. Бугаева), Сергеем Соловьевым. Вижусь с молодыми Петербургскими литераторами, а со старыми — редко. В январе, в университете, в кружке Бориса Никольского (профессора и поэта) назначен реферат «против декадантства», рассчитанный, кажется, на меня и еще одного молодого «новопутейца» — Л. Д. Семенова. Предполагаю услышать там свое имя с самыми невежливыми эпитетами. Впрочем, какой-то молоденький «коллега» оказался моим поклонником и, кажется, собирается читать реферат другому профессору «о музыке в стихах Блока и Бальмонта»! Боюсь, что его провалят на экзамене. В Москве с Нового Года начинается еще один новый журнал «Весы», в котором меня приглашали участвовать (при к-ве «Скорпион»). Перед Рождеством у меня было много рецензий, из которых несколько появилось в «Новом пути» (январь 1904).⁴ Одно стихотворение помещено в январской книжке «Журнала для всех».⁵

* Война (греч.) — Ред.

Все эти события (и предшествовавшие им литературные связи и знакомства) составляют для меня приятный в конце концов итог 1903 года — в литературном отношении. Иногда устаю от этого. Мы с женой очень много сидим дома, здоровы, если не считать моей легкой простуды перед Рождеством. Пожалуйста, напишите, милый папа, как Вы себя чувствуете, и не собираетесь ли приехать в Петербург? Весной, по всей вероятности, мы рано уедем в Шахматово, экзаменов у меня нет, а жена может держать их раньше. Думаю о сочинении (зачетном) на тему: «Сказания об иконах Богородицы», вероятно займусь им летом. Жена и мама кланяются Вам и поздравляют с Новым Годом. Целую Вас.

Ваш Сашура.

31. АНДРЕЮ БЕЛОМУ

7 апреля 1904. Петербург.

Милый дорогой друг Борис Николаевич.

Твое письмо меня поразило сразу же. Ты знаешь обо мне то, чего я сам не сознавал, и вдруг осознал... и утешился. «Лик безумия, сошедший в мир»,¹ — и притом *нынешнего* безумия — грозил и прежде. Но знаешь ли? Он разрешит грозу и освежит. Я *спал* и видел холодные сны (в буквальном смысле). Не далее как сегодня во сне мне явился наконец Брюсов в ужасающей простоте его внутренних «потемок» и в физической красоте — нежный, как мальчик с черной бородкой. Тут был и твой «Одинокий»² и вчерашний рассказ, слышанный мной у Мережковских (!!) о пьяном Брюсове в «Грифе». Среди бела дня снился мне кошмар об «опрокинутых кадках» и девушке с карликом.³ Но вдруг я слушаю, смотрю: кругом гам, шум, трескотня, лучшие гаснут или тлеют, по многим квартирам прошла тень дряхлости, погас огонек, бежавший по шнурку, готовый, казалось, зажечь тысячи свечей. И темно. Прежних лиц я уже не вижу, страх перед *ними* отошел в милую память о собственной юности. *Больше некого бояться*. И люди уже не страшны. *ЗАТО* («в предвестие, иль в помощь, иль в награду»)⁴ возвращается древняя и бурно-юная боязнь *стихий* — изнутри и извне. Пойдем опять из города на войну исчезнувшей и возвращающейся юности:

Меня зовет к безвестным высям
В горах поющая весна,
А эта груда женских писем
И не жива и холодна!⁵

Мы поняли слишком много — и потому *перестали понимать*. Я не добросил молота — но небесный свод сам раскололся.⁶ И я вижу, как с одного конца ныряет

и расползается муравейник *положим* расплюснутых сжатым воздухом в каютах, сваренных заживо в нижних этажах, закрученных неостановленной машиной (меня «Петропавловск» совсем поразил),⁷ — а с другой — нашей воли, свободы, просторов. И так везде — расколотовость, фальшивая для себя самого двуличность, за которую я бы отомстил, если б был титаном, а теперь только *заглажу* ее. — Как видишь, я пишу несвязно. Я окончательно потерял последнюю веру в возможность точности в окончательном. Не знаю ничего, *НО* часто ясно вижу розовую пену и голубой ласковый гребень волны, которая меня несет. Потому — пронесет, а что дальше — опять не знаю. Но хорошо бывает на волне, в певучей пене.

Мне кажется, я могу сказать *ТЕБЕ* окончательно о Тебе самом. Ты не умрешь. Представь себе, я, должно быть, знал это всегда. Есть на Тебе такая печать чудесного, что лик безумия с Тобой не сольется. Иногда я вдруг сознаю в *Твоем* существовании большую поддержку. Письмами, подобными Твоему последнему, Ты схватываешь меня за локоть и кричишь: «Не попади под извозчика!» А извозчик — В. В. Розанов — едет, едет — день и ночь — с трясущейся рыженькой бородачкой, с *ямой* на лбу (как у Розанова). Выйдя вчера ночью от Мережковских, я подумал: «Мы с Борисом Николаевичем...»

Но все-таки я не знаю, что с Тобой теперь. И едва ли пойму. Впрочем, скорее всего, что временами знаю. Не могу написать Тебе о «Золоте в лазури», как писал о «Симфониях».⁸ Слишком важная вообще и для меня лично книга.⁹ Спасибо Тебе! Не посылаю тебе стихов, потому что их нет больше (пока). Получил письмо от А. Н. Шмидт. Она просит определенно отвечать... Сумею ли — не знаю. Но об этом (о Софии)¹⁰ я, пожалуй, все-таки всего определеннее могу сказать.

В Мережковских больше нет огня.

В Петербурге есть великолепный человек: Евгений Иванов. Он юродивый, нищий духом, потому будет блаженным.

Обращаюсь к Тебе с очень нахальной просьбой: один очень милый математик (и ученый) — студент-технолог Гущин просил меня написать Тебе, не можешь ли Ты прислать ему (через меня) следующие книги Твоего отца:

1) Учение о числовых производных.

2) Из 5-ти брошюр о «приближенном исчислении» — следующие *три*:

а) Способ последовательных приближений. Приложение к разложению функций в непрерывные ряды.

б) Способ последовательного приближения. Приложение к выводу теорем Тейлора и Лагранжа в преобразованной форме.

в) Способ последовательного приближения. Приложение к интегрированию дифференциальных уравнений.

Если можешь, пришли (не к спеху), а, если почему-нибудь нет, — ради бога напиши, что не можешь.

Обнимаю Тебя крепко, милый друг. Не имею сил так утешить Тебя, как Ты меня утешил. Приветствуй от нас Твою маму и пожелай ей всего самого лучшего от нас. Люба Тебя приветствует от всей души.

Любящий Тебя нежно Александр Блок.

32. АНДРЕЮ БЕЛОМУ

5 июня 1904. Шахматово.

Дорогой, милый Борис Николаевич.

Спасибо Тебе за нежные слова. Я ценю, понимаю и принимаю их. В прошедшие года изредка мелькал в горах Кто-то, Кому я был *склонен минутами* сказать: здравствуй. Чаще всего — это был *всадник в голубом*. Иногда хотелось *принять* его за Христа, но он был так *близок* мне, что я ни разу *не решился* сделать этого: оттого, что Христос, я знаю это, никогда не был у меня, не ласкал и не пугал, никогда не дарил мне ни одной игрушки, а я всегда капризничал и требовал игрушек.¹

Теперь всадник ездит мимо. Но я наверное знаю, что это — не Христос, а милый, близкий, домашний для души, иногда страшный. А Христа не было никогда и теперь нет, он ходит где-то очень далеко. Пускай даже в *этих* странах. Но меня это не касается, потому что я живу и жил главным образом в *тех* странах, а из *этих* — «убежал с королевой». ² Страна, в которой я теперь живу, — «голубая тюрьма» ³ и «зеленая планета» (то и другое явственно в хорошую погоду), где я могу рыть землю и делать забор. От этого у меня исчез даже

«почерк»), и руки дрожат от топора и лопаты. Я надеюсь на еще большее забвение и тишину.

Что восстанут за вопросы,
Опьянят что за слова,
В час, когда под наши косы
Ляжет влажная трава?⁴

Мне очень хочется развивать мускульную силу, как каждый год, восстанавливая утраченное зимой. От этого в буквальном смысле часы становятся *неведомыми* и день за днем тонет — голубой, зеленый, белый, золотой. Знаешь ли, в хорошее, глубокое лето мне удавалось иногда найти в себе хорошую простоту и научиться не щадить красок спокойных и равномерных. Здесь никто не щадит красок. Деревья и кусты, небо, земля, глина, серые стены изб и оранжевые клювы гусей.

Позволь мне счесть установленным, что Ты приедешь в конце июня или начале июля. Тогда я позову милого и нежного Евг. Иванова, который очень хотел Тебя видеть. Напиши мне, пожалуйста, о расстоянии от станции до «Серебряного Колодца»⁵ и от Москвы до Ефремова (Курской дороги?). Можно к Тебе приехать невзначай? Только я не могу еще решить — когда и приблизительно. Но легче решить, не назначая точно дня, — только напиши, милый, не стеснит ли это в чем-нибудь вас с мамой?

Видевшая Тебя и не видевшие приветствуют Тебя и ждут. Целую Тебя крепко.

Твой любящий *Ал. Блок.*

М. Вот масса стихов, в которых я затрудняюсь определить, — что у кого похищено. Но часть — собственная.⁶

Р. S. Адрес Ты пишешь совершенно точно: *Николаевская ж. д. Ст. Подсолнечная, имение Шахматова.*

33. Е. П. ИВАНОВУ

15 июня 1904. Шахматово.

Милый, дорогой Евгений Павлович.

Во-первых, простите меня, что я без конца не отвечаю на Ваше милое и замечательное письмо. Причина

тому — бездельничанье в умственном отношении, сажание цветов, постройка заборов, прогулки и все подобное, останавливающее головные процессы. Впрочем, Вы простите меня за это, как и я и мама моя Вас за все, в чем Вы перед нами извиняетесь.¹ Не будем извиняться; мне хорошо бывает теперь от милого забвенья, временного и отдохновительного, которое пройдет, когда его «сладостно и больно» возмутят. Мне хочется отвечать Вам на все, что Вы пишете, но не по порядку.

Мне редко что в современном так близко *по способу выражения и восприятия*, как Ваши слова, особенно в этом письме.² Устно Вы говорили как-то более *гордо*.³ Впрочем, эта гордость была *прекрасна*, а иногда даже выводила на острую гористую формулу, откуда открывался сжатый разноцветный вид. Например, там, где «*колосился*» Христос (*ВАШЕ*), я мог видеть васильки и ромашки, и даже маленьких желтогрудых овсянок.⁴ Или Солнце всходило над рекой. Но это была гордость не из Вас, а идущая рядом спутница. И вдруг Вы сбегаете с горы (намеками это было и прежде), и мы — два *РЕБЕНКА* встречаемся, потеряв игрушки (игрушки — в лучшем смысле) (симфоническом?).⁵

Вам *в Вашем* гораздо больнее меня. Но и мне в своем больно. Мы оба жалуемся на оскудение души. Но я ни за что, говорю Вам теперь окончательно, не пойду врачеваться к Христу. Я Его *не знаю и не знал* никогда. В этом отречении нет огня, одно голое отрицание, то желчное, то равнодушное. Пустое слово для меня, термин, отпадающий, «как прах могильный». *Намек* на определенность — болезнь для меня, но *ужас* в том, что *в разговоре* (с позитивистами), когда он коснется «этого», я чувствую необходимость быть определенным. Все это Вам, конечно, знакомо, и многое подобное, к тому же относящееся.

Потому именно, я еще только и имею силу передавать Вам бессвязно то, что уже передавалось связно другими. Я могу говорить Вам намеками, небрежно и не обо всем, не в системе, зная совершенно твердо, что Вы поймете. Если бы все это не носилось в воздухе, мы бы были настоящими «декадентами» с этой бесконечно усталой переключкой, грозящей с минуты на минуту обратиться в общее место, благодаря оскудению огня. Но я именно оттого говорю Вам сейчас свободно, что знаю, что все, что говорю, — у нас, — общее место.

Отрицаясь, я чувствую себя здоровым и бодрым, скинувшим с себя тяжелый груз, отдалившим расплату. Именно так говорил, например, с Анной Николаевной Шмидт, которая, допуская, все, о чем говорит, — знает. Но я не хочу знать этого, кое-что нравится, но просто не хорошо, когда только нравится или нет — без страдания. Больно говорить «петербургским»,⁶ но Вам не больно (потому что поймете без преувеличений *точно*), что я в этом месяце силен одолеть «Оправдание добра» Вл. Соловьева и не нашел там *ничего*, кроме некоторых остроумных формул средней глубины и непостижимой *скуки*. Хочется все делать *напротив*, назло. Есть Вл. Соловьев и его стихи — единственное в своем роде *откровение*, а есть «Собр. сочин. В. С. Соловьева» — скука и проза.

Милый Евгений Павлович! Не навязывая и не затрудняя Вас, прошу от меня, жены и мамы приехать в Шахматово. Хотите так: А. Белого и С. Соловьева можно не встретить, Белый приедет в конце июня или начале июля. Мы споемся, когда я буду наверно знать, что в Шахматове никого не будет из них. Тогда приезжайте, а потом мы можем ехать в Москву *вдвоем* и смотреть просто Москву город и окрест его — без встреч. Или, если хотите, Вы один поедете в Москву из Шахматова. Все это равно возможно. Вы знаете, я *ни о чем не спрошу* и буду *уважать по-прежнему* (тоже не из «бахвальства» пишу), знаю, впрочем, что оба они (Белый и Сережа Соловьев) — «страшные и знающие» — не будут презирать. Но, если хотите, повторяю, можно не встретиться с ними. Да ведь я не знаю, «знают» ли они, особенно Белый. Наконец, Ваше «*знание*» рядом с моим — громадно. Ведь я ничего не знаю.

Принимаю к сведению поездку в морской канал, воспользуюсь указанием. Также — на Исаакия.⁷ Ведь мы не встретимся на свадьбе Лидии Семеновны, уж очень не хочется ехать, Вам-то два шага, а нам — две железные дороги, жар, пыль, бивуак, и обратно. Да и деньги. Все это, может быть, прескверно, но я перестал это понимать. От Чулкова получил письмо, июньской книжки «Нового пути» еще не видал.⁸ Вы поймете лучше, почему мы не едем к Чулукидзе, когда увидите Шахматово. Уверяю Вас, что прекрасное место. Впрочем, как хотите, приезжайте или нет, как можете. Нам бы хотелось очень Вас увидеть, и мне — в частно-

сти. Напишите еще об этом, милый, но без стеснений и, если хотите, без объяснений. Я понимаю. За растрепанность письма не взыщите — и за бессвязность. Моя жена очень желает Вам еще больше отдохнуть. Мама просит передать Вам самые приятные и хорошие пожелания. Я вас крепко целую. Пожалуйста, кланяйтесь от меня всем Вашим близким; как здоровье сестры и брата?

Будьте здоровы и бодры, милый.

Напишите.

От станции до Шахматова — 17 верст, которые можно проехать туда и назад в нашем экипаже.

Ваш любящий *Алекс. Блок*.

34. Е. П. ИВАНОВУ

28 июня 1904. *Шахматова*

Милый, бесценный Евгений Павлович.

Получил Ваше письмо. Позвольте обнять Вас крепко. Всем нам скверно теперь — отчаянное время. Мы растем в тени, и стебли, налившись, остались белыми. Наверное, пробьется когда-нибудь в нашу тень Солнце — и позеленеем. Будем крепче всех остальных. А пока — даже мало знаем друг друга (самое глубокое) — не различаем в сплетении посторонних веток.

Вы — один из пронзительных. Мы любим сторожа, стучащего в доску, когда *спят...* все — и *близкие*. Но, чтобы полюбить *совсем*, нужно увидеть, как он копошится у темных строений с собакой у ног. И на лице его ходит ночная тень. И на Вашем лице она же — самая милая, часто *очень* страшная. Я люблю Ваше лицо — оно *прекрасно* и пронзительно. Оно, как Ваша душа, — на волоске от объятий — последних, самых цепких, неразмыкаемых, кристальной чистоты.

Если бы я встретил Вас на несколько лет раньше, я прочел бы сквозь Ваше лицо то, что угадывал в своих лицах Леонардо да Винчи. Может быть, я выпил бы Чашу с теплотой из Ваших рук. Но я — слепой, пьяный, замечающий только резкие углы безумий. Примелькались белые процессы, и я почти не снимаю шапки. Крутится моя нить, все мерно качаясь, иногда

встряхиваясь. Безумная, упоительная скачка — на привязи! Но привязь — длинна, посмотрим еще. Так хочется закусить удила и пьянствовать. Говорите, что на каком-нибудь повороте мне предстанет Галилеянин¹ — пусть! Но, ради бога, не теперь!

Вы «обижаете» меня (в кавычках, разумеется), говоря, что нарушите мою «душевную тишину». Не дай мне бог ее теперь! Все мы крутимся, и я — вечно.

Смерч московский разорил именье сестры моей бабушки, где жил С. Соловьев. Вековой сад вырван с корнями, крыши носились по воздуху.² Все люди и скоты спаслись. На днях приезжает Андрей Белый и, вероятно, С. Соловьев.

Не Вы причина моего бегства от Него. *Время* такое. Вы *знаете* Его, я верю этому. А. Белый уверяет меня, что я — с Ним.

Позвольте мне *забыть* побольше:

И долу клонит грех великий,
И тяжесть мне не по плечам.
И кто-то Жадный, Темноликий
Ко мне приходит по ночам.

(З. Гитлис).³

Только в тишине увидим Зарю. Мы — в бунте, мы много пачкались в крови. Я испачкан кровью. *Раздвоение*, особенно. Ведь я *«иногда»* и Христом мучаюсь. Но все это — завтра. Позвольте мне кончить двумя стихотворениями — для характеристики пережитого — прежде и теперь.⁴ Александру Павловичу и всем кланяюсь. Вам пожелания — от жены и мамы. От меня — любовь и удовольствие, что Вы существуете.

Любящий Вас Ал. Блок.

35. АНДРЕЮ БЕЛОМУ

29 сентября 1904. Петербург.

Милый друг.

Я потому не писал Тебе давно, что мало имел слов в запасе. И теперь их немного (хотя на деле все еще слишком много) — но я помню Тебя и люблю. Осень проходила хорошо, я мог радоваться. У меня поглаща-

ла время и «жар души»¹ физическая усталость каждого дня, очень занятого учебным делом. И теперь то же дело — и пусть оно будет так зимой — до лета, пусть многое тонет в том, в чем есть своя тишина. Изредка я начинаю понимать Твое возвращение в университет.² Ты написал мне о конкретно-жизненном, у меня было его много теперь, и я хочу сохранять это дольше и больше. За сеткой тихой суеты проходят, как в калейдоскопе, многие люди — и там же меняется нрав души — то буйно-золотой, свободный, захлебывающийся жизнью, то бездумно-тихий. Иногда поднимается глухое беспокойство — что это: слишком мало или слишком много изживается в каждом моменте. Но и это тонет. Мне все хочется теперь меньше «декадентства» в смысле трафаретности и безвдохновенности. Я пробовал искать в душах людей, живущих на другом берегу, — и много находил.

Иногда останавливается передо мной прошлое: «Я изменил — но ты не изменила».³ Но я живу в маленькой избушке, на рыбацьем берегу, и сети мои наполняются уж другими рыбами.

Приезжай в наш город зимой. Это — город хороший, дремучий. Крепко целую Тебя, до свиданья. Вот и стихи.⁴ Пришли своих.

Твой *Алекс. Блок*.

Р. С. Пожалуйста, когда будешь писать, припиши адрес Сережи, у нас никто не знает.

36. С. М. СОЛОВЬЕВУ

21 октября 1904. Петербург.

Милый друг.

Почему ты придаешь такое значение Брюсову?¹ — Я знаю, что тебя несколько удивит этот вопрос, особенно от меня, который еле выкарабкивается из-под тяжести его стихов. Но ведь «что прошло, то прошло». Год минул как раз с тех пор, как «Urbi et orbi» начала нас всех раздирать пополам. Но половинки понемногу склеиваются, раны заживают, хочешь другого. «Маг»² ужасен не вечно, а лишь тогда, когда внезапно в «раз-

рыве туч» появится его очертание. В следующий раз в очертании уже заметишь частности («острую бородку»), а потом и пуговицы сюртука, а потом, наконец, начнешь говорить: «А что, этот черноватый господин все еще там стоит?»

Конечно, это жестокий цинизм. Но мне и не хотелось бы, чтобы было иначе. Если бы было вечно так, то мы бы представляли из себя вечно и стойко сражающихся с упрямым, круторогим и постоянно разозленным быком. Вследствие привычки бык стал бы казаться только задорным петухом, и наша стойкость упала бы в собственных наших глазах, стала бы «декадентской».

Мне искренно кажется, что «Орфей» и «Медее» далеко уступают «Urbi et orbi». Почти так же, немного выше — «Конь блед». И так должно быть всегда — после затраты чудовищных сил (а ведь Брюсов иногда тратил же их «через силу»). После сильного изнурения пища сразу в рот не полезет.

Конечно, при Марии Дмитриевне «Орфей» разросся перед тобой, но... прислушайся к его «субстанции»: много перебоев, словом, то, что пишется «внешним нутром», на «авось»; много перепетого у самого себя. То же — в Медее, которая, однако, выше.

На днях я закончил большое университетское сочинение, которое лишало меня возможности читать интересное.³ Стихов почти не пишу, с декадентами очень затрудняюсь говорить, не вижу никакого сколько-нибудь продолжительного выхода из наук до конца сезона.

Конечно, после всех наших споров о Мережковском мне продолжает быть близко и необходимо «Соловьевское заветное», «Теократический принцип». Чтобы чувствовать его теперь так исключительно сильно (хотя и односторонне), как прежде, у меня нет пока огня. Кроме того, я не почувствую в нем, вероятно, никогда того, что есть специально Христос. Но иногда подходит опять близко и напевает.⁴

Недавно читал твои стихи Е. и А. Ивановым, которым они очень понравились (особенно Бернард — первый). Очень досадовал, что не имею «Beato», прошу очень прислать мне его, он — из ряду вон.

Только что мама получила твой адрес от бабушки. В конце концов ждем тебя все сюда в ноябре. Как хороши последние стихи Бориса Николаевича? Я совсем

разучился писать длинно. Скоро пришлю тебе наконец собрание своих сочинений, боюсь, что в ультра-декадентской обложке, которую Соколов от меня утаил благоразумно; уж одну я похерил.⁵

Приветствуем тебя все.

Твой *Александр Блок.*

37. ОТЦУ

29 октября 1904. Петербург.

Милый папа.

Сегодня получил наконец свой первый сборник, который посылаю Вам.¹ Пока не раскаиваюсь в его выходе, тем более, что «Гриф» приложил к нему большое старание и, по-моему, вкус. Мне хотелось «благородной скромности», потому я старался избегать посвящений «знаменитостям», если не считать учителя — Вал. Брюсова и нежного близкого друга — Андрея Белого. Что касается Вл. Соловьева, — то он в эпиграфе слишком уместен.² Быть может, я стольким обязан его стихам, что лучше было промолчать о «светлой дочери темного хаоса» и не цитировать его... Но — того требует окружающий хаос и «литературная» тупость. Лично же с Вл. Соловьевым мы некогда встретимся — но в просторной и светлой витрине неба скорее, чем в витрине книжных лавок, освещенных всесветными «газами».

Пока пишу вам только об этом. Занятия мои идут хорошо, большое кандидатское сочинение («Болотов и Новиков») закончено.

Моя жена и мама кланяются Вам.

Ваш сын *Александр Блок.*

38. В. Я. БРЮСОВУ

6 ноября 1904. Петербург.

Глубокоуважаемый Валерий Яковлевич.

Ваши слова о моих стихах останутся для меня навсегда очень важным фактом.¹ Позвольте мне просто выразить Вам благодарность и обойти строгим молчанием то, что и для меня самого не совсем досказано.

Посвящение мое в Вашем экземпляре было вызвано совершившимся, а не имеющим свершиться.² Если бы я был в состоянии считать Вас «только художником в узком смысле слова»,³ — я бы не написал, конечно, этого самого по себе некрасивого посвящения. В действительности же я был вправе, разве, умолчать о факте, который для меня ежедневно налицо. Но находящемуся «там, где весло», присуще видеть «кормщика» в том, кто «у кормила». В той неудачной и бледной рецензии о Вашей книге в «Новом пути» я пытался сблизить Вас с Вл. Соловьевым,⁴ но, кажется, это возможно будет лишь для будущего «историка литературы». Пока же я действовал на основании опыта, испытав по крайней мере *более* чем литературное «водительство» Ваше и Вл. Соловьева на деле. Параллель моя больше, чем любопытна, она — о грядущем.

Глубоко преданный Вам Александр Блок.

39. АНДРЕЮ БЕЛОМУ

23 декабря 1904. Петербург.

Спасибо Тебе, милый друг, что написал обо всем.¹ Скажу Тебе на это прежде всего, что верно Ты знаешь, *как* поймет все это тот, который сидит во мне помимо всех остальных, сидящих там же; многие из них — пренеприятные господа, которых Твое извещение заставило поугомониться, — и вот протянулся ряд хороших дней, более тихих, более глубоких, самообсуждающих. Когда начинаются эти дни, — возвращаются обыкновенно настроения, очень давно покинувшие, совсем забытые, которые, казалось, были похоронены. Может быть, я даже присутствовал на похоронах и ставил свечи, но удивительно, что встретился опять с покойником, нисколько не удивился и принял его в круг самых живых и самых близких. Этот год с осени был особенный в этом смысле. *Особенно* резко и старательно было забыто осенью, во время обычного после лета укрепления «нервов» и «просияния» по этому поводу, — все из прошлого. Летняя земля помогла, пожалуй, выковать очень хороший замок, который наглухо закрыл двери, и когда створки окончательно сдвинулись, пробудилось стремление писать зачетное сочине-

ние и рефераты.² Все это было выполнено успешней, чем когда-нибудь, стало приятно и лестно чувствовать свою «работоспособность» и возможность историко-литературных обобщений. Все это длилось до очень недавнего времени, до Рождественских вакаций. Вероятно, это было полезно и укрепительно, потому что позади этого, когда створки приоткрываются (только теперь), оказывается *воспоминание* о днях, когда «постигал я первую любовь»...³ Дело в том, что кто-то *очень Добрый* (слава богу! слава богу!) заставлял *придумывать* то, что было *пережито* раньше. Конечно, это шло туго. Говорю о «Прекрасной Даме» (о, обоюдоострое название! надоело...)... Придумыванье шло довольно давно. Может быть, теперь, когда *от многого* приходит пора отказаться (говорю о *молодости*: знаешь?), все меньше и меньше станут затемнять *Истинность* мгновенные, ребячливые построения. Ведь они были нужны, пока существовали какие-то странные, *казавшиеся* нужными связи с несовсем реальным. Очень вероятно, что поезд мой сделает еще только последние повороты — и придет потом на станцию, где останется надолго. Пусть станция даже *средняя*, но с нее можно будет оглядеться на путь пройденный и предстоящий. В нынешние дни, при постепенном замедлении хода поезда, все еще просвистывают в ушах многие тревожные обрывки, но странно: прежде мне хотелось писать Тебе и говорить вообще об этих вечно свистящих обрывках, а теперь хочется «остаться в границах» положительного письма. Такое же впечатление производят на меня и Твои последние письма. Ты пишешь все реальнее и все углубленнее; я принимаю это совсем просто и реально. С прежними письмами могли происходить случайности, — в дороге слова еще шевелились и могли искривиться. Теперь они все закрепленнее изнутри. Все это происходит как-то помимо сознания. Правда — приближается странное время, я бы сказал, что «носом и глазами впивается» непривычная стихия средней полосы жизни, как когда-то — первая юность. Несмотря на всю эту положительность, — я *знаю*, кто Брюсов, и что — именно тот, о каком Ты пишешь. Прочтя Твое письмо, я подумал, что он сейчас заглянет и к нам, но почти не боялся. Ничего не случилось. Читал вслух Любе, она сказала, что ей это «близко». Иногда я боюсь за себя. Кое-какая «пронзительность» есть на моей душе.

Странно, что я *почти* не встречал в жизни «этого» лицом к лицу. Предположить могу только одно из двух: или — окончательную бездарность в «переживаниях», — но это не так, потому что переживания «Прекрасной Дамы» были слишком несомненны; или — бессознательное уменье гонять чертей соответствующими средствами — их же оружием. Последнего-то я и боюсь иногда. Слишком мало пугаюсь. Но, может быть, ведь — я исчерпался. «Песне конец». Впрочем, «странно веселые думы мои»⁴ — налицо. Если бы Ты знал, как я *всегда НЕ ВЕРЮЮ!* Но *иногда*, как, закинув руки в «голубое», могу простоять я над бездной — и почти полет! До сих пор есть эта возможность. Пусть *не верую* даже, потому что иногда еще даже возможность покаяния как будто брежит. Впрочем, я не могу исповедаться у священника. Я думаю: «верно нужна конституция» — искренно и часто с серьезной злостью на правительство. Тут-то подбегает «ребенок — я» и, протягивая на меня палец, кричит, заливаясь смехом: «Он хочет конституции!» Этого ребенка я беру на руки и целую — и «я и Он — одно...» *опять* одно. — Туго, гладкими стихами, часто *старательно* пишу поэму.⁵ Дошел наконец до части, где должна явиться Она. Знаю, как надо..., но тут идет одна золотая нитка, которую перервать нет ни нужды, ни сил, продолжить — может быть, — тоже. Дело в том, что на корабле должна быть Она. На корабле — *бочка*, самая простая, так — среди других тюков и бочонков. В бочке — *ребенок*. Все это только канва, но на канве появился самый реальный, страшно глупый, *Добрый* мохнатый щенок с лиловым животом, по которому ходят блохи. Если я останусь правдивым, — то заменю ребенка в бочке именно таким щенком... Впрочем, пишу Тебе все это скорее затем, чтобы бросить поэму и разбить ее на отдельные стихотворения. Я не посылаю Тебе стихов — стоящих нет пока. О твоих очень соскучился, — если есть — пришли, пора *опять* испить из этого Твоего кубка.

Ведь я нарочно, почти, не *отвечаю* на Твое письмо. Слов не найду, все равно, но *знаю, знаю...* Относительно слов все более становлюсь нищим, но иногда головкружительно какое-то богатство. Видишь, и я не умею, по-прежнему, писать письма. Но пусть хранит Тебя Господь. Знаю о Твоем *СТРАДАНИИ*, страдающий и сильный — «*сильнее, чем сам предполагал*».⁶

Крепко обнимаю Тебя, и целую, и нежно люблю. Люба и мама благодарят Тебя и приветствуют. У нас елка стоит и пахнет смолой — чисто и *бело*. Поздравляю Тебя с Праздником! Поздравь, пожалуйста, Твою маму. До свиданья, милый.

Твой Ал. Блок.

40. ОТЦУ

〈Конц декабря 1904. Петербург.〉

Милый папа.

Большое спасибо за присланные Вами сто рублей, которые пришлось очень кстати. Поздравляю Вас с близящимся Новым годом и, как всегда, желаю Вам всего лучшего.

Мне странно, что Вы находите мои стихи непонятными и даже обвиняете в рекламе и эротизме.¹ Мне кажется, это нужно «понимать в стихах». В непонятности меня, конечно, обвиняют *почти* все, но на днях мне было очень отрадно слышать, что вся почти книга понята, до тонкости часто, а иногда и до слез, — совсем простыми «неинтеллигентными» людьми. Не выхваляя ни своих форм и ничего вообще *от меня* исходящего, я могу с уверенностью сказать, что, плохо ли, хорошо ли, — написал стихи о вечном и вполне несомненном, что рано или поздно должно быть воспринято всеми (не стихи, а эта вечная сущность). Что же касается «распродажи» в настоящем, то она идет, разумеется, «туго», что, впрочем, я мог ожидать всегда и ни на какие доходы не надеялся.

Если бы я хоть раз встретился с критикой «по существу», я, разумеется, воспринял бы с благодарностью самые сильные нападки. К сожалению, такая критика была еще пока только устная — и в малом размере. Раскаиваться в том, что книга вышла, я не могу, хотя и славы не ожидаю.

Еще раз, большое спасибо за деньги. Будьте здоровы.

Ваш сын Ал. Блок.

41. А. В. ГИППИУСУ

4 февраля 1905. Петербург.

Милый, дорогой мой друг Александр Васильевич.

Прости, что пишу несколько слов только. Остро люблю Тебя. Сейчас узнал об убийстве великого князя Сергея. Скитался я по улицам, и *«нѣ к кому было пойти»*.¹ К Тебе было бы можно, если бы Ты был здесь. Нужно было отвести душу. Так все трудно и так сложно — совсем неразрешимо, что будет в России и со всеми нами. Чувствую все определеннее: «Ныне мы — дети божии, но неизвестно, что будем».² Экзаменов, по всей вероятности, не будет — это комически малый результат великих событий. Однако — и это приходится принять во внимание. Но живем мы много и хорошо, только вот от событий тяжело и смутно. Откладываю подробности до другой минуты. Все мы, конечно, Тебя любим и помним и кланяемся. Кланяйся, пожалуйста, от нас всех очень Иулиании Ксенофоновне. Крепко обнимаю Тебя, милый, незаменимый.

Твой Ал. Блок.

42. А. М. РЕМИЗОВУ

28 мая 1905. Шахматово.

Дорогой Алексей Михайлович.

Большое спасибо за гонорар и книжки журнала.

Начитался «Пруда», охватило чувство «скарба» и запахов. Проглотил все сразу и жду, что дальше, с нетерпением: куда пойдет, — даже, куда выберется?¹

Надо же, чтобы конец романа обсушился, а то — ужас (Сологуб иногда перед этим ребенок...). Страх во-

рочает, когда читаешь роман. И именно пока все так: «выберется», «ворочает», «ползет». К ночи читать страшно. Есть общее со сказками «Кота-Мурлыки», единственными, по-моему, в своем роде, — которые я в детстве ужасно любил, а теперь почти забыл, — и вдруг опять «поднялось».

Поклон Серафиме Павловне и Вам.

Преданный Вам *Ал. Блск.*

43. Г. И. ЧУЛКОВУ

23 июня 1905. *Шахматово.*

Дорогой Георгий Иванович.

Большое спасибо за оттиски и книгу Котляревского.¹ Мне хотелось воспользоваться Вашим предложением и возразить на Вашу статью о Соловьеве в «частной переписке».² Но у меня не оказалось под рукой не только прозы, но и стихов Соловьева. Вероятно, возражение придет Вам С. Соловьев.³ Просматривая Булгаковское возражение,⁴ мне не захотелось и читать его, что-то совсем, совсем не о том...

Я хотел спорить с Вами о тех пунктах Вашей статьи, где говорится о трагическом разладе, аскетическом мировоззрении и черной победе смерти.⁵ В противовес этому я думаю поставить: 1) совершенную отдельность и таинственность, которой повиты последние три года жизни Соловьева; 2) лицо живого Соловьева и 3) знание о какой-то страшной для всех тишине, знание в форме скорее чутья, инстинкта или нюха (все эти три пункта, конечно, нераздельны).

К последним трем годам относится и наибольшая интенсивность Соловьева как поэта, и апофеоз того смеха (дарящего, а не разлагающего), который он точно от всех Соловьевых по преимуществу выбрал в себя, воплотил, «заключил» — сделал законным это захлебывание собственным хохотом до икоты; этот смех — один из *необходимейших* элементов «соловьевства», в частности Вл. Соловьева; и этот смех делает Соловьева совершенно неуязвимым от тех нападок Розанова, которые звучат похоронно, — «хорошо бы-де Соловьеву иметь ребенка», «Соловьев-де вялый, пасмурный, нежиз-

ненный», словом — Соловьев «во сне мочалку жует» (конечно, это я формулирую Розанова).

Последние годы Соловьев в моем предположении и впечатлении начинал *прекрасно двоиться*, но совершенно не было запаха «трагического разлада» и «черной смерти». Скорее, по-моему, это пахло деятельным весельем наконец освобождающегося духа, потому что цитированное Вами о «днях печали», «гробнице бесплодной любви» и подобное (в стих. Соловьева) насквозь *перегорало* в Купине Несказанности, о которой теперь часто (или — всегда!) говорит А. Белый. Соловьев постиг тогда, в период своих главных познаний и главных несказанных веселий, ту тайну *ИГРЫ* с тоскою смертной, которую, мне сейчас кажется, тщетно взваливает на свои плечики Мережковский... Он так хохотал, играючи, что могло (и может) казаться, что львенок рычит или филин рыдает (о филине как-то выкрикнул Соловьев в большом обществе, помните, это есть у глупейшего Велички).⁶ А ведь филин вовсе и вовсе не тоскует, когда кричит, я думаю — ему весело.

Знание наполнило Соловьева неизъяснимой сладостью и весельем (ведь его стихи имели *роковое значение*, говорите Вы, и этот Рок исполнил его *всего* Несказанным, и не от убыли, а от прибыли пролилась его богатейшая чаша, когда он умирал (и на меня упала капелька в том числе). Помню я это лицо, виденное однажды в жизни на панихиде у родственницы. Длинное тело у притолки, так что целое мгновение я употребил на поднимание глаз, пока не стукнулся глазами о его глаза. Вероятно, на лице моем выразилась душа, потому что Соловьев тоже взглянул долгим сине-серым взором. Никогда не забуду — тогда и воздух был такой. Потом за катафалком я шел позади Соловьева и видел старенький желтый мех на несуразной шубе и стальную гриву. Перелетал легкий снежок (это было в феврале 1900 года, в июле он умер), а он шел без шапки, и один господин рядом со мной сказал: «Экая орысина!» Я чуть не убил его. Соловьев исчез, как появился, незаметно, на вокзале, куда привезли гроб, его уж не было.⁷

Мне хочется написать Вам именно так, без теорий, а *облик во мне живущий*,⁸ и просить Вас не показывать письма. Конечно, это не возражение, но *это самое спо-*

рит во мне с Вами, тем более что я знаю угол, под которым стихи Соловьева (даже без исключений) представляются обмокнутыми в чернила (смерть, и смерть и смерть...). Но сквозь все это проросла линейная по сладости, дубовая по упорству *жизненная* сила, сочность Соловьева, которой Розанов при жизни его не сломил, а после смерти — подпачкал. Эту силу принесло Соловьеву то Начало, которым я дерзнул восхититься, — Вечно Женственное, но говорить о Нем — значит потерять Его: София, Мария, влюбленность — все догматы, все невидимые рясы, грязные и заплеванные, поповские сапоги и водка.

От Соловьева поднимался такой вихрь, что я не хочу согласиться с его пониманием в смысле черного разлада, аскетизма и смерти. Аскетизма ведь *не было и фактически*, и не им вызывался тот хаос, о котором говорите Вы и сквозь который вечно процветал зеленый, подлинный, живой стебель. Вступление к стихам — загадка,⁹ многое мне здесь разрешается, когда вспоминаю о *хохоте* Соловьева. Вступление *искренно* несомненно, но и хохот искренен. И когда хохот заглушен, губы серьезно сдвинуты, а борода разложена по сюртуку, как на фотографии Здобнова, — еще неизвестно, что услышим, что откроется. Еще многому надлежит явиться, о чем провещал маститый философ, заглушив в себе смех и на миг отвернувшись от игр ребенка. Еще в Соловьеве, и именно в нем, может открыться и Земля, и Орфей,¹⁰ и пляски, и песни!.. а не в Розанове, который *тогда* был именно противовесом Соловьева, не ведая лика Орфеева. Он Орфея не знает и поныне, и в этом пункте огромный, пышный Розанов весь в тени одного Соловьевского сюртука.

Дорогой Георгий Иванович. Мы с Любой ужасно жалеем, что не можем пригласить Надежду Григорьевну и Вас к нам. Дело в том, что мы живем не одни, а с родственниками, часть которых, как мы убедились по приезду А. Белого и С. Соловьева, страшно тяготится близкими нам разговорами и страдает от них чуть что не физически. Я думаю, что это скоро прекратится, т. е. мы будем жить в более согласном обществе, и может быть, на будущее лето Вы с Надеждой Григорьевной посетите нас. Теперь как-то совсем нельзя говорить, и отношения между партиями обострены, так что люди как-то оскалились до степени понятий: здесь —

«мистики», а там — «позитивисты». Но рознь глубже понятий.

Кланяемся Вам и Надежде Григорьевне. Жму Вашу руку.

Любящий Вас *Ал. Блок*.

Р. С. Прилагаю еще три рецензии.¹¹

44. Е. П. ИВАНОВУ

⟨25 июня 1905. Шахматово.⟩

Да, милый, есть больше слов, как ты писал мне. Я много и долго мучился и падал духом, и были совсем черные дни. Теперь хорошо. На днях уехали — сначала Бугаев, потом Соловьев, приехавшие вместе, привезшие новизну и голос событий, совершающихся в самой главной области — «Несказанной».¹

Знаешь, что я хочу бросить? Кротость и уступчивость. Это необходимо относительно *некоторых* дел и *некоторых* людей. Знаешь ли, что одиночество, пока оно остается *чувством*, томит, и нежит и думать не дает и рукой манит. А потом вдруг оно становится из чувства — *знанием*, и тогда оно крепит, и на узде держит, и заставляет опять *СЕБЯ ЖЕ* черпать. «Черпай, черпай, пока не иссохнет гортань, а если выживешь — силу узнаешь».

Я говорю про одиночество особого рода. Что тебе — Христос, то мне — *НЕ* Христос. Я люблю тебя и чувую близость нашу сквозь *общее наше*, что закипает и пенится и светится после нашей *СЛУЧАЙНОЙ* встречи — знакомства. Ведь с разных концов мира принесло, и все дело было во взгляде — первом и самом значительном. Может быть, нас в разных котлах варили, но вынесло в «крайнюю глухую заводь», в «край лиманов и топей речных», в «Царство Демона древней Москвы» (Коновский о Петербурге).² И стала у нас сумрачная близость, к которой часто я возвращаюсь мысленно и понять не могу. Сейчас пишу тебе так, потому что опять страшная злоба на Петербург закипает во мне, *ибо я знаю*, что это поганое, гнилое ядро, где наша удаль мается и чахнет, окружено такими безднами, такими бездонными топиями, которых око человечье не видело,

ухо — не слышало. Я *приникал* к окраинам нашего города, знаю, знаю, что там, долго еще там ветру визжать, чертям водиться, самозванцам в кулаки свистать! Еще долго близ Лахты будет водиться откровение, небесные зори будут волновать грудь и пересыпать ее солью слез, и будет Мировая Несказанность влечь из клоаки. Но живем-то, живем ежедневно — в ужасе, смраде и отчаянье, в фабричном дыму, в треске блудных улыбок, в румянце отвратительных автомобилей, вопящих на Зарю, смеющих догадываться о Заре! Петербург — гигантский публичный дом, я чувствую. В нем *не отдохнуть, не узнать всего*, отдых краток там только, где мачты скрипят, барки покачиваются, на *окраине*, на островах, совсем у ног залива, в сумерки. Но там узнаешь тишину только до рассвета, а едва рассвет запылит, — все кончено. Читал ты драму Брюсова «Земля»?³ — Там есть об этом. В сущности, я пишу так много и крикливо, оттого что хочу высказать ненависть к любимому городу, именно тебе высказать, потому что ты поймешь особенно, любя, как и я. Но надо, надо понять, что в Петербурге легче, чем где-либо, умереть без мучений, застрять и загдохнуть. Знаешь ли, что *МЫ* те, от которых хоть раз в жизни надо, чтобы поднялся вихрь? *Мы сами ждем от себя вихрей*. Мне писать так легче, чем говорить; если б говорили, я бы опять заленился, раскис, гнусил бы, как, ты знаешь, я большей частью говорю. Я и написать не могу всего, но то, чего я не могу высказать ясно, вертится все близ одного: хочу действительности, чувствую, что близится опять огонь, что жизнь не ждет (она не успеет ждать — *он сам* прилетит), хочу много ненавидеть, хочу быть жестче. И все-таки это не совсем так; если узнаю еще, напишу больше. Близок огонь опять, — какой — не знаю. Старое рушится. Никогда не приму Христа. Пиши, что в тебе теперь ответит мне, не торопись писать. Если б ты узнал лицо русской деревни — оно переворачивает; мне кто-то начинает дарить оружие... Может быть. Может быть, будет хорошо, кругом много гармонии.

Твой любящий *Саиша*.

Все это письмо уж так и посылаю в его импрессионистском и сумбурном виде. Может быть, где-нибудь вдруг оказалось то, что не сумел сказать. Какое важное время! Великое время! Радостно.

45. АНДРЕЮ БЕЛОМУ

8 августа 1905. Шахматово.

Милый Боря.

Сейчас смотрели на лунный туман. Ночь. Удивлялись. Твое письмо мне близко, близко. Спасибо. Мне хотелось именно быть Меркурием, когда я узнал, что я Меркурий в «Химерах»; более близкой мне статьи Твоей я давно не читал.¹ Я сам извещаю себя эти дни, и сам не знаю того, что извещаюсь о чем-то как бы в последний и в первый раз, как всегда бывает в острое время жизни. Извещает меня о чем-то легкая юность с перевитым жезлом, но иногда эта юность бывает косматая, разбойничья, и все-таки — легкая. Все это лето я отвечаю Тебе на Твою любовь. Как-то учащенно все думаю о Тебе, узнаю Тебя, может быть; почти не проходит дня без мыслей о Твоей единственности для меня и мира. Я *совсем* разлюбил стихи Валерия Брюсова, почти без исключений.² Над ним жестоко посмеялся кто-то. Впрочем, я хотел сказать Тебе вовсе не об этом, так как это изумительно потеряло смысл. Я ужасно молодое и, чувствуя это, очень радуюсь этому.

Узнаю Тебя, говорю о Тебе, и душа прильнула к Тебе. У меня нет религии, но мне завещано: да не смущается сердце ваше. Белые к сердцу цветы я вновь прижимаю невольно.³

Глубоко Твой Саша.

46. АНДРЕЮ БЕЛОМУ

2 октября <1905. Петербург>.

Милый Боря.

Мне вдруг захотелось послать Тебе много всяких моих стихов, и плохих и получше.¹ Напиши мне когда-нибудь, как они Тебе *вообще* кажутся, и покажи Сереже. Кроме того, можно посвятить Тебе стихотворение, приложенное здесь же? Я изумился, читая «Зеленый луг». Дело в том, что все это время я писал статью, в которой последняя глава называется «Зеленые луга».² И вдруг! Более близкого, чем у Тебя о пани Катерине, мне нет ничего.³ Почти никто не знает об этом

ничего, кое-кому известно навыворот. Но я более *или менее часто вижу людей*. Осень легкая. Часто хорошо и радостно. Спасибо Тебе за письмо. Совсем не знаю, что написать от Тебя Гюнтеру? Очень возможно, что он — идиот. Он пишет мне все открытки, где говорится: сегодня я перевел 26-е стихотворение... Сегодня 40-е. Нельзя ли назвать все «Die Frau in Sonne bekleidet»? * Эти извещения и вопросы сыплются мелким дождичком из Митавы — с Балтийского побережья — культурно и неукоснительно.

Право, я Тебя люблю. Иногда совсем нежно и сиротливо. Тебя никто не знает, но, как Ты думаешь, знаю ли я Тебя? По крайней мере, я этого всегда хочу. Ты знаешь, что со мной летом произошло что-то страшно важное. Я изменился, но *радуюсь* этому. Говорить об этом могу пока только с *непосвященными*. Но посвященным можешь быть разве Ты, никто кроме Тебя не услышит и знать не захочет. Но рядом с этим я совсем перестал бояться людей внутренне и доброжелателен ко многим больше, чем прежде. Куда-то совсем ушли Мережковские, и я перестал знать их, а они совершенно отвергли меня. Можно сказать, наплевали. Не знаю, надо так или не надо. Надрыва же никакого нет. У меня и вообще нет надрыва. Я больше не люблю города или деревни, а захлопнул заслонку своей души. Надеюсь, что она в закрытом наглухо помещении хорошо приготовится к будущему. Часто из нее исходят все только одни гармоничные ощущения. Я никогда ничего не забуду в прошлом. Кто-то мне говорит, что я очень легко могу стать Купиной. Нет причины не верить. Преследуемый Аполлоном, я превращусь в осенний куст золотой, одетый сеткой дождя на лесной поляне. Ветер повеет, и колючие мои руки запляшут свободно.

Не могу сказать, как радостно и постоянно Тебя люблю. Если иногда в этом сиротливость, то я — «сам господь своих вериг». Пришли рукопись.⁴ Мы тоже пойдем в «Пиковую даму». Спасибо за Московские известия. Вяч. Иванову передам; я еще не был у него. Вот его адрес: СПб. Таврическая 25, кв. 24.

Вечером. Сейчас вернулся от Сологуба, где видел Вяч. Иванова и передал ему, что Ты просил. Он просит передать Тебе, что не сердился теоретически, но

* «Жена, облеченная в солнце» (нсм.). — Ред.

был оскорблен лично тем, что Ты писал Чулкову. Но вообще говорил мягко и доброжелательно. Может быть, не могу передать Тебе точно, что он говорил, — ужасно устал. А мне трудно еще с Вяч. Ивановым. До свиданья, милый. Неужели правда Сережа в Риме?

Как Ты думаешь — если я кончу статью (довольно длинную) и пришлю ее в «Весы», — напечатают ли ее и заплатят ли что-нибудь? ⁵ В «Искусство» я написал все-таки две статьи, потому что обещал Соколову. ⁶

— Где Сережа? В Москве или в Дедове?

47. АНДРЕЮ БЕЛОМУ

⟨15 октября 1905. Петербург.⟩

Милый Боря.

Сегодня я получил Твое письмо — такое, какого я ждал. ¹ Это последнее (т. е. что ждал) делает мне честь. Я даже хотел в прошлом письме спросить Тебя, отчего Ты мне этого до сих пор не сказал. Отчего Ты спрашиваешь о том, буду ли я сердиться, и объясняешь, что Ты ответственен? Я тоже не ребенок, чтобы не отказаться от той словесной мерзости, которой я угостил Тебя в прошлом письме. ² Целый день сегодня мне было очень больно, но совсем не обидно. Все, что Ты говоришь, я знаю за собой (оттого и больно), — *кроме одного*: я не «наслаждался эстетически Твоими и Сережиными страданиями», и это место Твоего письма совсем не ранило меня. Это я твердо говорю. Теперь отвечу на остальные вопросы и слова Твои, которые я на этот раз понял лучше, чем обыкновенно: «Приготовление души к будущему», «заслонка души» и даже Купина (под которой я разумел, как вспоминаю, вовсе не символ богоматери, а обыкновеннейший терновый куст, который растет себе среди поля и горит) — *все это* — речи идиотски бессвязные, понахватанные чорт их знает откуда. Оправдываюсь я в этом (хотя и не нужно, потому что все равно глупо) только тем, что с первых же моих писем к Тебе помню за собой такие витиеватые нагромождения. Эти нагромождения приходили совсем не для литературных завитков и не «просто так», а очень мучительно — и были мне всегда противны (помню, что очень давно я совершенно в этом роде писал о числе 4), и, несмотря на это,

я их продолжал аккуратно писать до последнего письма. Я вообще никогда (заметь, *никогда*, даже когда писал *все* стихи о Прекрасной Даме) не умел выражать точно своих переживаний, да у меня никогда и не бывало переживаний, за этим словом для меня ничего не стоит. А просто беспутную и прекрасную вел жизнь, которую теперь вести перестал (и не хочу, и не нужно совсем), а перестав, и понимать многого не могу. Отчего Ты думаешь, что я мистик? Я не мистик, а всегда был хулиганом, я думаю. Для меня и место-то, может быть, совсем не с Тобой, Провидцем и знающим пути, а с Максимкой Горьким, который ничего не знает, или с декадентами, которые тоже ничего не знают.

Я пишу так, Ты знаешь, отчего. Но разница между декадентами и мной есть. Например, мне декаденты противны все больше и больше. Затем, — они не знают, а я «спокойно знаю» (и это бывает, правда), и притом «что», а не «как». Объяснить этого никогда не смогу и даже на словах склонен отречься от этого, когда заставят объяснять. Если Ты будешь искать кощунств в моих словах, то найдешь их слишком много, и, может быть, достаточно тяжелых, чтобы хватить ими меня по голове и убить. Мои мозги элементарны до того, что не выдерживают и более слабых довлений, чем Твои. Раз поймут много, а раз — ничего. Нет конца моей недисциплинированности в том, что причастно глубине, — а также «неподвижности», как Ты ее называешь. Но отсутствие дисциплины хуже, чем неподвижность.

Все это действительно так и надлежит студенту имп. СПб. Университета и сотруднику «Вопросов жизни». Но я не играю мистикой, а играю словами, очень нудно и скверно. Относительно мистики я знаю, что она *реальна* и страшна и что накажет меня. Но как наказать меня больше, чем я наказан, и что отнять у меня, когда я нищ? Я не понимаю, почему Ты считаешь меня богатым или «кейфующим за чашкой чая»? Я знаю, что Тебе отвратительна моя косность — во мне ее много. Когда Ты командовал «про-сияй!» и в подобных случаях я спрашивал, не нужно ли командовать это мне? А Ты сказал раз, что мне не нужно экзамена. Но я совсем не поверил этому: мне экзамен нужен строгий, но я ни за что не пойду на него, потому что я лентяй. Как Ты думал, что я «работаю во имя долга перед Прекрасной Дамой»? Я, который никогда не умел и не

умею организовать в себе что-нибудь, который имел в самый разгар стихов о Прекрасной Даме отчаянную склонность к «психологической мистике» (только что теперь не люблю ее)?!

Милый Боря. Если хочешь меня вычеркнуть — вычеркни. В этом пункте я маревом оправданий не занавешусь. Может быть, меня давно надо вычеркнуть. Часто разворачивается во мне огромный нуль. Но что мне делать, если бывает весело? Я далек от всяких ломаний, и, представь себе, я до сих пор думаю, что я чист, если и не целомудрен и кощунствен. Я чувствую Твою любовь и Твой гнев, и они справедливы.

Ты спрашиваешь, отчего я не возражал? Я теперь не помню, на что я должен был возражать и что проклясть, вероятно, я не понимал и не умел возразить. Но пусть я должен был возражать и проклинать — я этого не делал до сих пор никогда, а буду ли делать, не знаю. Говорить мне, что я тебя «соблазняю пустотой в скобках», напоминать, что Ты искушен теорией познания, и утверждать, что я «смеюсь» над Тобой, — значит меня не знать. Что у Тебя за метод? Ты ополчаешься на меня письменно, я так защищаться не стану. Не хочу, и не знаю слов, все забыл. Я думал, что Ты и представляешь меня бессловесным и не осуждаешь за это, но Тебе теперь хочется моих Словесных признаний. Говорю *теперь*, потому что я *всегда* был бессловесным, и Ты не жаловался на это. Если пришло время меня за это уничтожить — уничтожь. Если думаешь, что меня можно научить — научи, ведь я верю Тебе неизменно.

Чему мне-то учить *ТЕБЯ*? Я думаю, что могу быть достойным Тебя противником, когда бываю настоящим — собой. Все это пишет Тебе городская подделка под меня, именно — не «преображенная». А, хоть Ты и говоришь о необходимости реальных «путей» для Преображения; я думаю, что или правда иногда беспутно преображаюсь, или у меня и пути есть, только указать их не могу ни одного.

Больнее всего, конечно, когда Ты упрекаешь в насмешке. Никто во мне не смеется тогда, когда Ты чувствуешь насмешку (или, просто, говоришь о ней?), но скорее — переворачивает острые камни. Если любишь, поверь этому, а наказание я принимаю. Пожалуйста, не выуживай Аполлонов и не задавай о них вопросов, Ты можешь знать, где тут «скобки» (т. е. пустота, она же —

боль), а где «реальный путь» (т. е. радость, которую я испытываю и не умею выразить).

О стихах я во всем согласен. Знаю это, редко признаюсь себе. Но неужели не самое большое кощунство — «двусмысленные умалчивания, выдаваемые порой за тайны»? А на них Ты не нападаешь.³

В заключение, я Тебе скажу, что Твое письмо мне близко и драгоценно. Если еще напишешь (ради бога, все *прямо*), будет также драгоценно. В меня теперь Твои слова могут запасть еще больше, чем прежде, потому что теперь я таких слов никому, *кроме Тебя*, не позволю. Я очень многих ненавижу, а многих терплю, пока они говорят только приятное.

Если я предатель — прокляни меня и обо мне забудь. И скорей, чтобы я не мешал Твоему пути. Если видишь возможность — научи. Я знаю, что Ты — властный.

Твой *Саша*.

Все, что я писал, во многом — не то. Мне важнее сказать Тебе, наконец: о Тебе, Боря, как о Времени, никто не плачет, кроме меня. Если бы Ты был распят, я бы стоял у креста и смотрел бы на красную луну в черных небесах над Твоей головой. И это несмотря на то, что «первый подвиг» совершал я в непреодолимой тоске, как будто предчувствуя, что за первым будет (*должен* быть) второй и третий — преодоление дракона и смерти.⁴ Второго подвига я, может быть, никогда не свершу. Но буду стоять у Твоего креста, хоть душа тогда будет совсем испепеленной.

Независимо от этого, ответь: распинаю ли я Тебя? существую ли я? Ведь

Предо мною куст терновый
Огнем горел и *НЕ СГОРАЛ*.⁵

Я помню об этом не из стихоплетства. Так сделай так, чтобы я чувствовал еще бо́льшую боль, или — совсем никакой боли.⁶

48. ОТЦУ

30 декабря 1905. Петербург.

Милый папа, поздравляю Вас с наступающим Новым годом, который, бог даст, хоть частью разрешит и трагедии и нелепости настоящего времени. Пишу Вам

немного, потому что давно не имею никаких сведений о Вас, а о Варшаве — только газетное вранье. В этом году мне удавалось получать довольно много литературной работы: с марта меня печатали в большом количестве «Вопросы жизни» (преимущественно — рецензии).¹ Осенью я познакомился с С. А. Венгеровым, для которого перевел несколько больших и маленьких юношеских стихотворений Байрона (в издание Ефрона, для III тома)², и теперь жду новых переводов Байрона от него же. Кроме того, Венгеров заказал мне историко-литературную компиляцию: «Очерк литературы о Грибоедове», на которую пошло довольно много труда.³ Если жизнь всех издательских фирм не прервется окончательно (а это становится, по словам того же Венгерова, очень возможным), — моя работа войдет в какое-то новое школьное издание Грибоедова. Таким образом, я все-таки доволен работой истекающего года. Стихов писал много, чувствую, что в них все еще много неустановившегося, перелом длится уже несколько лет. Появление новых стихов в печати жду в начале будущего года, — основываются бесчисленные журналы, из которых иные, впрочем, могут и прогореть. Все это ужасно шатко теперь. Отношение мое к «освободительному движению» выражалось, увы, почти исключительно в либеральных разговорах и, одно время, даже, в сочувствии социал-демократам.⁴ Теперь отхожу все больше, впитав в себя все, что могу (из «общественности»), отбросив то, чего душа не принимает. А не принимает она почти ничего такого, — так пусть уж займет свое место, то, к которому стремиться. Никогда я не стану ни революционером, ни «строителем жизни», и не потому, чтобы не видел в том или другом смысла, а просто по природе, качеству и теме душевных переживаний.

Университетские мои занятия, разумеется, оборвались, но, кажется, я насильно (вместе с другими) переведен на VIII семестр и он мне насильно зачислен, так что я уже не студент. Государственный экзамен становится мечтой, далекой от воплощения.⁵ Совсем оставив пока университетские (учебные) мысли, думаю иногда лишь о «предметной системе» и ее преимуществах.

Живем мы по-прежнему и благодаря совместной жизни, казенной квартире и моим заработкам (около

50 руб. в месяц) — совершенно обеспеченно. Надеюсь, что и в будущем году буду работать, чувствую все преимущество работы (и моральное и материальное). Препятствие для заработка (литературного) только одно: революция, но ее я в этом смысле (по легкомыслию, может быть) — не боюсь. А в смысле моих последних «дум» о Государственной думе я все-таки «мещанин» (по Горькому),⁶ так как не прочь от «земцев»,⁷ Струве и пр. «умеренных» партий (разумеется, не для жизни, а для «Государственной думы» и т. п.).

Милый папа, напишите мне, пожалуйста, что-нибудь о себе. Кланяйтесь Е. В. Спекторскому, о котором у меня приятное воспоминание. Целую Вас. Жена кланяется и поздравляет Вас с Новым годом.

Ваш сын *Ал. Блок*.

49. АНДРЕЮ БЕЛОМУ

3 января (1906. Петербург).

Милый брат Боря,

я все ближе и ближе к Тебе, все больше понимаю все, что Тебя касается, и все нежней и заветней Тебя люблю. Мне сейчас тоскливо. Только что вернулся с большого собрания, где *Факелы* и *Жупелы* обсуждали свои театры.¹ Там я молчал, как всегда молчу, но выяснилось, что мне придется читать на литературном вечере в пользу театра и писать пьесу, «развивая стихотворение *Балаганчик*».² Все это строительство таких высоко культурных людей, как Вяч. Иванов, и высоко предприимчивых, как Георгий Чулков и Мейерхольд, начинает мучить меня. Чувствую уже, как хотят выскоблить что-то из меня операционным ножиком. Все это Ты знаешь гораздо лучше меня, потому я пишу Тебе, чтоб облегчить душу. Самое ужасное для меня (отчего и тоскую), что не умею быть самостоятельным. Уже я дал всем знакомым бесконечное число очков вперед, и они *вправе* думать, что я всей душой предан мистическому анархизму; я не умею опровергнуть этого и не умею возразить, особенно при публике. Напиши, *надо ли* мне высказаться по отношению к лицам, принимающим меня за бунтаря и мистика? Ты-то знаешь, что это не так. — Вчера я был на минуту у Мережковских, Тата была проста, она скоро придет, а Зинаида Николаевна опять ломалась и литературничала. — Дмитрия Сергеевича не видел. Шапка его нашлась.³ — Вчера я написал С. А. Полякову предложение издать мой сборник в «Скорпионе»⁴ и сотрудничать в «Весах» (стихами). Не надеюсь на его согласие. Перевожу Байрона — единственная отрада.⁵ — Сегодня, из всего многолюдного собрания мне понравился только Максим Горький, простой, кроткий, честный и грустный;

я думаю, если бы около него не было такой гадости, как <...>, он был бы еще лучше. Где-то в нем брежит и «Максимка», а грусть его происходит во многом оттого, по-моему, что он весь захватан какими-то руками — полицейскими, что ли?

Я получил вчера Твое письмо, спасибо Тебе, родной мой Боря. Потом я буду писать Тебе о себе много, я хочу, чтоб Ты знал обо мне много. Теперь еще не могу, потому что сам не знаю всего, и буду стараться скорей узнавать — Ты мне бесконечно помог в этом, ужасно важном и для меня самого, деле. Пиши мне, милый, я уже не могу нормально существовать без Твоей поддержки от времени до времени. За эти дни, из приносимого почтальонами и мной из чужих квартир, — настоящими были только Твои письма. Милый мой брат, обнимаю Тебя. Мне теперь гораздо лучше, стало тихо и опять бережно вокруг.

Твой брат *Саша*.

50. В. Я. БРЮСОВУ

11 января 1906. <Петербург.>

Глубокоуважаемый Валерий Яковлевич.

Приношу Вам мою глубокую благодарность за Вашу книгу, которую я сейчас получил, и за надпись, сделанную Вами на ней.¹ Вы знаете, что я издавна люблю Вашу поэзию и многим обязан ей, как ученик. На этих днях я писал о «Венке» рецензию, которая должна появиться в первой книжке «Золотого руна».² В этой рецензии, характера очень не критического, но лирического, я почувствовал невозможность писать всякие формальные слова и говорил только об одной стороне, которая начала определяться для меня еще до появления «Венка». По-моему, поэзия «Венка», превосходя всю предыдущую Вашу поэзию, в отделе «Правда кумиров» особенно, — возвращает вместе с тем к одной ноте Вашего сборника «*Me eum esse*» — в отделе «Вечеровых песен» — для меня самом близком и драгоценном.

Глубокоуважающий Вас *Александр Блок*.

31 января 1906. (Петербург.)

Многоуважаемый и дорогой Петр Петрович.

Получил Ваш подарок «Венецию», которую читал с глубокой нежностью и благодарностью еще в «Новом пути». Большое спасибо Вам за книгу и за надпись, такую лестную и такую дорогую для меня.¹ Опять буду читать и перечитывать и помнить уроки Вашего «стиля», в котором я давно чувствую важное и родное — дыхание истинной тишины *тех самых* «поздних времен». ² Я знаю (пережил), что бывает, когда читаешь Ваши книги, или статьи, часто даже независимо от содержания (публицистика ли, или политика, или «Венеция», или «профессор Сумцов»). Начинается тихая весенняя *капéль*, и вот — поднимаешь глаза на окно, а уж сумерки, и знаешь, что весна, и в небе серый клуб облака наплывет на другой, и проплывет мимо, и откроется нежная лазурь, и талый снег зацветет. Боже мой, *сколько Вы знаете!* Это то самое, что Андрей Белый называет «*страной*» и о чем мы с ним часто говорим, переглядываемся или просто молчим, когда нет человеческого «сквозняка».

Спасибо за то, что поместите в «Слове» стихотворение Смородскому (конечно, можно назвать его «Летний сон») и о Лермонтове.³ Граф Сэн-Жермэн и «Московская Венера» совсем не у Лермонтова. Очевидно, я написал так туманно об этом, потому что тут для меня многое разумелось само собой. Это — «Пиковая дама», и даже почти уж не Пушкинская, а *Чайковского* (либретто Модеста Чайковского):

Однажды в Версале aux jeux de la reine
 Venus Moscovite проигралась дотла...
 В числе приглашенных был граф Сэн-Жермэн.
 Следя за игрой...
 И ей прошептал:
 Слова, слаще звуков Моцарта...
 (Три карты, три карты, три карты)...

и т. д. — Но ведь это пункт «маскарадный» («Маскарад» Лермонтова), магический пункт, в котором уже

нет «Пушкинского и Лермонтовского», как «двух начал петербургского периода», но Пушкин «аполлинический» полетел в бездну, столкнувшись туда рукой Чайковского — *мага и музыканта*, а Лермонтов, сам когда-то побывавший в бездне, встал над ней и окостенел в магизме, и кричит Пушкину вниз: «Добро, строитель!»⁴ Это — «все, кружась, исчезает во мгле».⁵ Конечно, если это туманно написано, просто можно вычеркнуть.⁶ Я путаюсь в этом страшноватом для меня пункте. — Спасибо, спасибо!

Искренно любящий Вас *Ал. Блок*.

52. И. Ф. АННЕНСКОМУ

12 марта 1906. Петербург.

Многоуважаемый Иннокентий Федорович.

С радостью получил я Ваши трагедии.¹ «Иксиона» я читал давно, но так невнимательно, вероятно, что впоследствии, читая «Тихие песни», не узнал в них автора трагедий и переводчика Вакхилида.

Потому «Тихие песни» до недавнего времени были для меня совершенно отдельной книгой, вневременной; и это — к лучшему (для меня), потому что я читал их, не делая никаких историко-литературных сближений, в светлые осенние дни. Тогда была близка «золотистость» (Тютчевская) и раннее весеннее:

И с бадьями журавли,
*Выпрямляясь, тихо стонут.*²

Потом целый осенний вечер в глухой деревне я читал Вашу книгу вслух — и был ряд открытий:

*Золотые сулики вы дали
За узором двойных королей.*³

Когда умолкает для слуха
Железа мучительный гром...
Мне тихо по коже старуха...⁴

«Это» навсегда в памяти. Часть души осталась в этом.

Теперь буду читать трагедии; за присылку их горячо благодарю Вас. К несчастью, моя рецензия о Вашей «Книге отражений», которую мне поручило «Слово», должна задержаться, потому что меня «гнетут» государственные экзамены.⁵

С искренним уважением и преданностью

Александр Блок.

53. В. Я. БРЮСОВУ

18 апреля 1906. Петербург.

Многоуважаемый Валерий Яковлевич.

Я глубоко признателен Вам за Ваши слова, переданные Борисом Николаевичем. Позвольте еще раз выразить мое глубокое уважение к Вам и благодарность за Ваше отношение к моим стихам.

М. Ф. Ликиардопуло писал мне, что скоро предполагается приступить к печатанию сборника.¹ Могу ли я просить Вас, чтобы он печатался обычным шрифтом «Скорпиона», как в первых «Северных цветах» (1901—1903); я думаю, что шрифт «Urbi et orbi» и «Stephanos»² слишком классичен для моих стихов; кроме того, мне хочется, чтобы каждый стих начинался с большой буквы. Формат, обложка и даже бумага давно представлялись мне, как в «Письмах Пушкина и к Пушкину»;³ это оттого, что во мне есть консервативная книжность: я всегда чувствовал особенную нежность к обложкам с простыми буквами или в старинной книжной рамке, а сложные линии и все, превышающее виньеточность, скоро надоедало. До сих пор я люблю целиком издание «Пана»: и формат, и бумагу, и 4 простые зеленые буквы на сером;⁴ еще я думал о красных буквах на сером или серо-синем.

Но все, касающееся обложки, формата и бумаги, второстепенно, а, главное, прошу Вас о шрифте и больших буквах.

Искренно преданный Вам и уважающий Вас

Александр Блок.

Р. S. Очень благодарю Вас за корректуру «Весов», которую отсылаю сегодня же.⁵

54. А. В. ГИППИУСУ

〈7 мая 1906. Петербург.〉

Милый Александр Васильевич, ужасно жалею, что ты не застал нас, как раз все разошлись в разные места. Я приду непременно, но через некоторое время, потому что чувствую измученность и нападает тоска. А тебя очень люблю и крепко целую.

Твой *Ал. Блок.*

55. В. Я. БРЮСОВУ

5 июня 1906. Шахматово.

Многоуважаемый Валерий Яковлевич.

Спасибо еще и еще — за пленительную книгу Верхарна и за надпись на ней.¹ Теперь буду с любовью, шаг за шагом читать Ваши переводы; а когда они встречаются в журналах или газетах, — всегда читаются не так охотно, как оригинальные стихи: плохая бумага, два столбца, как в «Журнале для всех». Мне захотелось послать Вам просто так («для ознакомления») мою попытку перевода стихотворения из «Toute la Flandre»; кажется, некоторые места вышли недурно и близко к подлиннику,² хотя я не имею понятия о законах свободного стиха, а из Верхарна знаю только одну книгу, да несколько строк из других, какие попадались в рецензиях.

В Вашей книге прочел «От издателей» и новый каталог «Скорпиона»; за то и за другое опять искренно Вас благодарю.³

Глубокоуважающий и искренно преданный Вам

Александр Блок.

56. Е. П. ИВАНОВУ

25 июня 1906. 〈Шахматово.〉

Милый Женя.

Жара, сильные грозы и долгие дожди, а потом опять жара — так все время. Сыро и душно, но хорошо, и в природе все по-прежнему; так же по-прежнему

и в душе — осадок и тоскливость после зимы (все еще!), страшная лень (писать и думать) и опять «переоценка ценностей», как каждое лето. Думаю, однако, что тем летом эта переоценка была не так бесплодна, как теперь: ужасное запустение, ничего не вижу и не слышу больше. Стихов писать не могу — даже смешно о них думать. Ненавижу свое декадентство и бичую его в окружающих, которые менее повинны в нем, чем я. Настал декадентству конец, теперь потянется время всеобщих повторений, и нечего думать о литературных утешениях, пока кто-нибудь не напишет большой и действительно нужной вещи, где будет играть *роль тело не меньше, чем дух*. Все переутомились и преждевременно сочли святым свой собственный больной и тонкий дух, а теперь платятся за это. О ком ни подумаешь, — все нет никого, кто бы написал освежительную вещь. Наступила Тишина — самая чертовская — несмотря на революцию. Про большинство людей восклицаешь: «И это — Шиффлер!»¹

Все мы получили твои письма. Ты прекрасно видишь из всего вышеупомянутого, что для меня всего милее то, что ты пишешь мне, потому что там нет цитат из Священного писания: окончательно я изнигилистился, спокойно говорю — и мало скорблю об этом, потому что чаще всего тоскую неизвестно о чем. Все, что ты пишешь о всеобщей тоске и тьме,² — совершенно так, но не верю причинам, которые ты выставляешь. Нет ни причин, ни начала, ни конца этому для того, кто тоскует. Ты не совсем тоскуешь, потому что видишь светлую точку в конце темного коридора, как пишет об этом Мережковский, хотя сам-то, пожалуй, и не видит светлой точки. Я же, если бы писал что-либо подобное, — лгал бы; и как только запишу декадентские стихи (а других — не смогу) — так и налгу. В голове много глупостей и гадостей.

Иногда мы ведем умные разговоры, а часто загадываем шарады и хохочем. Гуляем и в саду немного копаемся. Ты знаешь, если бы ты смог даже на неделю приехать, и то бы стоило: здесь время идет вдвое-втрое тише, чем в людных местах. От мух советую купить пачку бумажек «Tanglefoot» — к ним мухи прилипают, и тогда ощущаешь нечаянную радость от их страданий; избиению их, поджиганию свечкой и прочим истязаниям я также посвящаю немало времени.

Ведь ты напишешь еще рецензии в «Страну» и еще получишь денег. Может быть, когда найдешь новую квартиру в Петербурге — приедешь? Хоть на неделю? Хорошо бы. А я буду писать рецензии в «Слово», мне прислали книг.³ Читал я много — Сологуба «Тяжелые сны» (очень хорошо), Горького («Трое» были для меня важны), Гамсуна и Гауптмана. Лучшая пора жизни — ночью перед сном, когда все тихо, — читать в постели — тогда иногда чувствуешь, что можно бы стать порядочным человеком.

Напиши, Женя, и приезжай все-таки, если сможешь. Может быть, ты извлечешь из здешней тишины больше, чем я. Всем твоим передай от всех нас поклон — и Александру Павловичу и Евгении Алексеевне. Куда за границу едет Александр Павлович? Ах да! Может случиться, что мы с Любой поедem осенью в Италию, хотя я сам мало этому верю. Люба очень хочет, да там, надо полагать, и действительно хорошо — в Венеции, Риме и Флоренции.⁴ Но надо для этого нарабатывать денег. Крепко тебя целую.

Твой Саша.

57. Г. И. ЧУЛКОВУ

7 июля 1906. Шахматово.

Дорогой Георгий Иванович. За книгу с надписью большое спасибо.¹ Все лето думаю о многом, связанном с этой книгой. Прочел, и еще буду возвращаться. Ваши краткие статьи, как стрелы — одна за другой, — ранят, пролетая, но откуда и куда летят — неизвестно. Многое попадает прямо в сердце. Вы пишете жестоко и справедливо. Самое жестокое теперь — сказать: «социализм — по счастью — перестал быть мечтой».² Это главное, что жалит пока; в таких словах в наше время — *полная правда* (а это редко в литературе вообще). Вывод из них: весь табор снимается с места и уходит бродить после долгой остановки. А над местом, где был табор, вьется воронье.³ Это — жестокая правда социализма в современной фазе. Этот вывод не связан с предыдущим, с событием эпохи императора Александра III и писателя Лейкина: не связан до такой степени, что люди богомольные сочтут его наказанием за

грехи и по-своему будут правы: копили, копили — и вдруг все отдать, включая сюда письма невесты и кусок гвоздя, которым приколачивали ко кресту Христа. Это — социализм и «мистический анархизм» оба об этом говорят, и оба — не «учение», так же как «мистика» и «анархия», каждая отдельно: потому что они говорят о поступках, а на поступки решаются, не учась. Может быть, теперь особенно надо, решаясь на поступки, многое забыть и многому разучиться.

Почти все, что Вы пишете, принимаю отдельно, а не в целом. Целое (мистический анархизм) кажется мне не выдерживающим критики, сравн. с частностями его; его как бы еще нет, а то, что будет, может родиться в другой области. По-моему, «имени» Вы не угадали, — да и можно ли еще угадать, когда здание шатается? И то ли еще будет? Все — мучительно и под вопросом.

Получил извещение о том, что «Факелы» соединяются с «Адской почтой», и, еще раньше, Ваш отчет о «Факелах» (спасибо!). Пусть остается мой пай в книгоиздательстве. Совсем не знаю об «Адской почте», послал туда стихи и просил ответить, но получил только 3 №№ «Адской почты» и потом — ни слуху ни духу.

«Скорпион» объявил, что символизм закончен, — и пора было это сказать.⁴ В связи с этим манифестом, который стал моим убеждением, я теперь теряю или приобретаю надежды. Пока больше теряю — так и живу.

Еще раз спасибо. Всего, о чем думаешь, не написать. Крепко жму Вашу руку, дорогой Георгий Иванович. Надежде Григорьевне и Вам от нас поклон.

Любящий Вас Ал. Блок.

58. АНДРЕЮ БЕЛОМУ

12 августа 1906. <Шахматово.>

Боря, милый!

Прочтя Твое письмо,¹ я почувствовал опять, что люблю Тебя. Летом большей частью я совсем не думал о Тебе, или думал со скукой и ненавистью. Все время все, что касалось Твоих отношений с Любой, было для меня непонятно и часто неважно.² По поводу этого

я не могу сказать ни слова, и часто этого для меня как будто и нет. По всей вероятности, — чем беспокойнее Ты, — тем спокойнее теперь я. Так протекает все это для меня, и я нарочно пишу Тебе об этом, чтобы Ты знал, где я нахожусь относительно этого, и что я *верю себе* в этом. Внешним образом, я ругал Тебя литератором, так же как Ты меня, и так же думал о дуэли, как Ты.³ Теперь я больше не думаю ни о том, ни о другом. Я думаю совершенно определенно так же, как Люба и мама, каждый со своим оттенком, что Тебе лучше теперь не приезжать в Петербург,⁴ — и лучше *решиительно для всех нас*.

В ответ на Твое письмо мне хочется крепко обнять Тебя и сообщить Тебе столько моего здоровья, сколько нужно, чтобы у Тебя отнялось то, что лежит в одних нервах — только болезненное и ненужное. Я думаю, Ты согласен, что частью Тебя отравляет истерия.

Ты знаешь, Боря, милый, что я не могу «пытать», «мучить» и «бичевать»,⁵ и что я не могу также бояться Тебя. Это все, что я могу сказать — и повторить еще раз, что я Тебя люблю.

Относительно «Нечаянной Радости»: *не* посвящаю ее Тебе; во-первых, потому, что не вижу теперь — «откуда» Тебе ее посвящу; во-вторых, наши отношения стали глубже и они не безмятежны так, как требуется при посвящении. Наконец, я не знаю и не понимаю теперь, «где Ты», и посвящение было бы внешним.

Милый Боря, Ты знаешь теперь, что я люблю и уважаю Тебя. Пишу Тебе все без малейших натяжек и без лжи. Крепко целую Тебя.

Твой Саша.

59. МАТЕРИ

1 октября <1906. Петербург>.

Мама, я сейчас возвратился домой и захотел тебе написать, потому что, когда мы встречаемся, большей частью не говорится ни одного слова, а все только разговоры или споры. Я эти дни очень напряжен, хочу, чтобы это напряжение увеличивалось все больше; больше меня не утомляют чужие люди, напротив, они

выдвигают из меня человека, которого я люблю по-настоящему, все больше, и почти всегда, в сущности, нахожусь во внутреннем восторге. Это заставляет меня наружно многое пропускать; при этом мне кажется, что ты на меня смотришь вопросительно — очень часто. Я хочу, чтобы ты всегда определенно знала, что я ни минуты не перестаю тебя любить по-настоящему. Также, не знаю, по-настоящему ли, но наверно, я люблю Францика и тетю. Относительно Любы я наверно знаю, что она тебя любит, она об этом говорит мне иногда просто. Я хочу, чтобы эти простые истины всегда сохранялись и подразумевались, иначе — ненужное будет мешать.

Кроме того, я теперь окончательно чувствую, что, когда начинаются родственники всех остальных калибров, а также всякие знакомые, и офицеры вообще, — то моя душа всех их выбрасывает из себя органически, без всяких либеральных настроений. Для меня это внутренняя азбука, так что даже когда я любезен с ними, то потом тошнит, если у души на это оказывается свободное время. Это — мой хам, т. е. не во мне, а в них — для меня. Никого из них я ни за что «не приму»; тем самым, что они родственники, они стали для меня нулем, навсегда выброшены. Они не могут ничем заслужить человеческое достоинство в моих глазах не потому, что тут какие-нибудь теории, а по какому-то инстинкту проклятия отдаленной кровной близости со мной или с Любой. Все они не только не могут, но и не смеют знать, кто я. Все они также призрачны, как городовые, которые внимательно смотрят за идущим и возбуждают тупое бешенство, или как солдаты — по одному с бессмысленным штыком и казенной бумагой — или по три, или — целой гороховой толпой — тупые и опоганенные мужики.

Все это — прокламация о моем душевном организме. Поскольку прокламация — это глупо и ненужно; а написал я затем, чтобы строго отделить себя от этого и чтобы ты раз навсегда знала, что то, что я написал о родственниках и городских, — это я инстинктивный, а с настоящим моим «я» не смешивается никогда. Этого ужаса я избегал, я думаю, потому, что Александр Львович его исчерпал.¹ А я живу всегда одной нотой, чем больше она освобождается и стряхивает с себя постороннее, — тем громче и торжественней звучит, так

что я себя все больше и глубже люблю. Крепко обнимаю тебя. Я часто хочу, чтобы ты пришла, когда ты не приходишь. Не мешаешь.

Сашинька, или Саша.

Негодник Крабка вовсе не умирал, я его люблю по-настоящему.²

60. В. Я. БРЮСОВУ

17 октября 1906. <Петербург.>

Многоуважаемый и дорогой Валерий Яковлевич.

Большое спасибо за письмо. Драма «Король на площади» должна идти в этом сезоне у Коммиссаржевской, так что я не знаю, печатать ли ее до появления на сцене.¹ К тому же, срок еще не назначен, да и цензуры я немного побаиваюсь. А драму уже давно у меня просит Рябушинский.² Я не знаю, как бы Вы отнеслись к ней, сам я не вполне ею доволен и с формальной и с внутренней стороны. Она — трехактная, и есть места, мало связанные с действием. Техникой я еще мало владею. Боюсь несколько за разностильность ее, может быть, символы чередуются с аллегориями, может быть, местами я — на границе старого «реализма». Но, в сущности, так мне хотелось, и летом, когда я обдумывал план, я переживал сильное внутреннее «возмущение». Вероятно, революция дохнула в меня и что-то раздробила внутри души, так что разлетелись кругом неровные осколки, иногда, может быть, случайные. Вообще, кое-чего, в чем упрекают меня, я хотел сам, и сделал так не от неумелости. В другом, конечно, я грешен, и надо писать еще и еще; и опять очень хочу драматической формы, а где-то вдали — трагедии.

«Король на площади» не длинен. Чтения всего — час с небольшим. — Спасибо за сведения о «Нечаянной Радости». Поэму «Ночная Фиалка» я никуда не отдавал и ужасно хотел бы, чтобы она появилась до сборника. Она мне до сих пор нравится. Если бы она могла попасть в «Весы», я был бы очень счастлив.³

Еще раз спасибо. Когда будете в Петербурге, я буду очень рад Вас видеть. Соберитесь, пожалуйста, к нам.

Искренно преданный Вам Александр Блок.

7 ноября 1906. Петербург

Многоуважаемый Евгений Яковлевич.

Только на днях получил я через «Золотое руно» Ваше письмо и стихи А. Звенигородского. Прежде всего, за письмо издали крепко жму Вам руку. Не стоит много и говорить. — Вы сами знаете, конечно, что такое читатели, как Вы, не издавшие меня в глаза, не слышавшие обо мне лично ничего и прочитавшие только сборник стихов, т. е., лучшую часть души — без ежедневного в ней хлама — ценнее и дороже всего. Потому горячо Вас благодарю, настолько горячо, насколько могу сейчас, когда поглощен соображениями и заботами злободневными.

Мой сборник «Нечаянная Радость» выйдет скоро — самое позднее — к Рождеству. Эту Нечаянную Радость я, пока что, пожертвовал в стихи, как все мы постоянно жертвуем; и потому, конечно, часть души у себя отнял, как все мы отнимаем. Стихи написаны, потом печатаются, автор их забывает и торопится лихорадочно к новому, тоскуя, если оно долго не приходит. Так было и со мной — со стихами о Прекрасной Даме, а теперь и Нечаянной Радостью. В том и другом уж многое разлюбил, как прошедшим туманом его закрыло и отодвинуло от меня. А я вот живу, как все мы живем, немножко тоскуя обывательской чеховской тоской, лишь изредка открывая глаза и бодрствуя. Потому, всегда немного стыдно, когда обращаются с похвалами *лично* ко мне, как будто я вовсе не виноват в своих стихах. Не всегда есть, чем пережить такую похвалу, потому что умерла и погребена та часть души, за которую хвалят. Но спасибо Вам от души.

Теперь о «*Delirium tremens*».* Не нравится мне ничего, кроме одного стихотворения: «Солнце в могилу глядит», да и то — «земля, *изъятая* на три аршина» — нехорошо. Я бы решился и объективно, отрешившись от своего впечатления, утверждать, что сборник этот слаб. Можно простить автору слабость техники, потому что она — дело наживное. Но нельзя простить вычурность и отсутствие стройной психики.

* Белая горячка (лат.). — Ред.

Какая бы ни была страстная буря в душе, — ей нужно уметь жонглировать и владеть для того, чтобы быть поэтом. Стихи вовсе не есть «кровавое дно, где безумствует жрица», как сказано в эпиграфе; скорее — стих мертвый кристалл, которому в жертву приносишь часть своей живой души с кровью. «Убивай душу — и станешь поэтом» сказал бы я, нарочно утрируя, для того чтобы точнее передать то, что чувствую; или — «убивай естество, чтобы рождалось искусство». У А. Звенигородского нет самопожертвования в этом смысле — самого страшного, потому что не видного для других и наиболее убийственного. Если Тютчев сказал о поэте:

Он не змею сердце (девы) жалит,
Но, как пчела, его сосет,¹

то нельзя забывать, что сердце самого поэта сосет, как пчела, его искусство. Если этого нет (этой страшной, незаметной жертвы), то получается поэт по преимуществу *декадентский*, как А. Звенигородский: конечно, одинокий, даже не подражательный (можно не считать легкого влияния, пожалуй, Бальмонта, если не «школы символистов» вообще), но и не передающий другому своего дыхания. Вот, мне кажется, основная *неправда* его поэзии, может быть, не лишенной своеобразности, особенно в отдельных строках. Но хуже всего, когда в маленьком стихотворении приходится искать отдельных строк, или удачных рифм. Лучше, чтобы стихи были еще слабее по форме, но чтобы они были внутренне цельнее — чтобы в них сдержанно и целомудренно дышала душа — пусть самая безудержная и страстная.

Еще раз, спасибо Вам за письмо. Крепко и с благодарностью жму Вашу руку.

Александр Блок.

62. Е. П. ИВАНОВУ

15 ноября <1906. Петербург>

Женя, милый. Все, что ты пишешь, кроме одного, я знаю и подписываюсь под этим.¹ Знаю, что я перестаю быть человеком бездны и быстро превращаюсь

в сочинителя. Знаю, что ломаюсь ежедневно. Знаю, что из картона.

Но при этом: во-первых, не умею себе самому каяться в этом, думаю, что поздно каяться, что *та* молодость прошла, и решаюсь убивать эту молодость все дальше сочинительством. Один раз Аничков мне рассказывал, как над моей могилой будет кривляться мой двойник, и я это одобрил и этому поверил, насколько может во что бы то ни было верить моя теперешняя душа.

Во-вторых, я не могу не бранить и не ненавидеть, правда, часто бледной и серединной ненавистью, «тех, кто не с нами», хотя и знаю, что я сам не с собой. Зато со мной — моя погибель, и я несколько ей горжусь и кокетничаю.²

В-третьих, когда я тебе писал, что люблю, действительно так было и сейчас есть.³ Мы не говорили с тех пор, как я тебя ругал. Но давно уж, когда вспоминаю про тебя, то всегда с почетом и нежностью. Чтобы идти к тебе, надо выбрать время, потому что часто нам было бы *скучно* и *бестолково* вместе: ты *человек*, а я перестаю быть человеком и все больше становлюсь ломакой. Пусть так. Все это писать мне не составляет никакого труда и надрыва, потому что я не открываю всего этого в себе, но молча с этим помирился. Если ты еще будешь принимать меня так же, как принимал всю эту осень, ласково, я буду знать, что поддержка есть. Но человеком становиться едва ли удастся, да я сейчас и не хочу. Я *«занят»*. Завтра не приду, потому что мне будет 26 лет и придут обедать мама и тетя Маня. В пятницу буду тебя ждать.

Не навсегда я потерял бездну. Всегда одним краем уха слышу. Даже когда совершенно изломан и совершенно мертв. Может быть, от последнего у меня и нет «моральных выводов». Себя ненавидеть не умею и не хочу. Знаешь, я свое лицо люблю.

Тебя я отрицал, когда во мне еще ломался человек. Теперь сломался — и я тебя *уважаю глубоко и люблю* (как мертвые живых?).

Очень твой *Сама*.

6 декабря 1906. Петербург.

Боря.

Я получил и письмо, и фотографию, и стихи, но не отвечал тебе отчасти потому, что уезжал в Москву на конкурс Золотого руна.¹ Главное, впрочем, не мог тогда ответить, потому что недостаточно просто относился. Теперь — проще, и могу писать, но постараюсь писать меньше, чтобы не было неправды. И, конечно, прежде всего только за себя одного. При теперешних условиях, когда все и всюду запутано, самое большое мое желание быть самим собой. Так вот: ты знаешь, что я не враг тебе сейчас и что о «Кусте» я совсем не думал и не думаю и не могу обижаться.² Ты пишешь, по-моему, очень верно, что ложь в наших отношениях была и что она происходила от немоты. Тем более необходимо теперь, когда мы оба узнали, что ложь была, всячески уходить от нее. И это, очевидно для меня, — *единственный долг* для нас в наших отношениях с тобой. Ты же пишешь принципиально, что «немоты не должно быть между людьми». Я могу исходить только из себя, а не из принципа, как бы он ни был высок. Поэтому говорю тебе: сейчас я думаю, что я ниже этого принципа, и, если и могу нарушить свою немоту по отношению к тебе, то только до известной степени, но не до конца. Если я позволю себе это относительное нарушение немоты, — опять будет ложь. Почему не могу до конца, ты знаешь: преимущественно от моего свойства (которое я в себе люблю): мне бесконечно легче уйти от любого человека, чем прийти к нему. Уйти я могу в одно мгновение, подходить мне надо очень долго и мучительно; теперь во мне нет мучительного по отношению к тебе и потому еще нет путей. Навязывать себе какие бы то ни было пути я ни за что не стану, тем более в таких случаях, как наш; *важность* его я знаю очень хорошо и не могу не знать: не было бы всего, что было, если бы было не важно.

Теперь: если я еще не могу идти навстречу тебе и говорю тебе об этом, — то также не чувствую, что ты идешь мне навстречу. То, что ты пишешь, — и карточки, и стихи, и письмо, — я думаю, не полная правда потому, что ты говоришь, например, в письме о примирении, а в стихах: «Не гаснет бескрайная высь».³ Для

меня вопрос дальше примирения, потому что мы еще *до знакомства* были за чертой вражды и мира. А «бескрайняя высь» все-таки — стихи. И из всего остального — из слов и лица на фотографической карточке — я не вижу в тебе того, кого могу сейчас принять в свою душу.⁴ Для себя я и в этом еще вижу неправду или, говоря твоим словом, еще не знаю твоего имени.

Но ведь, раз это важно, узнаю. Все, что необходимо, случится. Ты видишь, как я теперь пишу тебе, стараясь быть как можно элементарнее, суше и проще. Как же нам теперь говорить? Говорить всегда возможно, но нужно ли всегда? Я не понимаю твоего слова «обрывать», это совсем не то слово. «Обрывают» только те, кто заинтересован или увлечен друг другом. А я глубоко верю, что мы были дальше этого.

Если хочешь, можно и говорить, но думаю, что полной правды не выйдет и что немота еще есть. Я же не боюсь такой неправды и очень склонен ее забывать скоро. Думаю только, что именно теперь нам особенно должно было бы избегать лжи. Если хочешь, будем писать друг другу, но только тогда, когда есть полная внутренняя возможность, как сейчас у меня. Знай только, что не «сержусь», не «обижаюсь», не могу говорить о «примирении». Совершенно могу так же, как ты, прислать карточку (только у меня нет теперь) и написать стихи тебе. Но для меня это еще не настоящее. И вот сейчас я тебя люблю так же, как любил, но и это еще не то.

Конечно, пришлю тебе «Нечаянную Радость», когда она выйдет. Пожалуйста, пиши мне «ты» с маленькой буквы, я думаю, так лучше.

Ал. Блок.

64. В. Э. МЕЙЕРХОЛЬДУ

22 декабря 1906. <Петербург.>

Дорогой Всеволод Эмильевич!

Пишу Вам наскоро то, что заметил вчера.¹ Общий тон, как я уж говорил Вам, настолько понравился мне, что для меня открылись новые перспективы на «Балаганчик»: мне кажется, что это не одна лирика, но есть уже и в нем остов пьесы; *об общем* хочется оговорить только одно: всякий современный театр, даже Ваш, в котором всего воздушнее дыхание молодости, ро-

ковым образом несет на лице своем печать *усталости*. точно гигант, которому приходится преодолевать неимоверные препятствия в борьбе с мертвым матерьялом; есть момент, когда этот гигант изнемогает и останавливается, тяжело дыша. Как будто его душат эти незримые мертвые складки занавесей и декораций, свисающие из бездны купола. И тогда эти мертвые складки падают непосильным бременем на плечи актеров, режиссера, пьесы — сыпятся куски краски, громоздятся мертвые балки. В этой борьбе поневоле умирает звонкая нота, голоса грубеют; насколько этот момент присутствует в Вашем театре, настолько я могу восставать против него, *но только во имя звонкой лирики своей пьесы*; но сейчас же говорю себе и Вам: во-первых, в Вашем театре «тяжелая плоть» декораций наиболее воздушна и проницаема, наименее тяготит лирику; во-вторых (что главное), *всякий балаган*, в том числе и мой, стремится стать *тараном*, пробить брешь в мертвечине: балаган обнимается, идет навстречу, открывает страшные и развратные объятия этой материи, как будто предает себя ей в жертву, и вот эта глупая и тупая материя поддается, начинает доверять ему, сама лезет к нему в объятия; *здесь-то и должен «пробить час мистерии»*: материя одурачена, обессилена и покорена; в этом смысле я *«принимаю мир»* — весь мир, с его тупостью, косностью, мертвыми и сухими красками, для того только, чтобы надуть эту костлявую старую каргу и омолодить ее: в объятиях шута и балаганщика старый мир похорошеет, станет молодым, и глаза его станут прозрачными, без дна.

Это мои общие соображения. Из них Вы можете видеть, что *я сам* стараюсь «спрятать в карман» те недовольства, которые возникают в моей *лирической* душе, настроенной на одну песню и потому *ограниченной*; я гоню это недовольство пинками во имя другой и более нужной во мне ноты — ноты этого *балагана*, который надувает и тем самым «выводит в люди» старую каргу, сплетенную из мертвых театральных полотнищ, веревок, плотничьей ругани и довольной сытости.

Это последнее и глубоко искреннее, что сейчас могу сказать Вам, может быть, потом скажу больше и точнее. Извините, что заболтался, все это захотелось сказать Вам *вообще*, потому что мне казалось, что Вы думаете, будто я только *«мирюсь»*. Но поверьте, что мне нужно

быть около Вашего театра, *нужно*, чтобы *Балаганчик* шел у Вас; для *меня* в этом *очистительный* момент, выход из лирической уединенности. Да к тому же и за основу своей *лирической* души я глубоко спокоен, потому что знаю и вижу, какую истинную *меру* соблюдает именно Ваш театр: того, чего нельзя предавать толпе, этому слепому и отдыхающему театральному залу, — *он* никогда не предает — ни у Метерлинка, ни у Пшибышевского. И для меня в этом чувствуется факт очень значительный — присутствие истинной любви, которая *одна* спасает от предательства.

Теперь только о частностях. Большую часть, я думаю, Вы заметили. Не нужно ли «автору» *в первый раз* именно вылезать с опаской и потихоньку и приходить в ужас только к середине первого монолога? А то он оглушает немного. Но на этом не стою. Потом он, конечно, должен бегать, как бегают. Вообще, Феона великолепен. Нельзя хоть раз просунуть чью-нибудь руку, чтобы было видно, как автора тащат за веревочку? Хорошо, чтобы он растерянно высунулся опять после слов мистиков: «Ты не выдашь меня?» — «Никогда».

Коломбине надо быть все время глубоко неподвижной, без малейшей аффектации, без одного жеста. Четыре слова своих ей надо произнести тоже просто и равнодушно, чтобы все была одна и та же музыка — ее голос, золотая коса и простое белое платье. Хорошо, если бы она появилась подальше от мистиков, а то она немного загораживает их, а у них нет средств достаточно испугаться. Председателю надо бы произнести монолог с большим священным (хотя и дурацким) трепетом, разнообразия интонации несколько больше. Так же и слова «Легкий призрак!».

Арлекину, может быть, лучше говорить первые слова менее раскатисто, с оттенком победоносной галантности, но и изящества. Ведь и у него есть своя глубина — может быть, она кроется в том, что он — вечно юный. Он очень юный, гибкий, красивый.

О влюбленных парах: партнер В. П. Веригиной делает, может быть, слишком порывистые жесты; и интонации его слишком страстны. Ведь он с самого начала уже обречен, погублен, «освистан» этим столбом легкого играющего и обманчивого огня.

Партнера Н. Н. Волоховой мне бы хотелось видеть ближе к ней, насколько позволит еще появление среди них дразнящего паяца. Пусть он говорит еще проще, но и призывнее, хотя и деревянно, и пусть чертит круг перед нею *по земле* мечом еще более длинным и матово-серым, как будто сталь его покрылась инеем скорби, влюбленности, сказки — вуалью безвозвратно прошедшего, невоплотимого, но и навеки несказанного. Надо бы и костюм ему совсем не смешной, но *безвозвратно прошедший* — за это последнее и дразнит его языком этот заурядненький паяц.

Если бы можно было заглушить стукотню шагов сукном — было бы хорошо. Выделилась бы только бестолковая стукотня авторских ножек по авансцене. Этот автор — всему помеха, он не понимает главного, — что *балаган* надувает старуху, преодолевает обманом косную материю.

Сейчас я мог написать Вам довольно живо, благодаря Вам же. Увидав Балаганчик на сцене, я вспомнил его и загорелся им, а до сих пор он был заслонен «Незнакомкой» и «Королем на площади». Спасибо, дорогой Всеволод Эмильевич. О Пьеро Вам нечего говорить, — Вы и так очень поняли его и знаю, что хорошо сыграете.

Спасибо еще раз. Крепко жму Вашу руку.

Любящий Вас Александр Блок.

Завтра приду в 12 час. дня на генеральную репетицию с Любовью Дмитриевной.

65. В. П. ВЕРИГИНОЙ

25 декабря 1906. Петербург.

Многоуважаемая Валентина Петровна.

Спасибо за Ваше письмо. Непременно приду к Вам завтра часа в 4, как Вы пишете. Постараюсь передать Вам все, что сумею, искренно Вам сочувствую и понимаю Ваше настроение: и со мной случается, но обыкновенно к лучшему: когда тоскую об утрате себя, это значит, что стихи лучше напишу, а, когда доволен собой, обречен на бесплодность.

Искренно уважающий Вас Александр Блок.

66. А. В. ГИППИУСУ

20 января 1907. <Петербург.>

Милый и дорогой друг Александр Васильевич.

Отвечаю тебе поздно и под сегодняшним впечатлением смерти Дм. Ив. Менделеева, потому, может быть, как-то торопливо. Но все равно я не сумел бы в этом году ответить тебе о *жизни*, потому что всякое эпическое спокойствие давно утратил.¹ Жизнью теперь у меня называется что-то очень кошмарное, без отдыха радостное или так же без отдыха тоскливое, — а все остальное я пишу на бумаге, сидя за письменным столом, и в этом воплощаю очень много необходимого мне. Пишу много, даже очень, стихов и прозы, частью для денег, частью для себя, и нигде не служу. Благодаря всему этому наша новая квартира, на которую мы с Любой осенью переехали (ведь ты и этого не знаешь, так давно мы не видались),² приобрела богемный характер: ветер свищет, много людей ходит, много разговоров и молчаний. Написал я, кроме стихов, статей, рецензий и т. д., три пьесы: одну («Балаганчик») ты знаешь, и она идет у Коммиссаржевской (как раз в эту минуту уже в 5-ый раз), я сказал бы — с успехом, потому что меня много вызывали и обильно свистели и шикали на первом и втором представлении; другую мою пьесу, «Король на площади», запретила театральная цензура, третью («Незнакомка») поставят, может быть, в будущем сезоне. Только что вышла у «Скорпионов» вторая моя книжка стихов — «Нечаянная Радость», которую я не могу тебе прислать по трем причинам: 1) по Скорпионьей скупости касательно даровых экземпляров; 2) по дороговизне (1р. 50 к.) и 3) по своему безденежью. Зато пошлю тебе скоро третью свою книжку, которая выйдет не позже, чем через месяц, в новом петербургском издательстве.³ Таковы крупнейшие мои

литературные заслуги. Но у меня есть и ученые: меня как-то угораздило кончить курс прошлой весной с дипломом 1-й степени. Теперь он валяется ни к чему — для паспорта разве. Служить очень не хочу, и пока что удается зарабатывать до 150 р. в месяц, что достаточно при скромных потребностях. Когда же у меня развиваются нескромные потребности (как-то — любовь к спиртным напиткам и т. п.), то и этого не хватает. Как видишь, все это дико, и я сам иногда растираю себе лоб руками и удивляюсь, отчего все так сложилось; но мне все-таки так нравится больше, чем иначе, потому что многое меняется и перегорает, и в этом много радости, правда что — «нечаянной». Пожалуй, уже бесполезно и поздно излагать, почему я тебя надул в последний день, когда условился прийти к тебе, но на то были уважительные причины. — Франц Феликсович скоро, пожалуй, получит полк. Живут они вдвоем в казармах, а мы ходим к ним обедать с Петербургской стороны, Лахтинской ул., д. № 3, кв. № 44 — сырой, но дешевой и веселой — на 5-м этаже.

Пишу писем так мало, конечно, только потому, что «быстро летит время»,⁴ как и у тебя, а ты далеко и живешь другой жизнью.⁵ Люблю тебя неизменно и крепко целую. Кланяйся от нас обоих твоей жене и Наташе.

Хоть и поздно, — с Новым годом! Мы его встречали вдвоем и хорошо: согрели красное вино и много говорили и думали.

67. В. П. ВЕРИГИНОЙ

24 февраля 1907. <Петербург.>

Многоуважаемая и милая Валентина Петровна.

Пожалуйста, простите меня за то, что я говорил.¹ Я сам знаю, что нельзя говорить *так* при чужих. Хочу сказать Вам несколько слов — в объяснение, а не в оправдание себя, так как чувствую себя виноватым. Я знаю, что Вы не чувствуете теперь Леонида Андреева, может быть, от усталости, может быть, оттого, что не знаете того последнего отчаянья, которое сверлит его душу. Каждая его фраза — безобразный визг, как от пилы, когда он слабый человек, и звериный рев,

когда он — творец и художник. Меня эти визги и вопли проникают всего, от них я застываю и переселяюсь в них, так что перестаю чувствовать живую душу и становлюсь жестоким и ненавидящим всех, кто *не с нами* (потому что в эти мгновенья — я с Л. Андреевым — одно, и оба мы — отчаявшиеся и отчаянные).² Последнее отчаянье мне слишком близко, и оно рождает во мне последнюю искренность, притом, может быть, вывороченную наизнанку. Так вот, простите. Мне хочется, чтобы Вы знали, как я отношусь к Вам. Может быть, я в Вас бичую собственные пороки. Мне хочется во всем как можно больше правды. Пожалуйста, выругайте меня и простите. Целую Вашу руку.

Искренно любящий Вас Александр Блок.

68. Л. Л. КОБЫЛИНСКОМУ (ЭЛЛИСУ)

5 марта 1907. Петербург.

Дорогой Лев Львович.

Спасибо за письмо и за принятие стихов, очень рад этому, а также, признаюсь, гонорару, осенью, — наверное, деньги очень понадобятся. Конечно, «*Vox Coelestis*» лучше выпустить к началу сезона, а не к концу.¹

Ваши слова о Вяч. Иванове и Кузмине ужасно глубоки.² Как *Ваши*, я принимаю их, слыша, что за ними стоит истинный рыцарь. О Кузмине опять-таки *с Вами* я не хочу даже спорить, потому что во мне самом есть нечто, отвечающее Вашему взгляду на Кузмина. Но знаете ли Вы, что Вячеслав Иванов «растворил свою жемчужину любви» («Эрос»),³ как Лир?⁴ «Эрос» — совсем уж не книга и не стихи, пожалуй, это — чистая лирика, которая всегда — болотна и проклята. Меч — слово, но, когда за словом становится музыкальное марево, — меч тонет. Потому бороться с Вяч. Ивановым (этой необходимости я не отрицаю) нужно не романтизмом, не лирикой и не манифестом А. Белого. Его чувственную музыку можно заглушить теперь только льдом — но прав ли будет его противник, не понесет ли он *инного* проклятия за это — я не знаю. Я не боюсь Вяч. Иванова, хотя он стоит на дороге и его не объедешь. Может быть, пройти сквозь него надо жизнью («жизнь мою, жизнь мою, жизнь мою...»)⁵.

Замечаю, что цитирую все Шекспира. Люблю его глубоко; и, может быть, глубже всего — во всей мировой литературе — «Макбета».

О романе Роденбаха поговорю непременно, как только увижу, например, «Шиповников» (их несколько, и в соредакторы они пригласили Зайцева — вот с ним надо поговорить).⁶ Если не удастся у них — попытаюсь еще с кем-нибудь, спрошу.

За «Молодую Бельгию» и «Боделэра» заранее большое спасибо.⁷

Жму Вам руку крепко.

Ваш Александр Блок.

69. Т. Н. ГИПНИУС

16 марта 1907. <Петербург.>

Милая Татьяна Николаевна.

Прочитал я некоторые «обрывки кошмара» и верно составил себе полное понятие о них. Читал и Любе вслух. По-моему, не надо печатать, хоть есть и талантливое. Душа новая, но, как большинство новых душ, невоплощенная, а потому страдания большей частью бесплодны и ненужны. Конечно, Дмитриев очень хорошо знал для себя свойства индийских тканей и краткие воздушные полеты и молодую змею, окруженную семью звездами. Но все-таки он даже не лирик, и наполовину только от некультурности и от неимения «слога». Он очень любит слова «чудный» и «дивный» и употребляет массу эпитетов.

Говорить о записках как о дневнике, по-моему, невозможно, потому что автор, по-моему, сам от себя старательно скрывал свою душу: как только захочет признаться сам себе, так неуловимо неискренен, мертвит себя словами и образами, иногда полужужими (например, старуха, влекомая на лодке по озеру, или целование лампы).¹

Если б я писал рецензию о записках, я бы поставил их немного выше провинциальных декадентов (выше только потому, что писано не для печати). Очень знакома эта чистота души, преломленная двойственным ко всему отношением, но неправая, потому что безжерт-

венная (не знающая долга и холода) и беспринципная (ненужно скрытная). Сам знаю, сам знаю! Приходите к нам, пожалуйста.

Преданный Вам *Александр Блок*.

70. В. Я. БРЮСОВУ

24 марта 1907. Петербург.

Дорогой Валерий Яковлевич.

Крепко жму Вашу руку за Ваш — такой драгоценный для меня — отзыв о «Нечаянной Радости» в «Весах». ¹ Особенно ценно для меня лично Ваше отношение к моей драме, и то, что Вы говорите о ней, я принимаю как желанное для меня, то, чего я хочу достигнуть. Понемногу учась драматической форме и еще очень плохо научившись прозаическому языку, я стараюсь все больше отдавать в стихи то, что им преимущественно свойственно, — песню и лирику, и выражать в драме и прозе то, что прежде поневоле выражалось только в стихах. Однако «Нечаянная Радость» еще далеко не целиком проводит этот принцип равномерного распределения матерьяла, и, конечно, поэтому я «не сумел адекватно воплотить в слова свои переживания». ² Следующая моя книжка (которую все еще задерживает типография), ³ будет, кажется, цельнее, и отступлений от лирики в лирике, как это было со мной, — в ней уже меньше.

Ваши драгоценные для меня слова о «дне, а не ночи, красках, а не оттенках, полных звуках, а не криках...» я принимаю как пожелания Ваши и благодарю Вас за них со всею живой радостью.

Искренно Ваш *Александр Блок*.

71. АНДРЕЮ БЕЛОМУ

24 марта 1907. Петербург.

Милый Боря.

Приношу Тебе мою глубокую благодарность и любовное уважение за рецензию о «Нечаянной Радости», которую Ты поместил в «Перевале». ¹ Она имела для

меня очень большое значение простым и наглядным выяснением тех опаснейших для меня пунктов, которые я сознаю не менее. Но, принимая во внимание Твои заключительные слова о «тревоге» и «горячей любви к обнаженной душе поэта»,² я только прошу Тебя, бичуя мое кощунство, не принимать «Балаганчика» и подобного ему — за «горькие издевательства над своим прошлым». Издевательство искони чуждо мне, и это я знаю так же твердо, как то, что сознательно иду по своему пути, мне предназначенному, и *должен* идти по нему неуклонно.

Я убежден, что и у лирика, подверженного случайностям, может и должно быть сознание ответственности и серьезности, — это сознание есть и у меня, наряду с «подделкой под *детское* или просто *идиотское*» — слова, которые я принимаю по отношению к себе целиком.

Пишу это Тебе *не* казенно, и надеюсь, что Ты услышишь меня, как услышал в отзыве о «Нечаянной Радости».

Александр Блок.

Р. S. Не зная Твоего адреса, посылаю письмо через «Скорпион».

72. Л. Д. БЛОК

24 мая. Ночь. (1907. Сестрорецк.).

Милый друг.

Я пишу тебе с Сестрорецкого вокзала. Сижу и пью. Пьеса¹ подвигается. Я сейчас был в *Левашове* — на той лесной дороге, где мы были с тобой давно.² Там так же хорошо, как было. Лесной воздух, елки и вечерний туман. Большая часть первого акта — о тебе. Твое письмо получил — и книгу. Когда приеду — не знаю. Думаю, что приеду. Мыслей очень много. И какая-то глубокая, подстерегающая усталость. Пиши мне и помогай.

Саша.

Этот листик из того леска в *Левашове*, где мы были с тобой. Там совсем *Шахматовское* — елки, рябина и брусника на мху.

6 августа 1907. <Шахматово.>

Многоуважаемый и дорогой Борис Николаевич.

За последние месяцы я очень много думал о Тебе, очень внимательно читал все, что Ты пишешь, и слышал о Тебе от самых разнообразных людей самые разнообразные вещи. По-видимому, и Ты был в том же положении относительно меня; ввиду наших прежних отношений и того, что мы оба служим одному делу русской литературы, я считаю то положение, которое установилось теперь, совершенно ненормальным. Не только чувствую душевную потребность, но и считаю своим долгом написать Тебе это письмо.

Начну с того, что было последней побудительной причиной. Тастевен сейчас написал мне те условия, на которых Ты согласен возвратиться в «Золотое руно».¹ Первое: чтобы «Руно перестало опираться на группу, идейное значение которой равно нулю». Я не понимаю, какую группу Ты разумеешь; «Руно» определяет ее чисто *внешним* образом: «петербургские литераторы» и разумеет под этим *в данный момент* Вяч. Иванова, Городецкого и меня. Если Ты считаешь, что эти трое и *внутренним* образом составляют группу, и ищешь в ней значения, как «в группе», то Ты жестоко ошибаешься; впрочем, я буду говорить *только о себе и только за себя*, ибо в последнее время все менее и менее чувствую свое согласие с кем бы то ни было и предпочитаю следовать завету — *оставаться самим собой*. Между тем, собрав отзывы обо мне из Твоих статей и заметок в «Весах», «Перевале» и Киевском журнальчике,² я увидел, что Ты: 1) противоречишь себе на каждом шагу, а именно: называя меня одним из «корифеев русской литературы» (название, конечно, злое и ироническое)³ и намекая на мою «скромность и честность» (?),⁴ находишь в моих стихах «идиотское» (вяжется ли это с «корифейством»?),⁵ говоришь, что я «неустанно кощунствую»⁶ и что я хвалю Чулкова за то, что он меня похвалил (где же тогда честность? Где Ты прочитал, что я его хвалю, или как мог счесть за похвалу цитированье одного удачного стихотворения? Уж не думал ли Ты, что я *его* называю «светловзором»?)⁷.

2) Исходя из понятия ненавистного Тебе «мистического реализма», Ты наклеиваешь на меня этот ярлык, с которым я ничего общего не имел и не имею, и с этой точки зрения критикуешь меня, уверяя, что я «описываю крендель булочной так, что волосы становятся дыбом» (?), и что я хуже Чехова (утверждение справедливое, но странное).⁸

Имею ответить на все это следующее:

1) Критику на свои произведения и критику самую строгую хочу слушать и хочу ей руководствоваться.

2) С «мистическим реализмом», «мистическим анархизмом» и «соборным индивидуализмом» *никогда не имел, не имею и не буду иметь ничего общего*. Считаю эти термины глубоко бездарными и ровно ничего не выражающими. Считаю, что мистический анархизм был бы давно забыт, если бы все Вы его не раздували так отчаянно.

3) Критики, основанной на бабьих сплетнях (какую позволила себе особенно Зин. Гиппиус в статье о «Перевале», по поводу меня и Чулкова),⁹ — *не признаю*. Считаю, что такая критика должна оставаться на совести ее сочинителя.

4) Не считаю допустимым намеков на личные отношения в литературной полемике.

5) К *Георгию Чулкову* имею отношение как к человеку и возмущаюсь выливанием помоев на голову его, как человека. Считаю это *непорядочным*. Вяч. Иванова ценю, как писателя образованного и глубокого, и как прекрасного поэта, мировоззрение же его («мифотворчество») воспринимаю как лирику. Сергея Городецкого ценю, как прекрасного поэта. Твои произведения высоко ценю и со многими из Твоих принципов соглашаюсь.

6) Построением философских и литературных теорий сам не занимаюсь и упираюсь и буду упираться твердо, когда меня тянут в какую бы то ни было школу.

7) Думаю, что все *до сих пор* написанные мной произведения, которые я считаю удачными (а таковых немало), — *символические и романтические* произведения.

8) Считаю, что стою на твердом пути и что все написанное мной служит органическим продолжением первого — «Стихов о Прекрасной Даме». Ввиду этого, не понимаю Твоего отношения к моей литературной

деятельности, поскольку Ты считаешь мои новые произведения не связанными с прежними.

9) Упрек в *кощунстве* принимаю только *ограничительно*, считая, что все мы повинны в нем, и я не больше остальных. Никакого «оргазма» не понимаю и желаю трезвого и простого отношения к действительности.

Что касается второго условия, которое Ты поставил «Золотому руну», я не понимаю, почему Ты требуешь себе и В. Я. Брюсову права *veto*, которого нет у «петербургских литераторов». Я считаю, что было бы справедливым иметь равные права обоим лагерям, если это действительно *реальные*, а не бутафорские лагеря, в чем я сомневаюсь.

Считаю долгом сообщить Тебе, что я принял приглашение «Золотого руна» вести критический отдел независимо ни от кого и ничьих влияний и давлений испытывать *не согласен*. Считаю, что, по отношению к людям, я *minimū* имею право требовать от них честного и прямого к себе отношения — и *обязанность* — учиться у них тому, чего во мне недостает. *Maximū* 'ов, т. е. любви, комплиментов и проч. (что часто связано с незаметным насаживанием на плечи) я не только не требую, но часто избегаю, ибо считаю себя *достаточно сильным, чтобы быть одним*.

Прошу Тебя ответить мне на это письмо. На Твои вопросы я готов отвечать. Что касается журнальной полемики, то я считаю своим *неприятным* долгом (потому что полемика, по-моему, слишком мелочна и ставит в тупик читающую публику) кратко высказаться в *post-scriptum*'е одной из моих критических статей в «Золотом руне». ¹⁰

В заключение, прошу Тебя, хотя бы кратко, *указать мне основной пункт Твоего со мной расхождения*. Этого пункта я не улавливаю, ибо, повторяю еще раз, к новейшим куцым теориям отношусь так же, как Ты.

Жму твою руку.

Александр Блок.

Адрес мой *ДО 15 АВГУСТА*: Николаевская ж. д., ст. Подсолнечная, с. Шахматово.

74. АНДРЕЮ БЕЛОМУ

8 августа 1907. Шахматово.

Милостивый Государь Борис Николаевич.

Ваше поведение относительно меня, Ваши сплетнические намеки в печати на мою личную жизнь, Ваше последнее письмо,¹ в котором Вы, уморительно клевета на меня, заявляете, что все время «сводили за мной издаль», — и, наконец, Ваши хвастливые печатные и письменные заявления о том, что Вы только один на всем свете «страдаете», и никто, кроме Вас, не умеет страдать, — все это в достаточной степени надоело мне.

Оскорбляться на все это мне не приходило в голову, ибо я не считаю возможным оскорбляться ни на шпиона, выслеживающего меня, ни на лакея, подозревающего меня в нечестности. Не желая, Милостивый Государь, обвинять Вас в лакействе и шпионстве, я склонен приписывать Ваше поведение — или какому-то грандиозному недоразумению и полному незнанию меня Вами (о чем я писал Вам подробно в письме, отправленном до получения Вашего), или особого рода душевной болезни.

Каковы бы ни были причины, вызвавшие Ваши нападки на меня, я предоставляю Вам *десятидневный срок со дня, которым помечено это письмо*, для того чтобы Вы — или отказались от Ваших слов, в которые Вы не верите, — или прислали мне Вашего секунданта. Если *до 18 августа* Вы не исполните ни того, ни другого, я принужден буду сам принять соответствующие меры.

Александр Блок.

75. АНДРЕЮ БЕЛОМУ

15 — 17 августа 1907. Шахматово.

Милостивый Государь Борис Николаевич.

Ваши два письма получил.¹ Вопрос о дуэли, конечно, отпадает. Так же, как Вы берете назад слова о прощении,² так и я беру назад «словечки» о шпионстве и «лакействе», вызванные озлоблением.

Ваши письма заставляют меня опять писать Вам. Вы ставите вопросы о наших личных и литературных от-

ношениях так, что я чувствую потребность ответить со всей искренностью, какую могу выразить на словах. У меня нет здесь Ваших писем, но я помню главное и постараюсь объяснить, как все началось для меня, что я испытывал, получая их и встречаясь с Вами, и т. д.

Наше письменное знакомство завязалось, когда Вы сообщили через Ольгу Михайловну Соловьеву, что хотите писать мне.³ Я сейчас же написал Вам, и первые наши письма сошлись. С первых же писем, как я сейчас думаю, стараясь определить суть дела, сказалось различие наших *темпераментов* и странное несоответствие между нами — роковое, сказал бы я. Вот как это выражалось у меня: я заранее глубоко любил и уважал Вас и Ваши стихи, Ваши мысли были необыкновенно важны для меня, и, сверх всего (это самое главное), я чувствовал между нами *таинственную близость*, имени которой никогда не знал и не искал. В то время я жил очень неуравновешенно, так что в моей жизни преобладало одно из двух: или страшное напряжение мистических переживаний (*всегда высоких*), или страшная мозговая лень, усталость, забвение обо всем. Кстати, — я думаю, что в моей жизни все так и шло и долго еще будет идти тем же путем. *Теперь* вся разница только в том, что надо мною — «холодный белый день», а тогда я был «в тумане утреннем».⁴ Благодаря *холоду белого дня*, я нахожу в себе трезвость и большую работоспособность, чем прежде, *но и только. По-прежнему*, как в пору нашего письменного знакомства, когда Вы любили меня и верили мне, во мне — всё те же огненные переживания (правда, «поднимающиеся с ледяных полей души», как написал недавно — по поводу «Снежной Маски» — В. Я. Брюсов;⁵ за эти слова я глубоко благодарен ему, так как, почти не зная меня лично, он так тонко определил то, чего я сам бы не сумел), сменяющиеся мозговой ленью + трезвость белого дня (желанье слушать, учиться, определиться). Итак, я стою на том, что *по существу* — не изменился. Теперь — далее. В ту пору моей жизни, когда мы встретились с Вами, я узнал и драматическую симфонию (не помню, до или после знакомства), и вся наша переписка, сплетаясь с моей жизнью, образовала для меня симфонию необычайной и роковой сложности. *Я не разбирался в этой сложности. Знаю одно: мне было трудно понимать Вас и трудно писать*

Вам. Я объяснял это — ленью. Ровно через год мы встретились. Мне было трудно говорить с Вами, и я опять объяснял это своей ленью. Но это было НЕ единственной причиной. Причина, вероятно главная, сказалась при следующих обстоятельствах: Вы помните, что в то же лето Вы приехали в Шахматово с Петровским. Помню резко и ясно, как мы гуляли в первую ночь нашего знакомства при луне, и Вы много говорили, а я, по обыкновению, молчал. Когда мы простились и разошлись по своим комнатам, я почувствовал к Вам *мистический страх*. Насколько помню, об этом реальнейшем для меня факте нашего знакомства я никогда Вам не говорил. В этом — может быть — моя большая мистическая вина. В ту ночь я почувствовал и пережил напряженно то, что мы — «разного духа», что мы — духовные враги. Но я — *очень скептик*, тогда был мучительно скептик, — и следующее утро разогнало мой страх. Мне было по-прежнему только трудно с Вами. Думаю, что Вы тогда почувствовали, что происходило во мне, как вообще *непостижимо* (для меня и до сих пор) тонко чувствовали многое, как чувствовали и затрудненность нашего с Вами личного и письменного общения. — Потом — пошли опять наши письма и наши встречи, которые в последние годы участились благодаря тому, что известно Вам. Я решительно думаю: я не старался узнать Вас, как не стараюсь никогда узнавать никого, это — не мой прием. Я — принимаю или не принимаю, верю или не верю, но *не узнаю*, не умею. Вы, наоборот, хотите узнавать всегда, Вы, по темпераменту, пытливей, торопливей, быстро зажигающийся человек. Мы с вами и письменно и устно объяснялись в любви друг другу, но делали это по-разному — и даже в этом не понимали друг друга. Вы, по моему, подходили ко мне не так, как я себя сознавал, и до сих пор подходите не так. Вы хотели и хотите знать мою моральную, философскую, религиозную физиономию. Я *не умею*, фактически не могу открыть Вам ее без связи с событиями моей жизни, с моими переживаниями; некоторых из этих событий и переживаний не знает *никто на свете*, и я не хотел и не хочу сообщать их и Вам. Это никогда не препятствовало и до сих пор не препятствует моим отношениям к Вам. Зовите это «скрытностью», если хотите, но таков я был и есть. Я готов сказать Вам теперь, и письменно и устно, хотя

бы так: моральная сторона моей души не принимает уклонов современной эротики, я не хочу *душной атмосферы*, которую создает эротика, хочу вольного воздуха и простора; «философского *credo*» я не имею, ибо не образован философски; в бога я не верю и не смею верить, ибо значит ли верить в бога — иметь о нем томительные, лирические, скудные мысли. Но, *уверю Вас*, эти сообщения *ничего* не прибавят к моей физиономии. Я готов сказать лучше, чтобы Вы узнали меня, что я — *очень* верю в себя, что ощущаю в себе какую-то *здоровую цельность* и способность и умение быть *человеком* — вольным, независимым и честным. Но ведь и это не дает Вам моего облика, и я боюсь, что Вы никогда не узнаете меня. Вы знаете, что, говоря все это, я не хвастаюсь и не унижаюсь, что это *не* признания, *не* выкрики, *не* фразы, *не* «гам». *Все это я пережил и ношу в себе* — свои психологические свойства ношу, как крест, свои стремления к прекрасному, как свою благородную душу.

И вот одно из моих психологических свойств: *я предпочитаю людей идеям*. Может быть, это значит: я предпочитаю *бессознательных* людей, но пусть и так. Вы должны, если захотите, понять, в какой мере это так, потому что знаете мое отношение к «родственности» и т. п. — Из этого предпочтения вытекает моя боязнь «обидеть человека». Да, я согласен с Вами глубоко: каждый порознь — милый, но 10 этих милых — *нестерпимая* теплая компания. И я отмахиваюсь от этих десяти, производящих «гам», молчу, *«попускаю»*. Вина моя перед литературой — велика, если у меня вообще могут быть крупные вины или заслуги перед *русской литературой*: я допускал, чтобы Чулков таскал по всем квартирам свою дурацкую схему поэтов, уверяя всех, оспаривающих ее, что она «верна только в данное мгновение», и что отнюдь не следует ее принимать «вообще» (или что-то в этом роде), и чтобы он же всучил ее какому-то идиотическому Семенову из *Mercure de France*⁶ (в чем я не был уверен до Вашего письма, потому что не читаю *Mercure de France*; *кстати*: я напишу на этот раз письмо в редакцию «Весов», где публично, как Вы советуете, отрекись от мистического анархизма. Но мне нужно для этого знать точно, как именно выражается Семенов, чтобы, опровергая, не провраться. Потому — откладываю это до Петербурга).

Но, послушайте: неужели Вы думаете, что я «предаю друзей врагам», когда пишу Вам или Эллису насмешливо о Чулкове, а потом — «противоречу себе». Когда мне говорят: не правда ли — Чулков *подозрителен* в таком и таком-то отношении? — я уклоняюсь, виляю (да, да), боюсь признаться другому в том, что подозреваю сам. Ведь когда один человек думает о другом, — он свободен, когда же об этом другом уже «перемигнутся двое», — дело кончено, затравлен человек, и от травли еще увеличатся его пороки и еще уменьшатся добродетели. Когда же мне говорят: если вы честный человек, Вы обязаны признать, что Чулков — негодяй, — я отвечаю злостно (о, это не формализм и не чиновничанье!).⁷

Как все это сонно, томительно и страшно, Борис Николаевич. Я вязать и разрешать не берусь. Вчера, под впечатлением Ваших писем, я поехал в Москву, написал Вам из ресторана «Прага» письмо о том, что хотел бы говорить с Вами искренно и серьезно. Это письмо прервал на половине, показалось, что письменно не изложить всего. Теперь продолжаю — и вот почему: когда лакей воротился с ответом, что Вас нет дома (это было в 10-м часу вечера), мне показалось, что так и надо, что нам все равно не сговориться устно. Но писать решаюсь продолжать, сейчас воротился из Москвы и вот пишу. Говорил всю дорогу с молодым ямщиком. У меня теперь очень крупные сложности в личной жизни. Когда же говорит ямщик, оказывается, что он — представитель 40-а простых миллионов, а я — представитель сотни «кающихся дворян» со сложностями. Ямщик ничего поделать не может с тем, что он «темен», а я с тем, что я — еще темнее, даже с «мистическим анархизмом» ничего не могу поделать, не говоря о важном. Но я здоров и прост, становлюсь *все проще*, как только могу. В чем же дело? Вы скажете, что это — лень, ребячливые проклятые вопросы, что надо действовать, а не каяться, что я не знаю, наконец, теории познания. Так, все верно. Но и Л. Андреев (какой еще сплетник сообщил Вам, что я читал «черновик» Андрееву? Ни черновика, ни Андреева не было.⁸ Ох, уже эта Тата, Зина, Чулков, Вяч. Иванов и пр. и пр. Не верьте рассказам и предположениям третьих лиц. Этой зимой вышло однажды из этих рассказов, что я уже умер), но и Л. Андреев, которого Вы уважаете, мучится про-

клятыми, аляповатыми, некультурными вопросами, мучается Россией, зная ее немногим больше меня, пожалуй. Ведь вот откуда мои хватанья за Скитальца;⁹ я за Волгу ухватился, за понятность слога, за отзывчивость души, за ее здоровую и тупую боль. Ведь я не стою на том, что *это* — искусство.

Чувствую, что всем, что пишу, еще более делаюсь чуждым Вам. Но я *всегда* был таким, почему же Вы прежде любили меня? «Или Вы были слепы?», спрошу в свою очередь.

Драма моего мирозерцания (до трагедии я не дорос) состоит в том, что я — *лирик*. Быть лириком — жутко и весело. За жутью и весельем тaitся бездна, куда можно полететь — и ничего не останется. Веселье и жуть — сонное покрывало. *Если бы я не носил на глазах этого сонного покрывала*, не был руководим Неведомо Страшным, от которого меня бережет *только моя душа*, — я не написал бы ни одного стихотворения из тех, которым Вы придавали значение.

Теперь о другом.

Где «богохульство» в моих драмах (кроме «Балаганчика»)?¹⁰ Почему кощунственны строки: «в подушках, в кресле, на диване...»¹¹ Это просто — скверные строки, как *почти* все мои стихи — в «Цветнике Ор». Сверх того, именно эти строки еще банальны и «дурного тона». Другое дело — стихи о «Весне» — они кощунственны.¹² Но объясните, что кощунственнее всего и что такое — кощунство? Когда я издеваюсь над своим святым — *болею*. Но «Балаганчику» Вы придаете смысл чудовищный — зачем и за что? Если повернуть вопрос так, как Вы, — он омерзителен, вреден, пожалуй, «мистико-анархичен». Поверните *проце* — выйдет ничтожная декадентская пьеска не без изящества и с какими-то типиками — неудавшимися картонными фигурками живых людей.

Мои «хроники» в «Руне»¹³ суть *рассуждения* на известные темы. Никаких *синтетических* задач не имел, ничего *окончательного* не высказывал; раздумывал и развивал клубок своих мыслей, может быть, никому не нужных. Если бы мне предложили «создать журнал», быть редактором или что-либо в этом роде, принял бы это за насмешку или наивность. У меня нет *ни* образования, ни умелости, ни тактики, ни твердой почвы. В Вашем *войске* (войске людей с отточенны-

ми мировоззрениями) *действовать* я не могу, потому что не умею принять приглашения укреплять теорию символизма. Сердце же мое, *по-прежнему*, лежит ближе к Вам, чем к факельщикам.¹⁴ Вот почему мне бывает больно, когда Вы или лица из Вашего кружка относятся ко мне как к совершенно чужому. Среди факельщиков (неуловимых, как я с вами совершенно согласен) стоит особняком для меня Вяч. Иванов, человек глубоких ума и души — не пустышка. Мы оба — лирики, оба любим колебания друг друга, так как за этими колебаниями стоят и сторожат наши лирические души. Сторожат они совершенно разное, потому, когда дело переходит на почву более твердую, мы расходимся с Вяч. Ивановым. К пунктам расхождения, очень важным, принадлежит, например, Л. Андреев, или мистический анархизм.

Если я кощунствую, то кощунства мои с *избытком* покрываются *стоянием на страже*.¹⁵ Так было, так есть и так будет. Душа моя — часовой несменяемый, она сторожит свое и не покинет поста. По ночам же — сомнения и страхи находят и на часового. Если мы *действительно* расходимся с Вами «в глубине глубин», то, значит, основательны мои мистические страхи при встрече с Вами, которые я описал, и основательны Ваши мистические подозрения «Снежной Маски» (впрочем, кое-что *И Я ПОДОЗРЕВАЮ* в «Снежной Маске», но и *ЗДЕСЬ* кощунство тонет в ином — высоком).

«Мы друг другу чужды», говорите Вы. Поставьте вопрос иначе: решается ли Вы *верить лирику*, каков я, т. е., в худшем случае, — слепому, с мирозерцанием неустановившимся, тому, который чаще говорит *нет*, чем *да*. Примите во внимание, что речь идет *обо мне*, *никогда не изменявшемся по существу*. В таком случае, если и Вы — неизменны, — нет причин *не верить* теперь, *или* не было причин *верить* тогда. Если же Вы изменились, то есть, быть может, причины не верить теперь. Я же полагаю, что тот сильнейший перелом, который Вы переживаете теперь, *не изменяет Вас по существу*; Вы — все тот же, каким я Вас знал и теперь, когда я знаю о Вас по журналам и от третьих лиц. Переживаю перелом и я, но меня, уж я наверно знаю, он не меняет по существу. Если же все это так, то признайтесь: *надоело* Вам считаться с такою зыблемой, лириче-

ской душой, как моя. И я допускаю, что Вы правы — перед Вашим делом, что *во мне есть то, из-за чего людей «покидают друзья», становящиеся на путь более твердый в истинном смысле.*

Я допускаю, что нам надо разойтись, т. е. *не сходиться так*, как сходились мы до сих пор. Но думаю, что и в расхождении надо сохранить друг о друге то знание, которое дали нам опыт и жизнь. Я *храню* его сквозь все сплетни, сомнения, недоумения, озлобления, забвения. Считаюсь с Вами всегда. Вы, я *допускаю*, в положении более трудном: труднее хранить верное воспоминание о душе более зыблемой и неверной, чем Ваша. *НО* тут я и спрашиваю Вас, «как на духу», по Вашему выражению: уверены ли Вы, что Вы — *вернее меня?* Я утверждаю, что через всю мою неверность, предательства, падения, сомнения, ошибки — я *верен*. Предоставляю Вам сказать, что все, что пишу, — слова, слова, слова.¹⁶ Но, *право*, я бы не писал, если бы это были слова, писать мне трудно, и для слов я не писал бы. В основании моей души лежит *не Балаганчик, клянусь*. Если бы в ее основе лежал Балаганчик, я не написал бы ни строчки этого письма, как не написал бы большинства своих стихов; написал бы разве стихи «о сажании символа на пароход»,¹⁷ которые опять-таки, — поверните проще, проще, проще. Да не стоит и повертывать, об этом стихотворении я готов просто сказать — чорт с ним.

Вы готовы сказать: «он пишет все о себе, когда дело идет о важном, об изгнании из литературы мистического анархизма, которому он потакает, да и еще кое о чем — более важном». Хорошо, я буду *отвечать* Вам на Ваше письмо со всею четкостью, на которую я способен в прозе. А пока скажу Вам. Я думаю, что все, что изложил письменно, не удалось бы мне сказать устно. Хотя письмо вышло очень хаотическое, но говорил бы я еще хаотичнее. Потому, может быть, лучше, что мы не говорили с Вами в «Праге». *Теперь*, после этого письма, нам скорее можно говорить; если хотите, я готов снова приехать в Москву, может быть, это нужно, т. е. нужно, чтобы Вы видели меня, а не читали только мои слова.

Снова перечитываю Ваши письма и отвечаю как могу.

Да, мистический анархизм, соборный индивидуа-

лизм, эротизм, мистический реализм — я анализировать также не считаю возможным в том виде, в каком они существуют или не существуют в книгах Чулкова и Гофмана. Да, я разделяю Ваши опасения относительно «зари мистического хулиганства». Да, я признаю себя виновным в «потакательстве», которое выразилось в том, что я допускаю такие заявления, как в «*Mercure de France*». Не оправдываюсь. Потому сочту своим долгом сказать *нет* этим теориям в письме в редакцию «Весов». Считаю, что должен это сделать скорее, потому обращаюсь с просьбой к Вам; не имею в Москве другого источника. «*Mercure de France*» я не имею возможности видеть, Вы же бываете в «Весах». Если бы Вы выписали мне точно ту *фразу*, в которой я причисляюсь к мистическим анархистам, я был бы Вам очень обязан. Подписана ли статья Семеновым или кем-нибудь другим? Это — первое. Впрочем, прибавлю все-таки: неужели я *литературно* подавал повод причислять меня к мистическому анархизму? Думаю, что мои стихи свидетельствуют о противном. Таким образом, и «Весы» и Вы имеете лишь формальные поводы причислять меня к этому направлению (на основании статей Чулкова и пр.), но где же право внутреннее? Вы могли бы знать меня настолько, чтобы не считать причастным сюда? Это говорит еще раз за то, что Вы не знаете или забыли меня.

Мое письмо в редакцию будет иметь для меня значение развязывания рук и окончательного разрыва с теми тенденциями, которые желают поставить на *первый план* мою *зыблемость* (мистический анархизм и значит — адогматизм, иррационализм и т. д.), между тем как я *сам* ставлю на первый план — мою незыблемую душу, «верную, сквозь всю свою неверность».

Далее: при всей неточности своего мировоззрения я сознаю, что теория из настроения создана быть не может и не должна. Потому я издавна отношусь к вышеуказанным теориям как к *лирике* — и *никогда не возвожу их в теории, принципы, пути*. Но зачем Вы говорите о *карьеризме* и т. п.¹⁸ Всем нам приходит это в голову. Но, ради бога, не будем судить душу человеческую собором, пусть судит ее каждый из нас в отдельности. Совместное подчеркивание пороков или склонностей к порокам — раздувает их, треплет и губит человека, а не писателя. Можно ли, например, писать, как

З. Н. Гиппиус: «Чулков пристал к Блоку». Ведь это — неуважение к самой себе.

Если я не ответил на все частные пункты Ваших писем, то Вы можете вывести, как я отношусь к ним, — из всего остального. Но письмо разрослось. Если бы Вы ответили мне, я был бы очень рад. Говорить с Вами готов. Никаких бездонных умолчаний у меня нет. Я хочу проще, проще, проще. Может быть, если бы мы говорили с Вами, нам удалось бы выяснить подробности наших отношений, провинности друг перед другом в областях более интимных. Писать об этом — невозможно.¹⁹ Ну, так я готов говорить, хотя не знаю, скажу ли Вам что-либо новое. Пока же, примите мое уверение в уважении к Вам.

Александр Блок.

Забыл сообщить: пишу Тастевену, что, по моему личному мнению, Ваше письмо в редакцию «Золотого руна» с возражением Вольфину — следует поместить.²⁰ Если же в этом письме содержатся «резкие выходки», как утверждает Рябушинский, то пусть редакция огорит их в примечании.

76. Г. И. ЧУЛКОВУ

17 августа (1907). Шахматово.

Дорогой Георгий Иванович.

Письмо Ваше получил, а когда приеду — совсем не знаю. Дела по горло. Вот в чем дело. «Весы» меня считают «мистическим анархистом» из-за «*Mercur de France*».¹ Я не читал, как там пишет Семенов, но меня известил об этом Андрей Белый, с которым у нас сейчас очень сложные отношения. Я думаю так: к мистическому анархизму, по существу, я совсем не имею никакого отношения. Он подчеркивает во мне не то, что составляет сущность моей души: подчеркивает мою *зыблемость, неверность*. Я же

неподвижность не нарушу
И с высоты не снизойду,
Храня незыблемую душу
В моем nesлыханном аду.²

... Это — первое. Второе — это то, что я не относился к мистическому анархизму никогда, как к теории, а воспринимал его лирически. По всему этому не только не считаю себя мистическим анархистом, но сознаю необходимость отказаться от него печатно, в письме в редакцию, например, «Весов». Пока это не сделаю, меня все будут упрекать в том, к чему я не причастен.

О Вас я соскучился. Думаю, что все-таки скоро приеду. Пожалуйста, поклонитесь от меня Надежде Григорьевне.

Ваш Ал. Блок.

Р. S. Если знаете, напишите мне, пожалуйста, адрес Л. Андреева.

77. АНДРЕЮ БЕЛОМУ

23 сентября 1907. Петербург.

Милый Боря.

Отзовись. Мне кажется, что впечатления от «Балаганчика» на сцене вновь подтвердили Твои опасения относительно меня.¹ «Утра России» я не мог достать, потому что оно не продается здесь, и не читал Твоего фельетона, о котором только слышал от чужих.² Пришли.

Дело не в «Балаганчике», которого я не люблю, не в том, что физиономия Петербурга этого сезона — совершенно иная, чему способствует уже и будет способствовать Л. Андреев (я с ним познакомился;³ он уж очень простоват и не смотрит прямо). Дело в том, что растет какое-то тяжкое беспокойство. Я боюсь за будущее всех нас. При всей сложности и запутанности здешних отношений и «вопросов» — во мне преобладает бодряя печаль.

Мне очень надо услышать слово от Тебя. Если бы я был уверен, что мне суждено на свете поставлять только «Балаганчики», я постарался бы просто уйти из литературы (может быть, и из жизни). Но я уверен, что я способен выйти из этого, правда, глубоко сидящего во мне направления. Могу и один, хотя бы меня травил со всех сторон. Но мне нужно знать тепереш-

нее Твое отношение ко мне. Наше московское свидание оставило на мне глубокий след.⁴ Мне нужно или Твоей дружеской поддержки, или полного отрицания меня. Только — не подозревай, потому что я всеми силами хочу признаться в своей вине перед всеми, насколько и как только сознаю ее. Я допускаю, что я имел дурное влияние на Чулкова (в чем он упрекает меня), что я-то и есть настоящий мистический анархист (что утверждают Чулков и Философов⁵), что я был настоящим элементом разложения. Но все это — не подлинный я. И мое «письмо о мистическом анархизме» (в «Весах»)⁶ исходило от меня подлинного, но, может быть, благодаря своей печатной и широковещательной форме, приняло *форму* «сверхчеловеческой мании величия» и т. п. Но я не страдаю манией величия, я не провозглашаю никаких черных дыр, я не приглашаю в хаос, я ненавижу кощунство в жизни и литературное кровосмешительство. Я презираю утонченную ироническую эротику. Поскольку все это во мне самом — я ненавижу себя и преследую *жизненно и печатно* сам себя (например, в статье «О лирике»), отряхаю клоки ночи с себя, по существу светлого.

Ответь.

Любящий тебя глубоко *Саиша*.

Р. С. М. И. Сизов передал мне Твое письмо. Мы говорили с ним, но еще недовольно, и он не совсем ясен мне. Он привез с собой много Москвы.

78. АНДРЕЮ БЕЛОМУ

1 октября 1907. Петербург.

Милый и дорогой Боря.

Спасибо Тебе за письма и фельетоны. «Символический театр» (твоя статья) для меня имеет значение объемистой книги, собираюсь писать о ней.¹

Внимательно и тихо слежу за всеми Твоими словами. Никогда не упускаю Тебя из виду. Слышу, как Ты мучаешься в Москве. И чувствую Твою мнительность (и по отношению ко мне также), потому что для меня она имеет значение бесконечно больше, чем литературное. Жду Тебя здесь с нетерпением, как только при-

едешь, дай мне знать. Пока же говорю Тебе, что я не забываю Вечности даже среди «темных душ современников». ² Многое трудно мне, может быть, я до сих пор кое в чем срываюсь. Но все глубоко серьезно в жизни моей и в жизни близких мне, и все так трудно, что нет больше места, куда бы ворвались плясать и паясничать скоморошья хари. Очень странно, иногда дико, но всегда значительно слагаются события моей жизни. И на то, что могут думать и говорить обо мне знающие меня поверхностно, я совсем махнул рукой — до полного игнорирования их, несоблюдения «приличий» и т. д.

«Горение» мое, должно быть, иное, чем Твое, но оно — горение. До тления, на границе которого я прошел в прошлом году (что Ты почувствовал болью сердца), я не допущу себя. Оно далеко от меня теперь — и соответственно отошли от меня люди, которых я могу подозревать в поддержании тления.

Я редко тоскую и унываю, чаще — бодр. Передо мною плывет новсе, здоровое, надеюсь, сильное. *Как человек с желанием здоровья и простоты, я и пишу, или стараюсь писать.* Например, «О лирике»: я верю в справедливость исходной точки: я знаю, что в лирике есть опасность *тления*, и гоню ее. Я бью *сам себя*, так-то по преимуществу смысл моих статей, независимо от литературных оценок, с которыми можно не соглашаться сколько угодно (да я и сам признаю неправильность кое в чем). Бичуя себя за лирические яды, которые и мне грозят разложением, я стараюсь предупреждать и других. Но, ценя высоко лирический *лад* души, который должен побеждать лирическую распушенность, я не люблю, когда стараются уладить все средствами посторонними лирике, хотя бы — «градом, обещанным религиями». ³ Отсюда — моя статья о Сереже, ⁴ в которой Ты, как знающий и меня и Сережу, можешь прочесть между строк бесконечные ненаписанные примечания — о моем отношении к Сереже, о моей осторожности хотя бы относительной. Наконец, там прямо высказано мое бережное и тихое знание о «рыцаре-монахе, что закован в железо», ⁵ о том, на что я в жизни моей только раз, в тоске и отчаянии, поднимал бессильную руку: в «Балаганчике». Но рука упала, и я не осквернил ни святого, ни себя.

Ты можешь счесть то, о чем я говорю, смешением понятий. Можешь сказать, что «не весна виновата»,

что «лирика» самое по себе так же безразлична, как весна.⁶ Но я говорю о лирике как о стихии собственной души, пусть «субъективно». Будут несколько людей, которые почувствуют истинное в этом и, может быть, воздержатся от того, от чего не воздержались бы иначе хотя бы по тому одному, что против лирики говорит лирик. Я не определяю подробностей пути, мне это не дано. Но я указываю только устремление, которое и Ты признаешь: из болота — в жизнь, из лирики — к трагедии. Иначе — ржавчина болот и лирики переест стройные колонны и мрамор жизни и трагедии, зальет ржавой волной их огни.⁷

Напиши мне пока несколько слов, а потом приезжай, я буду глубоко рад увидеть Тебя.

Любящий Тебя *Саша*.

79. В. Я. БРЮСОВУ

1 ноября 1907. *(Петербург.)*

Дорогой Валерий Яковлевич.

Пишу Вам об одном литературном деле, которое должно начаться в начале декабря. Руководитель его (или один из руководителей) — Гржебин, который напишет Вам на днях, вероятно, подробнее меня.¹ Открывается издательство «Пантеон», ближайшая цель которого — издать избранные произведения «всех» замечательных писателей «всех» веков и народов в красивых и доступных изданиях, в лучших переводах и в лучшей редакции. Дальнейшая цель — издание журнала, подобного «Миру искусства», но это — в далеком будущем, пока же им предстоит работы, может быть, на несколько лет. В начале декабря выйдет первая серия (10 книжек), куда войдут северяне (кажется, Гамсун), что-то из Андреева (не знаю подробно).² Все книжки под общей обложкой Лансере, 12 × 16 сантим., на бумаге Верже, с набором типа «Северных сборников» «Шиповника»,³ по 96 стр. (или двойные), ценою по 18 коп. (или 36). Прежде всего необходимо составить планы издания, причем требуется не только указание имен авторов, но и их произведений, которые достаточно выражают их. В нормальной (не двойной книжке) будет

заключаться 60 000—90 000 букв. Гонорары за переводы: лист прозы (40 000 б.) — 50 рублей, строка стихотворения — 30 коп. (все это за каждые 6000 экземпляров). За переводы «под редакцией» — та же полистная плата.

Я уполномочен Гржебиным обратиться к Вам с просьбой, прежде всего, дать указания относительно выбора авторов и их произведений для *французской* серии (испанская поручается Бальмонту, итальянская, кажется, Минскому, северная — Балтрушайтису, русская, кажется, Венгерову, но и здесь хотят просить Ваших указаний).⁴

Из французов намечены пока: Мериме (перев. Сологуб), Мюссе, Верхарн, Метерлинк.⁵ В последних трех я лично очень не отказался бы принять участие.

У Мюссе хотят взять стихи, я советовал еще взять одну из маленьких пьес, если уж нельзя взять таких прекрасных драм, как, например, «Кармозина». Мне самому хочется перевести «Декабрьскую ночь». Гржебин просит Вас сделать выбор стихов Мюссе и перевести из него то, что Вы захотите; остальное из выбранного Вами можно передать другим, я бы охотно взял несколько маленьких стихотворений, сверх «Декабрьской ночи». Книжка Мюссе — на 60 000 букв.

Относительно Верхарна просят указаний, конечно, у Вас. Предпочтительна, кажется, драма (Филипп, или Монастырь, потому что они не переведены еще), но не найдете ли Вы, что лучше дать стихи? То, чего Вы не захотите сделать из переводов, опять-таки, с удовольствием взял бы я.

Книжку Метерлинка (и выбор и перевод) поручили мне,⁶ и я лично прошу у Вас, во-первых, прислать мне «Пеллеаса» (кажется, я видел там большую библиографию, Вами составленную),⁷ а, во-вторых, посоветовать мне, какую взять пьесу: мне, кажется, для такого издания подходили бы «Слепые» или «Intérieur» или «L'Intruse», но все это слишком известно.* Не взять ли, кроме того, главу из «Trésor des Humbles» и статью из «Le double Jardin», например, о новой драме, и, кроме того, приниматься ли за Serres Chaudes? И где можно найти биографию Метерлинка? (портреты и краткие очерки будут приложены ко всем книжкам). Извините,

* Что скажете Вы о «Семи Принцессах»? Мне очень улыбается.

что обременяю Вас всеми этими вопросами, но не решаюсь положиться только на свой вкус.

Хорошо бы потом составить для «Пантеона» книжку из трубадуров, из средневековых мистерий, V. Hugo, немецких романтиков — это первое, что приходит мне сейчас в голову. Мне кажется, задача благодарная и стоит заняться этим. Жду Вашего ответа, еще раз, извините.

Ваш Ал. Блок.

80. ФЕДОРУ СОЛОГУБУ

2 декабря 1907. <Петербург.>

Дорогой Федор Кузьмич.

За надпись на книге Верлена и за книгу — спасибо Вам от всей моей печальной души.¹ Вы знаете ли, что последнее стихотворение (второй вариант: «Синева небес над кровлей») попало мне очень давно и было для меня одним из первых острых откровений новой поэзии.² Оно связано для меня с музыкой композитора С. В. Панченко, моего давнего и хорошего знакомого. С тех пор ношу это стихотворение в памяти, ибо оно неразлучно со мною с тех дней, «как постигал я первую любовь».³ И в эти дни, когда я мучительно сомневаюсь в себе и вижу много людей, но, в сущности, не умею увидеть *почти* никого — мотив стихотворения и слова его со мной.

Любящий Вас неизменно Александр Блок.

81. Л. Я. ГУРЕВИЧ

21 декабря 1907. <Петербург.>

Многоуважаемая Лидия * Яковлевна.

Спасибо Вам за Вашу книгу от всей души.¹ Сейчас, ночью, я прочел ее, не отрываясь, с большим напряжением. Хочу сказать Вам, что услышал голос волн боль-

* Описка Блока (вместо: Любовь). — Ред.

шого моря; все чаще вслушиваюсь в этот голос, от которого все мы, интеллигенты, в большей или меньшей степени отделены голосами собственных душ. Сейчас моя личная жизнь напряжена до крайности, заставляет меня быть рассеянным и невнимательным к морю. Но, верно, там только — все пути. Может быть, те строгие волны разобьют в щепы все то тревожное, мучительное и прекрасное, чем заняты наши души.

Искренно преданный Вам *Александр Блок*.

Р. С. «Действо»² получил — спасибо.

82. АНДРЕЮ БЕЛОМУ

28 декабря 1907. *⟨Петербург.⟩*

Поздравляю Тебя с Новым годом, милый Боря. Не приеду в Москву, очень не хочется. Я и вообще перестал совсем читать на вечерах и почти не вижу людей. У меня очень одиноко на душе, много планов, много тоски, много надежды и много горького осадка от прошлого. По всему этому хочется быть одному, там, где холодно и высоко.

Твой *А. Блок*.

83. А. Н. ЧЕБОТАРЕВСКОЙ

19 января 1908. *⟨Петербург.⟩*

Дорогая Анастасия Николаевна.

Действительно, одно время я соглашался устроить вечер.¹ Но сейчас, право, чувствую, что, несмотря на всю симпатию мою и к цели и к устроителям, не могу этого сделать. Я переживаю очень трудный кризис и мучительно пишу большую вещь,² потому не только не могу больше читать на вечерах свои вещи, к которым отношусь очень скептически, но и людей вижу мало и почти не выхожу никуда. Надо сначала покончить с тем, что засело внутри и лежит тяжелым камнем. Потому прошу Вас от всей души, помогите Вы устроить вечер. Как Вы думаете, если бы И. С. Рукавишников дал свое имя? Мне кажется, устроителям это было бы очень выгодно и полезно.

Преданный Вам Александр Блок.

Р. С. С Кузминым я не говорил по этому поводу и не знаю, согласен ли он. Может быть, устроители уже просили его.

84. МАТЕРИ

30 января *⟨1908. Петербург.⟩*

Ты права, мама: не пить, конечно, лучше. Но иногда находит такая тоска, что от нее пьешь.

Сейчас приехала Наталья Николаевна. Я пойду к ней через 1 час.

Напиши мне о «Факелах». Стихи я получил.

Писала ли тебе тетя о моей драме?¹ Я читал ей, потому что трудно найти человека, который сказал бы

мне правду: литераторы отнесутся односторонне, а близкие люди — сами действующие лица. Тетя сделала мне несколько реальных замечаний, которые я принял к сердцу. Проклятие отвлеченности преследует меня и в этой пьесе, хотя, может быть, и менее, чем в остальном. Злюсь за это на своего отца (!) (кстати, я до сих пор не ответил ему, очень трудно). Он — декадент до мозга костей, ибо весь яд декадентства и состоит в том, что утрачены сочность, яркость, жизненность, образность, не только типичное, но и характерное. Последнее письмо отца свидетельствует о его набитости задними мыслями отвлеченного, теоретического, филологического, какого угодно характера — только не жизненного.² А в жизни еще очень много сочности, которую художник должен воплощать.

Занятный ты видела сон.

Факт «существования матери» я помню и очень ценю.

Целую крепко.

Саша.

Переписываю тебе новое, ненапечатанное стихотворение Кузмина. По-моему — очень замечательно:

Издалека пришел жених и друг.
Целую ноги Твои.

Он очертил вокруг меня свой круг.
Целую руки Твои.

Как светом отделен весь внешний мир.
Целую латы Твои.

И не влечет меня земной кумир.
Целую крылья твои.

Легко и сладостно любви ярмо.
Целую плечи Твои.

На сердце выжжено Твое клеймо.
Целую губы Твои.

М. Кузмин (из цикла «Возматый»)³

Обрати внимание.

Скорей всего я приеду, когда уедут все: во второй половине февраля.

(27 февраля 1908. Петербург.)

Милая. Я сейчас получил твое второе письмо. Солнечное утро (27). Мне хочется тебе писать не о событиях, а о тебе и себе. Дело в том, что зима была страшно тяжелая. Я чувствую, как весеннее солнце лечит какую-то глубокую, долго незаживавшую рану в душе. Иногда бывает восторженно, как в ранней юности. Я чувствую, что у меня опять станет свежей душа. Я постоянно думаю о тебе, и по-настоящему, до глубины, т. е.: «В царство времени все я не верю...»¹ Для меня с новой силой необходим Вл. Соловьев. Меня вдохновляют все мои глубокие исторические воспоминания — Лидо, Германия и все, что я пережил когда-то. Мое знание очень углубляется. Мое знание о тебе — с особенной силой. В прежних столетиях я вспоминаю тебя. Но твое происхождение теряется в каких-то глухих тропах времен — приблизительно на тех дорожках, где случайный народ ставил на горных подъемах для случайных путников — изображения богов, и они были для путешественников — алтарями и вехами. Глубже мои исторические воспоминания не идут и медлят здесь в нерешительности, так как — следующие предки твои непосредственно касаются астральных областей. И там твои пути уже совершенно скрещиваются с другими — и других цветов и сущностей, — но там такая сложность, что я еще не могу сделать выводов, хотя имею много подозрений о линиях, цветах и направлениях. Тебе, вероятно, сейчас это чуждо? Если нет, напиши. А. А. Юшкевич знает в этой области чрезвычайно много — для женщины даже слишком.

Завтра — вернисаж Союза.² Сегодня мы идем с Натальей Николаевной на выставку Нового общества и Борисова-Мусатова. На днях — выходит «Руно» с портретом и стихами.³ В конце 3-ей или начале 4-й недели я читаю лекции о театре.⁴ Вышли пьесы⁵ (пришлю скоро). Конверты и пр. привезет Наталья Николаевна. Перевожу Метерлинка («Алладин и Паломид» — очень замечательная вещь).⁶ — Все, что ты пишешь о своем отношении к театру и его атмосфере, — мне близко и по-

нятно.⁷ Нужны ли тебе деньги? Я могу скоро прислать. — Городецкий женился 15 февраля. — Сборник моих стихов⁸ почти приготовлен. Таков «календарь писателя». Получила ли ты письмо о народном театре? Напиши репертуар, числа и города и вообще, когда не трудно, всегда пиши.

86. Л. Д. БЛОК

21 марта 1908. <Петербург.>

Я сейчас только получил твое письмо. Очень давно не получал — и беспокоился. Ты пиши мне чаще, хотя бы и коротко.

Я думаю о тебе каждый день. В твоих письмах ты точно что-то скрываешь. Но мне можно писать все, что хочешь. И даже — должно.

Я радуюсь принципиально вашему провалу. Может быть, хоть кто-нибудь из вас очнется от сна. Беспочвенности и усталости я *одинаково* не принимаю к сердцу — им нет места среди нас — художников. И потому многим из вас я только могу пожелать: «что делаешь — делай скорее».¹

О тебе я до сих пор не знаю — можешь ты или не можешь служить искусству. Может быть, да.

Моя лекция имела, в сущности, большой успех.² Читал я хорошо. Получаю все любовные письма. Очень широкие планы на будущее и много реального дела. Живу очень замкнуто — не пью уже давно ни капли.

Прошу тебя писать мне, потому что я думаю о тебе больше, чем о ком бы то ни было. О тебе и *о долге*. Не забывай долга — это единственная музыка. Жизни и страсти без долга нет.

87. Л. Д. БЛОК

14 апреля 1908. <Петербург.>

Сегодня пришла твоя телеграмма, и беспокойство прошло.¹ А боялся я почему-то страшно. В Пасхальную ночь томился и блуждал около факелов Исакиевского

собора и Петра. Конечно, именно в 12 часов, когда я должен быть один, меня поймали на улице совершенно чужие люди — и стали разговаривать о пустяках. Дул ветер, всю ночь шел ладожский лед, было холодно и некуда деваться. И вчера и сегодня тоже блуждал днем. По ночам — ужасные сны какие-то были. Я на праздниках, как чорт перед заутреней, и до сих пор не прошло это ужасное чувство. Точно и в самом деле происходит что-то такое, чего душа чужда.² Я жду от тебя письма.

Твой.

88. АНДРЕЮ БЕЛОМУ

24 апреля 1908. <Петербург.>

Милый Боря.

Я долго не отвечал на Твои письма, потому что не умел ответить. Сделать это мне трудно и до сих пор. Я прочел «Кубок метелей» и нашел эту книгу не-только чуждой, но глубоко враждебной мне по духу. С моей точки зрения, там очень много кощунственного, но, так как Ты находил, со своей стороны, кощунственное в моей «Нечаянной Радости» и в пьесах, то я теряюсь и готов признать, что мы окончательно и бесповоротно не можем судить друг о друге. Ты пишешь, что Симфония эта — самая искренняя из всех;¹ в таком случае я ничего в Тебе не понимаю, никогда не пойму, и никто не поймет. Даже с внешней стороны (литературной) я совершенно отрицаю эту Симфонию, за исключением немногих мест, уже по одному тому, что половины не понимаю (но и никто не понимает). К этому присоединяется ужасно неприятное впечатление от Твоих рецензий в «Весах» о Сологубе, Гиппиус, «обозной сволочи».² Я не могу не верить в наше с Тобой отношение друг к другу, основанное на чем-то большем, чем мы, потому что за это всегда говорили и говорят мистические факты. Но более запутанных внутренних отношений у меня нет и не было ни с кем. Всю жизнь у меня была и есть единственная «неколебимая истина»³ мистического порядка, и, с точки зрения этой истины, я принужден признать Твою Симфонию враждебной мне по существу.

Что касается Сережиной «полемики» (?),⁴ то я должен сказать, что он понял меня и то, что я писал, столь же тонко, сколько может понять любой высокомерный директор департамента. Мог бы сказать много, но не хочется.⁵

Твой Ал. Блок.

89. МАТЕРИ

28 апреля 1908. <Петербург.>

Мама, ты совершенно напрасно беспокоишься.

Ты не бойся, что темно:
Слушай, я тебе открою:
Все невинно, все смешно,
Все божественной игрою
Суждено и создано.

Для божественной забавы
Я порою к вам схожу.
Собираю ваши травы
И над ними ворожу
И варю для вас отравы.

Эти стихи (Сологуба) были лейтмотивом всех похождений (и снялись мы на этом основании: Сологуб, я, Сюннерберг и Чулков).¹ — Эти дни тоже было не без пьянства. Под мутно-голубыми и дождливыми рассветами пили мы шампанское, я, почему-то (?), наелся устриц — и т. д. Но — «все невинно». Главное, что это не надрывает меня. Моя жизнь катится своим чередом, мимо порочных и забавных сновидений, грузными волнами. Я работаю, брожу, думаю. Надоело жить одному. «Праматерь» кончена (вчерне), «Песню Судьбы» на днях кончаю. Отчего не напиться иногда, когда жизнь так сложилась: бывают минуты приближения трагического и страшного, ветер в душе еще свежий; а бывает — «легкая, такая легкая жизнь» (Сологуб).

Может быть, ты и не можешь этого понять, — но неужели ты не можешь согласовать это со мной? Ведь *путь* мой прям, как все русские пути, и если идти от одного кабака до другого зигзагами, то все же идешь все по тому же неизвестному еще, но, как стрела, прямому шоссейному пути — куда? куда? И потом —

Друзья! Не все ль одно и то же:
Забиться вольною мечтой
В нарядном зале, в модной ложе,
Или в кибитке кочевой?²

Целую.

Саша.

90. М. А. КУЗМИНУ

13 мая (1908. Петербург).

Милый Михаил Алексеевич.

Вчера я всю ночь не спал, а днем бродил в полях и смотрел на одуванчики, почти засыпая, почти засыпая. Потому Вы и не застали меня. А сейчас проспал 13 часов без снов и встал бодрый, ясный воздух, читаю Вашу книгу вслух и про себя, в одной комнате и в другой. Господи, какой Вы поэт и какая это книга!¹ Я во все влюблен, каждую строку и каждую букву понимаю и долго жму Ваши руки и крепко, милый, милый. Спасибо.

Любящий Вас Александр Блок.

P. S. Если увидите еще Hans Guenther'a, поклонитесь ему от меня.

91. М. И. ПАНТЮХОВУ

22 мая 1908. (Петербург.)

Разве я не откровенен с Вами, дорогой Михаил Иванович? Нет, я не скрываю ничего и не «оберегаю». Но я чувствую все больше тщету слов. С людьми, с которыми было больше всего разговоров (и именно мистических разговоров), как А. Белый, С. Соловьев и др., — я разошелся; отношения наши запутались окончательно, и я сильно подозреваю, что это от систематической «лжи изреченных мыслей».¹ И я совершенно не умею сказать прозой лучше, чем говорю стихами.

Одиночество не победить сравнением мистических переживаний, я глубоко уверен в этом. Может быть, одиночество преодолимо только ритмами действитель-

ной жизни — страстью и трудом. Остальное — сны. Но неужели Вы думаете, что я отказываю в реальности Вашим снам? Это было бы равносильно моему отказу от собственного ἀνάμνησις'a.* Я только не хочу говорить, лучше — *не могу* говорить.

На днях уезжаю отдохнуть в деревню недели на две.

Ваш А. Блок.

92. Л. Д. БЛОК

14 июня 1908. Шахматово.

Милая, только сегодня утром пришла твоя телеграмма, я ответил на нее. А твое письмо (второе) я получил третьего дня и ношу с собой. На него я могу ответить тебе только, что думаю о тебе каждый день, тебя недостает каждый день, и я живу все время тем, что жду тебя. До сих пор я не могу определить, должен ли я жить один; я теперь переживаю эту одинокую жизнь и знаю, что она очень хороша, но бесплодна, бесплодна — другого слова не придумаешь. Может быть, нам нужно временами жить вместе. Теперь мне часто кажется, что мы можем жить вместе всегда, но — не знаю. Здесь очень тихо — жарко, сыро и пышно. Наш сад растет. Я бываю много один. Переделываю Песню Судьбы. Может быть, даже и кончу ее к 1 июля, когда вернусь в Петербург. Туда меня тянет. Здесь трудно жить без тебя. Я думаю о том, что ты вернешься в августе и мы вместе будем жить здесь осенью. Что ты думаешь об этом? Я не знаю, когда ты вернешься. Досадно получать письма, которые идут около недели, и самому досадно писать. Но у меня очень постоянная надежда на то, что мы могли бы прожить здесь золотую осень.

Меня тянет теперь опять в Петербург. У меня очень дружеские и настоящие, даже трогательные отношения с Чулковым (и, конечно, с Женей). И хорошие отношения с Сюннербергом. Может быть, устроим журнал (!). Кроме того, Ф. Ф. Коммиссаржевский будет в Петербурге, надо обсудить «Праматерь».¹ У Бравича — оспа.

* Воспоминания (греч.). — Ред.

Петербург необыкновенно красив теперь. Там привлекательно то, что легче переживать это какое-то *переходное* в жизни время — от встречи до встречи с тобой. Очень много средств забывать о времени и произвольно устанавливать дни и ночи. А здесь нет этих средств — без тебя.

Может быть, ты заметила, что я давно уже не умею писать тебе. Мое отношение к тебе уже не требует никаких слов. А вообще письма писать я умею, по-прежнему.

«Песня Судьбы» все так же важна для меня. Но теперь еще по-новому, точно я еще больше ее пережил и смотрю на нее объективнее и свободнее. — С Натальей Николаевной я так и не простился, не писал ей и не получал от нее писем.

Теперь ты видишь, как я живу? Читала ли ты «Корабль» д'Аннунцио? Прочти — это очень искусная трагедия.

А что же сцена? Это очень важно для тебя?

Получила ли ты деньги из Грозного? Там лежат 50 р., посланные по телеграфу в конце мая. Надо ли тебе еще? Если надо, я пришлю из Петербурга.

Твои письма мне получать важнее всего, хотя и досадно, потому что — запоздалые. Настанет ли когда-нибудь время, что мы перестанем разлучаться?

Твой.²

93. Л. Д. БЛОК

24 июня (1908). Шахматово.

Моя милая.

Время ползет без тебя какое-то тусклое, бесплодное. Здесь почти не перестает дождь — серый, осенний. Я начал сильно тосковать. Беспокоюсь о тебе, думаю постоянно о тебе. Жизнь тащится зачем-то, — и ты зачем-то в каком-то Боржоме; я совершенно уверен, что тебе там делать нечего. Эти дни я немного ждал тебя, думал, что ты оттуда уедешь. Что за охота проваливаться где-то на краю света с третьестепенной трупой? Не люблю я таких актеров, ох, как не люблю, заодно с Гете и Ибсеном.

Беспокоюсь о тебе, моя милая. Тебе все еще грустно? Если бы ты вернулась сюда, я не возвращался бы в Петербург. А теперь — ворочусь через 6 дней, а зачем — не твердо знаю; больше потому, что без тебя не сидится в тишине. И что писать тебе, — не знаешь, интересно ли тебе вот в эту минуту, когда ты читаешь то, что я писал десять дней назад.

«Песня Судьбы» кончена вчера. — Почему ты пишешь, что приготовила себе мучение? Меня очень тревожит это; и мне не нравится то, что ты сомневаешься в том, как я тебя встречу. — Получаешь ты мои письма? — Это, кажется, уж шестое — и последнее из Шахматова.

Я как-то тоже устал. Мне во многих делах очень надо твоего участия. Стихи в тетради давно не переписывались твоей рукой. Давно я не прочел тебе ничего. Давно чужие люди зашаркали нашу квартиру. Лампадки не зажигаются. Холодно как-то. Ко многим людям у меня в душе накопилось много одинокого холода и ненависти (Мережковские, разные москвичи с г. А. Белым во главе и некоторые другие).¹ Мне надо, надо быть с тобой. А ты — хочешь ли быть со мной? То, что я пишу, я могу написать и сказать только тебе. Многого из этого я как-то не говорю даже маме. А если ты не поймешь, — то и бог с ним — пойду дальше так. Ты не имеешь потребности устроить нашу жизнь так, чтоб и комнаты ожили? Или ты все еще не поймешь «быта»? Есть ведь на свете живой быт, настоящий, согласный с живой жизнью. Беспокоюсь о тебе.

Твой.

Из твоих писем я понял, что ты способна бросить сцену. Я уверен, что, если нет настоящего большого таланта, это необходимо сделать. Хуже актерского «быта» мало на свете ям. Коммиссаржевская играет мою (т. е. Грильпарцерову) Бертю.²

94. Л. Д. БЛОК

18 июля 1908. Петербург.

Сегодня пришло твое первое письмо от 11 июля. Какое мрачное для меня письмо. Все то, о чем я думаю,

оно подтвердило. Мне жить становится все невыносимее. То, как я теперь живу, ненужно, холодно и пусто. Неужели же и ты такая же, как я? Ты пишешь уже так привычно о «волне своего сумасшествия». И в письме этом — прежде всего — «Марья Ивановна» Чирикова (поздравляю вашу труппу с победой искусства), а потом — все остальное. Да, так, вероятно, и должно быть. А что же значит — «верю в себя и тебя»? Тоже — по привычке? Если тебе больно читать все это, то я пишу это не для твоей боли, а от своей. Знаешь ли, что я тебе скажу? Если я буду продолжать жить так, как теперь, — без особых событий, выпивая иногда, веря до глубины одному только человеку — Евг. Иванову, не имея подле себя живой души, — этого не надолго хватит: душа становится старой и седой. Из этого совсем не следует, что тебе нужно предпринимать что-нибудь.

Что же, действительно — плод всех прошлых горьких красивых и торжественных годов — «Марья Ивановна», Боржом, Гельсингфорс, захудалая провинция, «зеленая скука» с «покучиваньем», актерство, развязность, «свобода» от всего «рабского»... и от всего свободного? — Или это все — только временная крошечная тьма, и настанет другое?

Целый день я ехал по сияющим полям между Шахматовым, Рогачевым и Бобловым. Только недавно. В лесу между Покровским и Ивлевым были все те же тонкие папоротники, сияли стоячие воды, цвели луга. И бесконечная даль, и шоссейная дорога, и все те же несбыточные, щемящие душу повороты дороги, где я был всегда *один* и в союзе с Великим и тогда, когда ты не знала меня, и когда узнала, и теперь опять, когда забываешь. А то — все по-прежнему, и все ту же глубокую тайну, *мне* одному ведомую, я ношу в себе — *один*.¹ Никто в мире о ней не знает. Не хочешь знать и ты. Но без тебя я не узнал бы этой тайны. И, значит, к тебе относил я слова: «За все, за все тебя благодарю я...»,² как, может быть, все, что я писал, думал, чем жил, от чего так устала душа, — относилось к тебе.

Пойми же, с каким чувством я посылаю тебе это письмо. Чувствовать я еще не совсем разучился.

Пишу тебе совершенно больной и измученный пьянством. Все это время меня гложет какая-то внутренняя болезнь души, и я не вижу никаких причин для того, чтобы жить так, как живут люди, рассчитывающие на длинную жизнь. Положительно, не за что ухватиться на свете; единственное, что представляется мне спасительным, — это твое присутствие, и то только при тех условиях, которые вряд ли возможны сейчас: мне надо, чтобы ты была около меня равнодушной, чтобы ты приняла какое-то участие в моей жизни и даже в моей работе; чтобы ты нашла средство исцелять меня от безвыходной тоски, в которой я сейчас пребываю. Кажется, ни один год не был еще так мрачен, как этот проклятый, начиная с осени. Пойми, что мне, помимо тебя, решительно *негде* найти точку опоры, потому что мамина любовь ко мне беспокойна, да я и не могу питаться одной только материнской любовью. Мне надо, чтобы около меня был живой и молодой человек, женщина с деятельной любовью; если этого никогда не будет, то мне ничего не останется, кроме пустой и зияющей темноты, когда я растрочу все свои жизненные силы. — Только на такое опускание по наклонной плоскости я сейчас способен, потому, может быть, что не имею твердой веры в то, что ты придешь ко мне.

Едва ли в России были времена хуже этого. Я устал бессильно проклинать, мне надо, чтобы человекдохнул на меня *жизнью*, а не только разговорами, похвалами, плевками и предательством, как это все время делается вокруг меня. Может быть, таков и я сам — тем больше я втайне ненавижу окружающих: ведь они же старательно культивировали те злые семена, которые могли бы и не возрасти в моей душе столь пышно. От иронии, лирики, фантастики, ложных надежд и обещаний можно и с ума сойти. — Но неужели же и ты такова?

Посмотри, какое запустение и мрак кругом! Посмотри трезво на свой театр и на окружающих тебя сценических деятелей. Мне казалось всегда, что ты — женщина с высокой душой, не способная опуститься туда, куда я опустился. Помоги мне, если можешь. Я даже работать не могу, не вижу цели. И эти дни все похожи

один на другой, ужасно похожи. И если подумаешь, что еще много таких, совсем тошно. Лечь бы и уснуть и все забыть.

Я тебе писал в остром припадке отчаянья, лег отдохнуть. Сейчас у меня, по-видимому, жар, должно быть — простудился. Серьезного ничего не чувствую. Посылаю тебе это письмо бог знает зачем, ведь меньше чем через неделю не получишь. Я вышлю тебе денег, как только меня перестанет надуть вся издательская и театральная сволочь, а сейчас у меня — ни копейки. Если ты не решила совсем бросить меня, приезжай как только можешь скорее. Никогда в жизни я не испытывал *таких* чувств одиночества и брошенности. Верно, предположения мои правильны, ты перестала помнить обо мне.

Перечитал письмо и все-таки посылаю. Телеграфируй, когда получишь. Я совсем измучен. Только бы поговорить с тобой скорее, что дальше — не знаю. Могу говорить и о сцене.

96. Е. П. ИВАНОВУ

13 сентября (1908. Шахматово.)

Милый Женя, да, знаю все, что пишешь ты о Мережковских, о их «обасурманенье».¹ Мне сейчас интереснее их Философов, а ко всем троим остается все-таки какое-то постороннее отношение, уже не враждебное, но чуждое. Если бы ты знал, какое письмо было на днях от Ключева² (олонецкий крестьянин, за которого меня ругал Розанов).³ По приезде прочту тебе. Это — документ огромной важности (о современной России — народной, конечно), который еще и еще утверждает меня в моих заветных думах и надеждах. Сейчас много планов, соображений и видов на будущее у меня. Между прочим, я получил письмо Андреева, опять хорошее, правда — хуже первого (не бойся, я о водке писал ему даже отрицательно, как об «отвлеченности» своего рода), но он пишет об «одиноких».⁴ Да и ты писал о том же. Мне начинает казаться, что

можно бы там кое-чем позаняться, и хочется поискать среди них людей и написать для них статью, если состоится газета или сборник. Ведь человек, сознавший одиночество или хотя бы придумавший его себе, — более открыт душою и способен воспринять, может быть, чего другой не воспримет.

Разговоров для нас с тобой предстоит целая бездна, потому я и не стараюсь писать все, что сейчас думаю, сколько-нибудь полно. Между прочим (и, может быть, главное) — растет передо мной понятие «гражданин», и я начинаю понимать, как освободительно и целебно это понятие, когда начинаешь открывать его в собственной душе.

У нас ясно и холодно, сегодня ночью были заморозки, и георгины почернели. Не делаю почти ничего (кроме как топором, лопатой и пр.), но думаю много и хорошо. Гуляем.

Посылаю тебе «Землю в снегу»: третий сборник стихов своих. Ну-ка, как он тебе покажется? Хуже или лучше Нечаянной Радости? ⁵ Хочу, чтобы ты получил его до нашего приезда, который состоится, вероятно, в первых числах октября.

Ах да, *velosiped Dux* очень хочу купить, но вот что: не могу заплатить 1 октября 40 рублей. Если бы можно было назначить первый взнос *не позже* 15-го, то куплю непременно. А по приезде сразу денег не будет: все уже пропито. Как хорошо не пить ни капли — все совсем по-новому. Хотя признаюсь, что иногда не прочь.

Приветствую всех вас от души и желаю вам всем быть здоровыми, чтобы миновала вас эта страшная холера (Чулков пишет мне о ней хотя и юмористически, но с большой буквы). Крепко целую тебя, милый, и имею сообщить тебе много и крупного и мелкого.

Твой Ал. Блок.

97. В. И. СТРАЖЕВУ

333

14 сентября 1908. <Шахматово.>

Многоуважаемый Виктор Иванович.

Спасибо Вам за Ваши милые слова — первый отзыв о «Земле в снегу», какой я слышал, очень приятный для меня.

Посылаю Вам маленькое стихотворение для Северного сияния, которое очень меня интересует.¹ Жалею только, что «без политики», зная, впрочем, что теперь за всякую политику сцапают. И все-таки очень мечтаю о большом журнале с широкой общественной программой, «внутренними обозрениями» и т. д.² Уверен, что теперь можно осуществить такой журнал для очень широких слоев населения и с большим успехом, если бы... не правительство.

Конечно, спрашиваю Вас о гонораре и о том, будете ли присылать мне журнал? Я сейчас в деревне (Николаевская ж. д., ст. Подсолнечная, с. Шахматово), а к 1 октября примерно вернусь в Петербург (Галерная, 41, кв. 4). Если успеете, напишите мне два слова сюда.

Искренно уважающий Вас *Александр Блок.*

98. МАТЕРИ

2 ноября. Утром. <1908. Петербург.>

Вся неделя была деловая, мама.

Писал я об Ибсене и бывал в десяти местах: на генеральной репетиции «Саломеи», в религиозно-философском собрании, у Мережковских, у С. Маковского на учредительном собрании нового большого журнала,¹ — и везде говорил.

А сейчас иду в театр — читать об Ибсене.² Все это ты, вероятно, знаешь — из тетиного письма и из газет.

Какие-то великие будни.

Надеюсь, что к весне пойдет иначе. Октябрьская тьма тоже способствует усталости.

Не стоит писать подробно о делах, все это уже не интересное, а только должное.

Всего важнее для меня — то, что Клюев написал мне длинное письмо о «Земле в снегу», где упрекает меня в интеллигентской порнографии (не за всю книгу, конечно, но, например, за «Вольные мысли»)³ И я поверил ему в том, что *даже я*, ненавистник порнографии, подпал под ее влияние, будучи интеллигентом. Может быть, это и хорошо даже, но еще лучше, что указывает

мне на это именно Ключев. Другому бы я не поверил так, как ему.

Письмо его *вообще* опять настолько важно, что я, кажется, опубликую его.⁴

Видел я опять десятки людей. Долго говорил с Л. Андреевым. Поеду к нему в Финляндию.⁵

Кончаю письмо, потому что надо надевать сюртук и идти. Женя будет в театре.

Целую.

Саша.

Пиши мне. Мне твое последнее письмо было очень нужно.

Такие портреты продаются у Аванцо.

99. МАТЕРИ

5 ноября 1908. <Петербург.>

Сегодня получил, мама, твое письмо.

Ключев мне совсем не только про последнюю «Вольную мысль» пишет, а про *все* (я прочту тебе его письмо, когда приеду я или ты) и еще про многое. И не то что о «порнографии» именно, а о более сложном чем-то, что я, в конце концов, в себе еще люблю. Не то что я считаю это ценным, а просто это какая-то часть меня самого. Веря ему, я верю и себе. *Следовательно* (говоря очень обобщенно и не только на основании Ключева, но и многих других моих мыслей): между «интеллигенцией» и «народом» есть «недоступная черта». Для нас, вероятно, самое ценное в них враждебно, то же — для них. Это — та же пропасть, что между культурой и природой, что ли. Чем ближе человек к народу (Менделеев, Горький, Толстой), тем яростней он ненавидит интеллигенцию.¹

6 ноября.

На эту тему приблизительно я и пишу сегодня реферат для религиозно-философского собрания 11 ноября, во вторник.²

Мне было очень долго страшно тяжело и скучно, как, вероятно, тебе бывает. Последние дни полегчало.

Одна из причин этого — Розанов, который страшно просто и интимно рассказал мне свою жизнь и как-то показался мне близким (хотя и непонятным) человеком.

Оттепель. Петербург и кинематографы мне опять нравятся. Не пью я давно.

Чтение об Ибсене было, по-моему, очень серое (по крайней мере для меня).³ Сказать мне удалось мало. Как же это тете понравилось?

Я сейчас очень устал от статьи и потому больше ничего не пишу.

Целую.

Саша.

У Мережковских бывает хорошо.

Я все забываю сообщить, что тебе обещан перевод — Мопассана листа четыре на месяц. Пока еще нет.

100. К. С. СТАНИСЛАВСКОМУ

9 декабря 1908. Петербург.

Глубокоуважаемый и дорогой Константин Сергеевич.

За письмо Ваше — спасибо Вам горячее и от души. Как можете Вы думать, что оно для меня досадно, обидно или неинтересно? Оно мне и важно и дорого, со всем, что Вы пишете, я считаюсь глубоко, принимаю к сердцу. И, конечно, мне дорого, прежде всего, Ваше внутреннее отношение ко мне и к этой моей пьесе,¹ Ваше внутреннее «да» и «нет», — потом только вопросы принятия, постановки и т. д.

Ведь тема моя, я знаю теперь это твердо, без всяких сомнений — живая, реальная тема; она не только *больше меня*, она больше всех нас; и она — всеобщая наша тема. Все мы, *живые*, так или иначе к ней же придем. Мы не пойдем, — она сама пойдет на нас, *уже пошла*. Откроем сердце, — исполнит его восторгом, новыми надеждами, новыми силами, опять научит свергнуть проклятое «татарское» иго сомнений, противоречий, отчаянья, самоубийственной тоски, «декадентской иро-

нии» и пр., и пр., все то иго, которое мы, «нынешние», в полной мере несем.

Не откроем сердца — погибнем (знаю это, как дважды два четыре). Полуторастамиллионная сила пойдет на нас, сколько бы штыков мы ни выставили, какой бы «Великой России» (по Струве)² ни воздвигали. *Свято нас растопчет*; будь наша культура — семи пядей во лбу, не останется от нее камня на камне.

В таком виде стоит передо мной моя тема, *тема о России* (вопрос об интеллигенции и народе, в частности). Этой теме я сознательно и бесповоротно *посвящаю жизнь*. Все ярче сознаю, что это — первейший вопрос, самый жизненный, самый *реальный*. К нему-то я подхожу давно, с начала своей сознательной жизни, и *знаю*, что путь мой в основном своем устремлении, — как стрела, прямой, как стрела — действенный. Может быть, только не отточена моя стрела. Несмотря на все мои уклонения, падения, сомнения, покаяния, — *я иду*. И вот теперь уже (еще нет 30-ти лет) забрезжили мне, хоть смутно, очертания целого. Недаром, может быть, только *внешне* наивно, *внешне* бессвязно, произношу я имя: *Россия*. Ведь здесь — жизнь, или смерть, счастье или гибель. К возрождению национального самосознания, к новому, *иному «славянофильству»* без «трех китов»³ (или, по крайней мере, без китов православия и самодержавия) и *без «славянства»* (этого не предпрещаю, но мал ведь и мало реален вопрос хотя бы о Боснии и Герцоговине) *влечет, я знаю, всех нас*.

Ибо мера нашей утонченности исполнилась, т. е. утонченность уже вошла в плоть и кровь, всегда с нами, мы уже не трепещем за нее (конечно, я говорю «мы» лишь в предчувствии новых людей, пока их несомненно мало); и потому мы *вправе* стать *реалистами* в новом смысле. Все эти слова мои — в ответ на 1) Вашу тревогу о том, что в пьесе моей я все твержу: *Россия*;⁴ 2) в знак полного моего согласия с Вашим утверждением, что все «измы» в искусстве включаются в «утонченный, облагороженный, очищенный реализм».⁵

Теперь: что касается, в частности, «Песни Судьбы», то сам я о ней мало знаю, лучше сказать, жива она для меня самого до сих пор *настолько*, что и Вашими словами я не убеждаюсь до конца. Может быть, Вы правы,

сами лица неживые (за исключением некоторых). Но всех их я нежно люблю, большую часть — ясно перед собою вижу. Что касается Ваших исследований о «математической точности человеческой природы» (вообще, это место Вашего письма),⁶ то тут, и по намекам Вашим, я догадываюсь о чрезвычайной ценности Ваших наблюдений. Понимаю Вас, понимаю это стремление художника к «математике» в высшей степени. С этой точки зрения, в «Песне Судьбы» *наверное* сделано много ошибок.

Хочу, чтобы Вы услышали меня, чтобы Вы знали, что нет в моем «народничанье», что ли — тени публицистического разгильдяйства, что я ни в каком случае не хочу забывать «форму» для «содержания», пренебрегать математической точностью, строжайшей шлифовкой драгоценного камня. Но *камень-то*, который я, может быть, не сумел отшлифовать в «Песне Судьбы», — он *драгоценен*. Сам-то я — плохой мастер, кощунствующий «лирик», — и не моя заслуга, что камень попался мне в руки. Но раз он — в руках у меня, я поражен его сиянием, я *каюсь* в своем кощунстве, я *должен* найти в себе силу, терпение и жертвенность мастера.

Вы лично и дело Ваше всегда были и есть для меня — пример строжайшего художника. В Вас я чувствую и силу, и терпение, и жертвенность, и *право строжайшего суда*. Верю Вам глубоко; потому, возвращаясь к пьесе, я вовсе не тревожусь о судьбе ее по существу; знаю, что, если надо, Вы ее полюбите, если не надо — отвергнете, руководясь математикой искусства, любовью к строгим истинам его. Вижу в Вас художника, которому мало *только* красоты и *только* пользы, которому необходимо покрывающее и исчерпывающее то и другое — *Прекрасное*. И, по всему этому, верю в Ваш *реализм*. Конечно, Вы знаете это.

Прилагаемую статейку просмотрите, когда будет свободная минута, если интересно. Я посылаю ее только в дополнение и разъяснение моих мыслей о России, набросанных в этом письме.⁷

Всего не написать, конечно. Может быть, надо поговорить. А я боюсь слов ужасно, в их восторге легко утонуть. Потому-то я и хочу принципиально постановки пьесы, если не «Песни Судьбы», то какой-либо иной

(теперь той новой, которая уже сидит во мне, сладко мучает меня вновь);⁸ ибо *театральное действие* уже больше слова. Надо, чтобы тема моя, в жизненности которой я убежден, проникла не только в уши *слушателя*, но в очи, в сердца, в волю *зрителя*. Если слово — *смутное предчувствие*, то — театральное представление может стать настоящим, пробуждающим от спячки и бросающим в блеск и муть живой жизни ударом бича.

До свидания, дорогой Константин Сергеевич. Если придете к какому-либо выводу в дальнейшем, напишите мне. Вы знаете теперь, как я Вас слушаю и как мне важно Ваше слово.

Преданный Вам Александр Блок.

Р. С. Думаю печатать «Песню Судьбы» в альманахе «Шиповник», когда — еще не сговаривался.⁹

101. А. Н. ЧЕБОТАРЕВСКОЙ И ФЕДОРУ СОЛОГУБУ

22 января 1909. <Петербург.>

Милые Анастасия Николаевна и Федор Кузьмич.

Получив сейчас письмо, хотел зайти поговорить, да боюсь, что мы совсем бесплодно будем говорить, и Вы не убедитесь. Право, не обращайтесь ко мне с такими просьбами. Я говорю совершенно прямо: если бы я умел быть легким и веселым, я бы непременно принял участие в затее постановки Ночных Плясок. Это совсем не то, о чем Вы пишете, Анастасия Николаевна, и не соответствует чтению на эстраде; против таких затей я ничего не имею. Но зато, я и *не умею*. Мое выступление в роли очень большой, трудной, требующей грации и развязности, в роли иронической, — будет очень безвкусной пародией на «юного поэта» и на самого себя, даже если бы я загримировался и долго репетировал.

Если Вы *меня* любите, не настаивайте. Если будете настаивать, значит Вы любите не меня, а мою тяжелую и неповоротливую маску, которая *мне* всегда доставляет мучение.

Кроме всего этого, мне теперь очень трудно вообще, Вы знаете, что мы с Любовью Дмитриевной со дня на день ждем ребенка.

Вы думаете, что у меня нет искушения опять поддаться «Маскараду»? Преодолеть его гораздо труднее. В «Маскараде» — большой квиетизм и *laissez faire*,* когда Маскарад *временный*.

Страшно играть масками и подмостками. Можно пойти на такую игру, только зная с уверенностью, что после нее уже не проснешься. Или — так легко, как Бенуа. Но у меня нет такой легкости; не сердитесь на меня.

Любящий Вас Ал. Блок.

* Непротивление (*фр.*). — Ред.

17 февраля 1909. <Петербург.>

Глубокоуважаемый Василий Васильевич.

Прочитал я обе заметки Ваши в «Новом времени», в которых Вы говорите обо мне.¹ Хочу написать Вам сейчас только так — несколько слов, потому что надеюсь ответить подробно на все в печати, если дадут место в «Речи».²

Мне очень легко возразить Вам по каждому пункту, но, пожалуй, не могу сговориться с Вами в одном: т. е., точно так же, как Вы останетесь совершенно собою, так я останусь в *этом* одном — представителем разряда людей, Вам непонятных и даже враждебных, представителем именно *интеллигенции* (так как Вы говорите обо мне, в сущности, как о представителе группы, а, упоминая о «декадентстве», «индивидуализме» и т. д. — метите мимо меня). Я очень рад именно тому, что я имею право возразить Вам именно, как представитель *группы* лиц; и потому возражать я буду меньше всего — глубокому мистику и замечательному писателю Розанову, больше всего — «нововременцу» В. В. Розанову. Великая тайна, и для меня очень страшная, — то, что во многих русских писателях (и в Вас теперь) сплетаются такие непримиримые противоречия, как дух глубины и пытливости, и дух... Нового времени.

Ведь я, Василий Васильевич, с молоком матери впитал в себя дух русского «гуманизма». Дед мой — А. Н. Бекетов, ректор СПб. Университета, и я по происхождению и по крови «гуманист», т. е., как говорят теперь, — «интеллигент». Это значит, что я могу сколько угодно мучиться одинокими сомнениями как отдельная личность, но, как часть целого, я принадлежу к известной группе, которая *ни на какой компромисс* с враждебной ей группой не пойдет. Чем более пробуждается во мне сознание себя как части этого родного целого, как «гражданина своей родины», тем громче говорит во мне кровь. Я не отрицаю, что я повинен в декадентстве, но кто теперь в нем не повинен, кроме мертвецов? Думаю, что и Вы его не избегли, потому что оно — очень глубокое и разностороннее явление.

Так вот, не мальчишество, не ребячливость, не декадентский демонизм, но моя *кровь* говорит мне, что

смертная казнь и всякое уничтожение и унижение личности — дело страшное, и потому я (это — непосредственный вывод, заметьте, тут ни одной посылки для меня не пропущено) не желаю встречаться с Пуришкевичем или Меньшиковым, мне неловко говорить и нечего делать со сколько-нибудь важным чиновником или военным, я не пойду к Пасхальной Заутрене к Исакию, потому что не могу различить, что блестит: солдатская каска или икона, что болтается — жандармская епитрахиль или поповская нагайка. Все это мне *по крови* отвратительно. Что *старому* мужику это мило — я не спорю, потому что он — уже давно раб, а вот молодым, я думаю, всем это страшно, и тут — что народ, что интеллигенция — вскоре (как я чаю и многие чают) будет *одно*.

Очень заговорился, хотел бы еще много сказать Вам, но лучше оставлю до статьи. Только вот еще: Вы неверно меня цитируете в обоих случаях;³ кроме того, знаю я эту любовь к мелочам быта, люблю ее в Вас лично ужасно и боюсь ее в Вас как писателя. Позвольте мне, в числе многих других и как бы уже не от своего лица, сказать Вам, что этой любовью, этой прелестью и нежностью невольно прикрываются самые страшные ямы — сентиментальность и жестокость — родные сестры. Уж лучше, я думаю, быть «бесчувственным».⁴

Искренно Вас уважающий Александр Блок.

103. В. В. РОЗАНОВУ

20 февраля 1909. <Петербург.>

Спасибо Вам за письмо, дорогой Василий Васильевич.¹ Не могу я судить о Ваших личных отношениях с Мережковскими и не хочу знать о мотивах Вашего взаимного расхождения: просто — не интересуюсь, и не могу интересоваться тем, во что не имею возможности проникнуть: ведь эти отношения — страшно глубокие и давнишние, основание их — идейное, следовательно, и оценит их будущий историк литературы. Я просто не хочу оценивать сейчас, очень ценя лично как Вас, так и Дмитрия Сергеевича и Зинаиду Николаевну.²

А я хочу сейчас только сказать Вам в ответ свои со-

ображения по важнейшему для меня пункту Вашего письма: о терроре. Страшно глубоко то, что Вы пишете о древнем «дай полизать крови».³ Но вот:

Сам я не «террорист» уже по тому одному, что «литератор». Как человек, я содрогнусь при известии об убийстве любого из вреднейших государственных животных, будь то Плеве, Трепов или Игнатьев. И однако — так сильно озлобление (коллективное) и так чудовищно неравенство положений — что я действительно не осужу террора *сейчас*. Ведь именно «литератор» есть человек той породы, которой суждено всегда от рождения до смерти волноваться, ярко впечатлеть в своей душе и в своих книгах все острые углы и бросаемые ими тени. Для писателя — мир должен быть обнажен и бесстыдно ярок. Таков он для Толстого и для Достоевского. Оттого — нет ни минуты покоя, вечно на первом плане — «раздражительная способность жить высшими интересами» (слова Ап. Григорьева).⁴ Ничего «утомительнее» писательской жизни и быть не может. Теперь: как осужу я террор, когда вижу ясно, как при свете огромного тропического солнца, что: 1) революционеры, о которых стоит говорить (а таких — десятки), убивают, как истинные герои, с сияньем мученической правды на лице (прочтите, например, 7-ю книжку «Былого», недавно вышедшую за границу, — о Каляеве),⁵ без малейшей корысти, без малейшей надежды на спасение от пыток, каторги и казни, 2) что правительство, старчески позевывая, равнодушным манием жирных пальцев, чавкая Азевовскими губами, посылает своих несчастных агентов, ни в чем не повинных и падающих в обморок офицеров, не могущих, как нервная барышня... из Медицинского института, видеть кровь, бледнеющих солдат и геморроидальных «чинов гражданского ведомства» — посылает «расстрелять», «повесить», «присутствовать при исполнении смертного приговора».

Ведь правда всегда на стороне «юности», что красноречиво подтверждали и Вы своими сочинениями всегда. Современная русская государственная машина есть, конечно, гнусная, слюнявая, вонючая старость, семидесятилетний сифилитик, который пожатием руки заражает здоровую юношескую руку. Революция русская в ее лучших представителях — юность с нимбом вокруг лица. Пускай даже она не созрела, пускай часто

отрочески не мудра, — завтра возмужает. Ведь это ясно, как божий день.

Нам завещана в фрагментах русской литературы от Пушкина и Гоголя до Толстого, во вздохах измученных русских общественных деятелей XIX века, в светлых и неподкупных, *лишь временно помутившихся* взорах русских мужиков — огромная (только не схваченная еще железным кольцом мысли) *концепция* жiwой, могучей и юной России. Если где эти заветы хранятся, то, конечно уж, не в сердцах «реальных политиков» (хотя бы реальнейших из них и живейших — ка-дет), не в Столыпинском, не в Романовском — но только в тех сердцах, которые тревожно открыты, в мыслях, которые вбирают в себя эту концепцию, как свежий воздух.

Если есть чем жить, то только этим. И если где такая Россия «мужает», то уж конечно — только в сердце русской революции в самом широком смысле, включая сюда русскую литературу, науку и философию, молодого мужика, сдержанно раздумывающего думу «все об одном», и юного революционера с сияющим правдой лицом, и все вообще непокладливое, сдержанное, грозное, пресыщенное электричеством. С этой грозой никакой громоотвод не сладит.

Преданный Вам *Ал. Блок.*

104. МАТЕРИ

23 февраля 1909. Вечер.

Александровский приют. <Петербург.>

Люба кушает, спустив ноги, а я тебе пишу. Аппетит хороший, температура нормальная. Доктор обещает отпустить домой через 2—3 дня. Завтра Люба сядет в кресло.

Мы хотим ехать в Венецию и Флоренцию сначала. Розанову я не стану отвечать.¹

Вообще подумываю о том, чтобы прекратить всякие статьи, лекции и рефераты, чтобы не тратиться по пустякам, а воротиться к искусству. В этом меня убеждают Люба и разные другие лица.

Думаю, что на это крайне вознегодуют Мережковские, к которым я не иду все — не хочется. Ужасно они

отвлеченные люди. А к их речам о Христе, которые теперь, судя по фельетонам, возобновились (и постоянно способны возобновляться, как холера), я отношусь опять со скукой и досадой.²

Можно писать разве изредка для народа и очень изредка — фельетоны, — и то если это не повредит ощутительно. Кроме того, и вообще писать надо бы поменьше, чтобы не впасть в Андреевскую стряпню.

Болтливая зима и все прочее привели меня опять к опустошению, у меня не хватает творчества на четыре стиха. Надеюсь — не навсегда.

Самое трудное при этом, конечно, заработок. Если печататься реже, он будет меньше. Надо что-нибудь изобрести. А что ты об этом думаешь?

Целую крепко.

Саша.

105. МАТЕРИ

13 марта <1909. Петербург>.

Мама, я вкладываю в Любино письмо только эту записочку. Всего все равно не описать. — Мы уже послали за заграничным паспортом и вывесили объявление о сдаче квартиры. — На Гоголевском вечере не буду читать, что-то расстроилось.¹ — Вчера очень хорошее впечатление оставил у нас Вал. Брюсов. Я чувствую к нему какую-то особенную благодарность за его любовь к стихам, он умеет говорить о них, как никто. И я с ним говорил, как давно уже не говорил ни с кем, на языке, понятном, вероятно, только поэтам. Он очень оценил мои переводы из Гейне.²

Чтение Песни Судьбы, по-видимому, тоже не состоится.³ — Сегодня мы идем наконец в Зигфрида. — Толстой поправляется. На днях, однако, Зинаида Николаевна получила от него письмо — совсем старческим почерком.⁴ Карточки его я знаю. Целую крепко.

Саша.

Завтра буду у Зинаиды Николаевны — с В. Г. Успенской.

Песня Судьбы выйдет в IX альманахе в апреле, а «На поле Куликовом» — в X-м — в мае.⁵ — Андреев

написал мне обиженное и злое письмо — за мой отказ.⁶ Но я отказал уже и Мейерхольду, который, по-видимому, был совершенно уверен, что он будет ставить пьесу на будущей сезон в Александринке.

Новых стихов нет пока. А вот, я думаю, в Венеции, Флоренции, Равенне и Риме — будут.

В Петербурге — серо, то снег, то ливень. Мрак и слякоть. Иногда весна похожа на осень.

Немножко подвинулась пьеса.⁷ Тернавцева не слушал.

Получила ли ты Зайцева — в подарок? (мне он прислал).⁸

106. МАТЕРИ

12 апреля 1909. Петербург.

Мама, ты пиши нам приблизительно так: с 18—23/IV — Venezia, poste restante, A. Block. Следующую неделю — Firenze, p. r.; потом — Roma, p. r. Впрочем, мы это напишем точно оттуда. Наш круговой билет взят.

Имей в виду, что дворник предупрежден, что ты и тетя можете всегда приехать на нашу квартиру. Объявление о сдаче ее снято до нашего возвращения. Французский ключ у дворника. Посылаю тебе Итальянский сборник, в котором ты обрати внимание на Толстого и Гиппиус.¹ Сегодня иду к Мережковским прощаться.

В Шахматово с сегодняшнего числа переведены «Речь», «Слово» и «Наша газета». Если найдешь на моем столе интересные для тебя журналы, читай их.

13 апреля.

Вчера днем мы с Любой были у Мережковских, простились и перецеловались. Я их люблю все-таки — всех трех: в них есть вкус, злоба и воля.² — А вечером я воротился совершенно потрясенный с «Трех сестер». ³ Это — угол великого русского искусства, один из случайно сохранившихся, каким-то чудом не запле-

ванных углов моей пакостной, грязной, тупой и кровавой родины, которую я завтра, слава тебе господи, покину. И даже публика — дура, — и та понимает. Последний акт идет при истерических криках. Когда Тузенбах уходит на дуэль, наверху происходит истерика. Когда раздается выстрел, человек десять сразу вскрикивают плаксиво, мерзко и искренно, от страшного напряжения, как только и можно, в сущности, вскрикивать в России. Когда Андрей и Чебутыкин плачут, — многие плачут, и я — почти. Я не досидел Метерлинка и Гамсуна, к Ревизору продирался все-таки сквозь полувековую толщу, а Чехова принял всего, как он есть, в пантеон своей души, и разделил его слезы, печаль и унижение; и, должно быть, всех все-таки искреннее в театре, хотя и сидел на великолепном казенном месте. Тут же болтался Л. Андреев, который, несмотря на свою картонность, все-таки трогательно волновался и злился.

Несчастливы мы все, что наша родная земля приготовила нам такую почву — для злобы и ссор друг с другом. Все живем за китайскими стенами, полупрезирая друг друга, а единственный общий враг наш — российская государственность, церковность, кабаки, казна и чиновники — не показывают своего лица, а направляют нас друг на друга.

Изю всех сил постараюсь я забыть начистоту всякую русскую «политику», всю российскую бездарность, все болота, чтобы стать человеком, а не машиной для приготовления злобы и ненависти. Или надо совсем не жить в России, плюнуть в ее пьяную харю, или — изолироваться от *унижения* — политики, да и «общественности» (партийности).

Сейчас пришло твое злое тоже письмо. На квартиру приезжай непременно, все распоряжения сделаны. Тетина квартира все еще не сдается, оказывается, это не так легко. Целую крепко. Завтра уедем.

Саша.

Я считаю теперь себя вправе умыть руки и заняться искусством. Пусть вешают, подлецы, и околевают в своих помоях.

7 мая (н. ст.) 1909. Венеция.

Получила ли ты, мама, от меня карточку?¹ Не удивляйся, что я долго не пишу, здесь очень трудно и читать и писать. Даже сейчас не знаю, о чем писать. Я здесь очень много воспринял, живу в Венеции уже совершенно, как в своем городе, и почти все обычаи, галереи, церкви, море, каналы для меня — свои, как будто я здесь очень давно. Наши комнаты выходят на море, которое видно сквозь цветы на окнах. Если смотреть с Лидо, весь север окаймлен большими снежными вершинами, часть которых мы проехали. Вода вся зеленая. Это все известно из книг, но очень ново, однако, — новизной не поражающей, но успокоительной и освежающей. Дня через 3 мы уедем в Падую. Жить спокойно, просто и дешево. Очень многие мои мысли об искусстве здесь разъяснились и подтвердились, я очень много понял в живописи и полюбил ее не меньше поэзии за Беллини и Боккачио Боккачино,² окончательно отвергнув Тициана, Тинторетта, Веронеза и им подобных (за исключением некоторых деталей).

Здесь открыта еще международная выставка, на которой представлена вся современная живопись (кроме России). Общий уровень совершенно ничтожен, хотя выставлен почти весь Штук, Цорн и Дегаз. Но итальянская старина ясно показывает, что искусство еще страшно молодо, что не сделано еще почти ничего, а совершенного — вовсе ничего; так что искусство всякое (и великая литература в том числе) еще все впереди. Здесь хочется быть художником, а не писателем, я бы нарисовал много, если бы умел. Среди итальянских галерей и музеев вспоминается Чехов в Художественном театре, — и не уступает Беллини; это — тоже предвестие великого искусства. Несчастную мою нищую Россию с ее смехотворным правительством и <...> вопросом, с ребяческой интеллигенцией я бы презирал глубоко, если бы не был русским. Теперь же я знаю, что все перечисленное, и даже все видимое *простым* глазом, — не есть Россия; и даже если русские пентюхи так и не научатся не смешивать искусства с политикой, не поднимать неприличных политических споров в частных домах, не интересоваться третьей думой, — то все-таки останется все та же Россия «в мечтах».

Вчера приехала Анна Ивановна, которая совершенно нам не мешает, а мне даже развлекательно и легко болтать с ней о пустяках. Люба ходит в парижском фраке, я — в венском белом костюме и венецианской панаме. Рассматриваю людей и дома, играю с крабами и собираю раковины. Все очень тихо, лениво и отдохновенно. Хотим купаться в море. Наконец-то нет русских газет, и я не слышу, и не читаю неприличных имен союза русского народа и Милюкова, но во всех витринах читаю имена Данта, Петрарки, Рескина и Беллини. Всякий русский художник имеет право хоть на несколько лет заткнуть себе уши от всего русского и увидеть свою другую родину — Европу, и Италию особенно.

Ну, пойду бродить опять. Крепко целую тебя. Напиши во Флоренцию.

*Саша.*³

108. МАТЕРИ

13 мая <н. ст.> 1909. Флоренция.

Мама, сегодня мы первый день во Флоренции, куда приехали вчерашней ночью из Равенны. Сегодня я получил твое первое письмо, адресованное сюда, предыдущие два, очевидно, пропали, хотя я велел переслать их из Венеции.

В Равенне мы были два дня. Это — глухая провинция, еще гораздо глуше, чем Венеция. Городишко спит крепко, и всюду — церкви и образа первых веков христианства. Равенна — сохранила лучше всех городов раннее искусство, переход от Рима к Византии. И я очень рад, что нас туда послал Брюсов; мы видели могилу Данта, древние саркофаги, поразительные мозаики, дворец Теодориха. В поле за Равенной — среди роз и глициний — могила Теодориха. В другую сторону — древнейшая церковь, в которой при нас отрывали из-под земли мозаичный пол IV—VI века. Сыро, пахнет как в туннелях железной дороги, и всюду гробницы. Одну я отыскал под алтарем, в темном каменном подземелье, где вода стоит на полу. Свет из маленького окошечка падает на нее; на ней нежно-лиловые каменные доски и нежно-зеленая плесень. И страшная тишина кругом. Удивительные латинские надписи.¹

Флоренция — совсем столица после Равенны. Трамваи, толпа народу, свет, бичи щелкают.² Я пишу из хорошего отеля, где мы уже взяли ванны. Может быть, потом переселимся подешевле, но вообще — довольно дешево все. Во Флоренции надо засесть подольше, недели на две. Мы были уже у Porta Romana и у рынка, я очень смутно помню направления только и, пожалуй, — Арно, а все остальное — ничего не напоминает.³ Потом поедем в Перуджию и в Рим. Я сейчас прибежал домой от грозы, но она уже прошла, и опять жарко.

Люба напишет тебе скоро. Твоему письму сегодня я очень обрадовался, так как уже начинал беспокоиться. Больше ни от кого нет ничего. Сегодня я просмотрел в первый раз «Речь», увидел, что закрыта «Наша газета». Ты пиши тоже почаще — во Флоренцию, потом в Рим, все — р. г. Сегодня, а может быть, и завтра — ничего осматривать не буду, приятнее — слоняться и узнавать город. Те два для меня — как на ладони, а Флоренция велика, и с ней труднее освоиться.

Самочувствие все еще не слишком хорошее. Мы оба еще не совсем окрепли, хотя уже теперь гораздо лучше. Я покупаю картинки, а Люба — древности. Целую крепко тебя и тетю. Пиши. Сейчас уйду опять.

Саша.

Очень бы хотел, чтобы с Шахматовым у вас все устроилось благополучно.⁴

109. МАТЕРИ

25 — 26 мая <н. ст.> 1909. Флоренция.

Мама, послезавтра мы уезжаем из Флоренции, не знаю еще куда: едва ли в Рим, потому что здесь уже нестерпимо жарко, и мускиты кусают беспощадно. Но Флоренцию я проклинаю не только за жару и мускитов, а за то, что она сама себя предала европейской гнили, стала трескучим городом и изуродовала почти все свои дома и улицы.¹ Остаются только несколько дворцов, церквей и музеев, да некоторые далекие окрестности, да Боболи, — остальной прах я отрясаю от своих ног и желаю ему подвергнуться участи Мессины.

Так же, как в Венеции — Беллини, здесь — Фра Беато стоит на первом месте, не по силе, — а по свежести и молодости искусства.² Рафаэля я полюбил, Леонардо — очень, Микель-Анджело — только несколько рисунков. Мы привезем с собой массу снимков.

От тебя давно нет писем, а за все время — только два (во Флоренции). Из Венеции не переслали, из Рима — тоже не надеюсь. Получила ли ты наши карточки?³

Ближайшая цель — Перуджия, потом — скорее всего — прямо Пиза, т. е. море около нее.

В нашем пансионе — очень неуклюжий лакей. Хозяин, заранее рассчитывая на его неловкость, называет большинство кушаний: *crème renversé*, *fraise ecrasée*, *bœuf brisé*, etc.* Мы сыты, хотя с одной стороны сидит английская художница с расстегнутой спиной, с другой — *m-me von Lebedeff*, упражняющаяся в английском и французском языках, с третьей — громко хрюкающий англичанин, с четвертой — внушающее уважение немецкое семейство. У меня страшно укоротился нос, большую часть съели мускиты. Папиросы мои вышли, а здесь каждая стоит около тысячи лир, так что я курю только десяток в день. Перед одним окном хозяин насадил сад для четырех кошек, а перед другим — маляры стараются один перед другим засыпать пылью мою кровать, спеша достроить изящную виллу к приезду английского короля. Арно высохло, так что вместо воды мы умываемся черным кофеем, а мороженое привозят только раз в месяц из Стокгольма.

Все это несколько преувеличено. Я беспокоюсь о том, где вы и что с Шахматовым.⁴ Напиши об этом поскорее в ПИЗУ. Решительно, после Перуджии, Ассизи, Сиенны (это всего несколько дней) мы будем там и поселимся, по-видимому, в устье Арно (*Bocca d'Arno*), чтобы купаться в море. Я ничего не знаю о России, не вижу газет, напиши, если что-нибудь произошло. Пишут ли что-нибудь о «Песне Судьбы», и вышла ли

* Буквально: опрокинутый крем, давленная земляника, битое мясо и т. д. (фр.). — Ред.

она? Не написал ли кто-нибудь чего-нибудь хорошего? — Целуем вас с тетей крепко.

Саши.

Отныне не хочу терпеть больших городов — довольно и Петербурга. В Рим надо ездить зимой.

110. МАТЕРИ

19 июня <н. ст.> 1909. Милан.

Мама, мы в Милане уже третий день и послезавтра уезжаем во Франкфурт. Там проведем несколько дней в Nauheim'e, потом поедem по Рейну до Кельна, а из Кельна, осмотрев его, прямо в Берлин и Эйдкунен. В Шахматове надемся быть в конце июня, значит. Надо признаться, что эта поездка оказалась совсем не отдохновительной. Напротив, мы оба страшно устали и изнервничались до последней степени. Милан — уже 13-й город, а мы смотрим везде почти все. Правда, что я теперь ничего и не могу воспринять, кроме искусства, неба и иногда моря. Люди мне отвратительны, вся жизнь — ужасна. Европейская жизнь так же мерзка, как и русская, вообще — вся жизнь людей во всем мире есть, по-моему, какая-то чудовищно грязная лужа.

Я написал несколько хороших стихотворений.¹ Получил от тебя в Пизе (мы уехали из ее Марины и от моря, не купаясь, от скуки и от неприятностей с хозяйкой квартиры) три письма — одно из Флоренции и два из Рима. Я им особенно обрадовался, но теперь опять давно уже — ничего нет. Меня постоянно страшно беспокоит и то, как вы живете в Шахматове, и то, что вообще происходит в России. Единственное место, где я могу жить, — все-таки Россия, но ужаснее того, что в ней (по газетам и по воспоминаниям), кажется, нет нигде. Утешает меня (и Любу) только несколько то, что всем (кого мы ценим) отвратительно — все хуже и хуже.

Часто находит на меня страшная апатия. Трудно вернуться, и как будто *некуда* вернуться — на таможенные обворуют, в середине России повесят или посадят в тюрьму, оскорбят, — цензура не пропустит того, что я написал. Пишу я мало и, вероятно, буду еще долго

писать мало, потому — нужно найти заработок. Обо всем этом я очень хочу поговорить с тобой. Теперь, слава богу, мы наконец скоро объездим все, что полагается по билету. Мне хотелось бы очень тихо пожить и подумать — вне городов, кинематографов, ресторанов, итальянцев и немцев. Все это — одна сплошная помойная яма.

Сняться — мы так и не снялись. Как-то не собрались, и не нашли таких фотографий. Да и как-то глупо теперь сниматься. И я и Люба с этого года слишком мало любим свои лица. Мне иногда мое лицо бывает противно.

Подозреваю, что причина нашей изнервленности и усталости почти до болезни происходит от той поспешности и жадности, с которой мы двигаемся. Чего мы только не видели — чуть не все итальянские горы, два моря, десятки музеев, сотни церквей. Всех дороже мне Равенна, признаю Милан, как Берлин, проклинаю Флоренцию, люблю Сполето. Леонардо и все, что вокруг него (а он оставил вокруг себя необозримое поле разных степеней гениальности — далеко до своего рождения и после своей смерти), меня тревожит, мучает и погружает в сумрак, в «родимый хаос». ² Настолько же утишает меня и ублажает Беллини, вокруг которого осталось тоже очень много. Перед Рафаэлем я коленопреклоненно скучаю, как в полдень — перед красивым видом. ³ Очень близко мне все древнее — особенно могилы этрусков, их сырость, тишина, мрак, простые узоры на гробницах, короткие надписи. Всегда и всюду мне близок и дорог, как родной, искалеченный итальянцами латинский язык.

Более, чем когда-нибудь, я вижу, что ничего из жизни современной я до смерти не приму и ничему не покорюсь. Ее позорный строй внушает мне только отвращение. Переделать уже ничего нельзя — не переделает никакая революция. *Все* люди стгниют, *несколько* человек останется. Люблю я только искусство, детей и смерть. Россия для меня — все та же — лирическая величина. На самом деле — ее нет, не было и не будет.

Я давно уже читаю «Войну и мир» ⁴ и перечитал почти всю прозу Пушкина. Это существует.

Напиши непременно в Петербург, так, чтобы мы там получили известие. Я перевел все письма на Франкфурт, но не надеюсь получить там ничего. А мне

особенно важно иметь от тебя известия о том, как вы там живете.

Целую я и Люба крепко тебя и тетю.

Саша.

111. Е. П. ИВАНОВУ

3 сентября 1909. (Шахматово.)

Милый Женя, пишу тебе так себе, писать решительно не о чем. У нас уже целый месяц — настоящее лето. Я почти еще не думаю о возвращении в город, и не хочется; но скоро (в конце сентября?) придется ехать. Очень много работаю руками и брожу, писать вовсе разучился. Мы вспомнили с сожалением, что твой отпуск кончается. Воспользовался ли ты им, как хотел?

Хочу тебе сказать, что все больше ценю «Стереоскоп» (хотя и не перечитывал его). Еще больше понял его через рецензию Брюсова¹ и через чтение Уэльса. Очень много думаю об этом. Думаю, что это, вместе с Брюсовской прозой, принадлежит к первым в русской литературе «научным» опытам искусства и глубоко приветствую это. Среди старых писателей намеки на эти методы и на этот язык был только у Пушкина. После него наша литература как бы перестала быть *искусством*, и все, что мы любили и любим (кончая Толстым и Достоевским), — гениальная путаница. Этого больше не будет и не должно быть (говорю преимущественно о «разливанном море» бесконечной «психологии»). Искусство есть только космос — творческий дух, оформляющий хаос (душевный и телесный мир). О том, что мир явлений телесных и душевных есть *только* хаос, нечего распространяться, это должно быть известно художнику (и было известно Эсхилу, Данту, Пушкину, Беллини, Леонардо, Микель-Анджело и будет известно будущим художникам). Наши великие писатели (преимущественно о Толстом и Достоевском) строили все на хаосе («ценили» его) и потому получался удешевленный хаос, т. е. они были плохими художниками. Строить космос можно только из хаоса. — Вздумалось написать тебе это из числа бесчисленных моих мыслей такого порядка (о строгой математичности искусства).²

Напиши, целую тебя крепко.

Твой Саша.

Мама последние дни чувствовала себя прескверно, особенно по утрам и вечерам. А что у вас?

112. В. Я. БРЮСОВУ

2 октября 1909. Петербург.

Дорогой Валерий Яковлевич.

Не знаю, в Москве ли Вы теперь, но все-таки хочу Вам писать. Я только что вернулся в Петербург из деревни, где находился под постоянным обаянием третьего тома Ваших «Путей и перепутий». В Италии и в Германии, где я очень много увидел и многому научился, постоянно звучали мне Ваши прежние стихи (не только венецианские или кельнские¹) — и совсем по-новому. Здесь уже второй день читаю ефроновского Пушкина, особенно — Ваши статьи о «Домике в Коломне» и «Медном Всаднике».²

Посылал я Вам открытку из Флоренции, которая полюбила мне меньше всего, что я видел. Любимыми местами стали Равенна, этрусские могилы, Умбрия (особенно Сполето и Перуджия) и Кельн. Венеция поместилась как-то на особом месте, даже почти вне Италии; ее можно любить примерно как Петербург; как Петербург к России, так Венеция относится к Италии.

Любимыми художниками стали Беллини, Фра Беато и несколько менее плодovitых — венецианской и умбрийской школы.³ Впрочем, и флорентийской и сиенской. Да всего не перескажешь.

Хотя я и собирался в Равенну, но, может быть, не поехал бы туда, если бы Вы не соблазняли. Чувствую, что прилагаемые стихи внушены не только Равенной, но и Вашей поэзией. Потому прошу у Вас позволения посвятить их Вам, если они Вам понравятся.⁴ Я их люблю, несмотря на то, что море ушло от Classis'a, кажется до Теодориха, а «Галла» и «Плакида» — одно лицо; но я не мог не посвятить двух строф царице, поныне властвующей над Равенной незримо. Думаю, что она походила на ту египетскую девушку, изображение которой хранится на доске в Александрийской комнате Флорентийского археологического музея.⁵ Впрочем, в Уффицих есть картина Карло Дольчи — Пладиция

с крестом.⁶ Но здесь она — более римлянка, а я думаю, что тип ее — греческий, и брови византийские — дугами, как у той египтянки. И была она именно Плакида, а не Пластида.

Едва ли Равенна изменилась с тех пор, как Вы были там. По-видимому, она давно и бесповоротно умерла и даже не пытается гальванизироваться автомобилями и трамваями, как Флоренция. Это очень украшает ее — откровенное отсутствие людей и деловой муравьиной атмосферы.

Старый храм Аполлинария (в поле — *in Classe fuori*) ремонтируют с головы до ног. Пол снимают и на глубине около полуаршина открывают куски мелкой римской мозаики, по-видимому IV века.

Совершенно понятно, почему Дант нашел пристанище в Равенне. Это город для отдыха и тихой смерти.

Преданный Вам *Александр Блок.*

Р. S. Здесь еще никого не видел. На днях свижусь с Мережковскими, которые уже здесь. Зима предстоит трудная.

А. Б.

Р. Р. S. Не будете ли Вы в Петербурге? Если да, я очень хочу видеть Вас.

А. Б.

113. А. А. ИЗМАЙЛОВУ

27 октября 1909. *⟨Петербург.⟩*

Многоуважаемый Александр Алексеевич.

Всего приятнее было бы мне переводить «Викторию» — любимую мою вещь Гамсуна. Если же она занята, то попрошу один или несколько рассказов из «Рабов любви» или «Голоса жизни» (по изд. Саблина — т. I и III); а именно: «Голос жизни», «Завоеватель», «Уличная революция», «Гастроль» (она же — «Лекция»), «Отец и сын», «Рабы любви».¹

Будьте так любезны, сообщите мне, могу ли я получить экземпляр поручаемой мне вещи на немецком языке, и если могу, то где? Также — срок.

Если возможна, все-таки, «Виктория», то я бы особенно настаивал на ней.

Искренно уважающий Вас Александр Блок.

114. С. К. МАКОВСКОМУ

29 декабря 1909. Петербург.

Многоуважаемый Сергей Константинович.

Сейчас я, как раз, опять уезжаю из Петербурга — в Ревель и получил Ваше письмо. Хочу только ответить Вам на Ваше недоумение относительно моего несогласия исправлять стихи.¹ Я писал Вам, что ничего не имею против некоторых Ваших замечаний «грамматических» — внешним образом. Больше того, разумеется, я признателен Вам за них, но именно только *внешне*. Для меня дело обстоит вот как: всякая моя грамматическая оплошность в этих стихах *не случайна*, за ней скрывается то, чем я *внутренне* не могу пожертвовать; иначе говоря, мне так «поется», я не имею силы прибавить, например, местоимение к строке «вернув бывалую красу» (в «Успении») (сказать, например, «вернув *ей* прежнюю красу» — не могу — не то). Далее: я не говорю, что это так *навсегда*; очень может быть, что, отойдя от стихотворения на известное расстояние, я смогу без жертвы найти эквивалент некоторым строкам — более «грамотный»; может быть, при этом воспользуюсь именно Вашими указаниями, потому и благодарю Вас, и знаю, что Вы относитесь и отнеслись в данном случае к стихам с особой тщательностью и вниманием. — Но *сейчас-то* не могу ничего сделать *от себя*, все дело в этом. Вот причина моего Вам ответа — почти чувство молодой матери, когда ей говорят, что у ребенка такие-то, хоть и мелкие, недостатки; почти физиологическая досада: «ну хорошо, я знаю, а, все-таки, он и так хорош, и даже *единственно* так хорош — «принципиально», мне другого не надо». Ну, тут уже пошла «розановщина», поэтому — кончаю письмо. Желаю Вам скорого и окончательного выздоровления и крепко жму Вашу руку.

Душевно преданный Вам Александр Блок.

115. П. И. КАРПОВУ

27 января 1910. <Петербург.>

Многоуважаемый Пимен Иванович.

Спасибо за письмо и книжку,¹ которые я только что получил. «Мое дело почти что пропащее», пишете Вы, следовательно, в Ваше отношение к своему писанию закралось нечто злободневное. Это противоречит моему представлению о Вас (хотя книжки я еще не читал). Зачем Вам заботиться о том, чтобы о книжке писали, и зачем Вам «ценить мое мнение», когда Вы верите прежде всего в отнюдь не «злободневный» «говор зорь»? Или и Вас уже спутал «город»?

Я бы хотел отнестись к Вашей книжке совершенно свободно и, значит, прошу Вас не настаивать на том, чтобы я написал о ней сейчас же. Может быть, напишу и скоро, может быть, и не напишу; главное же, верю, что книжка эта не пройдет для меня бесследно. Главное — не суетиться около больших дел, в противном случае, около них заведутся неправды, обиды, полукисренние речи и т. п.

Я сейчас погружен в суету по поводу дел маленьких, потому и не уверен, что напишу о книге сейчас.² — Зачем «интеллигентам» «браться за плуг»? Вы только представьте себе всю несуразность и уродство положения: какой-нибудь человек с вялыми мускулами плетется по борозде! И поля не допашет, и себя надорвет. Зачем же он, в ущерб физической силе, развивает силы духовные? Не затем ли, чтобы *победить ложь* в конце концов? Тут уже дело не об «интеллигенте» и «народе», а о гораздо большем: пусть всякий человек *какими может и хочет* путями (а пути у всех разные) побеждает *зверство* (уродство) — и государственное, и интеллигентское, и народное, и душевное, и телесное. Зверство повсюду есть. — Это — только мое

«крайнее» возражение на одно из Ваших «крайних» мнений.³

Александр Блок.

116. С. Н. КУЛИКОВУ

8 марта 1910. (Петербург.)

Многоуважаемый Сергей Николаевич.

Разве можно говорить «вообще» в назначенные часы. Такие разговоры редко удаются. Если бы даже удалось, — у Вас прибавился бы один лишний хороший разговор и у меня один. А это только подчеркивает одиночество и печаль. Если нам с Вами надо говорить, пусть будет это случайно, если где-нибудь встретимся.

Александр Блок.

117. Л. Я. ГУРЕВИЧ

** (9—14 апреля 1910. Петербург.)*

Многоуважаемая и дорогая Любовь Яковлевна.

Винюсь перед Вами: я до такой степени заболтался и недоволен всеми своими писаниями, особенно в прозе, что мне страшно и приступить к воспоминаниям о В. Ф. Коммиссаржевской, которые Вы мне заказали для альманаха.¹ Если напишу, будет непременно ложь, т. е. словесность, т. е. кощунство. Лучше не писать. Я и вообще забрасываю статьи на долгое время и расплачиваюсь в этом отношении с последними долгами, чтобы как можно скорее уехать в деревню. Проклятый город и проклятые слова. Простите меня за то, что не исполняю Вашего поручения.

Вы избраны в «Академию» (т. е. в Общество ревнителей художественного слова). Не знаю, посылают ли Вам повестки? Теперь заседания на Страстной, может быть, и не будет.

Преданный Вам *Ал. Блок.*

13 апреля 1910. *⟨Петербург.⟩*

Многоуважаемый Валентин Иннокентьевич.

Спасибо за «Кипарисовый ларец», за надпись и за письмо.¹ Книгу я сейчас просматриваю. Через всю усталость и опустошенность этой весны — она проникает глубоко в сердце. Невероятная близость переживаний, объясняющая мне многое о самом себе. О книге надо писать не рецензию, а статью, да и не в «Речь», а куда-нибудь почище. С «Речью» я все равно разделался до осени, бог с ней. Лучше, когда приду в себя, буду думать о статье для какого-нибудь журнала, если не поставлю креста над статьями вообще, в чем чувствую большую потребность, теперь по крайней мере. — Как жаль, что мы вчера не посидели с Вами мирно у меня; я вернулся ночью от Вячеслава Ивановича после очень серьезного разговора и нашел на столе Ваши траурные каймы. Мне не удастся побывать у Вас в Царском, скоро уезжаю в деревню, — до свиданья, до осени. Жму Вашу руку крепко.

Ваш Ал. Блок.

119. Е. П. ИВАНОВУ

29 июня 1910. *⟨Шахматово.⟩*

Милый Женя, я все время хочу тебе писать и отвечать на два письма; но и сейчас не отвечаю. У меня совсем не поворачивается язык; почти все время я в полном отупении и если вижу сны, то только от «множества забот». Два месяца неотлучно следил за каждым гвоздем «Валгаллы», она страшно разрослась и до сих пор не кончена.¹ Поеду за мамой в Москву 6-го, будет готова ее комната или нет: мы выстроили сбоку второй этаж, все покрыли железом, подняли все на фундамент, поставили 4 новых (и страшно дорогих) печи, и всё красили. Одно время работало 30 человек. Люди все великолепные («народ», а не «интеллигенция»), но... если куда спасешься, то на Запад? Не знаю и этого. Отупение происходит вовсе не от Валгаллы и даже не от маминой болезни, которая все время бес-

покоит очень, — а от всего вместе — с водкой и «безумными ночами». ² Сообщу тебе, что очень мало чувствую относительно «новой жизни». Может быть, и это вздор, впрочем и что-то во мне сорвалось.

Тебя часто хочу видеть. Я был в Петербурге 14 июня, провел 7 часов (от 8 до 3) (по собственной глупости, из-за денег и банков), хотел прийти на службу к тебе; но махнул рукой вдруг, и уныло забрался в вагон; не хватило и на это; было очень холодно и скучно, перепархивал снежок. Я сидел один в спальном купе II класса (последнее тоже по глупости — деньги совершенно бросил считать, что-то они не идут впрок). Какая тупая боль от скуки бывает! И так постоянно — жизнь «следует» мимо, как поезд, в окнах торчат заспанные, пьяные, и веселые, и скучные, — а я, зевая, смотрю вслед с «мокрой платформы». Или — так еще ждут счастья, как поезда ночью на открытой платформе, занесенной снегом. ³

Все это — замечания от праздности. «Своего дела» как-то больше нет, я стал каким-то выжатым лимоном.

Крепко целую тебя и очень кланяюсь всем твоим, милый мой друг.

Твой *Саша*.

120. АНДРЕЮ БЕЛОМУ

6 сентября 1910. Шахматова.

Милый и дорогой Боря.

Твое письмо, пришедшее с прошлой почтой, глубоко дорого и важно для меня. ¹ Хочу и могу верить, что оно восстанавливает нашу связь, которая всегда была более чем личной (в сущности, ведь сверхличное главным образом и мешало личному). Нам не стоит заботиться о встречах и не нужно. Я, как и Ты, скажу Тебе, что у меня нет определенного желания встретиться. Этой зимой мне было даже как-то неловко при встрече (впрочем, и Тебе). ² Но внутренне я давно с Тобой, временами страшно близко, временами — с толпою дум о Тебе и чувств к Тебе.

Недавно где-то близко от нас с Тобой прошла Минцлова и покачался Вячеслав. Мне от этого было

хорошо, тут было со стороны их обоих — много нежности и... такта.³

Также мне хорошо то, что Ты просишь прощения у меня, — но я не принимаю этого. Или — принимаю лишь с тем, что и Ты меня простишь за то, чего мы никогда не скажем (и не должны сказать) словами, но что я знаю, может быть, лучше Тебя. Есть какая-то великая отрада в том, что *есть*, за *что* прощать друг друга; потому что действительно то, что было, — *было*, это не пустое место, это «бес всех нас попутал».

Еще — мне очень дорого Твое отношение к моей статье. Оно меня поддержит более, чем чье-либо мнение; когда я писал эту статью (и не одну эту), я внутренне, почти бессознательно, справлялся у Тебя, отсутствующего: «так ли? не так ли?» Да, по-братски.

Ну, так правда торжествует. И я скажу: Аминь.

Конечно, я с огромным удовольствием пришлю стихов для альманаха «Мусaget». Могу прислать на днях, но хотел бы узнать сначала, сколько можно? Можно ли цикл (небольшой), или лучше — отдельное стихотворение? Сообщи мне об этом, пожалуйста, или Ты, или попроси А. М. Кожебаткина написать. Жаль, что он не застал меня, но я давно уже в деревне и не знаю, когда вернусь в Петербург. Может быть, долго не вернусь, там нет теперь и квартиры.

Люблю Тебя до дна души и уже совсем без слов.

Твой Ал. Блок.

121. АНДРЕЮ БЕЛОМУ

22 октября 1910. Шахматова.

Милый Боря.

Продолжаешь ли Ты относиться к моей статье о символизме с прежним доверием? Спрашиваю Тебя об этом сейчас по нескольким причинам. Во-первых, если бы *теперь* могла возникнуть между нами хоть тень недоразумения, это было бы просто *нелепым* фактом, не

могло бы иметь ни малейшего внутреннего значения; во-вторых: я уверен, что Ты понял статью, как никто, взвесил все выводы из нее, как только возможно; и, однако, достаточно ли ясно она написана, и, следовательно, *достаточно* ли ясна она для Тебя? Т. е. учел ли Ты то обстоятельство, что я остаюсь самим собой, тем, что был всегда, т. е. статья *не есть* покаяние, отречение от своей *породы*; я бы мог назвать ее «исповедью», если бы то мое лицо, от которого она исходит, могло исповедаться. Но там я не исповедуюсь, потому что это *больше* «кающегося дворянства», «интеллигенции и народа» и т. д. Это — я сам, неизменный, и *никогда не противоречивший себе*. Исповедь есть размягчение душевное, желание «исправиться»; но там я говорю холодно, жестоко (и к самому себе), прямолинейно, без тени психологии: «вот что произошло со мной, в частности, и, по моему наблюдению, также и с теми, о ком я могу сказать «мы, символисты». Происшедшее — совершившийся факт, хорошо или плохо — другой вопрос (т. е., лучше сказать — *более, чем плохо*, вне категории «плохого» и «хорошего»). Но это «более чем» (или эту *гибель*) я лично люблю.

Так вот, учел ли Ты то, что я *люблю гибель*, любил ее искони и остался при этой любви. Настаиваю на том, что я никогда себе *не противоречил в главном*. Мне остается только подчеркнуть в данный момент и для Тебя то свойство моей породы, что я, *любя и понимая*, может быть, более всего на свете людей, собирающих свой собственный «пепел» в «урну», чтобы не заслонить света своему живому «я»¹ (Ты, Ницше), — сам остаюсь в тени, в пепле, любящим гибель. Ведь вся история моего внутреннего развития «напророчена» в «Стихах о Прекрасной Даме». Я *тороплюсь только еще раз* подчеркнуть для Тебя их *вторую* часть, также — последующие книги, «Балаганчик», «Незнакомку» и т. д. Указать, что они *мои*; я могу отречься от них, как угодно, но не могу не признать их своими.

Ближайшим поводом к упорному задаванию Тебе этих вопросов о себе служит следующее: недавно в <...> газетке я прочел выдержки из фельетона Мережковского о статьях Вяч. Иванова и моей.² К сожалению, могу только догадываться о том, что пишет Мережковский, но, кажется, я прав: Мережковский *ничего не захотел понять* (или действительно не понял?

оттого я спрашиваю, ясно ли написана статья). Сверх того, Мережковский решил, что статья суть проявление «мании величия» на почве больной русской общечеловечности. Если это так, то мне больно, что Мережковский отнесся так именно к той статье, которая наиболее исходит от *меня — человека*; пока я «получеловечно» писал о промежуточном — об «интеллигенции», например, или о Л. Андрееве и Городецком, — Мережковский принимал; когда заговорил *человек*, он закричал о мании величия. Но это — уклонение в сторону; дело в том, что я заподозрил на основании фельетона Мережковского ясность своей статьи.

Другой повод — Твое предложение от «Мусажета» прочесть лекцию на тему, *смежную с Тобой*, чтобы было «программное выступление». Я упорно «искушаю» Тебя в видах дела. Зная пафос «дела», отношение к нему Твое, я спрашиваю Тебя начистоту: может ли у Тебя *до сих пор* возникнуть опасение, что я могу *повредить делу*? Право, я спрашиваю Тебя без тени психологии и ложного стыда. Спрашиваю потому, что верю в Твой путь; спрашиваю *во имя дела*. Без Твоего ответа, *самого прямого*, у меня связаны руки и в решении о лекции.

Еще иначе формулирую свои вопросы: я всегда был *последователен* в основном (многие, заводя обо мне речь *серьезно*, т. е., не касаясь «субутильности» и т. п., считают моей истинной природой неверность, противоречивость; например — Чулков; но я не считаю этого правильным); я последователен и в своей любви к «*гибели*» (незнание о будущем, окруженность неизвестным, вера в судьбу и т. д. — свойства моей природы, более чем психологические). Теперь: Ты знаешь меня давно, между нами прошло многое, что *больше* нас обоих, что *должно* было часто заслонять нас друг от друга. Теперь, когда мы можем стоять лицом к лицу, веришь ли Ты мне, *ВСЕМУ* моему «я», или только тому, от которого исходит статья о символизме, понятая Тобой лишь *частично* — (так как, может быть, она написана неясно, и в ней не видно всего, хотя она и исходит от *всего* меня — человека)?

На этом заканчиваю это тяжеловесное письмо. Извини меня за тяжеловесность, происходящую от того, что я совсем разучиваюсь говорить и особенно затрудняюсь говорить о том, что может оказаться излишним

(как все мои вопросы этого письма). Я верю, что Ты меня *любишь* и *знаешь*, но хочу еще знать, можешь ли Ты мне во всем *верить*? Отчасти расчищаю эту дорогу так *особенно* старательно, потому что озлоблен и утомлен (как, вероятно, и Ты и все «мы») бесконечной сетью кляуз, обманов, передергиваний и сплетен, которые выются вокруг нас всех все последние годы (исходя и от семитов, и от арийцев, и от друзей, и от врагов, и даже — от самих себя). Особенно существенно и *сейчас*, когда Мережковские кивают на *mania grandiosa* * <...>, пресса радуется, что «декаденты избавили себя от общественности», и т. д., и т. д., — чтобы *наш* путь друг ко другу был, по крайней мере, расчищен до конца.

Прилагаемый цикл стихов, который я хотел бы увидеть в «Мусажете», посылаю Тебе после долгих колебаний.³ Напиши мне свое откровенное мнение. Если Тебе очень не нравится, я мог бы заменить отдельными стихами (не циклом).

Прошу Тебя, ответь мне поскорее. Во-первых, Твой ответ для меня существенно важен, во-вторых, я скоро уеду (куда, еще не знаю, пока — почти наверно в Петербург).

Любящий тебя глубоко *Александр Блок*.

122. Б. А. САДОВСКОМУ

6 декабря 1910. <Петербург.>

Многоуважаемый Борис Александрович.

На днях получил я Ваше письмо, а сейчас окончил чтение «Русской Камены». Хочу написать Вам свое мнение: по-моему, эта книга настраивает душу лучше многих прекрасных стихов тем именно, что возвращает чистейшие юношеские переживания любящим поэзию, в частности — русскую. Вы как бы нашли фарватер

* *Манья величия (лат.). — Ред.*

среди мелей истории литературы и литературной истории. Для этого мало любви к истории только или любви к архивам и библиографии, но необходима живая любовь. Потому я думаю, что Ваша книга, при всей своей целомудренной сдержанности (или, скорее, именно потому, что она этим целомудрием исполнена), — входит прямо в жизнь; оценки Ваши в большинстве случаев должны стать «классическими». Меня эта книга и научила и вдохновила, и многое мне напомнила. Ее свойство — напоминать *не* страшные песни «про древний хаос, про родимый»,¹ но шевелить те струны, которые поют: «О нет, нам должно жить! Лучом и светлой пылью...»² (следующую строку опускаю намеренно); за это последнее хочу поблагодарить Вас специально.

Очень запоминаются отдельные афоризмы и замечания (аналитически-острые), например: о творцах эпохи, эпиграфом жизни которых служит: «береги честь смолodu»;³ о добродушии второстепенных талантов;⁴ замечание о поэте на стр. 145.⁵

При всем этом для меня стоят под знаком вопроса: решительное предпочтение Державина Ломоносову; гениальность задатков Веневитинова; *резкое* вычеркивание гражданственности Полонского (защитить ее хоть одним *цельным* стихотворением я не возьмусь, но — она связана у него даже с «Царь-Девницей», не говоря об «Улеглася метелица». Это — трудный вопрос, может быть, Вы здесь на минуту уступили свою живую любовь — любви к отчетливости книжной); — наконец, *злой* пафос статьи о Фете;⁶ *эту* злобу я люблю и понимаю, но она опасна: по ее пути легко дойти до абсурда; это — абсурд священный, но он выбрасывает за пределы жизни. А «должно жить», «Человеческое самолюбие» — говорите Вы о Фете. Эпитет легко может отпасть и замениться другим. Впрочем, и это последнее замечание — для меня под вопросом: может быть, хорошо, что Вы так *заострили* именно заключительные слова книги — так ей легче врезаться в жизнь.⁷

Сердечно преданный Вам Александр Блок.

123. Н. С. АРХИППОВОЙ

11 января 1911. Петербург.

Благодарю Вас за Ваши письма. Хочу ответить Вам то, что Вы, вероятно, слышите от своих близких: Вы молоды и мало пережили. «Хаос в душе», беспредметная тоска и «любовь к безликому» должны пройти. Все это — только цветы, цветение юности, и рядом с ее радостями, которых Вы, может быть, не замечаете и не цените, — неизбежно. Если с этой тоской Вы справитесь, — то вспомните ее с благодарностью. Тогда — слава богу, что Вы тоскуете. Все это очень просто для тех, кто пережил что-нибудь в жизни (простое и трудное). Вы, может быть, пока этого не поймете, пишу Вам это только потому, что почувствовал в Вашем письме возможность это понять, хотя бы позже. — Вспоминайте Толстого. Возвращайтесь иногда к его книгам, даже если это будет Вам иногда скучно и трудно. Толстой всем нам теперь помогает и светит. «Декадентство» любите поменьше. Если любите мои стихи, хочу Вам сказать, что я прошел через декадентство давно, прошел только потому, что человек, и ничто человеческое мне не чуждо. Это я Вам пишу потому, что Вы адресуете письма в «Аполлон» и, вероятно, читаете его; там рядом с хорошим — слишком много мертвого, вырожденного декадентства. — Берегите себя, Вы самой себе будете нужны.

Александр Блок.¹

124. В. А. ПЯСТУ

23 января 1911. <Петербург.>

Дорогой Владимир Алексеевич.

Вчера Вы, верно, были у Аничковых. Мы с Любовью Дмитриевной тоже хотели быть, но это не состоялось «мистически».

Все эти дни я искал «в себе» журнала — и не нашел ни следа.¹ Прочной связи нет. Из всех сотрудников (исключая Вячеслава Ивановича, который окончательно против, — сегодня я опять получил от него письмо) связаны *только* мы с Вами — но *не* журнально (о Княжнине не знаю). Рассказы Ремизова, Зиновьевой-Аннибал, Ивана Странника могут быть везде. В Верховском мы уже возбудили несвойственные ему чувства. С Аничковым нам не связаться никак.

Знаете, я восстановился против Аничкова. Не против Евгения Васильевича, а против «Аничкова». Итак — бесконечно холодно в человеческих сердцах. Когда на площади попадают люди задумчивые и углубленные в себя, и их лица освещаются светом костра, — с ними мороз терпим, или даже — радостен. Когда же у костра появляется «некто» похотывающий и побрякивающий, — сразу пропадает всякое сопротивление, мускулы падают, воля умирает; мороз начинает колоть иглами «несчастных и усталых бедняков». — Отчего Аничков и в революции и без революции всегда одинаково выкидывает с кафедры слова, как пух из перины? — Он ужасно, *ужасно* доволен собой...

Давайте опять жить, *тихо гуляя* по беспросветной и белоснежной стуже. Каждый из нас любит уже многих людей, но все еще видно только пол-лица.

Любящий Вас *Ал. Блок*.

Пишу А. Белому отказ.²

125. Л. Н. АНДРЕЕВУ

3 февраля 1911. Петербург.

Леонид Николаевич, мне было приятно получить Ваше письмо. Почему Вы сомневаетесь, надо или не надо писать?¹ Если было влечение, так надо. В нашем знакомстве с Вами было что-то трудное — внутренне и внешне. Я опасаюсь многого в Вашей душе; кроме того, не люблю Ваших произведений последних лет — того, что знаю из них и о них; кроме того, дичусь Ва-

шей знаменитости и той среды, которую она около Вас создает.

Все это могло бы быть второстепенным, если бы я мог узнать о Вас что-нибудь другое. Каким способом это сделать, — не знаю; знаю, что Вы — очень тяжелый человек, да и я — тяжелый.

На всякий случай, хочу Вам сказать: если Вам вздумается когда-нибудь зайти ко мне, я всегда буду рад Вас видеть. Конечно, редко удастся говорить попросту, или чувствовать настоящее «общее»;² но ведь если и не выйдет ничего, это не бог знает какая беда.

Жму Вашу руку.

Александр Блок

126. МАТЕРИ

21 февраля 1911. <Петербург.>

Мама, вчера получил твое письмо. Я действительно надеюсь на *время*; — что все уладится. А теперь нужно сделать просто перерыв — к обоюдному улучшению отношений. Мне (и Любе) представляется так: когда ты приедешь сюда, не знаю, как лучше — видеться или не видеться тебе с Любой. Люба говорит, что она может очень хорошо с тобой видеться, но что в этом все-таки будет неправда. Это мы увидим потом. Что же касается Шахматова, то лучше всего сделать так: весной я должен ехать достраивать скотный двор; может быть, лучше — с Любой; мы приготовим и наладим хозяйство (огород и пр.). Потом Люба хочет ехать в Erdsegen (около Мюнхена) на все лето, считает, что ей это будет очень полезно, — там нечто вроде санатории — с массажем и т. д. Я думаю, что для меня пожить без Любы будет тоже полезно; но пока мне самому не хочется жить в Шахматове долго (без перерыва) в этом году. Это уж — мои собственные стремления, независимые от тебя и Любы. Дело в том, что я чувствую себя очень окрепшим физически (и соответственно нравственно), и потому у меня много планов, пока — неопределенных. Может быть, поехать купаться к какому-нибудь морю, может быть — за границу, может быть, куда-нибудь — в Россию. Я чувствую, что у меня, наконец, на 31-м году определился очень важный перелом, что сказывается

и на поэме,¹ и на моем чувстве мира. Я думаю, что последняя тень «декадентства» отошла. Я определенно хочу жить и вижу впереди много простых, хороших и увлекательных возможностей — притом в том, в чем прежде их не видел. С одной стороны — я «общественное животное», у меня есть определенный публицистический пафос и потребность общения с людьми — все более по существу. С другой — я физически окреп и очень серьезно способен относиться к телесной культуре, которая должна идти наравне с духовной. Я очень не прочь не только от восстановлений кровообращения (пойду сегодня уговориться с массажистом), но и от гимнастических упражнений. Меня очень увлекает борьба и всякое укрепление мускулов, и эти интересы уже заняли определенное место в моей жизни; довольно неожиданно для меня (год назад я был от этого очень далек) — с этим связалось художественное творчество. Я способен читать с увлечением статьи о крестьянском вопросе и... пошлейшие романы Брешки-Брешковского, который... ближе к Данту, чем... Валерий Брюсов. Все это — совершенно неизвестная тебе область. В пояснение могу сказать, что в этом — мой *европеизм*. Европа должна облечь в формы и плоть то глубокое и все ускользающее содержание, которым исполнена всякая русская душа. Отсюда — постоянное требование формы, мое в частности; форма — плоть идеи; в мировом оркестре искусств не последнее место занимает искусство «легкой атлетики» и та самая «французская борьба», которая есть точный сколок с древней борьбы в Греции и Риме.

У меня есть очень много наблюдений (собственных) над искусством борьбы, над качествами отдельных художников (которых и здесь, как во всяком искусстве, очень мало — больше ремесленников), над способностью к этому искусству разных национальностей (всего бездарнее, разумеется, русские и итальянцы — и эти при большом богатстве внешних данных! Это — падение искусства до «передвижничества» и до современной итальянской живописи). Настоящей гениальностью обладает только один из виденных мной — голландец Ван-Риль. Он вдохновляет меня для поэмы гораздо более, чем Вячеслав Иванов. Впрочем, настоящее произведение искусства в наше время (и во всякое, вероятно) может возникнуть только тогда, когда

1) поддерживаешь непосредственное (не книжное) отношение с миром и 2) когда мое собственное искусство роднится с чужими (для меня лично — с музыкой, живописью, архитектурой и гимнастикой).²

Все это я сообщаю тебе, чтобы ты не испугалась моих неожиданных для тебя тенденций и чтобы ты знала, что я имею потребность *расширить* круг своей жизни, которая до сих пор была *углублена* (на счет должного расширения). Не знаю, исполню ли я что-нибудь в этом направлении. Пока, во всяком случае, займусь массажем и гимнастикой. В конце концов, я только что оправился (мускульно) после того, как надорвался в третьем году в Шахматове. Теперь (даже до гимнастики) я скорей сильнее, чем был тогда.

Масленица прошла очень бодро. Приехала Веригина, которая вышла замуж. Она очень хорошо рассказывает и говорит по-русски, вообще — в ней есть милая русская женщина. Скользкость пропала. В сущности, она гораздо умнее и живей Волоховой.

Вчера я без конца проводил время с <...> <...> — прирожденная «гетера», беснуется, не переставая. Мы шатались втроем по городу, были и в цирке и в разных местах. <...> — очень милый, тихий и печальный, я думаю, что им придется разойтись, она его замучит. Впрочем, я пока советую им не расходиться. Ведь почти все «наши» женщины таковы, может быть, еще переменятся и станут серьезнее — хоть некоторые.

Тает, идет дождь и мокрый снег. Потому молодого месяца я еще не видел.

В посту попробую опять писать. У нас будут всю первую неделю лампадки. Господь с тобой.

Саши.

127. АНДРЕЮ БЕЛОМУ

3 марта 1911. <Петербург.>

Милый Боря.

Ну, вот — *китайская война*.¹

Поздравляю Тебя со всеми новыми испытаниями

и переменами, которые предстоят нам скоро. Все-таки возвращайся в Россию. Может быть, *такой* — ее уже недолго видеть и знать.²

А наши письма — все еще натянутые. Пусть так, это еще необходимо должно быть; все, что было, нелегко.

Живу сосредоточенно. Пишу поэму.³ Открытки из Кэруана⁴ не получал. «Мусагет» что-то не дает о себе никаких вестей.

У меня много планов. Не знаю еще, как и где проведу лето.

Целую Тебя крепко. Господь с Тобой.

Твой *Ал. Блок.*

128. АНДРЕЮ БЕЛОМУ

12 марта 1911. *(Петербург.)*

Милый Боря, сегодня узнал из Твоего письма о сфинксе.¹ Да, есть *и* это. Я бы, может быть, испугался сейчас. Сейчас — грустная минута: после напряжения многих дней — чувство одиночества. Один — и за плечами огромная жизнь — и позади, и впереди, и в настоящем. Уже «меня» (того ненужного, докучного, вечно самому себе нравящегося или не нравящегося «меня» — мало осталось, почти нет; часто — вовсе нет; чаще и чаще). Но за плечами — все «мое» и все «не мое», равно великое: «священная любовь», и 9-е января, и Цусима — и над всем единый большой, строгий, *милый, святой* крест. Настоящее — страшно важно, будущее — так огромно, что замирает сердце, — и *один*: бодрый, здоровый, *не* «конченный», отдохнувший. Так долго длилось «вочеловеченье».

Может быть, мы не вместе сейчас, но из будущего гляжу на Тебя взглядом нежного друга; в настоящем — целуюсь при встрече с Тобой, но в глазах у нас — *дело*: более, чем когда-нибудь, мы на «флагманском корабле»;² не знаю, какую работу исполняю я, — но исполняю, как-то каждый день готовлюсь к сражению.

Крепко целую Тебя и жму Твою руку, милый друг.

Твой *Ал. Блок.*

Р. S. Получаю корректуры из «Мусагета».³

8 мая 1911. <Петербург.>

Милый Боря.

Ты уже в России, а я писал Тебе после Пасхи в Афины; впрочем, письмо было печальное и угнетенное, лучше, что Ты его не получил.¹ — У меня планы: около половины мая еду в Шахматово, а в июле поеду по Европе — много куда, если удастся. Сейчас чувствую себя плохо, у меня цинга, возобновившаяся с позапрошлого года.

Видел ли Ты мою книгу?² Пошлю Тебе ее в Луцк, я еще не получил ее (все экземпляры). По-моему, издано превосходно — скромно, книжно, без всякого надоевшего декадентства. И Кожебаткин очарователен — в нем какая-то мягкая человеческая нежность.

До ужаса знакомо то, что Ты пишешь о первом впечатлении о России; у меня было подобное: моросящий дождь — и стражник трусит по намокшей пашне с винтовкой за плечами; и чувство, что все города России (и столица в том числе) — одна и та же станция «Режица» (жандарм, красная фуражка и баба, старающаяся перекричать ветер).³ — В этих глубоких и тревожных снах мы живем и должны постоянно вскакивать среди ночи и отгонять сны. И я люблю вскакивать среди ночи — все больше.

Все дело в том, есть ли сейчас в России *хоть один человек*, который здраво, честно, наяву и *по-божьи* (т. е. имея в себе в самых глубинах скрытое, но верное «ДА») сумел бы сказать «нет» всему настоящему;⁴ впрочем, я начал и сейчас же бросаю развивать ту длинную нить, которую я лелеял всю эту зиму и которой не оставляю. Пишу и хочу писать об этом, но в письмах — не стоит и не выйдет. — Мы виделись с Сережей. Он прекрасен. Крепко целую Тебя.

Твой Ал. Блок.

130. Л. Д. БЛОК

30 мая 1911. Духов день. <Шахматово.>

Люба, вчера я был очень бодро и деятельно настроен и понял очень много в своих отношениях ко многим. Прежде всего — к тебе.

Собирался писать тебе большое письмо, но сегодня уже не могу, опять наступила апатия. Уж очень здесь глухо, особенно в праздники некуда себя девать. И это подлое отсутствие даже почты, что теперь прямо тягостно, когда тебя нет.

Я хотел тебе писать о том, что все *единственное* в себе я уже отдал тебе и больше уже никому не могу отдать даже тогда, когда этого хотел временами. Это и определит мою связь с тобой. Все, что во мне осталось для других, — это прежде всего ум и чувства дружбы (которая отличается от любви только тем, что она множественна и не теряет от этого); дальше уже только — демонические чувства, или неопределенные влечения (все реже), или, наконец, низкие инстинкты.

Все это я мог вчера сказать еще определеннее, но я думаю, что ты и из этого поймешь то, что я хотел только точнее определить.

Накануне Троицы под вечер я зашел в нашу церковь,¹ которую всю убирали березками, а пол усыпали травой.

Ты спрашиваешь все, нравятся ли мне твои письма. Да, почти целиком нравятся, иногда особенно. Мне интересно все, что ты думаешь, когда ты можешь это выразить в сколько-нибудь ясной форме. А в письмах — выражаешь. Господь с тобой.

Саша.

Я поставил около постели два твоих портрета: один — маленький и хитрый (лет 17-ти), а другой — невестой.

Н. Н. Скворцова прислала мне свой большой портрет. Вот девушка, с которой я был бы связан очень «единственно», если бы не отдал всего тебе. Это я также совершенно определенно понял только вчера. Конечно, я знал это и прежде, но для всяких отношений, как для произведения искусства, нужен всегда «последний удар кисти».

Я чувствую себя все время на отлете. Как ты думаешь, когда мне ехать, и встретиться ли нам именно в Quimper'е или в другом месте. После твоих писем мне захотелось также и в Берлин.

6 июня 1911. Шахматово.

Милый Боря.

Я получил Твое большое письмо, только не успеваю Тебе ответить. Во-первых — большое спасибо за приглашение обоим Вам; но не могу приехать: во-первых — еду очень скоро за границу, во-вторых — не через Границу, а через Стокгольм.¹ И сейчас — я совсем не здесь, а уже *там*, и там надеюсь утвердиться в том, что зреет во мне. Очень, очень многое изменилось во мне (во внутренней жизни, во внешней перемен нет, и я не хочу их). Между тем, я чувствую, что мы с Тобой друг друга очень давно не видали, как следует; что наши так странно сходные во многом и радикально несходные в меньшем, но тоже существенном, жизни должны встретиться *как-то* по-особому, совсем не так, как встречались даже в прошлом году в Москве (не говоря уже о прежнем). Вы вдвоем теперь; и это опять знаменует, что мы должны встретиться *совсем, совсем* по-новому. Передай, пожалуйста, Асе Тургеневой, что я радуюсь тому, что она мне пишет и что Ты пишешь о Вашем отношении ко мне; ведь всем нам необходимо знать друг друга не только вместе, но и каждому каждого. И тут я боюсь всегда, что другие (родные) могут помешать; Ты прекрасно знаешь, как это бывает при самых лучших отношениях. Вот почему еще я боюсь к Вам теперь приехать; а совсем не от «плохой комнаты, собаки» и проч.

Милый друг, между нами стояли и наши матери, и бесконечные друзья и враги, не говоря о самом важном; и все это еще тогда, когда мы оба по-разному, но и чудесно сходно, были так далеки от «воплощения» или «вочеловечения»; когда мы оба вступали в ночную глушь, неизбежную для увидавших когда-то слишком яркий свет. Можно сказать, что человеческого почти и не было между нами; было или нечеловечески несказанное, или не по-людски ужасное, страшное, иногда — уродливое. Теперь все меняется для нас обоих (опять-таки), мы выходим из ночи, проблуждав по лесам и дебрям долгие годы; по разным дебрям — и по-разному выходим; долгие годы не слышали голоса друг друга, а если и доносился иногда голос, то лесные деб-

ри преломляли его, делали иным. Все это я чувствую за плечами, точно прожито сто лет; но для меня это были годы, умерщвляющие душу, но освежающие дух, и я их всегда благословлю. Верно — и ты. *Сходились* не по-человечески, *сходно* переживали этот долгий и страшный поединок души и духа, *сходно* окончившийся (частичным) поражением души; должны выйти из ночи — **ЧУДЕСНО РАЗНЫЕ**, как подобает человеку. Сходствует несказанное или страшное, безликое; но человеческие лица различны. Сходны бывают «счастливицы» («счастливичики»), осужденные *не* воплотиться, носясь по океану удач и легких побед. Воплощенный — всегда «несчастливец», лик человека — строгий и сумрачный (Вольфинг) — «нуждой и горем вдаль гонимый».²

Думаю, что Ты согласен со всем этим; пишу Тебе, потому что думаю об этом давно.

Не думай, что я могу сердиться на полемику, перепечатанную в «Арабесках»³ (я их получил от Кожебаткина). Во-первых — я почти под всем, что обо мне тогдашнем (полемического), подписываюсь; единственно, что мне необходимо ответить Тебе, как самому проникновенному *критику* моих писаний, — это то, что таков мой *путь*, что теперь, когда он пройден, я твердо уверен, что это должное и что все стихи вместе — «*трилогия вочеловечения*»⁴ (от мгновения слишком яркого света — через необходимый болотистый лес* — к отчаянью, проклятиям, «возмездию» и... — к рождению человека «общественного», художника, мужественно глядящего в лицо миру, получившего право изучать формы, сдержанно испытывать годный и негодный материал, вглядываться в контуры «добра и зла» — ценою утраты части души). Отныне я не посмею возгордиться, как некогда, когда, неопытным юношей, задумал тревожить темные силы — и уронил их на себя. Потому отныне *Я не лирик*. Кстати: получил «Антологию» «Мусажета»; *зачем она?* Время альманахов прошло; я думаю, что это — лишняя книга. *Талантливое движение*, называемое «новым искусством», кончи-

* «Нечаянная Радость» — книга, которую я, за немногими исключениями, терпеть не могу.

лось; т. е., маленькие речки, наполнив древнее и вечное русло, чем могли, влились в него. Теперь уже есть только хорошее и плохое, искусство и не искусство. Потому я думаю, и «смотров» довольно (Ты говорил, что антология Мусагета есть смотр). И зачем вдруг — Потемкин или Л. Столица? Это уж какая-то нестроевая рота. — Отчего Рубанович второго сорта, когда у нас есть Рубанович лучшего сорта (по имени Мандельштам)? Таких замечаний я бы сделал много, но, по-моему, главное — вся книга лишняя и совсем не Мусагетская.⁵

Ты пишешь о журнале (*не писателю* отнюдь, а писателям!).⁶ Это — инициатива Вячеслава — конечно; мы столько говорили об этом в последние месяцы (притом о журналах не одного, а трех уже типов), что в письме не изложить и, конечно, надо говорить об этом лично. В частности, я не уверен в необходимости журнала, состоящего из нас троих. Все еще так висит в воздухе, так во многом нужно стовориться.

Еще хочу сказать Тебе в ответ на Твои слова о «Мусагете»,⁷ что у меня с ним связано всегда некоторое беспокойство, которого я не умею преодолеть: я боюсь Элмса, что-то в нем чужое — ужасное, когда не милое, и *только милое*, когда я его увижу и он повернет ко мне одно из своих многих лиц. Глубоко уважаю, ценю и чувствую тайную нежность к Э. К. Метнеру (*Вольфинг*) — и дичусь его. Сережа — он, конечно, «не у дел». К Сереже особенное отношение, но совсем не связанное с «Мусагетом»: милый Сережа, блестящий человек, будущий ученый филолог, брат по духу и по крови, великолепный патриарх, продолжатель рода (а я — истребитель) и т. д.

Ну, кончаю письмо — все еще недоговоренное, по обыкновению.

Спасибо Асе Тургеневой и Тебе за приглашение и Софии Николаевне Кампиони за гостеприимство. Крепко Тебя целую и люблю.

Твой Ал. Блок.

Отсюда уеду, вероятно, в 20-х числах июня. Может быть, побываю в Москве. Может быть, успеешь написать еще сюда или в Петербург (Малая Монетная, 9, кв. 27) — до 1 июля?

6 июня 1911. Шахматово.

Милый Владимир Алексеевич. Прежде всего — поправляйтесь. — Я бродил по лесам и полям и почувствовал себя вправе дать Вам один большой совет и одно маленькое предостережение.

Совет:

За Вами — публицистические долги в большом количестве (и вовсе не «трамваи» или «действительные статские советники»).¹ Так как Ваши воля, темперамент и интересы зовут Вас к изучению социологии и к публицистической деятельности, то Вы обязаны перед самим собою узнать русскую *деревню*, хотя бы отдельные места: во-первых, те, без которых нельзя узнать Россию вообще (т. е. Великороссию); во-вторых, те, среди которых жил и образовывался Ваш собственный род; от него Вы получили в наследство демонизм и волю, настроенную на европейский лад. Это — Западная Россия.²

Вы это, я думаю, знаете; но недостаточно ярко представляете себе, что может дать познание деревни, до какой степени оно может изменить врожденный демонизм (о котором мы говорили с Вами, помните, перед моим отправлением на спектакль Рейнгардта); изменить в двух направлениях: или — убить его, т. е. разбить всякую волю, сделать человека русским в Чеховском смысле (или Рудинском, что ли);³ или — удесятерить его, т. е. обострить волю, настроить ее, может быть, на *сверх*европейский лад.

Я все чаще верю, что ошибки хотя бы социал-демократов в недавние годы происходили от незнания и нежелания знать деревню; даже не знать, может быть (говорю так потому, что *нам ее, может быть, и нельзя уже узнать*, и начавшееся при Петре и Екатерине разделение на враждебные страны должно когда-нибудь естественно окончиться страшным побоищем), — даже не знать, а *только* видеть своими глазами и любить, хотя бы ненавидя.

Из всего этого, конечно, надо заключить, что Вы должны приехать для примера в Шахматово, хотя бы в «следующую сессию».

Предостережение:

Зная по себе увлекательность Амфитеатрова (т. е. ему подобных), дружески советую не злоупотреблять им. Такие вещи не всегда проходят безнаказанно: можно совершенно незаметным образом испортить (на время, но не всегда краткое) часть души. Это касается, разумеется, тех душ, на которых Господь «играл эфирно-легкими перстами». Такую душу между прочим необходимо иметь не только поэту, но и историку и социологу.

Знаете чудесную замену Амфитеатровых и К^о? Это не менее легко, не менее увлекательно и вместе с тем невыразимо очищает душу: «История Французской Революции» Карлейля.

Думаю приехать в 20-х числах.

Целую Вас крепко.

Ваш Ал. Блок.

133. В. А. ПЯСТУ

3 июля <1911. Петербург>.

Милый Владимир Алексеевич.

В прежние времена я писал бы стихи в такое утро, как сегодня; а теперь пишу письмо Вам.

Прежде всего, о «деле»: жизнерадостный <...>, к которому послал меня Аничков, назначил мне понедельник 6 час. вечера. Следовательно, я могу не попасть и на семичасовой поезд. Может быть, приеду позже, а вдруг и совсем не приеду, трудно сказать.

Дело в том, что Петербург — глухая провинция, а глухая провинция — «страшный мир». Вчера я взял билет в Парголово и ехал на семичасовом поезде. Вдруг увидел афишу в Озерках: цыганский концерт. Почувствовав, что здесь — судьба, и что ехать за Вами и тащить Вас на концерт уже поздно, — я остался в Озерках. И действительно: они пели бог знает что, совершенно разодрали сердце; а ночью в Петербурге под проливным дождем на платформе та цыганка, в которой, собственно, и было все дело, дала мне поцеловать руку — смуглую с длинными пальцами — всю в броне из колючих колец. Потом я шатался по улице,

припнулся мокрый в Аквариум, куда они поехали петь, посмотрел в глаза цыганке и поплелся домой.¹ Вот и все — но сегодня все какое-то несколько другое и жутковатое. Ну, до свиданья.

Ваш А. Б.

134. МАТЕРИ

24 июля <н. ст.> <1911. Аберврак>.

Мама, я здесь уже третий день. Третьего дня — выехал из Парижа, было до 30°, все изнемогали в вагоне, у меня уже начало путаться в голове; так было до вечера. Вдруг поезд пролетел два коротких туннеля — и все изменилось, как в сказке: суровая страна со скалами, колючим кустарником и папоротником и густым туманом. Это — влияние океана — уже за час до Бреста. В Бресте — рейд полон военных кораблей. Я подумал — и вдруг решил ехать на автомобиле, а не ночевать в гостинице. 36 километров мы промчались в час. Очень таинственно: ночь наступает, туман все гуще, и большой автомобиль с фонарем несется по белым шоссе, так что все шарахаются в стороны. И черные силуэты церквей. — Наконец появились маяки, и мы, проблуждав некоторое время в тумане, нашли гостиницу и въехали во двор. Люба только что засыпала.¹

Гостиница очень уютная, красивая и удобная. Вчера утром и сегодня солнце. Мы на берегу большой бухты, из которой есть выход в океан, и океан виден за группой скал и островов. Живем окруженные морскими сигналами. Главный маяк (за 10 километров от нас в море) освещает наши стены, вспыхивая каждые 5 секунд. Рядом с ним — поменьше — красный. На берегу — красный и зеленый. Кроме того — значки на берегах — всё для обозначения фарватера. Вчера был легкий бриз, и мы выезжали на парусной лодке в океан, а потом — в порт Аберврака, где стоит угольщик. Этот угольщик — разоруженный фрегат 20-х годов, который был в Мексиканской войне, а теперь отдыхает на якорях. Его зовут «Melromène». На носу — Мельпомена — белая статуя, стремящаяся вперед в море. Пустые люки от пушек, а в окнах видны дети. Нет ни брони,

ничего, мачты срезаны наполовину, реи сняты. А когда-то воевал.

Еще мы заезжали на праздник «Le Pardon de S-te Marguerite»,* но не дождались процессии. Толпа бретонцев в национальных костюмах должна была сопровождать крестный ход — маленькую часовню носят по дюнам, а потом — танцуют и пьянствуют.

А сейчас я купался, но не выдержал и двух минут — от холода и непривычки. Приятно, однако. Вообще все здесь хорошо, и мы будем жить, вероятно, здесь. Очень хорошая еда — и всё. Пиши сюда. Идем гулять. Господь с тобой.

Саша.

Совершенно необыкновенен голос океана. Большая Медведица на том же месте. На юго-востоке — звезда, похожая на маяк.

135. МАТЕРИ

12 августа (и. ст.) 1911. Аберран.

Мама, сегодня суббота, а мы уезжаем отсюда, слава тебе господи, во вторник — прямо в Quimper. Впоследствии будет приятно вспоминать эту гиперборейскую деревушку, но теперь часто слишком заставляют страдать — скука, висящая в воздухе, и неотъемлемое качество французов (а бретонцев, кажется, по преимуществу) — невылазная грязь, прежде всего — физическая, а потом и душевная. Первую грязь лучше не описывать; говоря кратко, человек сколько-нибудь брезгливый не согласится поселиться во Франции. Я купаюсь каждый день в море и чувствую себя, однако, опаршивевшим. Грязь копили веками, la saiaill** вся провоняла от жирной грязи (...). Душевная грязь изобличается прежде всего тем, что во Франции не существует мужчин и женщин. Французская женщина — существо, не внушающее никаких чувств, кроме брезгливости — и то в том случае, если она очень красива и изящно одета. Со мной рядом купаются две таких — величайшие пошлости природы: безукоризненные

* «Прощение св. Маргариты» (фр.). — Ред.

** Чернь (фр.). — Ред.

фигуры, тонкие молодые лица, девически-нежный цвет лица — и холодный, любопытный и похотливый взгляд. Они высовывают из воды все части своего тела, на земле задирают юбки почти на голову; на юбки при этом истрачено ровно столько материи, чтобы они могли лопнуть лишь в крайнем и исключительном случае; и все — тщетно; они вызывают такие же чувства, как свиньи, ежедневно с восторженным хрюканьем носящиеся мимо нашего колодца и поганяющие двор.

Занимательны здешние жители: в них есть Чеховское, так как Бретань осталась в хвосте цивилизации, слишком долго служа только яблоком раздора между Англией и Францией. Например, единственный здешний доктор; всегда пьяный старик с длинной трубкой; у него зеленые глаза (как у всех приморских жителей), но на одном — багровый нарост. Он мягок, словоохотлив и глубоко несчастен внешне, но, кажется, внутренне счастлив; всегда ему кажется, что его кто-то ждет и кто-то к нему должен прийти; с утра до вечера бегает взад и вперед по набережной. Его давно уже заменил горбатый доктор из соседнего села, приезжающий в маленьком автомобиле; но он не смущается, всегда в повышенном настроении (от аперитивов), рассказывает иностранцам историю соседних замков (все перевирая и негодую одинаково на революцию и на духовенство — это через 122 года!) и таскает толстую книгу — жития бретонских святых; очень интересная книга — я из нее кое-что почерпнул.¹ — Он просит похоронить себя в море, потому что предпочитает быть съеденным крабами и лангустами, чем земляными червями.

Другой — был когда-то архитектором и рисует в свободное время; но с горькой иронией рассказывает, что не выдержал экзамена в «École des beaux arts»* (хотя и прожил 11 лет в Париже; Париж предстает им всем как обетованная земля — всегда и неизменно в виде «Москвы» для трех сестер²) — и принужден был жениться на дочери фабриканта и заняться выработкой йода и соды. — Он предложил свою карточку для осмотра одного из замков; когда мы пришли туда, то управляющий сказал сурово, что, хотя он и знает Monsieur Glêzaux, так как продает ему овощи, но предпочел бы

* Школу изящных искусств (фр.). — Ред.

иметь карточку самого M-r le Marquis. (Впрочем, замок мы осмотрели.)

Третий — propriétaire,* удит рыбу, охотится и вспоминает с восторгом, как его напоили в Петербурге, где он был с эскадрой адмирала Жерве (это было в 1891 году,³ но для всех них — 20 лет как одна минута, потому что все без исключения полжизни пьяны).

Хозяин наш — республиканец, соврет все, что ни скажет; рассказывает о природе Флориды, о своем пребывании в Америке, об умении боксировать и о том, что герб св. Марка — собака, а не лев (последнее — с ожесточенной уверенностью). Он представляется всем смелым мореплавателем, но, кажется, он был поваром на пароходе; это бывает заметно по воскресеньям, когда он сам готовит кушанье.

Супруга его — монархистка и добрая католичка, а потому уморительно ссорится с мужем. Потому же (я думаю) — она отвратительно обращается с маленьким пасынком, который всегда печален и бледен; по ночам плачет в темном коридоре от страха, когда его посылают спать одного.

Даже собаки не бывает грязнее, чем во Франции. Когда щенка Фело искупают, он немедленно бежит спать в навозную кучу, старательно поливаемую фермером навозной жижей; через полчаса любезно приходит и лезет на колени.

Мы живем с англичанами и проводим с ними много времени — даже слишком много, они изрядно надоели. Англичанин — «страна».⁴ У него глухой голос, тонкие ноги и густые седеющие усы; он — аргентинский корреспондент из Лондона; сообщает по подводному кабелю и посредством фельетонов, написанных под грушей в Абервраке, но помеченных Лондоном, — все, что может интересовать Аргентинских фермеров, — от политики — до спорта (особенно — спорт). Однажды в жаркий день сообщил он в Америку из-под груши о том, что в Лондоне на съезде дантистов дебатировался вопрос о челюстях Габсбургов. Чтобы эти вести долетели до Америки по подводному кабелю, сооруженному международными кампаниями, через весь Атлантический океан, — требуется 1 — 1/2 часа. Но так как американское время — на 4 часа разнится от европейского, то Новый

* Домовладелец (фр.). — Ред.

Свет узнает на 2¹/₂ часа раньше все, что случается в Старом. Так, например, за 2¹/₂ часа до падения авиатора в Европе Америка уже осведомлена о том, убит он или ранен.

У англичанина — семья: жена, которая одна из первых получила высшее женское образование в Англии; сын 12 лет — очень веселый, шаловливый и здоровенный мальчик, великолепный клоун; и рыже-красная дочь лет 17-ти, которая играет на рояле, танцует на всех балах и предпочитает Оксфордских и Кэмбриджских студентов — блазированным Лондонским.

Все семейство — ярые велосипедисты, спортсмены и великолепно плавают. Мы всегда вместе и едим и купаемся, часто вместе осматриваем достопримечательности. Раз пригласили мы их ехать в море, но только что миновали последние скалы, пришлось вернуться: у меня приключилась морская болезнь, и они же отпоили меня коньяком. С тех пор я уже на эту удочку не ходил.

Купаться хорошо, а также пить чай после купанья под смоквой. Сегодня буду купаться 19-й раз. С англичанами нас сближает в большей степени критика французской грязи и горничной; ей 15 лет, но она уже явно предпочитает своим обязанностям корявого матроса.

Есть еще немало интересных жителей, о которых можно бы написать. Сайгонский жандарм с обжорливой и злою женой; разные морские волки, пьяные ловцы креветок, *demi-vièrges** от 6 до 12 лет, которые торчат целый день полуголые на берегу и кричат друг другу голосами уже сиплыми: «T'as tes garçons pour jouer!»** Все это даже не удивительно: по-видимому, это обычный способ «формирования» французской «девы» (*puscelle* — уменьшительное от блохи).

На днях вошли в порт большой миноносец и 4 миноноски, здороваясь сигналами друг с другом и с берегом, кильватерной колонной — всё, как следует. Так как я в этот день скучал особенно и так как, как раз в этот день, газеты держали в секрете совещание французского посла в Берлине с Киндерлэн-Вехтером (немецкий министр иностранных дел), то я решил, что

* Полудевы (*фр.*). — Ред.

** «Забавляйся со своими мальчишками!» (*фр.*). — Ред.

пахнет войной, что миноносцы спрятаны в нашу бухту для того, чтобы выследить немецкую эскадру, которая пройдет в Африку через Ла Манш (разумеется!), и т. д. Сейчас же стал думать о том, что немцы победят французов (а они действительно действуют все время с истинно цивилизованной стремительностью и наглостью — от Агадира до Конго целая пропасть!),⁵ жалеть жен французских матросов и с уважением смотреть на довольно корявого командира миноноски, который проходил военной походкой по набережной. Думаю, что все Абервраковские чеховцы были одних мыслей со мной, так что, когда миноносцы через несколько часов снялись с якоря и отправились к Шербургу, наступило всеобщее разочарование.⁶ Всем, собственно, скучно до последней степени, и все втайне хотят, чтобы что-нибудь стряслось. Впечатление такое, что все ничего не делают. Даже *garde champêtre* * скучает, потому что здесь не воруют, *la canaille* сера и честна; сера, как честна, а честна, как сера.

Плод цивилизации налицо: в деревушке есть почтовое отделение для посылания открыток на латышско-бретонском наречии со стихами чудовищного пошляка Ботрейля (бретонский Ростан); но стихов и открыток обращать не к кому; разве стоит написать матери о том, что сын утонул (потому что океан топил этих вошек так же, как топил когда-то норманнов и бриттов, по-прежнему опасны его, хотя и промеренные, *sailloux*; ** и по-прежнему густые туманы; ни один корабль не может войти даже в этот порт без лоцмана, который в этом веке — отец нашей горничной и получает по 12 франков с корабля). — Но решительно нечего больше писать, потому что *faire l'amour* *** — привычное и необязательное занятие (кстати, население во Франции *уменьшается*; в Англии — *еще* в равновесии: 15 % рождений и смертей; в Германии — прирост колеблется, рождения уменьшаются).

Я, как истинный русский, все время улыбаюсь злобно на цивилизацию дреднаутов, дантистов и *ruscels*. По крайней мере над этой лужей, образовавшейся от человеческой крови, превращенной в грязную воду, можно умыть руки. Над всем этим стоит культура, не-

* Полевая стража (*фр.*). — Ред.

** Камни (*фр.*). — Ред.

*** Заниматься любовью (*фр.*). — Ред.

удачно и неглубоко названная этим именем. Ее я и поеду смотреть — начиная с покачнувшегося иконостаса Quimper'a.

Господь с тобой. Пиши в Париж.

Саши.

136. МАТЕРИ

20 августа (н. ст.) 1911. Кэмпер.

Мама, Quimper очень красив и стар, но я, к сожалению, мало вижу его. У меня жаба («le sparcieu»), которая только что кончается. В Аберераке последние дни побаливало горло, но я мало обращал на это внимания, да, кроме того, там нет аптеки и доктора. Когда мы приехали сюда, пришлось пойти к доктору, который велел сидеть 2—3 дня дома. Горло сильно болело, температура поднималась до 37,5, полтора дня я лежал в постели. Дни очень жаркие, так что окна открыты, комната удобная. Сегодня последний день праздников, начавшихся с Assomption.* Я сижу у окна, только что прошла сильная гроза; вижу, как балаганщики выбиваются из сил, чтобы заработать напоследок. Передо мной — узкая набережная канала, в который заходят морские приливы (море отсюда только 18 klm). На набережной — старые каштаны, листья которых уже желтеют и осыпаются, по-видимому, от сильной и долгой жары (в Париже все еще продолжается жара, так что с этой стороны мы ничего не потеряем, оставаясь здесь еще несколько дней). — За каналом — песчаная площадь, вся застроенная балаганами, а за площадью — высокая гора, поросшая старыми деревьями. Там — парк. Перед моим окном — две карусели, паровая и простая, кончик балагана фокусника и половина цирка с фургонами, где живут: 1) слоненок, отлично умеющий представлять полицейского, а также возить собаку на голове и хозяина на спине; он ревет в разные часы дня очень громким и убедительным голосом; 2) Принц Альберт (обезьяна, которая умеет пить кофей, курить, садиться на горшочек, завертываться в одеяло, ездить на велосипеде и на автомобиле и многое другое);

* Успения (фр.). — Ред.

3) зебр, который умеет делать все, что делают цирковые лошади, и 4) собаки, кошки, попугаи, обезьяны и горбатый бычок, которые умеют делать меньше слоненка, принца и зебра, но, однако, все исполняют свои обязанности исправно. Хозяин всех их любит и хорошо с ними обращается. Иногда видно, как слоненка обливают водой и подвозят ему сено. — Полдня (а сегодня — весь день) — у балаганов толпа. Около уборной слоненка почти всегда теснится группа поклонников. Карусель свистит, музыка играет во всех балаганах разное, в поющем кинематографе воеет граммофон, хозяева зазывают, заглушая музыку криками, на улице орет газетчик, а к отелю подлетают бесчисленные автомобили со свистом, воем и клокотаньем: здесь не только масса французов *en vacances*,* но и богатые американцы и англичане; то пролетит огромный автомобиль с развевающимся американским флагом, разорванным от ветра; то — автомобиль, на котором сидит огромный черный лев с разинутой пастью — очень талантливо сделанный (оказывается — просто «чудо-вакса» под маркой «*Lyon noir*»**). Раз подъехал элегантный автомобиль; из него выскочил здоровенный старик, изящно одетый, со страшно развитой нижней челюстью; у него шофер, которому страшно взглянуть в глаза: такая безмерная наглость и что-то еще худшее написано на его лице; в автомобиле — три девушки, почти девочки, с измученными и униженными лицами, похожие на русских. Кроме того — молодой человек и красавица-мулатка. Очень интересная и жуткая компания.

Я читаю всевозможные «*Je sais tout*»*** и до десяти газет в день (парижских и местных). Пью до 15-ти чашек чаю и съедаю до 10-ти яиц. Все это уже надоело, и я хотел бы поскорее поправиться и ехать прямо в Париж, потому что Бретань, при всей прелести, например, *Quimper*’а, а также некоторых костюмов, которые мы видели, наконец, благодаря праздникам, во всей пышности и во всем разнообразии, — все-таки какая-то «латышья»; отвратительный язык, убогие обычаи и какая-то не грандиозная и не много говорящая (за некоторыми исключениями) старина (я не знаю, впрочем, их легенд).

* На отдыхе (*фр.*). — *Ред.*

** «Черный лев» (*фр.*). — *Ред.*

*** «Я все знаю» (*фр.*). — *Ред.*

Стихотворение Брюсова «К собору Кэмпера» могло бы относиться к десятку европейских соборов, но никак не к этому. Он не очень велик и именно не «безгласен». Все его очарование — в интимности и в запахе, которого я не встречал еще ни в одной церкви: пахнет теплицей от множества цветов; очень уютные гробницы, много утвари, гербов, статуй, сводиков, лавочек и пр. Башни его не очень давно перестроены, готика — прекрасная, но не великая, и даже в замысле искривления алтаря нет величия, хотя много смелости — талантливо, но не гениально.

В улицах Quimper'a — в старом городе — много итальянского, милого и уютного. Особенно напоминают Италию — каналы и мостики. Здесь — слияние двух рек (Kemper и значит по-бретонски «слияние рек»).

Несмотря на то, что мы живем в Бретани и видим жизнь, хотя и шумную, но местную, все-таки это — Европа, и мировая жизнь чувствуется здесь гораздо сильнее и острее, чем в России [отчасти благодаря талантливости, меткости и обилию газет (при свободе печати), отчасти благодаря тому, что в каждом углу Европы уже человек висит над самым краем бездны («и рвет укроп — ужасное занятие!») — как говорит Эдгар, водя слепого Глостера по полю)¹ и лихорадочно изо всех сил живет «в поте лица»]. «Жизнь — страшное чудовище, счастлив человек, который может, наконец, спокойно протянуться в могиле»,² так я слышу голос Европы и никакая работа и никакое веселье не может заглушить его. Здесь ясна вся чудовищная бессмыслица, до которой дошла цивилизация, ее подчеркивают напряженные лица и богатых и бедных, шныряние автомобилей, лишенное всякого внутреннего смысла, и пресса — продажная, талантливая, свободная и голосящая.

Сегодня английские стачки кончаются (по-видимому), но вчера бастовало до 250 000 рабочих. Это — «всемирный рекорд», говорят парижские газеты и выражают удивление, что стачка достигла таких размеров в самой демократической стране! При этом одна Франция теряла до миллиона франков в день. Англия — нечего и говорить, потому что 60 % английской промышленности сосредоточено в наиболее пострадавшем Ливерпуле. На сотнях больших пароходов сгнили фрукты, рыба и прочее. Не было хлеба, не было света. Все это

сопровождалось бесконечными анекдотами, начиная с того, что лорды (у которых только что отнято их знаменитое veto) уверяли в парламенте, что *все благополучно*, — и кончая обществом эсперантистов, которые уныло сидели на чемоданах на лондонском вокзале и тщетно ждали поезда, мечтая о соединении всех народов при помощи эсперанто. Но они мечтали об этом в «самой демократической стране», где рабочие доведены до иступления 12-часовым рабочим днем (в доках) и низкой платой и где все силы идут на держание в кулаке колоний и на постройку «супер-дреднаутов». Именно *все* силы — в последние годы, когда Европе НЕКОГДА тратить силы ни на что другое, до того заселены все углы и до того прошли времена романтизма. — В Германии и Франции — нисколько не лучше. Вильгельм ищет войны и, по-видимому, *будет* воевать. Он сулит нам какие-то выгоды в Персии, чтобы мы не совалялись в мароккский вопрос.³ Газеты уже исчисляют флоты, военные гавани в Ла Манше мобилизуются, французы поминают лихом Наполеона III и собираются «mourir pour la patrie». * Все это вместе напоминает оглушительную и усталую ярмарку, на которую я сейчас смотрю. Вся Европа вертится и шумит, и втайне для этого нет никаких причин более, потому что все прошло. Если бы у людей не было животов, то они бы все протянулись и заснули с такой яростью, с какой теперь бастуют, представляют и воюют.

Во всем этом интересно еще то, что все в Европе — свои. Газеты интересуются не только «великими державами», но не оставляют и Италии и Испании; у всех на языке всегда все части света. В Африке у всех колонии, в Америке — деньги. Реже упоминается Азия, к ней Европа относится как-то холодно; но меньше всего положительно думают и говорят о России, лучше сказать, вообще о славянском. Славянское никогда не входило в их цивилизацию и, что всего важнее, пролетало каким-то чуждым астральным телом сквозь всю католическую культуру. Это мне особенно интересно. Я надеюсь наблюсти это тайное вторжение славянского пафоса (его отрасли, самой существенной для меня теперь) в одном уголке Парижа: на задворках Notre Dame, за моргом, есть островок, где жили Боделэр и Тео-

* «Умереть за родину» (фр.). — Ред.

филь Готье; теперь там в старом доме — польская библиотека и при ней — маленький музей Мицкевича (который читал в Париже лекции в 40-х годах). Иначе говоря, на этом островке, мало обитаемом и тихом, хотя и в центре Парижа, как бы поставлен знак; это — один из ферментов будущего — волшебное зеркало, в котором можно видеть духов Байрона, Мицкевича, революции французской и славянской, и т. д., и т. д.⁴

Ну, надоело писать. Господь с тобой.

Саша.

А вот карточки Кэмпера.⁵

137. МАТЕРИ

4 сентября <н. ст.> 1911. Париж.

Мама, жара возобновилась, так что нельзя показать носа на улицу. Кроме того, я не полюбил Парижа, а многое в нем даже возненавидел.

Я никогда не был во Франции, ничего в ней не потерял, она мне глубоко чужда — Париж не меньше, чем провинция. Бретань я полюбил легендарную, а в Париже — единственно близко мне жуткое чувство бессмыслицы от всего, что видишь и слышишь: 35° (по Цельсию), нет числа автобусам, автомобилям, трамваям и громадным телегам — все это почти разваливается от старости, дребезжит и оглушительно звенит, сопит и свистит. Газетчики и продавцы кричат так, как могут кричать сумасшедшие. В сожженных скверах — масса детей — бледных, с английской болезнью.¹ Все лица — или приводящие в ужас (у буржуа), или хватающие за сердце напряженностью и измученностью. — В Лувр я тичетно ходил и второй раз: в этих заплеванных королевских сараях только устаешь от громадности расстояний и нельзя увидеть ни одной картины — до того самый дух искусства истребили французы. Очень хорошо в двух местах: в подземелье Пантеона — у могилы Вольтера, Руссо, Зола и В. Гюго. Почти полная тьма, холод, пустые серые коридоры; от времени до времени сторож впускает толпу — буржуа, англичан, солдат, женщин, детей и захлопывает за ними дверь; тогда интересно смотреть из темного коридора, как в полосе

света вдали эта толпа носится за сторожем с визгом, как воронье над трупами.

Потом — вершина Монмартра: весь Париж, окутанный дымом и желто-голубым зноем: купол Пантеона, крыши Оперы и очень тонкий, стройный и красивый чертеж Эйфелевой башни. Но Париж — не то, что Москва с Воробьевых гор. Париж с Монмартра — картина тысячелетней бессмыслицы, величаявая, огненная и бездушная. Здесь нет и не могло быть своего Девичьего Монастыря, который прежде всего бросается в глаза — во главе Москвы; и ни одной крупницы московского золота и московской киноvari — все черносерое море — и его непрерывный и бессмысленный голос. Поднимешься на Монмартр, и все это становится понятным. Спустишься — и сейчас же начинаешь дремать среди улицы и даже бульвара. Минутами — жара и бессмыслица становятся гениальными.

Разные кабачки и *café-concerts* — почти сплошная плоскость. Кошунство привычное, порнография — способная произвести впечатление на гимназиста от III до V класса. Иногда — очень смешной водевиль или вдруг — поразительная песня, всегда старая (провансальская, например) или повторенная тысячу раз (например, из песен *Ivette Gilbert*). Почти все новое — бесстыдно пошло — и наивно.

Вследствие всего этого, я уезжаю сегодня, или завтра в Брюссель, а Люба через неделю уедет прямо в Петербург искать квартиру. — От Бельгии я многого не жду, однако хочу увидеть 18 бегемотов в зоологическом саду в Антверпене — и Брюгге. Из Брюгге поеду на родину — в Амстердам и, может быть, еще по Голландии.² Оттуда, надеюсь, через Гамбург — в Копенгаген, Эльсинор,³ а оттуда уже — в *Берлин*, куда ты и напиши мне (р. г.). В Берлине я буду во всяком случае.

Господь с тобой.

Саша.

138. МАТЕРИ

6 сентября (н. ст.) 1911. Антверпен.

Мама, вчера я жестоко наврал на Антверпен — он удивителен: огромная, как Нева, Шельда, тучи кораблей, доки, подъемные краны, лесистые дали, запах моря, масса церквей, старые дома, фонтаны, башни. Му-

зей так хорош, что даже у Рубенса не все противно; жарко не так, как в Париже. Вообще — уже благоухает влажная Фландрия, не все говорят по-французски, город не вонючий, как Париж, слышно много немецкого говора, еще чаще — фламандский.

Завтра поеду в Брюгге или Гент.

Господь с тобой.

Саша.

139. МАТЕРИ

12 сентября <н. ст.> 1911. Амстердам.

Мама, сегодня утром я получил твое письмо (Люба переслала его из Парижа) о том, что ты будешь жить в Петербурге и что там получена бригада.¹ Страшно обрадовался этому, и все утро у меня было хорошее чувство — единственная отрада здесь, кроме нескольких уголков картин. Мне почти мучительно путешествовать; надоело, мускиты кусают, жара, грязь и отвратительный дух этой опоганенной Европы. В Данию я теперь не поеду, а просто остановлюсь в Берлине и постараюсь как можно скорее быть в Петербурге. Уж не знаю, куда писать тебе, пожалуй, к началу сентября вы уедете? — Господь с тобой.

Саша.

140. М. А. КОВАЛЕВУ (Р. ИВНЕВУ)

17 ноября 1911. <Петербург.>

Михаил Александрович.

Прочтя написанное Вами, я убедился, что Вы не обладаете никакой *ценностью*, которая могла бы углубить, оплодотворить или хотя бы указать путь Вашим смутным и *слишком модным* в наше время «исканиям» «отравленных мгновений», или «одинокого храма» для молитв «несозданным мечтам непостижимых желаний». Все это устарело, лучше сказать, было вечно старо и ненужно. То, что Вы мне вчера рассказывали, живое и простое, неизмеримо лучше того, что Вы пишете. Это не только мое личное мнение, по-моему, и другие должны так думать, желая Вам добра.

Кто прозорлив хоть немного, должен знать, что в трудный писательский путь нельзя пускаться налегке, а нужно иметь хоть в зачатке «Во Имя», которое бы освещало путь и питало творчество. У Вас я не увидел этого «Во Имя», этой неразменной ценности. Потому, я думаю, не стоит говорить о частностях, о том, что стихи приличнее совершенно бесстильной, возмущившей меня беспочвенностью прозы, что *печатаются* стихи, разумеется, и хуже.¹ Только я не советовал бы Вам печататься ни в каком случае: могу сказать с уверенностью, что лучшие из этих стихов пройдут незамеченными, в них не за что ухватиться.

Вы можете, разумеется, не поверить мне, но, право, у меня есть и внимание к Вам, и некоторый опыт, и любовь к литературе. Искренно желаю Вам добра, желаю, чтобы тревоги Ваши стали глубже и открыли Вам пути к воплощению.

Александр Блок.

141. МАТЕРИ

29 ноября 1911. <Петербург.>

Мама, вчера я был зол оттого, что мне было очень тяжело еще. Сегодня сгладились все воспоминания об ужасах Мариинского театра, и осталась одна *Хованщина*.¹

Хованщина для меня, оказывается, сыграла очень большую роль. Сегодня я совсем другой, чем вчера. Надеюсь, что начну опять оправляться от того удара, который был кем-то нанесен мне внутренне на той неделе.² Источника я еще не знаю, но начинаю подозревать.

Хованщина еще не гениальна (т. е., не дыхание святого Духа), как не гениальна еще вся Россия, в которой только готовится будущее. Но она стоит в самом центре, именно на той узкой полосе, где проносится дыхание Духа. То, что она идет в придворном театре — правильно, она откровение только для нас, которым следует постоянно напоминать, у которых память еще детская, короткая. Мы еще этого не затвердили. Для раскольников — это азбука, уже лишняя, может быть,

даже докучная, как для народа — наши «народнические» волнения и мероприятия.

Господь с тобой.

Саша.

142. Е. В. СПЕКТОРСКОМУ

12 декабря 1911. Петербург.

Многоуважаемый Евгений Васильевич.

Читаю Вашу прекрасную книгу об отце¹ и имею потребность горячо поздравить Вас руку и в качестве просто читателя, *далеко не чуждого* идеям и стилю книги, и в качестве сына А. Л., *кровно* связанного с его наследием, более, пожалуй, чем Вы это можете предполагать. Не чувствуя себя вправе рецензировать книгу (это было бы с моей стороны поступком дилетантским), я предпочитаю познакомить Вас с моими мыслями о том же предмете при помощи своих литературных работ. Надеюсь, что мне удастся представить на Ваш суд и мою «тень отца» и другую ее «апологию», которая, увы, покажется кому-нибудь осуждением (без этого не обойтись), но будет для меня апологией, хотя и другого типа, чем Ваша, — «музыкальной» и, так сказать, «от противного».² Сообщая Вам это, прошу Вас лучше не говорить об этом посторонним: лучше, чтобы иные не предполагали ничего биографического, если им и попадется когда-нибудь в руки моя будущая книжка.³

Пока что я уже роздал 12 экземпляров Вашей книги. Между прочим, послал для отзыва в те места, куда предполагал, что Вы не пошлете (а между прочим, оттуда можно услышать что-нибудь важное): в «Логос» (с прибавлением книг отца), в «Русскую мысль» и С. А. Венгерову (для руководства при составлении статьи в «Нов. Энциклопед. Словаре»), которая, очевидно, войдет в 6-ой том, имеющий выйти месяца через два. Еще кое-кому надеюсь я дать Вашу книгу; если у меня не хватит экземпляров, надеюсь позаимствовать у Марии Тимофеевны, которая едва ли может распространить их с особенной пользой, имея мало интеллигентского знакомства.

Преданный Вам Ал. Блок.

143. ВЯЧ. ИВАНОВУ

16 января 1912. <Петербург.>

Дорогой Вячеслав Иванович.

Как Вы странно говорите «уклониться»¹. Я совсем не уклоняюсь от существенного, живу напряженно, избегаю только литературной среды, притом сознательно, как избегал ее почти всю жизнь. И к Софье Михайловне Ростовцевой боюсь идти, уж очень много тут светского, внешнего. Да к тому же я хвораю — именно, не болею, а хвораю.

К чествованию Бальмонта, с самым именем которого у меня с давних пор соединяется чувство весны и запах черемухи, присоединяюсь всей душой. Если предполагается литературный вечер, я мог бы произнести маленькую речь, например, на тему: «Бальмонт и польская душа». Эта сторона Бальмонта была для меня всегда одной из особенно близких.²

Вас я не забываю, а напротив, — иногда сочиняю стихи, к Вам обращенные.³ «Нечаянную Радость» принесу Вам вместе с третьей книгой,⁴ которая, верно, скоро выйдет из печати. Очень прошу Вас, добудьте мне от скупого «Скорпиона» «Cor Ardens».⁵

Вашего письма о казанском сборнике⁶ я не получил, стихи дам для него с удовольствием, куда их посылать? Может быть, прямо в Казань? Напишите мне о чествовании Бальмонта и о сборнике; а, может быть, если Вам трудно, Мария Михайловна напишет? Кланяюсь Марии Михайловне и Вере Константиновне.

Любящий Вас Ал. Блок.

⟨25 января 1912. Петербург.⟩

Милый Боря.

Я лежу в постели совсем больной и не могу видеть Тебя. Мое письмо разошлось с Твоим, это мне более чем досадно. Если бы я и был здоров, я сейчас не владею собой, мог бы видеть Тебя только совсем отдельно и особенно без Вячеслава Иванова, которого я люблю, но от которого далек.

Вы сейчас обсуждаете журнал.¹ Я менее, чем когда-либо, подготовлен к журналу. Быть сотрудником, прислать статью я могу. Но я *один*, измучен, и особенно боюсь *трио* (с В. Ивановым). Впрочем, я многого боюсь, я — *один*.

В письме в Москву я Тебе писал, почему мне страшно увидаться *даже с Тобой одним*, если бы я был здоров. Кроме того, писал, что нахожусь под знаком Стриндберга.²

В осеннем письме, которого Ты не получил, я писал, что мне доступнее всего *второй* отдел.³ Он наиболее *вне* литературы. Я продолжаю писать очень мало, однако; но и сквозь тяжелое равнодушие, которое мной овладело эти дни, постараюсь написать. Потом будет виднее.

Главное, что я могу сказать Тебе сейчас — неравнодушно, — это о том, что *Пяст*, по-моему, нужнейшее лицо в этом журнале. Пишу Тебе сухо *поневоле*, потому что Ты будешь читать письмо *вне* моего круга — в доме В. Иванова. Прошу Тебя, оставь *для меня* Твой след в Петербурге; это еще причина, по которой я хотел бы, чтобы Ты увиделся с Пястом. Через него Ты коснешься моего круга, что важно нам обоим. Атмосфера В. Иванова сейчас для меня немыслима.

Адрес Пяста ⟨...⟩

Любящий Тебя А. Б.

145. А. И. АРСЕНИШВИЛИ

8 марта 1912. ⟨Петербург.⟩

Дорогой Алексей Ильич.

Спасибо Вам за Ваше любящее письмо. Не думайте, что оно мне безразлично; только вот что я думаю, чи-

тая его: для Вас стихи тех поэтов, о которых Вы пишете (и мои), как «елисейские поля» — благоуханные цветущие поляны... прошлого. Сюда относится Ваше такое тонкое и такое *человеческое* выражение: «с ними мне не так грустно, т. е. грустней еще». Я это чувство очень хорошо знаю, временами подчиняюсь ему и не люблю его, или, выражаясь по-Вашему, «еще печальней люблю». В этом же смысле могу сказать: «не люблю я стихов» — т. е. «слишком, болезненно люблю», за то, что все прошедшие стихи (и мои в том числе) способны стать вдруг «полями блаженных», царством забвения. Чем меньше сил для жизни, тем слаще забвение.

Вы говорите: «есть сладкая тоска стихов». «Без них — жить на свете тоска, просто дрянь». Я говорю Вам: понимаю Вас, но *не хочу* знать этого. Мы пришли не тосковать и не отдыхать. То чудесное сплетение противоречивых чувств, мыслей и воли, которое носит имя *человеческой души*, именно оттого носит это *радостное* (да, несмотря на всю «дрянь», в которой мы сидим) имя, что оно все обращено более к будущему, чем к прошедшему; к прошедшему тоже, — но поскольку в прошедшем заложено будущее. Человек есть *будущее*. Когда же начинает преобладать прошедшее, хотя бы в чистейших и благороднейших своих формах (именно эту сладкую ноту *прошедшего* прочел я в Вашем письме, может быть ошибся?), то человеку, младенцу, юноше и мужу в нас грозит опасность быть перенесенным в елисейские поля. Пусть все там благоуханно, пусть самый воздух синее блаженством, — одно непоправимо: *нет будущего*. Значит, нет человека.

Не видав Вас в глаза, хочу сказать Вам: Милый Друг, берегитесь елисейских полей; пока есть в нас кровь и юность, — будем верны будущему. Если в современной противоречивой и вялой жизни многое тонкое и высокое бессильно сказать нам о будущем, будем беречься его, будем даже любить более грубое и более низкое (в культурном, что ли, смысле), если там голос будущего громче. Например: если в моих стихах для Вас есть свое утешение от тоски — тоскою еще более глубокой и тем самым более единственной, более аристократической, — то лучше не питайтесь ими. Говорю Вам по своему опыту — боюсь я всяких тонких, сладких, *своих*, любимых, медленно действующих ядов. Боюсь и, употребляя усилие, возвращаюсь постоянно

к более простой, демократической пище. Чтение произведений, которые говорят мне о прошлом только (Вы понимаете, в каком смысле я говорю «прошлое»?), уже почти не занимает места в моей жизни, во всяком случае гораздо меньше, чем занимало когда-то.

Вот видите, почему мне, при всей близости Вашего письма, не хочется видиться с Вами. Может быть, я неверно понял Вас или Вы не сказали главного. Я сейчас пишу поэму¹ и поглощен ей, кроме того, не слишком здоров, — это второстепенные причины, почему я теперь и вообще *почти никого* не вижу, давно уже боюсь столь понятных *искушений* «сладкими звуками и молитвами».²

«О, страшных песен сих не пой» и т. д.³

Объясните мне, прошу Вас, верно ли я понял Вас? Т. е. что для Вас мои стихи? Только ли «елисейские поля» или морфий? Если так, то виноваты мы оба: Вы, не прочитавший между строк *больше* того, чем сумел (но ведь *хотел!*) написать я; и я, не сумевший написать того, что хотел, засадивший в *тюрьму* сладких гармоний *юношу*, который у меня в груди (ведь это — вечное проклятие художников, и у меня давно *нет* «культы», как Вы говорите, даже великих художников мира, *только* художников). Последняя просьба к Вам: если Вы любите мои стихи, преодолите их яд, прочтите в них о будущем.

Александр Блок.

146. С. М. МИХАЙЛОВОЙ И А. И. РОМАНОВОЙ

〈Март — апрель 1912. Петербург.〉

Совсем не надо Вам меня видеть. Мне радостно, что Вы в моих стихах читаете радость; это и есть лучшее, что я могу дать. Будьте счастливы, смотрите, наступает весна; если будете сильны и чисты, жизнь Вам откроется, Вы в нее войдете и поймете, что, *несмотря на все*, что было, что есть и что будет, она исполнена чудес и прекрасна.

Александр Блок.

16 апреля 1912. <Петербург.>

Боря, милый!

Я исписал много бумаги, чтобы изложить Тебе свои впечатления о «Трудах и днях».¹ Впечатления эти множатся, а цельности нет. Вот все общее, что могу сказать.

Первый № сразу заведен так, чтобы говорить об искусстве и школе искусства, а не о человеке и художнике. Этим обязаны мы Вячеславу Иванову. Мне ли не знать его глубин и правд личных? Но мне больно, когда он между строк все время *полемизирует* (вспоминаю Твои слова о полемике) с... Гумилевым;² когда он восклицает о *κάθαρσις** тем же тоном в 1912 году, как в 1905 году;³ и особенно когда он тащит за собой Кузмина, который на *наших* пирах не бывал... Какие-то «кони, стонущие с нежным ржанием», — ведь это мерзость.⁴

Впечатление от статьи В. Иванова, несмотря на все ее глубины, — душное и тяжелое. Твоя статья,⁵ в большей части посвященная ограничению значения «символической школы», которую Вячеслав проповедует упорно и, я сказал бы, без музыкального слуха (помнишь, Ты говорил об отсутствии музыкального слуха у Мережковского? — Рядом с *этой* статьей В. И. — и фельетон Мережковского — симфония), — Твоя статья производит впечатление форточки, открытой в накуренной комнате; но форточки узкой, потому что и Ты говоришь здесь, закрыв лицо. Ведь для «*вочеловечивания*» сходимся мы в «Трудах и днях»; а все, что есть пока в первом отделе, могло бы быть и в «Аполлоне». 1 № — номер Вячеслава Иванова; над печальными людьми, над печальной Россией в лохмотьях он с приятностью громыхнул жестяным листом, — только так я слышу это режущее мне ухо восклицание о *κάθαρσις**. И потому бросаюсь я от этого жестяного грохота к умной и страстной статье Метнера,⁶ пускай — на тему, далекую мне: за ней я вижу это печальное *человеческое* лицо, *гонимого судьбой*. Оттого-то я сам хочу

* Καθαρσις — очищение (греч.). — Ред.

говорить о Стриндберге⁷ (кстати, Пяст пишет об Э. По, главным образом, кажется, опираясь на Ейрѣкх и биографию).

Всю кашу заварил Вячеслав Иванов; можно повернуть оптимистически и сказать: Вяч. Иванов, грозно нападая на кого-то, потрясает манифестом о символической школе, — и горе тому, кто не с ней; Ты всячески стараешься свести эту «школу» к *minimum*'у; она, в конце концов, только «внутренний канон»; наконец, Пяст объясняет, что «внутренний канон» есть... $2 \times 2 = 4$.⁸ Завершив, наконец, как бы по необходимости, этот круг, созданный не потребностями «Мусагета», но Ивановским желанием властвовать над какой-то страной во что бы то ни стало, даже при отсутствии подданных, — «Труды и дни» переходят к делу в статье Метнера; здесь появляются имена, за именами — встают лица, а лица освещаются вспышками человеческого духа, при свете которых открываются глубины времен; это и есть, я сказал бы, немеркнущий свет «общих начал», в котором мы все — *разные*, — одно, которое связуют нас так, как не свяжет никакая «литературная школа» в мире.

Раз «Труды и дни» — «внутренний двор казармы», из ворот которой должны выйти готовые к бою солдаты, — это стезя мужественная; а у Вячеслава, надо, кажется, понять это ясно, душа женственная; и деспотизм его — женский. Кстати, я еще так и не видал его с Твоего отъезда; знаешь ли, когда прошли все эти годы «снежных масок», я опять стал дичиться Вячеслава; ведь в *лучшем* и заветном моем я никогда не был близок ему; есть любовь, есть дружба, но то, что между нами с В. И., надо назвать «романом», а «романическое» не во все периоды жизни одинаково привлекательно...⁹

Вот мне удалось сказать тебе о «Трудах и днях» довольно определенно. Если Ты сам не согласен с этим, то понимаешь, что для меня это так?

Я Тебе так долго не отвечаю, потому что работаю (кроме того, что много «трудился» над своими впечатлениями о Трудах и днях). От этого — лучше чувствую себя: здоровая атмосфера «Запада»; свидания с милыми людьми, полуделовые, полусердечные. Всё так, как будто маленькая капелла дана мне для росписи, и потому пахнет XIV столетием, весна, миндаль цветет где-то

на горах. Не пишу, в чем дело, чтобы не выронить его из души.¹⁰

В Брюсселе я не был, св. Гудулу видел только из окна вагона. Теперь Вы были, вероятно, уже в Брюгге, которое мне не понравилось (хотя Меммлинг!). Вот в Антверпене удивительно: берег Шельды, пески и крепость на том берегу, средневековая типография и Массис в музее. Побывайте там!

О «Трудах и днях» (№ 2) — ни слуху ни духу.

Ты знаешь наши дела? Расстрелы на Ленских приисках, всюду стачки и демонстрации, разговоры о войне. Последние дни — опять волна тревоги.

Не досадуй на меня за мое «анти-Вяч. Ивановство», для меня его атмосфера тяжела *ненужно*, легче даже все то тяжелое и нудное, что сейчас происходит вокруг Мережковских.

До свиданья, милый друг, поклонись от меня Анне Алексеевне.

Любящий Тебя А. Б.

148. Е. И. Х — ОЙ

24 апреля 1912. <Петербург.>

Благодарю Вас за цветы и за светлые слова в такие темные дни, когда все на всех насылает мрак. Вы пишете о «просветлении»; я знаю, что просветление от каких бы то ни было стихов — жестоко, потому что может быть обманчивым и неверным; и все-таки мне это дорого, есть радость в таких чувствах, как Ваше, и есть радость в том, что все мы и до сих пор *ничего не знаем*, и, значит, мир каждую минуту может стать неожиданным и прекрасным.

Александр Блок.

149. МАТЕРИ

15 июля. Утром. <1912. Петербург.>

Мама, я приехал кстати: в пятницу уже звонил ко мне Терещенко, приехавший на два дня; вчера днем он

приехал ко мне, мы долго сидели, я читал ему оперу,¹ которая ему понравилась, он сделал несколько замечаний, которые я приму к сведению. Надеется все еще на Глазунова. Терещенко какой-то расстроенный и грустный, у него все больны и какие-то еще неприятности; это украшает его, согласно обычаям христианского мира, в котором вот уже 1912 лет людей украшают главным образом «неприятности».

Пока мы говорили с Терещенко, пришел Женя, сидел в столовой и пил чай. Потом Терещенко отвез нас обоих на Финляндский вокзал, и мы поспели к самому Стриндберговскому спектаклю.² Спектакль был весь праздничный и, несмотря на некоторые частные неудачи, был настоящий. Прежде всего Пяст прочел большую речь за черным столом перед рампой, густо заложенной папоротником. Все первое действие Люба не сходила со сцены и, наконец, по-настоящему понравилась мне как актриса: очень сильно играла. Действие происходит в церкви, Жанна (которую она играла) стоит среди церкви с ребенком на руках и произносит слова, полные страшных предчувствий (пьеса написана тогда же, когда «Inferno»); Люба говорила, наконец, своим, очень сильным и по звуку и по выражению голосом, который очень шел к языку Стриндберга. Впервые услышав этот язык со сцены, я поразился: простота доведена до размеров пугающих: жизнь души переведена на язык математических формул, а эти формулы, в свою очередь, написаны условными знаками, напоминающими зигзаги молний на очень черной туче; в те годы Стриндберг говорил исключительно языком молний; мир, окружавший его тогда, был, как гроздовая июльская туча, — *tabula rasa*,* на которой молния его воли вычерчивала какие угодно зигзаги.

Режиссер (Мейерхольд) и декораторы (с помощью режиссера), по-видимому, это если не поняли, то почувствовали, и потому — все 8 картин на сцене, не ярко освещенной, — задний фон — сине-черный занавес, сквозь который просвечивают беспорядочные огни. Иногда появится на нем красное пятно; все время мелькают на нем то бутылки с вином (парижское кафэ), то лоснящийся цилиндр и узкий сюртук героя, которого математика Рока загоняет в ужасное; то битая морда

* Чистый лист (лат.). — Ред.

сыщика или комиссара; то красное манто кокетки и отсвечивающий рубином крест у нее на груди: вдруг среди кафэ, в сценическом положении, почти нелепом, проскальзывают черты Софокловой трагедии; полицейский комиссар вдруг неожиданно и нелепо начинает напоминать вестника древней трагедии.

Ничего, кроме сине-черного и красного. Таковы Софокл и Стриндберг.

Среди публики, очень внимательной, довольно многочисленной и не похожей на русскую дачную шваль (много шведов и финнов), была дочь Стриндберга; Пяст представил меня ей, но я, к сожалению, не мог сказать ничего ни по-шведски, ни по-немецки; она — очень высокая, худая пожилая женщина в треуголке с белым пером, одета просто; некрасивостью и измученностью очень напоминает отца — напоминает самым лучшим образом; она говорила, между прочим, что Люба играет Жанну лучше, чем гельсингфорсская актриса.

Люба приедет на этой неделе, и мы переедем на квартиру, которая готова (я был там в пятницу). Жара в Петербурге, и все время, оказывается, была жара. — Из Териок мы ехали с Женей вдвоем (ему тоже понравилось все, и Люба), в вагоне клевали носом от усталости. Он переночевал у меня, а сегодня рано утром ушел, пока я спал.

Разбираю старые бумаги.

Господь с тобой.

Саша.

Опускаю только вечером: такая жара, что нельзя выйти. Сегодня прочел в «Речи», что Руманова освободили.³

150. Э. К. МЕТНЕРУ

22 июля 1912. Петербург.

Глубокоуважаемый и дорогой Эмилий Карлович.

Ваше письмо получил я уже более месяца назад, очень часто думаю о нем и не умею ответить; написал было Вам «оптимистически», под влиянием минуты «возвышающего обмана»,¹ но вышла неправда, перечи-

тал и не послал. Да, все Ваши тревоги за Бориса Николаевича я разделяю, и то, что Вы пишете, мне слишком знакомо. К тому же писем от него нет очень давно, и я все время вспоминаю: Мюнхен, Штейнер и двое детей, заброшенных в чужие края; жизнь уже научила (по крайней мере, одного из них) озлоблению, но оставила все такими же непоправимо беспомощными в так называемых ежедневных делах. Это жестокий и вполне реальный факт, перед которым постоянно рискуешь попасть в тупик; что же нам делать с тем, что «лучшие люди» более или менее «хаотичны»? ² Так, с нашим поколением, по крайней мере, устроила жизнь (не знаю, везде ли, или в России только). По-моему, единственное все-таки средство борьбы с тупиком, — «снова и снова» прилагать мерил *«последнего»*. Иначе ничего не поделаешь. Думаю, что те мотивы, которые волнуют теперь Вас и меня, были очень не чужды тому же Стриндбергу; недаром именно он так сейчас близок именно нам (все тем же, живущим, сцепя зубы), — как будто сидит с нами за одним столом; ведь он годами прилагал только «последние» мерил даже к чужой собаке, которая огрызалась на него у дверей квартиры,³ и не боялся карикатурности; часто бывал смешным, как подлинный демократ, не уступавший «эстетике» ни пяди жизни, когда дело шло о «быть или не быть», о сохранении энергии для будущего. Ведь наши возможности ссор и сами ссоры, житейские тревоги друг за друга — конечно, только «запасные пути», необходимые для того только, чтобы беречь ритм общего движения, избегать катастроф; а основные рельсы, конечно, — «последние» пути. Не будь у всех нас этого убеждения, не стоило бы жить.

В «оптимистическом» письме я приводил Вам единственный аргумент в пользу Бориса Николаевича:

Золотому блеску верил,
А умер от солнечных стрел.
Думой года измерил,
А жизнь прожить не сумел.⁴

Аргументов, разумеется, не нужно; я только в обмен на Ваше посылаю Вам свое, а все это, в сущности, вероятно, общее наше; и Ваше письмо, и мое — с запасных путей. Воротясь на главный путь, мы, может быть, увидели, что Штейнер был Сар-Пеладаном (и

только, т. е. для эпопеи Бориса Николаевича), что будущее «Inferno» Бориса Николаевича будет столь же независимо от Штейнера, как то Inferno — от Сар-Пелладана. Может быть, в июле 1913 года Борис Николаевич будет спрашивать: «А кто это Штейнер?» Не правда ли, все это возможно?

Крепко жму Вашу руку. Ваш Ал. Блок.

Вот мой новый адрес: Офицерская 57, кв. 21.

151. И. П. БРИХНИЧЕВУ

26 августа 1912. (Петербург.)

Многоуважаемый Иона Пантелеймонович.

Я не враг Вам, но и не Ваш. Весь мир наш разделен на клетки толстыми переборками: сидя в одной, не знаешь, что делается в соседней. Голоса доносятся смутно. Иногда по звуку голоса кажется, что сосед — близкий друг; проверить это не всегда можешь.

Пробиться сквозь толщу переборки невозможно. Делашь, сидя в своей клетке, одинокое дело: иногда узнаешь, что это дело где-то, вне поля моего зрения, принесло плод. Точно так же узнаешь, что дело соседа, чей голос казался родным, принесло плод. Все эти узнавания отрывочны, недостаточны, скудны.

Все это говорю я совсем не с отчаянием; хочу показать только, почему мне кажется невозможным делать *общее* дело с Вами, с кем бы то ни было.¹

Не говорю даже и «навсегда», — но теперь так. Правда в том для меня (может быть, даже жестокая, но я не чувствую жестокости), что чем лучше я буду делать свое одинокое дело, тем больший принесет оно плод (как, где, когда — все это другое, сейчас не о том говорю). Это не значит, что в России, например, нет такого *четвертого* сердца, которое бы слышало биение трех сердец (скажем: Ключевского, Вашего и моего) как одно биение. Ваша вера так велика, что из подобных фактов (а они существуют, я не сомневаюсь в этом) Вы можете делать немедленные заключения, строить на них. — Для меня же это только разрозненные факты, и я всегда могу думать *меньше*: Вы, Ключев, я, кто-нибудь четвертый с Волги, из Архангельска, с Волыни —

все равно, — все разделены, все говорят на разных языках, хотя, может быть, иногда понимают друг друга. Все живут по-своему.

Может быть, я говорю так потому, что соединение и связь мыслю такими несказанными и громадными, какие редко воплощаются в мире. Но ведь все великое редко воплощается в мире. Все равно — это опять о другом. Во всяком случае, говорю Вам все это не с тоской.

Говорю к тому, чтобы показать, почему, любя Ключева, не нахожу ни пафоса, ни слова, которые передали бы третьему (читателю «Нового вина») нечто от этой моей любви, притом передали бы так, чтобы делали единым и его, и Ключева, и меня. Все остаемся разными.

Теперь я, насколько умел, показал Вам «тенденцию» своей души. Все более укрепляясь в этих мыслях, я все более стремлюсь к укреплению формы художественной, ибо для меня (для моего «я») она — единственная защита. Вы же (т. е. вся «Новая земля»), по-моему, пренебрегаете формой, как бы надеясь, что души людей, принявших Ваше содержание, сами станут формами, его хранящими. Я и об этом не сужу, — не знаю, может или не может быть так. Говорю это опять-таки для того только, чтобы показать, как различны наши приемы. Так же различны, как далеки друг от друга в *настоящее* время искусство и люди.

Делаю вывод: на художническом пути, как мне и до сих пор думается, могу я сделать больше всего. Голоса проповедника у меня нет. Потому я один. Так же не с гордостью, как и не с отчаянием говорю это, поверьте мне.

Душевно Вас уважающий *Александр Блок.*

152. Д. В. ФИЛОСОФОВУ

27 октября 1912. *(Петербург.)*

Дорогой Дмитрий Владимирович.

Сейчас получил Ваше письмо, и стыжусь и огорчаюсь тем, что обидел Вас невольно, — насколько умею стыдиться и огорчаться, и, конечно, недостаточно, потому что столько усталости и омертвелости в душе за

последние годы. Неужели Вы могли думать хоть мину-ту, что я хотел Вас обидеть, или относился пренебрежительно?¹ Уверен, что не могли, и знаю, что было не так.

На Ваше последнее письмо я промолчал потому, что был уверен, что приду, а кроме того, сам же назвался к Вам прежде, а Вы этим письмом только ответили мне позволением. В телефоне Вашем я отчаялся, потому что пробовал звонить Вам еще в ответ на первое Ваше письмо (с приглашением на совет),² но тогда — то трубка была у Вас снята, то няня отвечала, что Вас нет дома и она не знает, когда Вы будете. Если бы вчера надеялся дозвониться, я бы Вам сказал, что не приду вчера же.

Это все — внешнее, я только объясняю, как было дело. Подкладка же всего этого — в том, что я год от году больше боюсь быть в тягость людям, так как много раз тупая тоска, на меня находящая, передавалась другим, о чем мне говорили, а, когда не говорили, я сам чувствовал.

Бывало и бывает еще хуже, когда эта тоска даже не передается, а просто — парализует все отношения: с человеком видишься и говоришь, а потом — как будто ничего не было, беспросветная пустота. Не знаю почему, но как-то особенно остро и болезненно я чувствовал и чувствую это всегда по отношению к Вам и к Мережковским; чем дальше — тем острее, потому что я становлюсь все подозрительнее и к себе и к другим.

Я не оправдываюсь перед Вами вовсе, поверьте только, что я не хотел обидеть Вас, а собирался к Вам с лучшими чувствами вплоть до вчерашнего дня, когда стало так гадко.

А чем я виноват, что не достаточно реально чувствую, что «гадко не мне одному»?³

Может быть, виноват и в этом, но об этом мы давно говорили все, и не стоит писать сейчас, потому что это — «другой разговор» и потому, что, если это *только* разговор (а на почтовой бумаге только он и возможен), то от него всем станет еще хуже, ничего больше.

Не сердитесь на меня. Хочу сказать Вам ласковое слово и не умею. Так вот всегда.

Я на Вас сердился и брюжжал и ругал Вас иногда, но хочу, чтобы Вы помнили только, что я Вас никогда не оскорблял по своей воле и *никогда Вас не предавал.*

А значит, *ЕСТЬ* человеческие отношения, значит, они — не призрак, и не все потеряно, как думается иногда, не все растворяется в проклятой слякоти и в тумане, и люди — всё люди, хотя загромождены и отгорожены друг от друга какими-то проклятыми снами. Вы примите от меня цветы, пусть они означают, что я Вам все это говорю от сердца и прошу Вас простить меня от сердца.

Ваш Ал. Блок.

153. В. Н. КНЯЖНИНУ

9 ноября 1912. <Петербург.>

Дорогой Владимир Николаевич!

Я все думаю о том, что мы вчера говорили с Вами, меня сильно тревожат Ваши слова, из которых составилась целый «букет», и хочется «отругнуться» в ответ Вам, чего я не успел сделать вчера.¹

Если не запутываться в оттенках, затемняющих дело и, в сущности, второстепенных, то придется назвать Ваше теперешнее состояние полным *скептицизмом*, что ли. Вам кажется, что жизнь остановилась, литературная жизнь, в частности, беспросветна, людей нет, все более или менее трусливы, или подлы, или сыты, или корыстны, все быстро пропитывается хамством и самодовольством. Прежде всего: мне самому такое состояние глубоко знакомо, я не раз в жизни месяцами думал так; но — возненавидел это в себе и определил для себя вкратце это состояние — словом «эгоизм».

Если все таково, то ведь и я таков же, в самом деле, — это в лучшем случае. А в худшем — я — «сторонний наблюдатель», какой-то вольнопрактикующий сатирик и белоручка; состояние — в полном смысле — обывательское. В том, что Вы вчера говорили, мне почуялись такие обывательские нотки: ничего меня не удивляет, все мне не нравится: высокомерие, презрение, брезгливость.

У Ремизова — «куриная душа» (кажется, так). Что это значит? Мы с Вами вчера оба соглашались, что Ремизов написал много произведений разного качества, из которых нам с Вами нравится многое, хотя бы и разное. Этих произведений, как-никак, — десять томов.

Неужели, когда доходит до дела (хотя бы до советования с Терещенко), у человека, написавшего то, что написал Ремизов, окажется в итоге, в последнем выводе, — просто-напросто — «куриная душа»? Т. е. «знай свой шесток», сиди, пиши рассказы, которые нам иногда нравятся, и не смей соваться в «дела»? Так, что ли?

«Мережковский на религиозно-философском собрании бахвалится — мы-де говорили с богом». Извините меня, это, по-моему, просто пошлость. И на это сказать можно только одно: «Да, Мережковский, который прожил долгую мучительную жизнь и написал то, что написал, *говорил с богом*». Мережковский более одинок, чем кто бы то ни было, — и по сей день, и все мы знаем, что он нес и вынес на своих плечах. И, право, мне, не понимающему до конца Мережковского, легче ему руки целовать за то, что он — царь над Адриановыми, чем подозревать его в каком-то самовосхвалении, совершенно ему не нужном и его не касающемся.

Вас смущает то, что после заседания «враги» ходят под ручку и говорят друг другу любезности. Это буквально было с мужичком, который пришел в суд искать справедливости, и вдруг там прокурор с адвокатом ходят по коридору, обнявшись. Что и говорить — кому же это нравится? Вы думаете, Мережковскому нравится? А почему Вас смущает именно здесь эта «условность» нашей интеллигентской жизни, которая, как всем известно, полна лжей и условностей? А не смущает, например, то, что какой-нибудь студентка <...> с бараньим носом и глазами выносит вместе с такой же дрянью, как он, громогласную резолюцию на сходке; а в жизни он что? В жизни он просто себе <...> какую-нибудь такую же, как он <...> «по Арцыбашеву» или без оного. — Вот на эти Ваши тайные «интеллигентские» симпатии я и намекал вчера; и это для меня «интеллигентство» в отрицательном смысле, потому что в этой закваске кроется тенденция всегда оправдывать бездарное и среднее — в ущерб талантливому и крупному.

Я нарочно сгущаю краски, потому что и Вы их сгущали — особенно тем, что за многими Вашими обвинениями слышится голос «личной обиды».

Милый Владимир Николаевич, знаю я, что это больно и тяжело, но, право, от этого *необходимо* отмахив-

ваться, потому что этого может накопиться много (и накапливается у каждого), и это засоряет душу, и леса за деревьями не видать. Ей-богу, и я не раз не был принимаем у дверей, мне подавали полруки, а человеку, стоящему рядом, всю руку, и т. д. и т. д., и еще много хуже. Ну, и надо *умалиться*. Это страшное самолюбие во всех нас сидит, и все это — дурная интеллигентская закваска. Вовсе это не гордость, а все — мелочи. А гордость в том, чтобы, отмахиваясь от дряни, вечно наползающей, делать то, на что способен или к чему призван.

Все главное, что я хотел сказать, я сказал Вам, хоть и коряво, а приводить другие примеры — только затемнять смысл того, что хочу сказать. Если резко многое, то верьте, что это — любя сказано. Еще хочу Вам сказать, что я нападаю не только на Вас, но и на себя, ибо во мне есть «шестидесятническая» кровь, и «интеллигентская» кровь, и озлобление, и — мало ли еще что. Только все это в нас — какие-то осколки и половинки, и не этими половинками мы сможем что-нибудь для чего-нибудь сделать, принести чему-нибудь пользу, — а только цельным, тем, что у каждого — свое, а будет когда-нибудь — общее.

Ваш Ал. Блок.

154. Л. Д. БЛОК

12 ноября 1912. <Петербург.>

Сейчас пришло твое письмо. Сегодня ночью я видел тебя во сне. Я думаю о тебе все время. Не нужно и невозможно писать тебе длинно, что я думаю. В кратких словах: я убеждаюсь с каждым днем и моей душой и моим мозгом, которые к старости крепнут и работают все гармоничнее, увереннее и действеннее, что ты погружена в непробудный сон, в котором неуклонно совершаются свои события: на Кавказе ты ставила на карту только тело,¹ теперь же (я уверен, почти нет сомнения) ты ставишь на карту и тело, и душу, т. е. гармонию. Каждый день я жду момента, когда эта гармония, когда-то созданная великими и высокими усилиями, но не укрепленная и подтачиваемая и нами самими и чужими, врагами, — в течение десяти лет, — разрушится. То, что ты совершаешь, есть заключительный

момент сна, который ведет к катастрофе, или — к разрушению первоначальной и единственной гармонии, смысла жизни, найденного когда-то, но еще не оправданного, не заключенного в форму.

Переводя на свой язык, ты можешь назвать эту катастрофу — новым пробуждением, установлением новой гармонии (для себя и для третьего лица). Я в эту новую гармонию не верю, я ее *проклинаю* заранее не только лично, но и объективно. Она — низшего порядка, чем та, которая была достигнута когда-то, и в том, что это так, я клянусь всем, что мне было дорого и есть дорого.

Если ты сомневаешься в этом, то я — не сомневаюсь. Если ты веришь в установление новой гармонии для себя, то я готов к устранению себя с твоего пути, готов гораздо определеннее, чем 7 ноября 1902 года.² Поверь мне, что это не угроза и не злоба, а ясный *религиозный* вывод, решительный отказ от всякого компромисса.

Твое письмо лишь немногим отчетливее, чем прежние письма. Надо быть отчетливей, потому что каждый новый день теперь — есть *действие*, близящееся к тому или другому окончанию.

Прошу тебя оставить домашний язык в обращении ко мне.³ Просыпайся, иначе — за тебя проснется другое. Благослови тебя бог, помоги он тебе быть не женщиной-разрушительницей, а — создательницей.

Александр Блок.

155. А. П. ИСАКОВОЙ

11 января 1913. <Петербург.>

Поэму Вашу я перечитал не раз; с первого чтения она мне и нравилась и не нравилась, потому надо было отложить и подождать. Кроме того, очень напряженно писал свое и чувствую себя больным; вот почему так долго не отвечаю Вам.¹

Теперь впечатление мое определенно: думаю, что это — настоящие и большие чувства; это подчеркивается для меня тем, что Вы говорите об этом — не одна. Но и Вы перегружаете эти чувства словами, не умеете сказать так, чтобы по-настоящему было слышно. На один образ приходится десяток выражений «безобразных», вовсе нет художественной экономии.

К выражениям, недостойным того, что хотел сказать ими автор, относятся, например: все эпитеты в «Посвящении» или в I главе I-ой части: «сладостно-стройная мечта»; «лучистое мгновенье»; «волшебный огонь»; и много таких; я думаю, Вы знаете, о чем я хочу сказать; это все — уже не говорящее, не слова, а тени их.

Нравится мне, пожалуй, больше всего I глава IV части — почти целиком: очень просто и отчетливо, например: *сухи и холодны ночи*. Это я называю «экономией». Если бы все было так: чем тише, тем лучше у Вас; у Вас, мне кажется, нет силы изобразительности для трубных звуков.

Также нравится мне: «каждое в часе мгновение... — пятый в цветке лепесток», «на трудный, на святой... подвиг страсти» (видите, я все пропускаю места, которые мне не звучат).

Вывод из всего для меня тот, что печатать «Венок» я бы не стал, но то, что он существует, хорошо; для меня, например, он нужнее десятков «декадентских»

стихов напечатанных, потому что автор его говорит о «настоящем».

Искренно Вас уважающий *Александр Блок*.

Р. С. Посылаю с посыльным, как Вы мне разрешили.

156. Л. Д. БЛОК

20 февраля <1913. Петербург.>

Милая, сейчас получил твое письмо. Спасибо тебе, что ты пишешь и что так пишешь. Нет-нет и забеспокоюсь о тебе, все думаю, где и как ты, часто думаю, скучаю иногда, каждый вечер хожу к тебе и окрещиваю твою кроватку. У тебя стало красиво, только очень холодно.

Оттепель полная, сильный ветер, пахнет весной. Я еще ничего своего не делаю, часто вижусь с Терещенкой и все больше его люблю. Эти дни были бы интересны для тебя. Третьего дня были на первом представлении Электры (в закрытом бенуаре, мама, тетя, Франц и я) — все неправда, как и ждали.¹ Хорошо написал Философов (в «Русском слове»)² На Мейерхольда я не сержусь, потому что Гофмансталя испортить нельзя (Штрауса не понимаю). Еще больше возмущаюсь этим венским <...>, чем 4 года назад. Но на очереди теперь — Мейерхольдова порча Софокла и Лермонтова. Он погибнет, если не опомнится, не бросит *вовсе* кукольное и не вернется к человеку. Для последнего ему нужно, вероятно, *годы* поста, на что он не пойдет. — В последнем № «Масок» Коммиссаржевский написал длинную статью о книге Мейерхольда.³ Там много личной злобы и мстительности, но, к сожалению, много и верного, *очень* верного, и, кроме того, — очень тяжкие улики. — Вчера были мы на открытии Зоновского театра.⁴ Так плохо, что говорить не стоит, только одна актриса подает кой-какие слабые надежды (конечно, не Дымшиц; фамилия ее — Фетисова, играла Русалку). Были там с Терещенкой, Волконским, Ремизовым и Философовым, — и все согласны.

Между прочим, играл брат Гнесина. Я не знал, кто это, и был в ужасе: старый, провинциальный, пошлый актер. Играют еще двое из Мариинского театра.

Много еще писем, планов, как всегда. — Не люблю я актеров, милая, постоянно мне больно, что ты хочешь играть. Тут *стыдное* что-то. Спасает *только гений*, нет гения — стыдно, скучно, не нужно. Гениальный театр — искусство, не гениальный — неблагоприятное ремесло.

К Станиславскому поедем. Пьесы с тех пор, как ты была, так еще никому и не читал.⁵ Мама почти все время больна, у нее часто жар.

Господь с тобой, милая и единственная.

А.

Спасибо тебе, пиши.

Новый адрес напиши. Не думаешь ли вернуться вскоре? Наш абонемент начинается на второй неделе. — Время без тебя долго идет.

157. Ю. Н. ВЕРХОВСКОМУ

25 февраля 1913. <Петербург.>

Дорогой Юрий Никандрович.

Конечно, стихи не созвучны; они — Ваши очень,¹ как многие Ваши стихи, они также «запечатаны», их надо как-то расшифровывать, несмотря на полную «понятность». Странные происходят вещи: сначала они мне не понравились, потом бессознательно запомнились наизусть, о чем я догадался только тогда, когда стал их припоминать, не держа в руках текста. Удивительно верный чертеж — и слабый нажим пера. Вы не сердитесь, я ведь не критикую (все меньше выношу «критику»), а только дружественно и сочувственно думаю вслух.

Несмотря на все, жить прекрасно, милый Юрий Никандрович. Например, сейчас уже пахнет весной, солнце греет, капель, огромные закаты. Я от весны прихожу временами в телячий восторг, брожу по улицам, пьянея без вина.

Пьеса готова, кажется, примусь за поэму.² Крепко целую Вас. Александре Павловне — низко кланяюсь.

Ваш Ал. Блок.

25 февраля 1913. <Петербург.>

Спасибо Вам за Ваше искреннее письмо.¹ В нем много горького. Разве Вы не знаете, что в жизни происходит непрестанное чудо: сегодня мы плачем, а завтра нам будет светло и легко.

Вы пишете: «Я не умею жить». А кто умеет?

Кто скажет нам, что жить мы не умели,
Беспечные и праздные умы?
Что в нас любовь и нежность не горели
И красоте не жертвовали мы?

(Фет)²

Детей я люблю все больше — с годами, и думаю, что мы — взрослые — должны бояться влиять на них. В детях — самое священное.

Пусть бог даст Вашему мальчику здоровья и сил, пусть он растет и мужает так, чтобы на всю жизнь в нем сохранилась чистота — от детства.

Александр Блок.

159. Л. Д. БЛОК

25 февраля <1913. Петербург>

Милая, сегодня пришло твое письмо. Пиши, милая, почаще. Теперь здесь тоже весна, часто солнце и тает, мне бывает хорошо. Думаю о поэме.¹ Мы все сообща все время делали дела в «Сирине», многое налаживается. Я хожу иногда за город. Получаю много писем.

О тебе думаю сквозь все с последней нежностью, все меньше хочу для тебя театра (вижу, думаю каждый день, как это теперь трудно и еще долго будет трудно — театральное дело), все больше хочу, чтобы ты была со мной. По-прежнему мы оба не знаем, что ты будешь делать, но все больше я знаю, что я — с тобой. Тебе, я знаю, теперь не во всем хорошо, так же, как и здесь, — не во всем. Но ведь бывает в чем-нибудь нехорошо, что же делать; «жизнь проходит, как пехота», но в шаг ее врывается мазурка (лейтмотив поэмы);² и все этапы жизни нам с тобой суждено пройти вместе, чувствовать все вместе.

Мне много говорят и пишут обо мне, так что эти дни я стал сам себе нравиться. Это можно себе позволить ненадолго.

Господь с тобой, моя милая.

А.

Я тебе писал недавно — о театре (Электра и Зонов).³

160. Э. П. ЮРГЕНСОНУ

⟨Февраль 1913. Петербург.⟩

Портрет Сомова¹ нисколько не похож на меня, и я не хочу его подписывать.

Александр Блок.

161. С. А. БОГОМОЛОВУ

9 марта 1913. ⟨Петербург.⟩

Ваше письмо меня серьезно обрадовало. Очень ярко бросается в глаза борьба, происходящая в Вас: борьба *старого*, нейрастенического, самолюбивого, узкого, декадентского — с *новым* — здоровым, мужественным, почувствовавшим, наконец, что мир безмерно больше и прекраснее, чем каждый из нас. Что радостнее всего, мне кажется, *второй побеждает*.

Самоосуждение строгое — только к благу. Только «половинное» самоосуждение может приводить к отчаянию. Осуждайте себя, ненавидьте, не бойтесь этого. Вы сами увидите, как из такого самоосуждения рождается новый человек. Под тем, что Вы пишете о Шекспире и Гоголе сравнительно с «новой драмой» и «Екатериной Ивановной», — я подписываюсь обеими руками.¹

Но разве можно рядом с этим говорить: «Я в своем таланте уверен»? Это говорит *старый* человек в Вас.

Присылайте стихи, если хотите. Дай бог, чтобы и в них чувствовалось пробуждение нового. И — смотри-

те, как много тут *простого*, даже *легкого*: только оттого, что мы перестаем «красоваться» и любоваться на самих себя, — мы сразу начинаем говорить человеческими голосами, и не теми «декадентскими», «нечестными», какими-то «мужеженскими», или — проще, бабьими, которые раздаются в таком обилии в современной литературе.

Всего Вам хорошего.

Ал. Блок.

162. В. М. ОТРОКОВСКОМУ

23 апреля 1913. <Петербург.>

Дорогой Владимир Михайлович.

Спасибо Вам за письмо и за стихи. Стихи я перечитал несколько раз и много бы мог сделать частных замечаний, но, мне кажется, не стоит делать этого в письме. Стихи певучие, очень молодые и очень подражательные пока; пройдет несколько лет, или даже один (в Ваши годы один стоит многих), и Вы будете писать совсем иначе, если это не временное увлечение, если Вам суждено писать именно стихи, а не уйти, например, в науку. Во всяком случае, Вы сам пока мне понравились больше стихов, а это, я думаю, всегда важнее.¹ Без человека (когда в авторе нет «человека») стихи — один пар.

Главное, бойтесь печатанья, оно всегда может влиять дурно. В стихах, Вашим почерком написанных, можно уловить $\frac{1}{10}$ Вашего сквозь $\frac{9}{10}$ разных подражательностей и шаблонов (до самого дурного — «декадентского» шаблона; кроме того, вижу в Ваших стихах немало от Анненского, кое-что от А. Белого, и от меня, пожалуй). А в печати Ваше $\frac{1}{10}$ пропадет, и Вы станете похожим «на всех».

В заключение: прочтите замечательную книгу Розанова «Опавшие листья». Сколько там глубокого о печати, о литературе, о писательстве, а главное — о жизни.

Будьте здоровы, до свидания, жму Вашу руку.

Ал. Блок.

163. Л. Д. БЛОК

29 апреля 1913. <Петербург.>

Милая, ты ничего мне не пишешь. Я ничего не знаю о тебе, думаешь ли ты возвратиться, как и чем ты живешь.¹

Третьего дня у меня был Станиславский. Он сидел у меня *девять* часов подряд, и мы без перерыва говорили. Он прекрасен, как всегда, конечно. Но вышло так, оттого ли, что он очень состарился, оттого ли, что он полон другим (Мольером), оттого ли, что в нем нет моего и мое ему не нужно, — только он *ничего не понял* в моей пьесе, совсем не воспринял ее, ничего не почувствовал. Он даже извинялся, боялся мне «повредить» и т. д., говорил, что он не понял и четверти, что надо считать, что я ему рассказал только схему (я ему рассказывал уже после чтения все с начала, разжевывая, как ребенку, кое-что он понимал — холодно, — фантазировал, представлял — по-актерски, доходил даже до пошлости иногда). Он много рассказал мне о своей студии, работу которой я пойду сегодня смотреть — с мамой.²

Станиславский не «повредил» мне, моя пьеса мне нравится, кроме того, я еще раз из разговора с Станиславским убедился, что она — правдива. А все-таки — горько. Опять писать, держа все «под спудом», кругом — травля от старых и от молодых, тесный, тесный круг близких, непонимание тех, кто мог бы понять, полная неизвестность относительно жизни, и ты — далеко.

Завтра я начинаю лечение. Если б можно было узнать, когда кончится твое безвестное отсутствие. Господь с тобой.

А.

Из твоего письма (неделю назад) я узнал только, что ты опять что-то подозреваешь о маме, чего нет, опять какая-то ненужная путаница — «вечное возвращение».³

164. Ю. Н. ВЕРХОВСКОМУ

30 апреля 1913. Петербург.

Дорогой Юрий Никандрович.

Сейчас получил Ваше письмо и, несмотря на всю соблазнительность перспективы, которую Вы открываете,

и, главное, на Ваше, драгоценное для меня, отношение ко мне, — должен сказать «нет».¹ Что делать, что как-то жизнь так складывается, что у нас с Любовью Дмитриевной давно решено ехать летом (и притом именно в июне) к морю, купаться. Потом, среди лета, надо будет вернуться сюда. Все определено заранее.

Спасибо и Соболевскому за внимание. Не сердитесь на меня и поезжайте один.

Заметку Вашу о моих детских книжках я вырезал и наклеил. Не очень-то эти книжки мне нравятся, я думаю, что не умею подходить к детям.²

В «Русской мысли» теперь Струве помогает Любовь Яковлевна Гуревич.³ Сообщаю Вам для сведения, не знаю, как Вы относитесь к ней.

Прошедшим сезоном, хоть он был и не веселый, я доволен. Все-таки кое-что сделано, теперь дотягиваются последние дела. До свидания, путешествуйте, крепко жму Вашу руку и низко кланяюсь Александре Павловне.

Ваш Ал. Блок.

165. С. А. БОГОМОЛОВУ

1 мая 1913. Петербург.

Спасибо, что так пишете о себе. Все-таки, читая Ваши письма, я чувствую, как много Вы копаетесь в себе — именно в себе, а не в своем. Будь у Вас какая-нибудь любимая работа, «специальность», Вы бы иначе себя чувствовали. Она и будет, надо надеяться. Пока ее нет, все отношение к миру выходит женское, много «настроений» и мало действия. Не так ли? Кому не одиноко? — Всем тяжело. Переносить эту тяжесть помогает только обладание своей атмосферой, хранение своего круга, и чем шире этот круг, чем больше он захватывает, тем более творческой становится жизнь. Я не говорю Вам, что я этим владею, а думаю только, что всем нам надо научиться этим владеть. Завоевать хотя бы небольшое пространство воздуха, которым дышишь по своей воле, независимо от того, что ветер все время наносит на нас тоску, или веселье, легко переходящее в ту же тоску, — это и есть действие мужественной воли, творческой воли.¹

В конце мая я поеду в разные места (за границу), так что не могу Вам оставить адреса. Если будете писать сюда, получу по возвращении.

Ал. Блок.

Как-то Вы писали об эфире (или о гашише?). Бросьте Вы эту дрянь, ничего, кроме тоски, там нет.

Прочитайте «Опавшие листья» Розанова. Удивительная книга.

166. В. А. ПЯСТУ

19 июля <н. ст.> 1913. Гетари.

Дорогой Владимир Алексеевич.

Вот где мы живем и купаемся.¹ У меня окно выходит на океан. Направо, в 10-ти верстах, — Биарриц. Два раза ездили в Испанию — в San-Sebastian и Fuenterrabia. Дней десять прожили в Париже, он, все-таки, единственный в мире; кажется, нигде нет большей загнанности и затравленности человеческой; от этого все люди кажутся лучше, и жить можно, как угодно, просто и пышно, пошло и не пошло, — все равно никто не обратит внимания.

Вокруг нас — баскский, испанский и французский говор. А главное — небо и море. Жить, конечно, скучно, я сплю без конца. Недели через две вернемся в Париж, а оттуда — в Петербург. Хочется в деревню.

До свидания, целую Вас крепко.

Ваш *Ал. Блок.*

167. Л. А. ДЕЛЬМАС

14 февраля 1914. (Петербург.)

Я смотрю на Вас в «Кармен» третий раз, и волнение мое растет с каждым разом.¹ Прекрасно знаю, что я неизбежно влюблюсь в Вас, едва Вы появитесь на сцене. Не влюбиться в Вас, смотря на Вашу голову, на Ваше лицо, на Ваш стан, — невозможно. Я думаю, что мог бы с Вами познакомиться, думаю, что Вы позволили бы мне смотреть на Вас, что Вы знаете, может быть, мое имя. Я — не мальчик, я знаю эту адскую музыку влюбленности, от которой стон стоит во всем существе и которой нет никакого исхода. Думаю, что Вы очень знаете это, раз Вы *так* знаете Кармен (никогда ни в чем другом, да и вообще — до этого «сезона», я Вас не видел). Ну, и я покупаю Ваши карточки, совершенно непохожие на Вас, как гимназист, и больше ничего, все остальное как-то давно уже совершается в «других планах» (дурацкое выражение, к тому же Вы, вероятно, «позитивистка», как все настоящие женщины, и думаете, что я мелю вздор), и Вы (однако продолжаю) об этом знаете тоже «в других планах», по крайней мере, когда я на Вас смотрю, Ваше самочувствие на сцене несколько иное, чем когда меня нет (думаю все-таки, что все это понятно художникам разных цехов и без теософии; я — не теософ).

Конечно, все это вздор. Кажется, Ваша Кармен — совершенно особенная, очень таинственная. Ясно, что молитва матери и любовь невесты от гибели не спасут. Но я не умею разделить — моя проклятая влюбленность, от которой ноет сердце, мешает, прощайте.

2 марта 1914. <Петербург.>

Не осудите меня и не примите за наглость то, что я пишу Вам. Я видел Вас в Кармен три раза. В третий раз я был уже до глубины встревожен; в ту ночь я надеялся увидеть, когда Вы выйдете из-за кулис, и писал Вам письмо [непосланное].¹

Сегодня я узнал, что Вы больше не служите в Музыкальной Дrame и что Вы в театре. Мне показывали Вас. Я смотрел на Вас, не видя и не слушая того, что делалось на сцене, и Вы заметили это. В четвертом акте я ждал, что Вы вернетесь на Ваше место и ушел, когда пришел Хозе. Вы уже ушли. Я дошел до Вашего дома, боясь и надеясь догнать Вас.²

Я — не мальчик, я много любил и много влюблялся. Не знаю, какой заколдованный цветок Вы бросили мне, не Вы бросили, но я поймал.

Когда я увидел Вас без грима и совершенно не похожей на ту, на Вашу Кармен, я потерял голову больше, чем когда я видел Вас на сцене.

Любовь приходит, не спрашиваясь, и я считаю, что я имею право еще раз видеть Вас издали и смотреть на Вас. Вас это ни к чему не обязывает. Я не прошу больше ничего, и вряд ли даже мог бы сказать Вам слова о том, какая в Вас художница — и т. д. и т. д., — так волнует меня Ваше присутствие.

Я совершенно не знаю, что мне делать теперь, так же, как не знаю, что делать с тем, что во мне, помимо моей воли, растут давно забытые мной чувства.

Я никогда не видел Вас и ничего не слышал о Вас, потому что я — чужой в музыкальном мире, почти не знаю музыки и не понимаю ее. На Вашем лице написана какая-то длинная, мне неизвестная жизнь.

Если бы Вы, Любовь Александровна, могли, не обращая на меня внимания, *обратить* все-таки внимание на что-то большее, на какое-то *возможное будущее*, если бы я мог, ничего не требуя от Вас, быть в свете лучей, которые прямо бьют в мое сердце, если бы и Вы, не требуя, не кокетничая (довольно с Вас!), не жадничая, не издеваясь, не актерствуя, приняли меня *как-то просто*, — может быть, и для Вас и для меня явилось бы что-то *новое*: для искусства (простите, я профессионал тоже, это не отвлеченность, это — тоже

проклятие). Ну, как Забела и Врубель, что ли (?) «Реализм».

Я путаюсь. Может быть, все это придумываю, как предлог. Я не знаю, что делать. *Я в Вас влюблен — и не по своей воле...*

169. В. М. ЖИРМУНСКОМУ

3 марта 1914. *〈Петербург〉*

Спасибо Вам за книгу, о которой я читал уже немало отзывов, и за милую Вашу надпись.¹

Эпиграф, и отзывы, и даже сегодняшний день, в который я получил Ваш подарок, — все говорит мне, что я найду в Вашей книге друга.²

Искренно Вас уважающий *Александр Блок*.

170. Л. А. ДЕЛЬМАС

22 марта *〈1914. Петербург〉*.¹

Простите мне мою дерзость и навязчивость. — В этих книгах собраны мои старые стихи, позвольте мне поднести их Вам. Если Вы позволите посвятить Вам эти новые стихи, Вы доставите мне величайшую честь. Мне жаль, что я должен просить Вас принять мое бедное посвящение, но я решаюсь просить Вас об этом только потому, что, как ни бедны мои стихи, я выражаю в них лучшее, что могу выразить.²

Я боюсь быть представленным Вам, так как не сумею сказать Вам ничего, что могло бы быть интересным для Вас. Если когда-нибудь в театре мне представится случай поцеловать Вашу руку, я буду счастлив. Но мысль об этом слишком волнует меня. Вот стихи.³

171. Л. А. ДЕЛЬМАС

〈2 апреля〉 1/2 3-его ночи. 〈1914. Петербург〉.¹

Придя домой сейчас и ничего не понимая, не посмотрев на часы, я Вам позвонил. Я был уверен, что толь-

ко Вы еще не легли, слышали чужой голос и испугались, что Вам будут от этого какие-нибудь неприятности — ?

А теперь я перечитываю письмо. Больше понимаю, чем когда получил. Я много лет не слышал женского языка. Я *все это* забыл вообще, многого не знал никогда.

Счастья в этом для меня не было никогда, было только мученье и скука, разве — короткие часы, зато, когда они проходили, было тяжело.

Сегодня все наполнено Вами, руки, которые прикасались к Вам, поют, платье и письмо пахнут духами. Мне кажется, я был в открытом и пустом море, и вдруг до корабля донеслось благоухание неоткрытого, цветущего острова. Но все-таки я еще в пустом море, и чувства мои одичали и отвыкли от земли.

В благоухающем письме, написанном плохими словами (я ведь профессионал, что делать?), я читаю раз от разу больше.

Вот вчерашний пустяк:

Бушует снежная весна.
Я отвожу глаза от книги...
О, страшный час, когда она,
Читая по руке Цуниги,
В глаза Хозе метнула взгляд!
Насмешкой засветились очи,
Блеснул зубов жемчужный ряд,
И я забыл все дни, все ночи,
И сердце захлестнула кровь,
Смывая память об отчизне...
А голос пел: «Ценою жизни
Ты мне заплатишь за любовь!»

Да — *страшно* — потому что когда *такие* тревоги просыпаются, их уже *нельзя* усыпить. Горите, горите тревогой, гордость моя.

А. Б.

172. Л. А. ДЕЛЬМАС

〈6 мая〉 1 час ночи 〈1914. Петербург.〉¹

Счастье мое, я смотрел на Ваше окно в 11 часов и сейчас; Ваше окно светится, Вы никуда не уходили.

Я боюсь звонить к Вам сейчас и не хочу тревожить Ваши нервы. Мысли мои тяжелы и печальны, и сам я такой, но, когда я смотрю на светлое окно, меня наполняет горячая нежность и благодарность Вам за то, что Вы [есть] — в мире, за то, что Вы такая — и красивая, и прекрасная, и окрыленная, и тихая, веселая и печальная; и за все — и за то же, что Вы были дома сегодня. Вы мне простите эту тяжесть ревности, неизвестно кому, неизвестно к чему, — тем она тяжелее.

Перед тем как Вас встретить, я знал давно о зияющей в моей жизни пустоте. За этот месяц с небольшим я постепенно вижу все новые и неожиданные возможности — вот почему прошли точно годы и годы жизни — и вижу, что, несмотря на все различие наших миров, понятий, вкусов, жизни, — мог бы увидеть все переливы света, всю радугу, потому что — Вы — та жемчужная раковина, полная жемчугов, которая находится в бездне моря, находится недаром, находится за что-то, как награда, или как упрек, или как предостережение, или как весть о гибели, может быть. Не знаю, знаю только, что — недаром.

Все мучение, и ревность, и тяжесть в том, что мне, может быть, суждено только находить, а потом я, как рыбак, не умею ничего сделать с тем, что нашел, и могу потерять в том самом море, где она мне засияла, и море станет опять пустым и темным, и я останусь таким же нищим, как был. Главное, что в этом (чего я боюсь всегда) есть доля призвания; доля правды, значит; доля моего назначения; потому что искусство там, где ущерб, потеря, страдание, холод. Эта мысль стережет *ВСЕГДА* и мучает *ВСЕГДА*, кроме коротких минут, когда я умею в Вас погрузиться и забыть все — до последней мысли. Таков седой опыт художников всех времен, я — ничтожное звено длинной цепи этих отверженных, и то, что я мало одарен, не мешает мне мучиться тем же и так же не находить исхода, как не находили его многие, — и великие тоже.

Довольно говорить и думать сегодня.

Господь с Вами. То, что Вы сегодня дома, для меня как-то особенно важно. Благодарю Вас, счастье, счастье мое, гордость моя.

А. Б.

20 июня 1914. Шахматово.

Вчера я получил Ваше письмо, и до того уже несколько дней ждал тревожно, и теперь хочу с Вами говорить и почти не могу писать, так много, или так не-сказанно то, что мне надо говорить. Я хочу говорить Вам прежде всего какие-то длинные, бессвязные, страстные речи, крепко прижав Вас к себе и чувствуя, как волнуется и трепещет Ваше таинственное тело и Ваша таинственная душа. Это слишком невозможно, и потому приходится говорить здраво, насколько умею.

Первые дни я просто ничего не чувствовал от усталости, а теперь начинаю отдыхать; и все-таки я, думая теперь очень много, *не понимаю*. И знаете, все чаще, по мере того, как возвращается тот, знакомый мне волнующийся ритм, который управляет моей жизнью, — все чаще я не хочу понимать.

Не сумею, все равно. Что влечет к Вам, куда повлечет нас, — это больше меня и моего понимания.

Я хочу повторить Вам то, что говорил: я не могу сказать, что мое прошлое умерло. Прошное живет, и оно — не только прошлое, в нем — живое. Вы понимаете, о чем я говорю. Здесь у меня в душе иногда больно, иногда печально и светло; всякое бывает, я только напоминаю Вам о себе, не стоит говорить подробно. Короче, это — вовсе по-другому, нет ни противоречий, ни путаницы, точно то — другой я.¹

Но вот, о чем я часто задумываюсь, что поет мне и чего я не понимаю и не хочу понимать: почему этой зимой я встретил Вас, и именно Вас? С первой минуты не было ничего общего ни с одной из моих встреч. Сначала — *буря музыки и влекущая колдунья*, и — одинокое прислушивание к этой буре, какое-то медленное помолодение души. Если б Вы знали, сколько я *всматривался* в Вас тогда, в «Кармен» — глазами и художника, и старика, и просто ценителя каких-то прекрасных *видений*, в жизни ли они, или на сцене, — все равно. Тут была и критика, и колодок чисто художественного восприятия, и психология, и — мало ли еще (только *чистое* всегда). Медленно и помимо сознания, вкрадывалось то волнение, которого я не думал раздувать, и, совершенно неожиданно для себя самого, увидав в *треть* раз (на масленице), что появились *Вы* (я ждал не

Вас вовсе), я почувствовал, как упало сердце и заби-лось почему-то, и сам себе не верил.

И потом началось: ряд видений, все растущий, опять непонятный. Вслед за *бурей музыки* — Вы в партере, бледная, и несомненно *недаром, по воле судьбы*, неукрасившаяся, усталая, недоверчивая («Сердитый взор...») ² и — непостижимо прекрасная; или Вы думаете, что я *когда-нибудь* забуду, как меня *было* в тот вечер, как что-то стучало мне в сердце и требовало отворить? И билетная барышня, и полячишка-служитель, и мокрый снег, и чужой дворник — все сразу меня выбило из того прозябания, которому я предавался давно; и наступило новое; и меня бросило тогда — в бурю музыки. Останавливающееся дыхание тех дней, часы у Вашего подъезда, письма, искание Ваших карточек и то, что я краснел, как мальчишка, — разве я это забуду? И потом — точно волна, которая покрывает с головой — несколько вечеров напрасных сомнений, отчаяния, злобы — и вдруг, точно на гребне волны — этот Ваш звенящий, звенящий смех первого вечера, и моя неловкость, и Ваши открытые плечи, и розы, открывающие грудь, Ваши руки, *овладевающие* мгновенно всякой вещью, Ваши сияющие зубы и таинственные глаза; и эта неровность плеч, их застенчивость, и то, что Вы сразу просто приняли, когда я взял Вас под руку, и улыцы, и темная Нева, и Ваши духи, и Вы, и Вы, и Вы! ³

Во всем этом было, мелькало *внешне* кое на что похожее, изредка похожее; и *так ни на что не похожее внутренне*. Новая музыка.

И еще, и еще, и еще. Эти *ГОДЫ* растущей души и какие-то два месяца (я отказываюсь понимать и то, что нашему *знакомству* еще нет трех месяцев). И этот медленный рост музыки *опять* новой («Так вот что так влекло...») ⁴ и т. д.). И наконец ясно обозначилось то, что теперь всего чаще стоит передо мной, как *странно серьезное*, во весь рост: несколько Ваших взглядов, несколько Ваших движений и фраз. И то, что есть в письме.

Из *бури музыки* — тишина, — нет — не тишина; *страшная эсенственность*, — да, и она, но за ней — еще: какая-то глубина *верности*, лежащая в Вас; опять не знаю, то ли слово: «верность»? — Земля, природа, чистота, *ЖИЗНЬ, ПРАВДИВОЕ* лицо жизни, какое-то

мне незнакомое; все это, все-таки, не определяет. ВОЗМОЖНОСТЬ СЧАСТЬЯ, что ли? Словом, что-то забытое людьми, и не мной одним, но всеми христианами, которые превыше всего ставят крестную муку; такое что-то *простое*, чего нельзя объяснить и разложить. Вот Ваша сила — в этой *простоте*.

Дальше начиналось в моих думах (только не сейчас) опять я — этот несчастный, иногда ненавистный мне «я»: «искусство», «слишком позно» — все с вопросами, все тягучее, все неотступное. Об этом и сказано и писано много, и будет, наверное, еще, а теперь мне — не до того.

Сейчас не до того, потому что я погружен в Вас и ничего не чувствую, кроме Вас, в эту минуту. Кроме Тебя — ничего.

А Вы спрашиваете в письме, не предал ли я забвению последних дней, и не улыбаюсь ли я, читая, что Вы — «не своя». Нет, я все помню. И нет, — я не улыбаюсь. Я улыбаюсь иногда, вспоминая что-нибудь из нашей болтовни, но *этому* не улыбаюсь, потому что это *высоко*, Любовь Александровна.

Сейчас ночь, я пойду с Тобой в холодную росу на дорогу, перед сном. Венера ярко светит.

23 июня.

Портретов я еще не пошлю, чтобы написать что-нибудь не зря. Вы выбрали как раз те, которые я признаю, остальные мне тоже не нравятся. Очень жаль только, что они давно сняты и относятся к другому времени.

Сегодня я очень «здравый». Если бы Вы были сейчас здесь, это прошло бы в три минуты. В глубине души у меня тревога, но время тянется однообразно, и я читаю очень здравые книги.

Почти ни слова не говорю о Вас. И вообще очень мало говорю. На днях сказал с матерью несколько слов о Вас, и мне было очень дорого, как она о Вас говорит.⁵

Видите, как редко ходит почта.

Мне здесь очень дорого, что я не разучился любить природу, могу часами смотреть и не скучно.

Пишу все это, и кажется, что чего-то главного не пишу. Буквами не напишешь. Ваше письмо я понял и перечитываю его. Если б его не было, мне было бы много хуже. Напишите еще, прошу Вас, мне это *очень нужно*. Я и хочу и не хочу еще знать, когда, как и что будет с нами. Как же мы встретимся, моя гордость? В мире очень много скучного, печального, тревожного, неясного. Нет, не умею сейчас дописать.

Напишите о себе и внешнее: надолго ли Вы в Чернигове? И кто дразнится Вашей красотой? Напишите еще, что сказал Вам Йог? Что значит счастье, которое я нашел в сирени?.....

Напишите мне.

А. Б.

174. В. А. ЗОРГЕНФРЕЮ

30 июня 1914. Шахматово.

Дорогой Вильгельм Александрович.

Письмо Ваше почти месяц лежит передо мной, оно так необычно, что я не хочу даже извиняться перед Вами в том, что медлю с ответом. И сейчас не нахожу настоящих слов. Конечно, я не удивляюсь, как Вы пишете, что Вы лечитесь.¹ Во многие леченья, особенно — природные, как солнце, электричество, покой, морская вода, я очень верю; знаю, что, если *захочет*, эти силы примут в нас участие. Могущество нервных болезней состоит в том, что они, прежде всего, действуют на волю и заставляют перестать *хотеть* излечиться; я бывал на этой границе, но пока что выпадала как раз в ту минуту, когда руки опускались, какая-то счастливая карта; надо полагать, что я втайне даже от себя самого страстно ждал этой счастливой карты.

Часто я думаю: того, чем проникнуто Ваше письмо и стихи,² теперь в мире *нет*. Даже на языке той эры говорить невозможно. Откуда же эта тайная страсть к жизни? Я Вам не хвастаюсь, что она во мне сильна, но и не лгу, потому что только недавно испытал ее действие.³ Знали мы *то*, узнать надо и это: жить «по-человечески»; после «ученических годов» — «годы странствий».⁴

Не нравится мне, как я пишу, не умею сказать конкретнее и проще. Этим посильным ответом я просто хочу откликнуться Вам и сказать: «поживем еще».

Крепко жму Вашу руку.

Ваш *Ал. Блок*.

175. Л. А. ДЕЛЬМАС

〈17 августа 1914. Петербург.〉

Я не знаю, как это случилось, что я нашел Вас, не знаю и того, за что теряю Вас, но так надо. Надо, чтобы месяцы растянулись в годы, надо, чтобы сердце мое сейчас обливалось кровью, надо, чтобы я испытывал сейчас то, что не испытывал никогда, — точно с Вами я теряю последнее земное.¹

Только бог и я знаем, как я Вас люблю.

А. Б.

Позвольте мне прибавить еще то, что Вы сама знаете: Ваша победа надо мной решительна, и я сознаюсь в своем поражении, потому что Вы перевернули всю мою жизнь и долго держали меня в плену у счастья, которое мне недоступно. Я почти не нахожу в себе сил для мучений разлуки и потому прошу Вас не отвечать мне ничего, мне трудно владеть собою.

Господь с Вами.

176. В. Э. МЕЙЕРХОЛЬДУ

15 января 1915. <Петербург.>

Дорогой Всеволод Эмильевич.

Не знаю, как сказать. Б. Алперс — живой и славный. В стихах же его, я, положительно, живого места не вижу. Даже удивительно, как это может случиться! Неужели Вы не видите, что это все — банальность из банальностей: помесь из Гиппиус, Кузмина и меня. *Единый раз вскипает пеной* принято помещать в кавычках (стих З. Гиппиус);¹ манерничанье и женитьничанье («так неумело, в прошлый раз»). Метафоры самые беспутные — ненужные, несвязные. Что это за «смешные Офелии»? Офелия *одна* и кроме того есть вещи, которыми не шутят. Гамлет с Шопенами — тоже легкомыслие. *Нигилизм это все*, и ни единому слову я тут не верю. После таких стихов я начинаю обыкновенно жаждать сухого, чопорного «пушкиньянца» Верховского.

Храни нас, господи, от нигилистов и модернистов! Боюсь «апельсинства».² Люблю кровь, а не клюквенный сок.³

Любящий Вас Ал. Блок.

177. А. Н. ЧЕБОТАРЕВСКОЙ

. 9 февраля 1915. <Петроград.>

Дорогая Анастасия Николаевна.

Нет у меня желания предпринимать чтение «Розы и Креста». Пьесу эту надо — или играть на сцене, или читать про себя по книге. Никакой середины я не вижу. Вы предлагаете то гобелены, то столы, закрываю-

щие чтецов до подбородка, то Мандельштама, то Игоря Северянина; из всего этого я вижу, как разны мы к этому относимся. Есть во всех делах своя мистика, и отношение к «Розе и Кресту» у меня сложное и, как во всем для меня важном, такое, что я предпочитаю не делать опытов и прятать, пока не найду действительно-го (или — хоть приблизительноного) согласия воли, и вкусов, и темпераментов, и т. д., и т. д.

Есть также своя мистика в том, что атмосфера <...> воззваний парализует волю, заставляет ее как-то замирать. Да и музыки Базилевского я не знаю, сам судить о ней не могу, а человека, которому я бы поверил относительно музыки к этой пьесе, сейчас около меня нет. По всем этим причинам оставим это дело.

Преданный Вам душевно *Ал. Блок.*

178. Л. Д. БЛОК

19 февраля 1915. <Петроград.>

Милая моя, милая. Кроме телеграммы, которую я получил в тот же день, когда послал тебе свою, я получил от тебя два письма: второе — вчера (с оказией, от 14-го).

Ты пишешь, что я должен не беспокоиться. Это ведь только способ выражения — беспокойство. Теперь особенно — все, что я о тебе чувствую, — превышает все беспокойства; т. е. беспокойство достигло предела и перешло уже в другое, в какой-то «огненный покой», что ли. Благодарю тебя, что ты продолжаешь быть со мною, несмотря на свое, несмотря на мое. Мне так нужно это.

Сегодня я собирался написать тебе зараз о студии¹ и о «Зеленом кольце».² Только очень уж сегодня все во мне спутано и обострено, не могу писать подробно.

На спектакль студии я пошел, как всегда, с открытой душой, с желанием, чтобы мне понравилось, и мне, как всегда, страшно не понравилось *почти* все. <...> это узорные финтифлюшки вокруг пустынной души, которая и хотела бы любить, но не знает источников истинной любви. Так как нет никакого центра, нет центрального огня, который и есть *любовь* и *воля*, — мне и тяжело и скучно от никчемного «легкого веселья»,

и я не могу простить подробностей, которые простил бы, может быть, если бы меня хоть немного «обожгли» тем огнем, в котором все и без которого ничто не мило. Молодые и пожилые люди претенциозно кривляются: глуповатая хорошенькая мордочка Ильяшенки; инженерша Валентина Петровна послушно валяется по полу. Нотманские ноги мелькают в течение всего вечера, так что тошно от повторяемости мельканий. Бедная угреватая Адда Корвин печально кривляется. Какая-то больная старуха сидит на столе на корточках. Изобретательности настоящей нет, воображение бедное и больное. Жакомино — гений рядом с ними. Один его жест стоит всей студии. Неталантливые люди и некрасивая фантазия. О, если бы люди умели сузиться, поняли, что честное актерское ремесло есть большой чин, а претензии на пересаживанье каких-то графов Гоцци на наш бедный, задумчивый, умный север, *РУССКИЙ*, — есть только *бесчинство*. Все это больно, потому что Мейерхольд — славный, и несчастный калека Соловьев — тоже.

В Зеленом кольце Мейерхольда вовсе не было, а были Гиппиус, Савина, Домашева и некоторые другие. Актеры сыграли пьесу в четверть ее роста. Пьеса неумелая, с массой недостатков, и все-таки — какого она *роста*, какой *зрелости*, даже в руках актеров!

После об этом. Господь с тобой, милая.

А.

179. В. А. ПЯСТУ

6 апреля 1915. <Петроград.>

Милый Владимир Алексеевич.

Не писал я Вам долго потому, что и мне было скверно. Теперь гораздо лучше, и не потому, что что-нибудь изменилось (нет, жизнь все так же запутана и богата), а потому, что набралось опять много дел. В сотый раз приходится с грустью признаться, что приходится прибегать к работе, чтобы вернуть ритм, а других средств пока нет.

Во-первых, мой Григорьев подвигается,¹ напечатано 10 листов (а всего будет до 35-ти!). Это — не только

сложные корректуры, но еще и держание в душе всей книги (то есть всей жизни его) и влияние на издателей. Пока выходит чисто.

Второе — длинные переговоры с «Мусагетом» и законченная лишь вчерне работа над четырьмя книгами (три — стихов — по 1914 год, и театр — четыре пьесы).² Это — главное. Еще много мелкого.

Может быть, Вы правы в том, что пишете по существу. Я не берусь сейчас судить решительно; для того, чтобы судить, надо увидеть Вас и опять проникнуть в Вас, как бывало; вообще сызнова начать.³ Последние годы (с 1912) между нами заходила какая-то неправда, которую мы, право, в силах разбить; а не разбивали по тысяче мелких, «психологических» причин, своих для каждого. Думаю, лучше отложим речь об этом до свидания.

Насчет «забвения», — это Вы не так говорите, так не надо. Настолько же, насколько я это чувство понимаю, настолько знаю, что оно — ненужное.⁴

Щеголеву я звонил давно уже. Он обещал прислать мне рецензию (я хотел сам для верности послать ее в «Вершины», с которыми, впрочем, тоже не в особых ладах) и, конечно, не прислал. Говорит, что уже недели три назад сказал Вашему брату, что рецензии о тех же книгах написаны Тиняковым, потому он и не помещает.

Георгий Иванович живет в Царском Селе рядом с Гумилевыми (Малая ул., 47, кв. 5). Я получил от него письмо и давно уже собираюсь к нему съездить.

Княжнину на днях сказал (по телефону) о Вас. Не вижу-то я, по-прежнему, почти никого. Между прочим, и Руманова не видал с того дня, как он был у Вас, и даже по телефону с ним не говорил.

Посылаю (бандеролью) номер журнала Мейерхольда⁵ и оттиск из «Русской мысли».

Целую крепко Вас.

Ваш Ал. Блок.

Нельзя ли попросить стихов (хоть одно) для журнала Мейерхольда?

Р. С. К вопросу о «забвении»: между прочим, Ремизова не пригласили в «Клич» (московские жертвы

войны). Меня туда пригласили, но я и в другом чувствую временами — «либеральный бойкот», что ли... Все это — суета.

180. С. А. ЕСЕНИНУ

22 апреля 1915. <Петроград.>

Дорогой Сергей Александрович.

Сейчас очень большая во мне усталость и дела много. Потому думаю, что пока не стоит нам с Вами видиться, ничего существенно нового друг другу не скажем. Вам желаю от души остаться живым и здоровым. Трудно загадывать вперед, и мне даже думать о Вашем трудно, такие мы с Вами разные; только все-таки я думаю, что путь Вам, может быть, предстоит не короткий, и, чтобы с него не сбиться, надо не торопиться, не нервничать. За каждый шаг свой рано или поздно придется дать ответ, а шагать теперь трудно, в литературе, пожалуй, всего труднее.

Я все это не для прописи Вам хочу сказать, а от души; сам знаю, как трудно ходить, чтобы ветер не унес и чтобы болото не затянуло.

Будьте здоровы, жму руку.

Александр Блок.

181. МАТЕРИ

13 июня 1915. <Петроград.>

Мама, по поводу сдачи Львова и прочих событий я обратился к истории Ключевского.¹ Его обобщения действуют оздоравливающе, хотя они довольно печальны. В конце концов, с Петра прошло только двести лет, и многое с тех пор не переменилось. И Петр бывал в беспомощном положении до смешного, затягивая шведов к Полтаве, а Кутузов затягивал Наполеона к Москве, когда Пушкину было 13 лет; к тому же очень уж ясна перемена нашей тактики, так что на очищение Галиции смотришь иначе, чем смотрел бы недели три назад. Есть слухи о серьезных (наконец!) укреплениях нашего фронта, хотя и на нашей территории.

Люба разговаривала с представителями рабочих Путиловского завода, и все, что она рассказывала об этом, показывает мне, что она попала в хорошее и большое дело.² Завтра предстоит играть, так что Любу уж тошнит от страха.

Я проехал как-то вверх по Неве на пароходе и убедился, что Петербург, собственно, только в центре <...> немецкий; окраины — очень грандиозные и *русские* — и по грандиозности, и по нелепости, с ней соединенной. За Смольным начинаются необозримые хлебные склады, элеваторы, товарные вагоны, зеленые берега, громоздкие храмы, и буксиры с именами «Пророк», «Воля» режут большие волны, Нева синяя и широкая, ветер, радуга.

Сочиняю автобиографию³ и повадился ходить к букинисту, у которого скупаю десятки интересных книг по пятаку. Вчера встретил С. М. Зарудного (сенатор и цыганист, друг Художественного театра), который, проводив Книппер, шатался без дела. Я его завез к себе. Он читал очень хорошо стихи Вольтера, нарисовал меня (совсем не похоже) и рассказал анекдот о том, как К. Р. просил его раз прочесть мои стихи. Он прочел «Незнакомку», * К. Р. возмутился; когда же он прочел «Озарены церковные ступени», К. Р. нашел, что это лучше. Очевидно, уловил родственное, немецкое.

Встретил я еще Зоргенфрея, гулял с ним и сидел в кофейне.

Любовь Александровна была у меня вчера (хотя и написала тебе, кажется, что меня не видит).

Господь с тобой.

Саша.

Письма, которые ты переслала, я получил — разные литературные предложения.

182. Л. А. ДЕЛЬМАС

12 августа 1915. <Петроград.>

Я провел в городе два дня по делам. Завтра уеду, письмо Вы получите, когда я буду уже в дороге. Вот

* Знает ее наизусть, потому что в Озерках жила «одна женщина».

я живу рядом с Вами, обхожу кругом Ваш дом и не могу позвонить к Вам, потому что ни Вы не поймете меня, ни я Вас — по-прежнему. А во мне происходит то, что требует понимания, но никогда, никогда не пойдем друг друга мы, влюбленные друг в друга. Вы с этим будете спорить, но меня не переспорите. В Вашем письме есть одна отчаянная фраза (о том, что нам придется расстаться), — но в ней, может быть, и есть вся правда: я действительно «не дам Вам того, что Вам нужно».

Той недели, которую Вы провели в деревне, я никогда не забуду.¹ Что-то особенное было в этом и для меня. И это еще резче подчеркнуло для меня весь ужас положения. Разойтись все труднее, а разойтись надо. Это никогда не покидающее меня чувство и есть источник того, что Вы называете «желчью».

Сейчас, вечером, я прошел мимо Вашего окна. Оно освещено и открыто, и Вы, по-видимому, дома одна. И все-таки я не звоню к Вам. Трудно не звонить. Но, все равно, моя жизнь и моя душа — надорваны; и все это — только искры в пепле. Меня настоящего, во весь рост, Вы никогда не видали. Поздно.

О, если бы Вы знали!

Александр Блок.

12-й час, Вы потушили уже большой свет, и теперь огонь у Вас слабый.

183. В. Я. БРЮСОВУ

2 ноября 1915. Петроград.

Дорогой Валерий Яковлевич.

Сейчас говорили мы с Павлом Никитичем Макинцаном, он дал мне много ценных и интересных сведений и предложил несколько текстов, из которых я непременно возьму — несколько. Думаю, пока, о Кучаке и Исаакиане; оба пленили меня.¹

Спасибо Вам за письмо, я очень рад принять участие в такой работе, но то стихотворение Терриана, действительно, оказалось ужасно мне не по душе; я и сейчас помню его отчетливо, и впечатление остается таким же.² Думаю, что когда увижу другие переводы из Те-

риана, пойму, что именно меня отвращает от него; это очень меня интересует, тем более что Павел Никитич считает Териана одним из лучших поэтов новой Армении.

Преданный Вам *Ал. Блок.*

184. А. Н. ЧЕБОТАРЕВСКОЙ

27 декабря 1915. *(Петроград.)*

Многоуважаемая Анастасия Николаевна.

Журнал Горького¹ не производит на меня гадкого впечатления, я склонен относиться к нему очень серьезно. Вовсе не все мне там враждебно, а то, что враждебно — стоящее и сильное. — Меня позвали в этот журнал как ремесленника, а я люблю ремесло и, в частности, то ремесло, которое мне дали, нахожу нужным и полезным. — Вы пишете, что журнал этот «против всего, что нам дорого», например — против «мечты». Я думаю, что Вы меня совсем не знаете; я ведь никогда не любил «мечты», а в лучшие свои времена, когда мне удастся более или менее сказать свое, настоящее, — я даже ненавижу «мечту», предпочитаю ей самую серую действительность.

Во всяком случае, Вы заставили меня Вашим письмом многое передумать сызнова; за это спасибо.²

Ал. Блок.

185. Е. М. ТАГЕР

(1915. Петроград.)

Многоуважаемая Елена Михайловна!

Сейчас я просматривал Ваши стихи. Они не поразили меня особой оригинальностью и новизной, но они напевны, в них есть искренность и какая-то *мера*.

По-видимому, Вы много читали современных поэтов, и они не всегда хорошо на Вас влияли.

Думаю, что Вы все сделаете сами, и никакие «ценители» тут не помогут.

Вы пишете, что я вначале тоже нуждался в чем-то совете. Не думаю. Может быть, и был такой момент, но я его не заметил, не помню. Моих ранних стихов я никому не читал. Показывал только матери, с которой особенно близок.

Хочу Вам сказать одно: все самое нужное в жизни человек делает *сам*, через *себя* и через большее, чем он сам (любовь, вера).

Думаю, что Вы понимаете, потому что относитесь к жизни серьезно.

Александр Блок.

Если стихи Вам нужны, я могу вернуть.

186. Е. М. ТАГЕР

〈1915. Петроград.〉

Многоуважаемая Елена Михайловна!

В каждом человеке несколько людей, и все они между собой борются. И не всегда достойнейший побеждает. Но часто жизнь сама разрешает то, что казалось всего неразрешимей.

187. С. Н. ТУТОЛМИНОЙ

16 января 1916. Петербург.

Дорогая Соня.

Спасибо тебе и Николаю Николаевичу за прекрасные цветы, тебе и Никсу за стихи, всем Вам за доброе ко мне чувство.

Сегодня меня мучает мысль, что я сделал Вам неприятное своим вчерашним отказом;¹ боюсь, что Вы, от чего боже сохрани, можете иногда думать, что я «горжусь» чем-то, или что-нибудь такое; потому хочу сказать тебе несколько объяснительных слов, которые ты прими своим добрым сердцем так же просто, как я их говорю.

Жизнь моя, по тысяче причин, так сложилась, что мне очень трудно быть с людьми, за исключением немногих, что я смотрю на жизнь, что называется, мрачно (хотя сам я не считаю своего взгляда мрачным), что я не чувствую связей родственных; я знаю, при этом, что дело мое, которое я делаю (худо ли, хорошо ли, — я сам, как ты уже знаешь, вовсе недоволен собой), требует, чтобы я был именно таким, а не другим.

Вот ты говоришь «брат», а я не умею ответить тебе так же горячо и искренно, потому что не чувствую этого слова. Так же — с многими другими словами. Я знаю и верю, что все Вы, Качаловы, — милые, добрые и хорошие и что ко мне Вы относитесь более, чем хорошо, но я не умею ценить этого, несмотря на то, что мне приходилось сталкиваться с людьми просто очень дурными и злобными. Не умею ценить потому, что требую от жизни — или безмерного, чего она не дает, или уже ничего не требую. Вся современная жизнь людей есть *холодный ужас*, несмотря на отдельные светлые точки, — ужас надолго непоправимый. Я не понимаю, как ты, например, можешь говорить, что все хорошо,

когда наша родина может быть на краю гибели, когда социальный вопрос так обострен во всем мире, когда нет общества, государства, семьи, личности, где было бы хоть сравнительно благополучно.

Всего этого ужаса не исправить отдельным людям, как бы хороши они ни были; иногда даже эти отдельные светлые точки кажутся кощунственным диссонансом, потому что слишком черна, и в черноте своей величава, окружающая нас ночь. Эта мысль довольно хорошо выражена, между прочим, в одном рассказе Л. Андреева (не помню заглавия), где герой говорит, что «стыдно быть хорошим».²

Свет идет уже не от отдельных людей и не от отдельных добрых начинаний: мы вступили явственно в эпоху совсем новую, и новые людские отношения, понятия, мысли, образы пока еще в большинстве не поддаются определению.

Не люблю говорить о себе, повторять те готовые мысли и чувства, которые для меня давно уже — «дважды два четыре»; но я чувствую потребность сказать это тебе, с которой мы так долго не встречались, так сказать, «через голову» всех условностей, несмотря на то, что мы думаем разное и чувствуем разное, что у нас различны воспитание и уклад жизни. Сказать для того, чтобы ты знала обо мне больше, чтобы ты не толковала превратно каких-нибудь поступков моих (лучше сказать, отказа от поступков).

Я хочу, чтобы ты сердцем знала, что если я упрямлюсь, дичусь и т. д., — то это происходит не от дурных моих чувств к тебе и всем Вам, а от строя моей души, которого я не могу изменить. Недоразумения между людьми всегда бывают, но пусть будет их меньше.

Желаю тебе, милая Соня, и Вам с Николаем Николаевичем вместе всего, чего сами себе желаете, чтобы были Вы счастливы, если только бывают на свете исключения в эту сторону; передай, пожалуйста, Никсу, когда его увидишь, мой поцелуй, а также то, что найдешь нужным, из этого письма; если же тебе, или Вам с ним, будет в нем что-нибудь неприятно, — то поверь, что я пишу не для неприятности, а обращаюсь прямо к твоему доброму сердцу, и так добро, насколько сам умею.

Твой *Ал. Блок.*

17 января 1916. Петербург.

Многоуважаемая Надежда Александровна.

Очень благодарю Вас за присылку книги «Пролог». ¹ Напрасно Вы думаете, что «мое мировоззрение диаметрально противоположно написанному в ней»; напротив, я встретил на ее страницах много близкого и знакомого мне. Главное, что я имею сейчас возразить против этой книги, — это то, что мысли, в ней выраженные, кажутся мне не творческими, не окрыленными; это сказывается наглядно на приводимых примерах; по крайней мере, я твердо уверен в одном, — что примеры, взятые из моих книг, не иллюстрируют, а опровергают «программу», которую автор хочет подтвердить: ² на стр. 48 цитированы мои слова, которые я говорил, ограничивая себя и внутренне осуждая «лирику», которую я любил тогда (да и всегда) любовью ненавистнической. ³

Стихи, цитированные на стр. 51, писались отнюдь не во имя свое, а во Имя и перед Лицом Высшего (или того, что мне казалось тогда Высшим, все равно, это покажет будущее, а я и до сей поры думаю так). ⁴ В этом и есть для меня единственный смысл «Стихов о Прекрасной Даме», которые, в противном случае, я бы считал «стишками», т. е. делом, о котором лучше молчать.

Александр Блок.

189. А. А. ИЗМАЙЛОВУ

28 января 1916. (Петроград.)

Многоуважаемый Александр Алексеевич.

Письмо Ваше сейчас получил. А газету-то, все-таки, разве так и не будут посылать? Никто не отказывается от этого доброго старого обычая, да и «Биржевые ведомости» до сих пор не отказывали, тем более, что стихи мои там помещались довольно часто. Почему же вдруг так — взять, да и прекратить высылку?

Вы пишете, что у Вас только одно стихотворение, которое Вы «таите на случай краха». Не понимаю этой

фразы, — какой крах? Кроме того, у Вас есть еще Исаакиан; я не знаю, как вышел перевод¹, но поэт Исаакиан — первоклассный; может быть, такого свежего и непосредственного таланта теперь во всей Европе нет.

А какие «настроения близки современной душе»? Разным душам разные, и я не могу судить, отвечаю ли хоть одной из них... «Одичание», которое у всех на языке, — факт, в большой степени совершившийся... Вот и Вы в сегодняшнем фельетоне, например, возвращаетесь к великому прошлому.²

Кстати — о Григорьеве: хоть бы кому пришло в голову написать по поводу отредактированной мной книги именно о нем, а не о Розанове и не обо мне, который должен бы быть здесь последней спицей в колеснице.³ Ведь в Григорьеве действительно заложены искры громадной культуры, которые так и догорают до сей поры под пеплом полемики и равнодушия.

Искренно уважающий Вас *Ал. Блок*

190. В. Э. МЕЙЕРХОЛЬДУ

7 февраля 1916. <Петроград.>

Дорогой Всеволод Эмильевич.

Вот что я придумал: сговоритесь с Княжнинным, если лично его не видите (как и я), можно к нему позвонить в Архив Акад. наук (539—78); не согласен ли он опубликовать те стихотворения Ап. Григорьева, которые ему удалось найти (а мне не удалось)? Если не все, то те, которые он не поместит в другом месте (например, в «Русской мысли»). Среди них есть очень интересные. Во-вторых, не даст ли он собственное стихотворение (или несколько); кажется, у него было. Со своей стороны я бы, если Вы не имеете против, мог прибавить своего — давно написанного; у меня есть стихи совсем так называемые «непонятные», «тайнопись» своего рода, которая, может быть, и даст нечто немногим, и именно только в журнале «для немногих» я бы это мог напечатать.¹ Об этом я все-таки еще не отчетливо понимаю.

Еще соображение, уже не об отделе стихов. Княжнин знает ход к драме Ап. Григорьева в стихах (кажет-

ся, «Отец и сын»), шедшей когда-то на александрийской сцене и никогда не напечатанной. Вот если бы напечатать ее. Она, если не ошибаюсь, овеяна лермонтовским духом так же, как «Два эгоизма» («Репертуар и Пантеон» 1846 в книжке, собранной мною), и написана тогда же.

А вот еще если вместо всех стихов, которые я имею Вам предложить, дал отрывок или отрывки Маяковский,² было бы интереснее.

Все эти соображения, явившиеся у меня в ответ на Ваше дружеское письмо, Вам и посылаю.

Ваш Ал. Блок.

191. П. С. СУХОТИНУ

22 февраля 1916. <Петроград.>

Дорогой Павел Сергеевич.

Сейчас получил Вашего Григорьева, спасибо Вам.¹ Прочтите «Детство» Горького — независимо от всяких его анкет, публицистических статей и прочего. Какая у него была бабушка! — Я хотел об этом Вам напомнить и устно, да забыл, и письменно, но не знал адреса. Всего Вам хорошего.

С искренним уважением Ал. Блок.

192. А. Я. ГУРЕВИЧ

23 февраля 1916. <Петроград.>

Глубокоуважаемая Анна Яковлевна.

Благодарю Вас за сочувствие. В таких письмах, как Ваше, есть некое «слышу, сынку» из «Тараса Бульбы».

Переиздание моих книг побуждает меня всегда проверять весь путь, потому я семь раз отмериваю, чтобы раз отрезать. Может быть, ошибаюсь, все-таки; но относительно «весны над замком» пока еще не могу согласиться с Вами.¹ Да ведь все это не имеет ничего общего с «полным собранием сочинений». Выбираю и распределяю все так, чтобы как можно яснее (насколько

в данное время жизни понимаю) было, чего хотел, чего не достиг, как падал, где удалось удержаться.

Спасибо Вам еще раз. Передайте, пожалуйста, Любови Яковлевне, если будет случай, мое сердечное пожелание поправиться.

Искренно Вас уважающий *Ал. Блок.*

193. Л. Я. ГУРЕВИЧ

29 февраля 1916. *(Петроград.)*

Глубокоуважаемая и дорогая Любовь Яковлевна.

Когда драма «Роза и Крест» была готова, я не думал ни о каком театре, кроме Художественного; когда она не понравилась К. С. Станиславскому (по тысяче причин, среди которых было много, как всегда бывает, второстепенных, мелких, психологических, почти физических), я как-то не отчаялся ни в чем, а только подумал, что «не судьба»; проверил драму для себя особым способом (написал в прозе биографию Бертра-на),¹ и показалось мне, что все верно и ничего не надо переделывать. Потом шли годы, и иногда возникали переговоры с разными лицами, касающиеся постановки драмы; признаться, я к этим переговорам относился поверхностно; мне не казалось, что произойдет какое-то особое событие для меня, если даже что-либо из предлагаемого осуществится.

Весть, полученную вами от Лужского (а теперь уже и мной от Немировича-Данченко),² я принял именно как событие; она меня озаботила в такой же мере, в какой обрадовала. Владимир Иванович вызывает меня в Москву, и я поеду туда, как только поправится моя мать. «Роза и Крест» в эти годы производила на меня разное впечатление, но все еще кажется мне *верно* написанной, так что я там все узнаю и за все отвечаю.

Чувствую, что дело это не обошлось без Вашего мягкого и упорного влияния; поэтому позвольте мне Вас поблагодарить; слова тут найти, конечно, невозможно, пожалуй, и не нужно; а только я чувствую, что Вы очень связаны с тем театром, который сыграл для меня большую роль когда-то, в лучшую пору жизни,

сыграет и теперь, в пору не очень хорошую, роль еще большую, как бы ни повернулось дело.

Накануне того дня, когда Анна Яковлевна сообщила о телеграмме, я звонил к Вам, не зная о Вашей болезни. Хотел просить Вас посмотреть Ек. Мих. Манасеину, которая экзаменуется теперь в Александринке (выпуск учеников Долинова). Я видел первый спектакль («Грех да беда»); будет Манасеина драматической актрисой; в технике я, конечно, не судья, но то, что от нее исходит, мне кажется подлинным: благородное и «необщее выражение». ³ Слушая голос, я думал, что он может стать когда-нибудь легендарным (как стал голос Комиссаржевской, совершенно непохожий, говорящий о другом).

Желаю Вам скорее поправиться. Любовь Дмитриевна просит Вам поклониться.

Преданный Вам сердечно *Александр Блок.*

194. А. А. АХМАТОВОЙ

14 марта 1916. *(Петроград.)*

Многоуважаемая Анна Андреевна.

Хоть мне и очень плохо, ибо я окружен болезнями и заботами, все-таки, мне приятно Вам ответить на посылку Вашей поэмы. ¹ Во-первых, поэму ужасно хвалили разные люди и по разным причинам, хвалили так, что я вовсе перестал в нее верить. Во-вторых, много я видел сборников стихов, авторов «известных» и «неизвестных»; всегда почти — посмотришь, видишь, что, должно быть, очень хорошо пишут, а мне все не нужно, скучно, так что начинаешь думать, что стихов вообще больше писать не надо; следующая стадия — что я стихов не люблю; следующая — что стихи вообще — занятие праздное; дальше — начинаешь уже всем об этом говорить громко. Не знаю, испытали ли Вы такие чувства; если да, — то знаете, сколько во всем этом большого, лишнего груза.

Прочтя вашу поэму, я опять почувствовал, что стихи я, все равно, люблю, что они — не пустяк, и много такого — отрадного, *свежего*, как сама поэма. Все это — несмотря на то, что я никогда не перейду через Ваши

«вовсе не знала», «у самого моря», «самый нежный, самый кроткий» (в «Четках»), постоянные «совсем» (это вообще не Ваше, общеженское, всем женщинам этого не прощу). Тоже и «сюжет»: не надо мертвого жениха, не надо кукол, не надо «экзотики», не надо уравниний с десятью неизвестными; надо еще жестче, неприглядней, больнее. — Но все это — пустяки, поэма настоящая, и Вы — настоящая. Будьте здоровы, надо лечиться.

Преданный Вам Ал. Блок.

195. О. А. КАУФМАН

14 апреля 1916. <Петроград.>

Вообще, деление на поколения условно. Есть люди, в которых сразу — как бы десять поколений, а то и того нет.

(И только с этой оговоркой я могу сказать Вам): да, и на Ваших лицах Вашего поколения, я вижу «кровавый отсвет» и «роковую пустоту» за ним.¹

<...> Не называйте поэтов пророками, потому что этим Вы обесцените великое слово. Достаточно называть их тем, что они есть, — поэтами.

Поэзия имеет свою правду, как и свой язык.

Лгал я или нет — судить не мне, но я знаю, что я никогда не хотел лгать, в том числе тогда, когда говорил о масках, разумея под маской не то, что под нею видит вульгарный взгляд.²

Мне кажется, что Вы хотели спросить не совсем о том, так что и отвечаю Вам не так, как Вы бы хотели. Спросить всегда трудно о таком сложном. Даже — неизвестно, о чем спросить.

Все-таки, я думаю, хорошо, что Вас тревожит то, о чем Вы, пусть и неумело, спрашиваете.

Стихи пришлите. Если я найду в них что-нибудь, — отвечу, а если нет, — не стоит писать. Только пишите поразборчивее, потому что в Вашем почерке пропадают концы слов и короткие слова.

Александр Блок.

24 мая 1916. <Петроград.>

Итак, до осени, многоуважаемый Василий Васильевич. Все, что Вы пишете о Добужинском и Василенко, меня радует. Кажется, это — все, чего можно желать, и лучшего не придумать. Чем больше участия в деле примет Мстислав Валерианович, тем приятнее будет.¹

Будьте здоровы, позвольте пожелать Вам приятного и отдохновительного лета.

Жму Вашу руку.

Ал. Блок.

197. О. В. ГЗОВСКОЙ

26 мая 1916. Петербург.

Ольга Владимировна, приехать мне весной не судьба; так и Лужской написал. Значит — до осени.

Вчера, идя по улице, вдруг вижу: «Мара Крамская». Я зашел. Жарко очень, смотрел только 3-ю и 4-ю картины; экран плохой, куски ленты, вероятно, вырезаны. Вижу Вас и на лошади и в шарабане, и все — что-то не то; думаю — не буду писать Вам об этом; какая-то неуверенность, напряженность, нарочитость: играет Ольга Владимировна, но не вся, а в каждом отрывке играет только часть ее, другие — молчат. Есть и кинематографическая неопытность. Только — местами — все та же *мера*, умеренность выражений чувств и оттого — *свое*, свои оттенки. Кончается чтение письма (прекрасная *мера* — только брови и шаг вперед мимо стола). И вдруг — эпилог в «притоне».¹ Тут я вспомнил мгновенно слова Константина Сергеевича о том, что «шалость» и есть в Вас настоящее.² Вспомнил и «аристократку», разговаривающую со знакомым молодым человеком о Художественном театре. Глубоко мудро сказать, что Вы — «характерная» актриса в лучшем смысле, т. е. в том смысле, что «характерность» есть как бы почва, земля, что-то душистое. Не знаю, так ли я сейчас скажу: «жизнь» (что-то случившееся) — «собрала», сделала «англичанкой»,³ «суховатой»

(Вы — утром на репетиции; Вы в большом обществе на экране); стоит «расшалиться» — и все по-другому («о, художница», замечая я от себя, перескакивая через несколько мыслей, может быть невнятно даже: «Вы сами не знаете, какую трагедию переживаете: все ту же, нашу общую, художническую: *играете!*.. говоря о жизни!»).*

В притоне: это припухшее лицо, эти несмотрящие глаза, опустившиеся, жалкие веки; какая-то циничная фраза, грубо брошенная в сторону; как бросилась и заслонила, как упала на стол. Вот — почти совершенное создание *искусства*. Выдают руки до локтя (надо было замазать).⁴

«Расшалитесь», придайте Изоре несколько «просто-народных» черт; и все найдете тогда; найдете все испанские скачки из одного чувства в другое, все, что, в конце концов, психологией заполнить мудрено и скучно. И выйдет — земная, страстная, смуглая. Недаром же и образ Мары в притоне и даже простую шалость — имитацию аристократки — можно углубить до бесконечности; такую богатую пищу воображению даете Вы несколькими незначащими штрихами!

Целую Вашу руку.

Преданный Вам *Ал. Блок*.

198. МАТЕРИ

16 июня 1916. <Петроград.>

Мама, я не боюсь Поликсены Сергеевны, а не еду потому, что надеюсь (может быть, и тщетно) еще что-нибудь написать. Глухое лето без особых беспокойств в городе, где перед глазами пестрит, но ничего по-настоящему не принимаешь к сердцу, — кажется, единственное условие, при котором я могу по-настоящему работать (так было когда-то с «Вольными мыслями», потом — с «Розой и Крестом», теперь — с поэмой). Мне очень печально и неудобно, что это так, но для измене-

* Понять ничего нельзя? Объясню когда-нибудь лучше!

ния этих условий надо ждать старости (должно быть, ждать больше нечего). Между прочим, у меня на виске есть наконец седой волос; он уже, кажется, год или больше, но Люба признала его только теперь. Однако мне все еще можно сказать, как Дон-Карлос сказал Лауре: «Ты молода, и будешь молода еще лет пять, иль шесть...»¹

Любовь Александровна уедет, вероятно, завтра.

Я достал первый том того «Добротолубия», «Φιλοκαλία» — Любовь к прекрасному (высокому), о котором говорила О. Форш.² Это, собственно, сокращенная патрология — сочинения разных отцов церкви, подвижников и монахов (пять огромных томов). Переводы с греческого, не всегда удовлетворительные, «дополненные» попами, уснащенные церковнославянскими текстами из книг св. писания Ветхого и Нового завета (неизменно неубедительными для меня). Все это — отрицательные стороны. Тем не менее в сочинениях монаха Евагрия (IV века), которые я прочел, есть «гениальные вещи» (выражаясь <...> неумеренно).³ Он был человеком очень страстным, и православные переводчики, как ни старались, не могли уничтожить того действительного реализма, который роднит его, например, со Стриндбергом. Таковы главным образом главы о борьбе с бесами — очень простые и полезные наблюдения, часто известные, разумеется, и художникам — того типа, к которому принадлежу и я. Выводы его часто неожиданны и (именно по-художнически) — скромны; таких человеческих выводов я никогда не встречал у «святых», натерпевшись достаточно от жестокости и бешеной новозаветной «метафизики»,* которая людей полнокровных (вроде нас с тобой) запугивает и отвращает от себя.

Мне лично занятно, что отношение Евагрия к демонам точно таково же, каково мое — к двойникам, например, в статье о символизме.

Вечный монашеский прием, как известно, — толковать тексты Св. писания, опираясь на свой личный опыт. У меня очень странное впечатление от этого: тексты все до одного остаются мертвыми, а опыт — живой.

* В смысле «сверхъестественности» — наперекор естеству.

Новых слухов о призыве у меня не было. Прочти кавалерийскую атаку в «Русском слове» — очень интересно (5 июня) и пришли (мы брали здесь у соседей). Господь с тобой.

Саши.

Аннушка все еще у нас, по вечерам уходит. Пушок веселый, служит, вчера вымыт (блохи).

199. МАТЕРИ

21 августа 1916. Колбы.

Мама, сегодня я получил первые письма — от тебя, от Любы и от Кузьминой-Караваевой. Твое письмо очень расстроенное. Мне захотелось домой. Вообще же я мало думаю, устаю за день, работаю довольно много. Через день во всякую погоду выезжаю верхом на работы — в окопы в поле и на рубку кольев в лес. Возвращаюсь только к 1 часу, к обеду. Потом кое-что пишу в конторе, к вечеру собираются разные сведения, ловятся сбежавшие рабочие, опрашиваются десятники и проч.

Сегодня воскресенье, дела, в сущности, нет, поэтому день проходит тихо. Я проснулся в 7-м часу, так как рядом уже копошился начальник отряда. Он — одинокий человек моих лет, семья и имущество остались в Вильне. Он страшно нервный, довольно суетливый, скучает и ищет все время дела, а когда дела нет, старается придумать. Проснувшись, я стал вместе с ним ругать «дачников» (так он называет наш «штаб»), который не присылает нам вовремя мяса, хлеба и т. д. Это его любимая тема. Потом умылись на крылечке, потом пошли в обоз, разбудив заведующего обозом (ему лет 14 по наружности и по развитию, и разбудить его трудно, между тем он должен вставать раньше всех, чтобы распределять подводы). Потом пришли и пили чай, потом я удрал с письмами, потом сидели в конторе и составляли табель. После обеда легли спать, но начальник пришел и стал опять ругать штаб и говорить о политике. Ему, бедному, страшно скучно. Я опять удрал. Заведующий хозяйством сегодня ночью застревал в болоте, потому крепко спит; Идельсон собирается

в отпуск, Егоров — в штабе; начальник живет один на фольварке и хочет переманить кого-нибудь из нас к себе, но мы все упираемся, потому что устроились очень уютно. В избе три комнаты, блохи выведены. В одной спят Попов, Идельсон и Глинка, в другой — Игнатов, Егоров и я, в третьей (кухне) — хозяин или хозяйка и котенок, на чердаке — две милостивые девицы (загнаны нами на чердак), на дворе — стадо гусей, огромная свинья и поросенок. Днем приходит повар и мальчишка Эдуард, повар готовит очень вкусно и довольно разнообразно, обедаем все вместе. Последнее лицо — техник, который скоро уйдет. В сущности, он страшно вредное животное, но для нас большей частью элемент увеселительный, а мне в нем даже многое нравится (мы с ним, между прочим, устраивали скачки на лошадях, он чувствует природу, хотя глуп и очень циничен). Интересы наши — кушательные и лошадиные (кроме деловых), и живем мы все очень дружно. Я надеюсь, что тебя застанет в Петербурге десятник Ащеулов, уморительный старик, хотя он может и приврать. Иногда встречаемся мы тут с офицерами и саперами, иногда — со служащими в других отрядах. По обыкновению — возникают разные «трения». Полдеревни заселено нашими 300-ми рабочими — туркестанцы, уфимцы, рязанцы, сахалинцы с каторги, москвичи (всех хуже и всех нахальнее), петербургские, русины. С утра выясняется, сколько куда пошло, кто просится к доктору, кому что выдать из кладовой, кто в бегах. Утром выезжаешь верст за пять, по дороге происходит кавалерийское ученье — два эскадрона рубят кусты, скачут через препятствия и пр. Раз прошла артиллерия. Аэроплан кружится иногда над полем, желтеет, вокруг него — шрапнельные дымки, очень красиво. За лесом пулеметы щелкают. По всем дорогам ездят дозоры, вестовые, патрули, во всех деревнях и фольварках стоят войска. С поля виднеется Пинск, вроде града Китежа — приподнятый над туманом — белый собор, красный костел, а посередине — поменьше — семинария. Один день — жара, так что не просыхаешь ни на минуту, особенно верхом. Другой день — сильная гроза, потом холодно, потом моросит. Очень крупные звезды. Большая Медведица довольно низко над горизонтом, направо — Юпитер. Описать все это — выходит похоже на любую газетную корреспонденцию, так что, в сущ-

ности, нельзя описать, в чем дело. На реке рядом работает землечерпалка, наш штаб хочет заводить катер для доставки нам припасов в распутицу. Телефон обыкновенно испорчен (вероятно, мальчишки на нем качаются). Начальник страшно ругается и очень много говорит о коменданте, расстрелах, повешенье, каторге, порке и пр. К счастью (а иногда, может быть, и напрасно), не исполняет.

К вечеру, когда начинается разговор о том, сколько кто выбросил кубов, сколько вырыто ячеек и траверсов, отчего саперы замедляют с трассировкой и пр., все уже очень хотят спать, даже и начальник иногда; вообще же он может в любую минуту ночи писать пропуск или ругать дачников. Комитеты, поставляющие нам рабочих, насылают сифилитиков, безруких, больных, так что иногда приходится немедленно отсылать их обратно.

28 августа.

Сегодня опять воскресенье, время прошло довольно незаметно, за это время произошло много домашних событий (не настоящих). Рабочих прибавилось, пришла большая партия сартов, армян и татар, в пестрых костюмах; они живут отдельно, у них своя кухня, и они во всем резко отличаются от русских — не в пользу последних (стройные, чистые, спокойные, красивые, великолепно работают). — Сегодня пришла опять большая партия, к сожалению, из Москвы. Теперь у нас уже больше 400 человек.

Я ездил с визитом к военным (саперам) с начальником отряда, приезжал начальник дружины с женой, было много лошадиных, аэропланых, телефонных, кухонных и окопных интересов. На работах мы с Глинкой каждый день проводим все утро. Мы строим очень длинную позицию, в несколько верст длины, несколько линий, одновременно роем новые окопы, чиним старые, заколачиваем колья, натягиваем проволоку, расчищаем обстрел, ведем ходы сообщения — в поле, в лесу, на болоте, на вырубках, вдоль деревень. Вероятно, будем и обшивать деревом, и пр. Впереди висит наблюдатель, иногда с работ видны далеко впереди разрывы снарядов, аэропланы обстреливаются тщетно, как почти всегда. Движения вообще почти нет. Мы

живем дружно, очень много хохочем. Сегодня я большей частью сплю, потому что ложусь в 12, а встаю в 6 часов всю неделю. Стоит бабье лето, прохладные безоблачные дни, паутина, желтого еще почти нет. Ближайшие леса почти все из черной ольхи, почва — песок и торф.

Не знаю, когда пошлю тебе это письмо, пошлю когда-нибудь с оказией. От тебя и Любы получил старые письма от начала августа.

Понемногу у нас становится много общего; конфеты и папиросы, которые мы покупаем в лавках в более или менее далеких деревнях, сапожные щетки и ваксы; иногда — кровати, мыло. Я ко всему этому привык, и мне это даже нравится, я могу заснуть, когда рядом разговаривают громко 5 человек, могу не умываться, долго быть без чая, скакать утром в карьер, писать пропуски рабочим, едва встав с кровати. Походная кровать очень удобная вещь.

Я получил еще письма — от Жени, от Кузьминой-Караваевой и от Вас. Гиппиуса.

4 сентября.

Опять воскресенье, все уехали, единственный день, когда я могу сколько-нибудь отвлечься от отряда и написать письмо. Тебе его передаст на днях Конст. Алексеев. Глинка, очень милый, смелый и честный мальчик (табельщик), потомок композитора. Положение усложняется — все мы начинаем скверно относиться к начальнику. Глинка, я думаю, расскажет что-нибудь об этом, я не хочу писать, и так целые дни об этом разговариваем.

Если хочешь, пришли чего-нибудь вкусного вместе с Любой — немного, чтобы Глинке было не тяжело везти — для всех нас.

Как твоё здоровье, я часто думаю о нем. У меня давно нет известий, мы живем в глуши. Позиция, которую мы роем и обшиваем, интересная, многоверстная, рабочих уже 500 с лишком. Детям после войны будет интересно играть в пулеметных гнездах.

Прилагаю письма к Любе и к Любови Александровне.

Я озверел, полдня с лошастью по лесам, полям и болотам разъезжаю, почти неумытый; потом — выпиваем

самовары чаю, ругаем начальство, дремлем или засыпаем, строчим в конторе, иногда на завалинке сидим и смотрим на свиней и гусей. Во всем этом много хорошего, но, когда это прекратится, все покажется сном. Со вчерашнего дня в нашем распоряжении 5 казаков (для порядка). Видимся с саперами, иногда приезжают из штаба. Сегодня к вечеру я жду с нетерпением Егорова и Идельсона, они поехали в штаб и, я надеюсь, подложат свинью технику Брицу, о котором тоже может рассказать Глинка.

Я подумываю об отпуске, но весьма неопределенно, не думаю, чтобы это случилось скоро.

Передай Глинке письмо от себя, от Любы и от Любовеи Александровны, если она захочет написать. Господь с тобой.

Саша.

200. Л. Н. АНДРЕЕВУ

29 октября 1916. <Петроград.>

Дорогой Леонид Николаевич.

Все время я обдумывал, как ответить Вам по существу; когда же между нами (по телефону) втесался какой-то газетный и «деловой» голос, я ответил этому голосу сухо и холодно, как не хочу отвечать Вам.¹

Все мои близкие горячо убеждают меня не участвовать в газете, приводят факты и аргументы, которым я не могу не верить. Сам я был совершенно не в курсе дела, газет на фронте почти не видел и о газетной полемике, связанной с новым делом, не знал.

Если бы я захотел участвовать в газете, мне было бы нечего Вам дать: все словесное во мне молчит; полдня я провожу верхом на лошади, сплю на походной кровати, почти не умываюсь; что дальше будет, не знаю, а пока это было только хорошо: проще и яснее; если бы все это описать, вышло бы донельзя обыкновенно и скучно; обычная газетная статья с подписью: «действующая армия»; стихи тоже никак не выходят; вся суть — в новом ряде снов, в которые погружаешься. Может быть, что-нибудь и выйдет из этого, когда

пройдут годы: из нежной любви к лошади и стыда перед рабочими, которыми я ведаю; среди них много несомненного хамья и природной сволочи, но стыдно до тошноты, и чего — сам плохо знаешь: кажется, того, что, все равно, «ничего не поделаешь» (не вылечишь, не обуешь).

Вероятно, пройдя назначенный путь разочарования, боли и гнева, Вы уйдете из газеты; кроме всего, Вы совсем не для газет. — Как тяжело здесь в городе этой зимой; я в полторы недели успел изнежиться и запутаться; там теперь лучше; хоть все это говорят, это не слова.

Ваш Александр Блок.

201. МАТЕРИ

19 марта. Вечером. 1917. <Петроград.>

Мама, сегодня приехал я в Петербург днем, нашел здесь одну тетю,¹ завтракали с ней и обедали, рассказывали друг другу разные свои впечатления. Я довольно туп, плохо все воспринимаю, потому что жил долго бессмысленной жизнью, без всяких мыслей, почти растительной. Здесь сегодня яркое солнце и тает. Отдохну несколько дней и присмотрюсь. Несмотря на тупость, все происшедшее меня радует. — Произошло то, чего никто еще оценить не может, ибо таких масштабов история еще не знала. Не произойти не могло, случиться могло только в России.

Минуты, разумеется, очень опасные, но опасность, если она и предстоит, *освещена*, чего очень давно не было, на нашей жизни, пожалуй, ни разу. Все бесчисленные опасности, которые вставали перед нами, терялись в демоническом мраке. Для меня мыслима и приемлема будущая Россия, как великая демократия (не непременно новая Америка).² Все мои пока немногочисленные дорожные впечатления от нового строя — самые лучшие, думаю, что все мы скоро привыкнем к тому, что чуть-чуть «шокирует».

Впрочем, я еще думаю плохо. Я очень здоров, чрезвычайно укреплен верховой ездой, воздухом и воздержанием, так что не могу еще ясно видеть сквозь собственную невольную сытость (это мой способ применяться к среде).

Думаю съездить к тебе; вообще, могу пользоваться отпуском месяц. Очень жду приезда Любы, которая не пишет ни тете, ни мне.

Господь с тобой.

Саша.

20 марта.

Сейчас встал, чувствую только, что приятно быть во всем чистом.

202. МАТЕРИ

23 марта 1917. <Петроград.>

Мама, три дня я просидел, не видя никого, кроме тети, сознавая исключительно свою вымытость в ванне и сильно развившуюся мускульную систему. Бродил по улицам, смотрел на единственное в мире и в истории зрелище, на веселых и подобревших людей, кишачих на нечищенных улицах без надзора. Необычайное сознание того, что все можно, грозное, захватывающее дух и страшно веселое. Может случиться очень многое, минута для страны, для государства, для всяких «собственностей» — опасная, но все побеждается тем сознанием, что произошло чудо и, следовательно, будут еще чудеса. Никогда никто из нас не мог думать, что будет свидетелем таких простых чудес, совершающихся ежедневно.

Ничего не страшно, бояться здесь только кухарки. Казалось бы, можно всего бояться, но ничего страшного нет, необыкновенно величественна вольность, военные автомобили с красными флагами, солдатские шинели с красными бантами. Зимний Дворец с красным флагом на крыше. Выгорели дотла Литовский замок и Окружной суд, бросается в глаза вся красота их фасадов, вылизанных огнем, вся мерзость, безобразившая их внутри, выгорела. Ходишь по городу, как во сне. Дума вся занесена снегом, перед ней извозчики, солдаты, автомобиль с военным шофером провез какую-то старуху с костылями (полагаю, Вырубову — в крепость). Вчера я забрел к Мережковским, которые приняли меня очень хорошо и ласково, так что я почувствовал себя человеком (а не парием, как привык чувствовать себя на фронте). Обедал у них, они мне рассказали многое, так что картина переворота для меня более или менее ясна: нечто сверхъестественное, восхитительное.

Билеты на ж. д. разобраны надолго, так что выехать к тебе трудно. Пока я жду Любу, которая, вероятно,

сейчас у тебя, и все вопросы оставляю открытыми, потому что решительно не знаю, что делать с собой. Отпуск у меня до субботы Фоминой (на законном основании), но я бы охотно не возвращался в дружину, если бы нашел здесь подходящее дело. Со вчерашнего дня мои поросшие мохом мозги зашевелились, но придумать я еще ничего не могу, только чувствую, что все можно.

Вчера я получил из дружины твое письмо о Лилиной, и тетя получила. Как это я поеду на Фоминой в Москву — не знаю.¹

Сейчас мне позвонил Идельсон. Оказывается, он через день после меня *совсем* уехал из дружины, получив вызов от Муравьева, и назначен секретарем Верховной Следственной Комиссии.² Будут заседать в Зимнем Дворце. Приглашает меня, не хочу ли я быть одним из редакторов (это значит, сидеть в Зимнем Дворце и быть в курсе всех дел). Подумаю. Сейчас (говорит Идельсон) — вся Литейная и весь Невский запружены народом, матросы играют марш Шопена. Гробы красные, в ту минуту, когда их опускают в могилу на Марсовом поле, производится салют с крепости (путем нажатия электрической кнопки).³

Сейчас пойду на улицу — посмотреть, как расходятся. Господь с тобой.

Саша.

203. МАТЕРИ

2 апреля 1917. Петербург.

Мама, в этом году Пасха проходит так безболезненно, как никогда. Оказывается теперь только, что насилие самодержавия чувствовалось всюду, даже там, где нельзя было предполагать. Ночью вчера я был у Исакиевского собора. Народу было гораздо меньше, чем всегда, порядок очень большой. Всех, кого могли, впустили в церковь, а остальные свободно толпились на площади, не было ни жандармских лошадей, создающих панику, ни тучи великосветских автомобилей, не дающих ходить. Иллюминации почти нигде не было, с крепости был обычный салют, и со всех концов города раздавалась стрельба из ружей и револьверов — стреляли в воздух в знак праздника. Всякий автомо-

биль останавливается теперь на перекрестках и мостах солдатскими пикетами, которые проверяют документы, в чем есть свой революционный шик. Флаги везде только красные, «подонки общества»¹ присмирели всюду, что радует меня даже слишком — до злорадства.

Третьего дня Немирович-Данченко пригласил нас с Добужинским обедать вместе у Донона, но самому ему неожиданно пришлось уехать (из-за трудности попасть на железную дорогу), так что мы с Добужинским очутились у Донона вдвоем. Туда же зашли случайно из Зимнего Дворца Александр Бенуа и Грабарь, и мы очень мило пообедали вчетвером; сзади нас сидел великий князь Николай Михайлович — одиноко за столом (бывший человек: он давно мечтал об участии в революции и был замешан в убийстве Распутина). Подошел к нему молодой паж (тоже «бывший», а ныне — «воспитанник школы для сирот павших воинов»). На довольно обыкновенный обед (прежде так было в среднем ресторане) мы истратили по 12 рублей. А у нас в квартире хорошее пасхальное кушанье.

Мне звонила на днях Поликсена Сергеевна. Катя совсем больна от ухаживаний за отцом, который теперь находится в лечебнице на Песках, а Наталья Ивановна, тоже больная, ездит к нему каждый день.

Еще звонили мне Зоргенфрей и Ал. Н. Чеботаревская, которую я увижу завтра у Ремизовых.

Сегодня утром приходил Мейерхольд. Кинематографическая фирма просит «Розу и Крест» (после Художественного театра), надо не продешевить.

Все, с кем говоришь и видишься, по-разному озабочены событиями, так что воспринимаю их безоблачно только я один, вышвырнутый из жизни войной. Когда приглядишься, вероятно, над многим придется призадуматься. Впрочем, события еще далеко не развернулись, что чувствуют более или менее все.

Я забыл написать, что у меня на столе лежит давно письмо Ремизова, где сказано: «Я очень благодарен Александре Андреевне: единственный человек принял участие в моей ратной судьбе. Освобожден я по статье...» таким-то.

Вчера пришла телеграмма от Франца тете — он беспокоится о тебе. Мы послали ему успокоительную телеграмму.

Сегодня яркий весенний день. У меня стоит корзина мелких красных роз от Любви Александровны.

Эти дни я много ходил по книжным магазинам, так как мне поручено купить книг для рабочих.

Люба много спит, отдыхает, иногда бывает грустная.

Господь с тобой.

Саши.

Сейчас принесли мне большую корзину ландышей — неизвестно откуда.

204. Л. И. КАТОНИНУ

19 апреля 1917. Петербург.

Многоуважаемый Леонид Иванович.

Будучи в санатории у матери, я показался доктору, который нашел у меня нейрастению; вот почему я обманул Вас и не приехал в субботу на Фоминой. Признаюсь Вам, что моя малая полезность дружине часто тяготит меня, но я попал в какой-то нравственный тупик, откуда трудно найти выход. На днях надеюсь послать Вам еще две книги — вместе с последней партией книг для рабочих, адресованной А. Я. Вакману. Не знаю, видели ли Вы книги, я старался подбирать их разнообразно и советовался с опытными людьми.

Передайте, пожалуйста, А. А. Надеждину, что, будучи в Москве, куда вызвал меня Художественный театр, я дважды пытался застать Конкордию Ивановну, но ее не было дома — раз в 4 часа, а другой — в 6 часов.

Жизнь кругом совершенно необычайная, трудная, грозная и блистательная. Вчера в день Интернационала город представлял зрелище, какого мы никогда не видели: Невский запружен людьми, лошадями и повозок нет, точно Венеция. При всем том тишина и порядок, благодаря отсутствию полиции. «Буржуа» только и делают, что боятся: то хулиганов, то немцев, то Ленина, то анархии. В те редкие минуты, когда меня отпускает отупение, я мог бы с уверенностью сказать, что может произойти (и произойдет) еще многое, но все *не страшно*, а это «не страшно» как-то осмысливает пестроту со-

бытий, идет красной нитью сквозь всю кажущуюся их несвязность (между прочим, об этом «не страшно» теперь думает и Горький).

Преданный Вам Ал. Блок.

205. Л. Д. БЛОК

14 мая 1917. <Петроград.>

Вчера я получил твое, милая, письмо. Все это прекрасно, что ты пишешь о своей жизни там, и то, что ты не проснулась, и то, что ты утром ходишь к Псковскому детинцу, и что обо мне думаешь (я заслужил это — представь себе, я в этом уверен, — несмотря на всю свою жизнь, более мрачную и более дикую, чем твоя). То, что ты пишешь, подтверждает мои вечные мысли о тебе. Но я тоже скажу, — что мне притворяться? Мне страшно недостает тебя, все чаще, несмотря на то, что моя жизнь наполнена до краев (я все еще пишу тебе об этом, кажется, 5-ый или 6-ой раз). Иногда как тебя не хватает, трудно сказать, например, сейчас; у меня есть тихий час, посидеть бы с тобой. Завтра опять будет очень ответственный день, я буду и во дворце и в крепости. Я вижу и слышу теперь то, чего почти никто не видит и не слышит, что немногим приходится наблюдать раз в сто лет.¹ Я надеюсь пока удержаться здесь, хотя меня опять треплют (скучно описывать возникшую обо мне переписку).² У меня очень напряжены мозг и нервы, дело мое страшно интересно, но оно, действительно, трудное и берет много времени и *все* силы. Жить так внешним образом (в смысле прислуги и пр.) я тоже мог бы здесь без тебя (не скрываю), хотя кое в чем иногда хотел бы помощи (но в пустяках, право, просто — иногда времени не хватает на пустяки). Но время такое, положение такое, что не знаешь, что завтра будет; все насыщено электричеством, и сам насыщен, и надо иногда, чтобы был рядом такой, которому веришь и которого любишь. Все это я о себе (по обыкновению, но мне суждено постоянно исходить из себя, это — натура и входит в мой план), но я все жду, чтобы совпало; и жду этого я, никогда не ошибавшийся.

Господь с тобой.

А.

Говоря «деловито»: Л. Я. Гуревич здесь и делает то же, что я, рано или поздно мы с ней встретимся. Кажется, и Гайдебуров тут (?). А провинциальная антреприза летом в России 1917 года — что такое?

Все твои письма «вскрыты военной цензурой». С вещами твоими — без движения. Маню я посылаю иногда и прошу ее исполнять некоторые поручения.

206. Л. Д. БЛОК

28 мая 1917. *⟨Петроград.⟩*

Моя маленькая Бу, прежде всего — о вещах. Я дал Мане 100 р., в прошлый раз дал ей на дорогу 20 р., спроси с нее и возьми себе, что останется.

Я не склонен особенно оспаривать то, что ты пишешь.¹ Могу сказать только одно: если это действительно правда (а в этом много правды, но есть и другие), это только усугубляет трагедию России. Есть своя страшная правда и в том, что теперь носит название «большевизма». Если бы ты видела и знала то, что я знаю, ты бы отнеслась все-таки иначе; твоя точка зрения — несколько обывательская, надо подняться выше.

Мне на днях или через некоторый промежуток времени надо идти в войска (если ты читала приказ Керенского). Я еще никаких решений не принял и не вижу ясно, а много работаю. Вчера обошел я 18 камер. Когда мозги от напряжения чуть не лопаются (кроме того, что нужно держаться определенной умственной позиции, надо еще напрягать внимание, чтобы не упустить чего-нибудь из виденного и слышанного), тогда легче, а когда отойдешь, очень не по себе: страшно одиноко, никому ничего не скажешь и не с кем посоветоваться. Не знаю, как дальше все будет, не вижу вперед.

А.

19 июня 1917. <Петроград.>

Мама, ты мне прислала очень милые «кадетские» стишки (к m-lle Лурье); но меня ужасно беспокоит все кадетское и многое еврейское, беспокоит благополучием, неумением и нежеланием радикально перестроить строй души и головы. Здесь, у сердца Революции, это, конечно, особенно заметно: вечные слухи и вечная паника (у кадетов она выражается в умной иронии, а у домовладельцев и мелких мещан, вроде прислуги, чиновников и пр., — в отъездах на дачу, запираании подъездов и пр., но, по существу; разницы нет). На деле — *город все время находится в состоянии такого образцового порядка, в каком никогда не был* (мелкие беспорядки только подчеркивают общий порядок), и охраняется ежечасно *всем* революционным народом, как никогда не охранялся.¹ Этот факт — сам по себе — приводит меня иногда просто в страшное волнение, вселяет особый род беспокойства; я чувствую страшное одиночество, потому что ни один интеллигентный человек — умнее ли он или глупее меня — не может этого понять (по крайней мере я встречаюсь с такими). Кроме того, я несколько не удивлюсь, если (хотя и не очень скоро) народ, умный, спокойный и понимающий то, чего интеллигенции не понять (а именно — с *социалистической* психологией, совершенно, диаметрально другой), начнет так же спокойно и величаво вещать и грабить интеллигентов (для водворения порядка, для того чтобы очистить от мусора мозг страны).

Я это пишу под впечатлением дворца, в котором (в противоположность крепости) я ненавижу бывать — это царство беспорядка, сплетен, каверз, растерях.

За эти дни я был на Съезде Советов С. и Р. Д.,² в пленарном заседании, где Муравьев делал доклад о положении нашей работы. Перед этим говорил американец — представитель Конфедерации труда; он долго «поучал» собрание, которое сохраняло полное величие, свойственное русским (смеялись тихо, скучали не слишком заметно, для приличия аплодировали). Американец обещал всякую помощь, только бы мы воевали и учились; Чхеидзе, отвечая на это «приветствие», сказал коротко и с железным добродушием: «Вы вот помогите нам главное поскорее войну ликви-

дировать». Тут уж аплодисменты были не американские. Я думал, слушая: давно у них революции не было. Речь Муравьева, большую и довольно сухую, приняла очень хорошо — внимательно и сочувственно.

На другой день допрашивали в крепости беднягу Виссарионова и Протопопова, которого надо было развлечь (он изнервничался, запустил в поручика чайником, бился в стену головой и пр., — ужасный неврастеник). Развлекли немножко. Было очень душно, и грозы. Я работаю очень много. Господь с тобой.

Саша.

208. Л. Д. БЛОК

21 июня 1917. (Петроград.)

Милая, сейчас пришло твое письмо от 15-го, вскрытое. Работаю я много, бывают дни интересные, бывают просто трудные, пустых почти не бывает. Вообще, за это время моей жизни будет что вспомнить, хотя я очень устаю временами и чувствую, как меняюсь, старею, что ли, и государство затягивает меня в машину.

У меня лежат для тебя два журнала и еще книжечка в подарок.

Нового личного ничего нет, а если б оно и было, его невозможно было бы почувствовать, потому что содержанием всей жизни становится всемирная Революция, во главе которой стоит Россия. Мы так молоды, что в несколько месяцев можем совершенно поправиться от 300-летней болезни. Наша Демократия в эту минуту действительно «опоясана бурей»¹ и обладает непреклонной волей, что можно видеть и в крупном и в мелком каждый день. Я был на Съезде Советов Солдатских и Рабочих Депутатов² и вообще вижу много будущего, хотя и погружен в работу над прошлым — бесследно прошедшим.

Все это — только обобщения, сводка бесконечных мыслей и впечатлений, которые каждый день трутся и шлифуются о другие мысли и впечатления, увы, часто противоположные моим, что заставляет постоянно злиться, сдерживаться, нервничать, иногда — просто ненавидеть «интеллигенцию». Если «мозг страны» будет продолжать питаться все теми же ирониями, рабскими страхами, рабским опытом усталых наций, то он

и перестанет быть мозгом, и его вышвырнут — скоро, жестоко и величаво, как делается все, что действительно делается теперь. Какое мы имеем право бояться своего великого, умного и доброго народа? А могли бы своим опытом, купленным кровью детей, поделиться с этими детьми.

Господь с тобой, милая.

А.

209. П. Б. СТРУВЕ

(30 июля 1917. Петроград.)

Глубокоуважаемый Петр Бернгардович.

Тщательно взвесив для себя Ваше предложение вступить в число членов Лиги Русской Культуры, я пришел к заключению, что только одно обстоятельство могло бы служить для меня препятствием: это обстоятельство выражается и конкретно и символически в отсутствии среди учредителей имени Горького, или говоря еще более и острее: *есть* М. В. Родзянко и *нет* Горького. Понимая всю фактическую невозможность совмещения, принимая во внимание всю полемику июльских дней,¹ не принадлежа ни к какой партии, я, тем не менее, воспринимаю это болезненно и остро, имею потребность сказать, что нужно изыскать какие-то чрезвычайные средства для обретения Горького, хотя бы для того, чтобы его имя прошло через «Лигу Русской Культуры» (по-человечески, что ли, как это делается, избрать «почетным членом», а потом — пусть отказывается и ругается). Ведь первоначально нужно, чтобы родился звук, который потом может оформиться, облечься в плоть «слова» или «дела», или не оформиться — остаться звуком и отлететь; но дело в том, что всякий скажет, что в истории русской культуры имя автора «Исповеди» и «Детства» знаменательнее, чем имя Председателя IV Думы, что бы ни произошло.

Знаю, что эта боль — не только моя, личная, и что она выразилась, например, еще на днях в письме С. Ф. Ольденбурга, одного из учредителей Лиги; и потому, зная это, я с благодарностью принимаю Ваше приглашение и прошу Вас передать мою глубокую благодарность Временному Комитету Лиги.

Что касается вопроса об участии моем в первом публичном собрании, то я хочу этого, думаю об этом серьезно и буду думать, но боюсь, что, кроме моих постоянных занятий (я редактирую стенографические отчеты Чрезвычайной Следственной Комиссии), у меня могут теперь как раз явиться еще более спешные и ответственные (в той же Комиссии); так что (в этом случае и при том разъединении, которое существует в моей собственной душе) я не сумею ничего обдумать и написать без ущерба для служебной работы.

Искренно преданный Вам *Ал. Блок.*

210. МАТЕРИ

4 августа 1917. <Петроград.>

Мама, по твоему последнему письму я вижу, что твое беспокойство все больше питается шахматовской глушью. Тем не менее, хотя я очень понимаю это, я считаю, что теперь тебе надо еще там остаться некоторое время, что это будет, в общем, полезнее. Теперь здесь уже, так сказать, «неинтересно», в смысле революции. Россия опять вступила в свою трагическую (с вечной водевильной примесью) полосу, все тащат «тягостный ярем». ¹ Другими словами, так тошно, что даже не хочется говорить. Спасает только работа, спасает тем, что, организуя, утомляет, утомляя, организует. Люба и работа — больше я ничего сейчас не вижу.

Третьего дня допрашивали Гучкова. Трудно быть мрачнее его и говорить мрачнее. Вчера я приступил к работе для отчета, весь день делал подготовку. Сегодня пошел на допрос Милюкова, но слышал только его первые фразы, потому что очень торопился: председатель поручил мне сделать спешно, к завтрашнему дню, большую редакционную работу (для Керенского; я уже ее сейчас сделал).

Прилагаю деловые записки о тетиной квартире. Могу прибавить, что я уже читаю «Русскую волю»; да и вообще — «рожденный ползать летать не может»! ²

Купаюсь все-таки. Завтра надеюсь, после еще одного заседания, вырваться купаться. Господь с тобой.

Саша.

211. АНДРЕЮ БЕЛОМУ

27 марта <9 апреля> 1918. <Петроград.>

Милый Боря.

Твое письмо очень поддержало меня, и Твое предостережение я очень оценил.¹ Было (в январе и феврале) такое напряжение, что я начинал слышать сильный шум внутри и кругом себя и ощущать частую физическую дрожь. Для себя назвал это Erdgeist'ом*². Потом (ко времени Твоего письма) наступил упадок сил, и только вот теперь становится как будто легче. А то — было очень трудно: растерянность, при которой всякий может уловить.

В Москву не еду, откладываю, отчасти из-за разных дел, но, главное, от не прошедшей еще усталости.

Мне бы хотелось, чтобы Ты (и все Вы) не пугался «Двенадцати»; не потому, чтобы там не было чего-нибудь «соблазнительного» (может быть, и есть), а потому, что мы слишком давно знаем друг друга; а мне показалось, что Ты «испугался», как 11 лет назад — «Снежной маски» (тоже — январь и снег).³ Хочу, чтобы письмо передал Тебе Разумник Васильевич, с которым мне часто бывает хорошо и «особенно» (уютно и тревожно вместе).

Крепко Тебя целую.

Твой Ал. Блок.

212. Ю. П. АННЕНКОВУ

12 августа 1918. <Петроград.>

Многоуважаемый Юрий Павлович.

Пишу Вам, по возможности, кратко и деловито, по-

* Духом земли (нем.). — Ред.

тому что Самуил Миронович ждет и завтра должен отправить письмо Вам.

Рисунков к «Двенадцати»¹ я страшно боялся и даже говорить с Вами боялся. Сейчас, насмотревшись на них, хочу сказать Вам, что разные углы, части, художественные мысли — мне невыразимо близки и дороги, а общее — более, чем приемлемо, — т. е., просто, я ничего подобного не ждал, почти Вас не зная.

Для меня лично всего бесспорнее — убитая Катька (большой рисунок) и пес (отдельно — небольшой рисунок). Эти оба в целом доставляют мне большую артистическую радость, и думаю, если бы мы, столь разные и разных поколений, — говорили с Вами сейчас, — мы многое сумели бы друг другу сказать полусловами. Приходится писать, к сожалению, что гораздо менее убедительно.

Писать приходится вот почему: чем более для меня приемлемо все вместе, и чем дороже отдельные части, тем решительнее должен я спорить с двумя вещами, а именно: 1) с Катькой отдельно (с папироской); 2) с Христом.

1) «Катька» — великолепный рисунок сам по себе, наименее оригинальный вообще, думаю, что и наиболее «не ваш». Это — не Катька вовсе: Катька — здоровая, толстомордая, страстная, курносая русская девка: свежая, простая, добрая — здорово ругается, проливает слезы над романами, отчаянно целуется; всему этому не противоречит *изящество* всей середины Вашего большого рисунка (два согнутые пальца руки и окружающее). Хорошо тоже, что крестик выпал (тоже — на большом рисунке). Рот свежий, «масса зубов», чувственный (на маленьком рисунке он — старый). «Эспри» поглубже и понелепей (может быть, без бабочки). «Толстомордость» очень важна (здоровая и чистая, даже — до детскости). Папироски лучше не надо (может быть, она не курит). Я бы сказал, что в маленьком рисунке у Вас неожиданный и нигде больше не повторяющийся неприятный налет «Сатириконства»² (Вам совершенно чуждый).

<2>> О Христе: Он совсем не такой: маленький, согнулся, как пес сзади, аккуратно несет флаг и *уходит*. «Христос с флагом» — это ведь — «и так и не так». Знаете ли Вы (у меня — через всю жизнь), что, когда флаг бьется под ветром (за дождем, или за снегом,

и главное — за ночной темнотой), то *под ним* мыслится кто-то огромный, как-то к нему относящийся (не держит, не несет, а как — не умею сказать). Вообще, это самое трудное, можно только найти, но сказать я не умею, как, может быть, хуже всего сумел сказать и в «Двенадцати» (по существу, однако, не отказываюсь, несмотря на все критики).

Если бы из левого верхнего угла «убийства Катьки» дохнуло густым снегом и сквозь него — Христом, — это была бы *исчерпывающая обложка*.³ Еще так могу сказать.

Теперь еще: у Петьки с ножом хорош *кухонный нож* в руке; но рот опять старый. А на целое я опять — смотрел, смотрел, и вдруг вспомнил: Христос... Дюрера! (т. е., нечто совершенно не относящееся сюда, *постороннее* воспоминание).

Наконец, последнее: мне было бы страшно жалко *уменьшать* рисунки. Нельзя ли, по-Вашему, напротив, увеличить некоторые и издать всю книгу в размерах «убийства Катьки», которое, по-моему, настолько *grand style*, что может быть увеличено еще хоть до размеров плаката, и, все-таки, не потеряет от того. Об увеличении и уменьшении уже Вам судить.

Вот, кажется, все главное по части «критики». Мог бы написать еще страниц десять, но тороплюсь. Крепко жму Вашу руку.

Александр Блок.

213. Н. А. НОЛЛЕ-КОГАН

17 октября 1918. <Петроград.>

Спасибо Вам, Надежда Александровна, и за письмо, и за вести, и за посылки, полученные и предлагаемые. Если поедет в Москву Алянский, попрошу его зайти к Вам, а других стесняюсь просить.

Читая статью Ю. И. Айхенвальда,¹ я почувствовал ту злобу против меня, которая есть в некоторых литературных кругах Москвы, как раз — среди тех, кого Вы часто видите, и с кем я лично или мало знаком, или совсем не знаком. Мне стало даже на минуту больно, потому что эта злоба исходит от людей, которых я ува-

жаю и ценю. Вы как-то сказали мне, что я «всегда в миленьких», но из Ваших же рассказов я узнал, что это — не так.

Не знаю, где источник этой злобы. Вы лучше знаете, я думаю, потому что лично знакомы с Буниным, например.

В статье Айхенвальда ее не так много, но есть и там, и потому, читая ее, я вспомнил о других. Я сказал бы, что эта статья неприятна не столько для меня, сколько для автора. Как можно *критику, серьезному*, быть столь импрессионистичным, столь порхающим с предмета на предмет, столь не считающимся с простейшими историко-литературными приемами? Зачем так безбожно путать хронологию, например? Я бы, если бы собрался писать статью, поинтересовался бы узнать точнее подробности внешние, но в корне меняющие дело. О «глубоком» не говорю, его в статье нет, мне кажется, все — около глубокого. Так ведь ни слова и не сказано в целом печатном листе. Для кого это писано? Это — довольно вычурная канитель, даже не *für weinige**. Одно слово *не* литератора часто глубже этих тысяч литературных слов. И все это — *декадентство*, вот что я прибавлю напоследок!

Я продолжаю «влачить тягостный ярем»² дел (председательствовать и пр. т. п.). — Простите мои грехи.

Ал. Блок.

Р. S. Если бы Петр Семенович был здесь, он был бы драгоценен для нашей «Репертуарной Секции».³ В частности, я постоянно читаю его словарные статьи и часто нуждаюсь в его трудах по истории западных литератур (и в очерках и в хрестоматии). Если бы у Вас нашлись лишние экземпляры тех работ, где есть сведения, относящиеся к театру (в самом широком смысле), я был бы Вам очень признателен за их присылку. Но только, если есть авторские экземпляры, лишние, а покупать не надо.

А. Б.

* Для немногих (*нем.*). — Ред.

14 ноября 1918. *⟨Петроград.⟩*

Надежда Александровна, что отвечать сейчас? В мире нет больше личного. Жизнь открывает несслыханные возможности какого-то нового качества. Только этим я живу, думаю, что больше жить и нечем.

Если углубиться в личное, можно погибнуть, сойти с ума, оторваться.

Ал. Блок.

Р. С. Позвольте просить Вас передать прилагаемую записку Петру Семеновичу.¹ Спасибо за книги, давно получены.

215. В. А. ЗОРГЕНФРЕЮ

7 декабря 1918. *⟨Петроград.⟩*

Дорогой Вильгельм Александрович.

В издательстве Горького и Тихонова «Всемирная литература» (о котором Вы, вероятно, слышали) я взялся редактировать Гейне.¹ Предстоит дать Гейне нашей эпохи — труд большой и ответственный. Редакторские полномочия насчет старых и новых переводов у меня есть, т. е. я могу делать все, что найду нужным.

Чем больше читаю старые переводы, тем больше ужасаюсь. Оказывается, русские профессора и версификаторы не умели совладать не только со стихами, но и с прозой Гейне. Русского Гейне, несмотря на два полных собрания и множество отдельных переводов, не существует, есть только либеральный суррогат. В этом Вы меня поймете без лишних слов.

О том, чтобы просить Вас принять участие в переводах как стихов, так и прозы, я думаю с тех пор, как получил эту работу. Теперь, когда сам начал переводить,² думаю особенно, и мог бы сейчас же предложить Вам конкретную работу, сначала — над прозаической

вещью. Если бы Вы принципиально согласились, мы сговорились бы с Вами, повидавшись.

«Любуша», которую Вы, надеюсь, переводите, включена в список и в том издательстве, и я сказал Тихонову, что Вы переводите её. Может случиться, что и мы (Театральный отдел) и они возьмут её у Вас для разных, не конкурирующих между собой, изданий.

Решайте с Гейне и поскорей звоните, пишите или прямо приходите ко мне. Деньги они, разумеется, платят. Работа и очень нужная, и очень благодарная, и срочная.

Жму Вашу руку.

Ал. Блок.

216. Н. А. НОЛЛЕ-КОГАН

3 января 1919. <Петроград.>

Многоуважаемая Надежда Александровна.

Вы все пишете мне о «вечере» моем,¹ как будто само собой разумеется, что это хорошо и необходимо, и вопрос только в дне. Я знаю, что так думает Долидзе, который Вас загипнотизировал просто. Для меня — это мучительный вопрос: почти год, как я не принадлежу себе, я разучился писать стихи и думать о стихах. Я не выхожу из мелких забот, устаю почти до сумасшествия, приходится думать о еде, протоколах, дровах, гонора-рах и пр. Физически мне было бы трудно в таком надорванном и «прозаическом» виде выступать на каком-то триумфальном вечере, читать всякое старье, — для чего и для кого? Кроме того, я боюсь ехать в Москву, потому что там придется быть на новых заседаниях, доставать новые удостоверения и билеты; все это вместе заставляет меня просить Вас еще раз отказать от этой мысли. Долг, который я имел несчастье взять у Ф. Я. Долидзе, я верну ему и могу сделать это скоро. Поверьте мне, что я не хочу Вас обидеть, но что эти мысли стоили мне в эти дни часов мучительных.

Пускай человека отрывают от его любимого дела, для которого он существует (в данном случае, меня — от писания того, что я, может быть, мог бы еще написать); но жестоко при этом напоминать человеку, чем он был, и говорить ему «ты — поэт», когда он превращен в протоколиста, вовлечен в политику и т. д. <...>

О Гейне (до которого я тоже недели три, в заботах о протоколах, не мог коснуться);² хорошо сделать так, как Вы пишете, если Вам это интересно.

Мне начинает казаться, впрочем, что передача стихов Гейне — просто невозможна. Может быть, я отка-

жусь и от Гейне, потому что это пока не совмещается со «службой», и не знаю, как совместить. Случай с Петром Семеновичем — не единственный; спасибо Петру Семеновичу, что он не настаивает на выполнении поставленных им условий, потому что я был бы бессилён их выполнить; но ежедневно происходит то, что я, с которого требуют «инициативы», придумываю что-нибудь (может быть, и куцое), все согласится (потому что всем — все равно), а, когда дойдет до дела (т. е. надо платить человеку, например), то оказывается, что все в первый раз об этом слышат, и я не могу вымолить у начальства денег для человека, иногда почти умирающего с голоду. Так вот и идет время, и на душу ложатся камнем какие-то все новые вины, в которых и виновен и не виновен, и часами нельзя думать ни о чем, кроме того, заплатят или нет такому-то человеку столько-то денег тогда-то.

Гейне — по Эльстровскому изданию.³ Больше половины Гейне едва ли можно будет дать. Писем, думаю, не будет. Ближайшим образом, не пробовали бы молодые московские поэты (на условиях не заказа, а свободного конкурса, как Вы и пишете) свои силы на Zeit-gedichte: * и примыкающему к ним, т. е., на третьестепенном, теряющем зубы Гейне (кроме одной «Doktrin», пожалуй)? Можно бы составить небольшую книжку из политических стихотворений, столь искалеченных П. И. Вейнбергом и его присными.

О продовольствии: едва ли оно будет, а, если и будет, привезти не окажется возможным. Прилагаю такое прошение, как Вы пишете, на тот случай, что Вам самой удастся им воспользоваться. Деньги пришлю при первой возможности.

Преданный Вам Ал. Блок.

217. Н. А. НОЛЛЕ-КОГАН

5 февраля 1919. <Петроград.>

Надежда Александровна, я долго не отвечаю Вам и не благодарю Вас за все то приятное, что Вы доставили мне. Причина — все те же бесконечные хлопоты,

* Современные стихотворения (нем.). — Ред.

теперь к ним прибавилась еще какая-то регистрация для воинской повинности.¹ Все время приходится жить внешним, что постепенно притупляет и делает нечувствительным к величию эпохи и недостойным ее.

Письмо от Сабашникова давно получил и ответил ему.

Долги мои Вам остаются, очевидно, до следующей поездки Самуила Мироновича. Хорошо бы, если бы Вы брали с него сразу вперед, а то — неизвестно еще, когда он поедет.

Жду, когда наконец отпустят и позволят спокойно писать что-нибудь, кроме докладных записок. Кажется, не дожидаться, а может быть, и довольно.

Преданный Вам Ал. Блок.

218. П. О. МОРОЗОВУ

12 февраля 1919. <Петроград.>

Глубокоуважаемый Петр Осипович.

Эти дни я все возвращаюсь к Вашей «Истории драматической литературы и театра» (том I, не знаю, был ли II-й) и имею большую потребность сказать Вам, как меня не только учит, но и радует эта книга — с каждым чтением все больше — своей сжатостью, простотой, ясностью и языком. То, что мне слышится в Ваших речах о любом предмете, я нахожу и на каждой странице этой книги, и для себя называю это «пушкинским» в Вас. Простите за эту лирику, она — от чистого сердца,¹ а, кроме того, клонит к делу, которое заключается в следующем: мне кажется, что Ваша книга обладает двумя качествами редкими и драгоценными также и в данную минуту: во-1-х, сжатость и насыщенность, во-2-х — простота, соединенная с научностью. Поэтому я думаю, что не только надо, но и совершенно возможно (несмотря на бумажный голод), выпускать книгу отдельными главами, так что из этой книги вышли бы четыре; вероятно, у Вас, если не в печатном, то в рукописном виде, есть такие же главы и об английском, немецком, французском театрах и т. д. Эти книжки, мне кажется, должны получить и получают самое широкое распространение и способны стать одним из «сезамов»,

о которых я все думаю, потому что закваска их — не либерально-интеллигентская, не «высокомерно-популярная», а научная и художественная. Простите, что не могу воздержаться от высказывания своих впечатлений, очень уж я лично благодарен Вам за эту книгу. Не согласится ли Историко-Театральная Секция приступить к ее изданию?

Искренно преданный Вам Ал. Блок.

219. М. Ф. АНДРЕЕВОЙ

27 апреля 1919. <Петроград.>

Глубокоуважаемая Мария Федоровна.

Пока не поздно, хочу Вам сказать следующее: боюсь, что я опрометчиво взял на себя дело, в котором не разберусь и которое сильно отвлечет меня от прямых обязанностей и обязательств, которые я должен исполнять.¹ Вчерашнее заседание убедило меня в том, что главное, в чем бы я мог принести некоторую пользу, уже сделано, а в остальном, что надо создавать, я совершенно несведущ.

Репертуар, в сущности, готов, он сам собой выработался очень цельно, и его легко защитить от каких бы то ни было упреков; я сказал бы так: *Разбойники* и *Орлеанская Дева* звучат в воздухе как весь Шиллер, а театр уже показал, что он может справиться с Шиллером. Вопрос о переводе этих трагедий (годятся ли старые, нужны ли новые или надо исправлять) решится во «Всемирной Литературе», потому что Шиллер входит в ее рамки. — К Шиллеру примыкает и Гюго: в вопросе о переводе *Эрнани* также компетентна «Всемирная Литература». Шекспир — основание всякого репертуара и до сих пор; о нем спору быть не может, моему. *Отелло*, в переводе которого едва ли кто победит Вейнберга, я бы дополнил комедией, например, *Виндзорскими Кумушками*. Это бы, кстати, восполнило недостаток в репертуаре комедии — недостаток, мне кажется, не слишком ощутительный в наше трагическое время. Дальше идут новые пьесы — *Алексей*, *Рваный плащ* — и *Дантон*. «Рваный плащ» я прочел, хорошая пьеса, но я очень серьезно боюсь, что Амфитеатров не только внешне, но и внутренне исказил ее. Не говоря

о том, что стихи — часто просто *не* стихи, отсутствует не только ритм, но и размер, я боюсь, что всей пьесе, при помощи сочных словечек и залихватского тона, сообщена *вульгарность*, идущая вразрез с ее подлинной *демократичностью*. Смешны, но *не так* и *не потому* смешны поэты петраркисты, как думал Амфитеатров, стоящий далеко от стихов вообще и, очевидно, увлекавшийся иногда пародией на русскую современность, ненавистную ему; она и мне во многом ненавистна, но Амфитеатров как-то по-буренински просто не разбирается, все валит в одну кучу. У него, в сущности, нет настоящей разницы между словарем петраркистов и словарем их противников, или эта разница подчеркивается улично, я сказал бы, как в театрах «миниатор». Театру убыли не будет, если сделать все это тоньше, а в таком виде это может подействовать на дурные инстинкты и сослужить еще одну плохую службу культуре, прозвучать, как фельетон из «Нового времени». Вообще, такие стихи, при общем неумении русских актеров читать стихи, о котором Вы, конечно, знаете, могут загубить пьесу, самый текст которой пока расхлябан; лучше бы уж была честная проза; в таком виде пьеса покатится по наклонной плоскости. Я бы сказал, что следует просто заново перевести; если же этого нельзя, надо дать пьесу и *подлинник* знающему итальянский язык стихотворцу (например, П. О. Морозову, которого считаю я большим мастером языка, в противоположность большинству профессоров, он *действительно* проникнут Пушкиным, над которым всю жизнь работал).

Относительно «Начальника Шайки» я не совсем с Вами согласен. Эта — роль очень важная, благодаря последнему монологу, но она, все-таки, не главная. Главный — «Новичок» (кстати, едва ли он *так* называется у Сем-Бенелли; в слове *новичок* — что-то маленькое и плюгавенькое). Однако, практически едва ли это меняет дело: начальника шайки надо дать большому актеру, потому что в заключительном монологе заключена демократическая душа пьесы: надо знать, как произнести прекрасные слова: «Мы не сумели сберечь и потеряли неизвестного нам человека, но он — брат наш» (у Амфитеатрова и это сказано ужасно коряво). —

К «Дантону» я прибавил бы еще одну драму, или пьесу того же духа, который, я сказал бы, больше всего сближает театр с современностью (об Алексее не гово-

рю, потому что не прочитал его, но заранее можно сказать, что пьеса — другой породы). Я бы назвал *Катилину* Ибсена, который, несмотря на все юношеские недостатки, нужен, как хлеб, я сказал бы, злободневен. Кроме того, он внес бы большое разнообразие в репертуар. Три таких пьесы, как «Рваный плащ», «Катилина» и «Дантон», надо будет напоить духом *одной и той же* музыки. Их герои, счастлива или несчастна их судьба, проникнуты одной могучей волей, которая их несет часто *вопреки* им самим и *вопреки* тому мраку, который в их душах царствует; и стоят они под одной звездой. Все это — обреченные, жертвы будущего.

Вот и весь репертуар — восемь пьес; чертеж этого репертуара — такой:

Середина — неподвижный центр — Шекспир, *вечное*, общечеловеческое (в этом центре «Виндзорские Кумушки», которых едва ли удастся поднять, заменяются «Алексеем» — тоже не современное, а общечеловеческое). Одна стрелка — Шиллер и Гюго, другая — Ибсен, Сем-Бенелли и Левберг. Все это вместе — хороший волевой напор, хороший таран.²

На этом кончается вся моя пригодность к делу; следующий шаг, как говорил вчера А. И. Гришин, свести с этим репертуаром главные наличные артистические силы, доказать Юрьеву, Монахову и Максимову, что они именно это могут и хотят играть. Это уж дело политики, такта, в котором я всегда боюсь просто напориться. Относительно вторых ролей я просто не судья, слишком мало знаю актеров. Тем более в хозяйственных делах. Что же остается? Опять «заседать», чего очень не хотел бы. Уходя из Театрального Отдела, я уходил, собственно, от специфически театрального, от «театральщины» в литературное, как в стихию более родную, где, мне кажется, я больше могу сделать. Тут же, мне кажется, будет очень много специфически театрального; люди — очень милые, но боюсь, что между нами будет вечно пролегать что-то, мешающее нам понять друг друга, как почти всегда — между актерами и писателями; этой помехи я до сих пор почти не испытывал только в одном месте — в Художественном Театре, а здешние люди — не таковы, да им и *НЕ НАДО* быть другими, чем они есть. Этот репертуар (в части Шекс-

пира и Шиллера) должны нести театральные, а не литературные люди. Что касается нового, то тут потребен какой-то другой режиссер, вероятно, а кто бы это мог быть, я совершенно не берусь придумать. Нет сейчас такого. Нет, — значит, надо идти на компромисс, которых так много в современном театре. Как уладить этот компромисс, можете придумать Вы, как очень близкая театру, а я не сумею. Я не думаю, чтобы выхода из положения не было, но я буду дрожать над положением, а рубить узлов, как в данном случае надо, не сумею.

Если б я мог уйти в дело с головой, я бы взялся, может быть; но, думаю, Вы меня поймете, зная, сколько у меня других дел, и как они непохожи на это по своему *ритму*. Я хотел бы еще, чтобы Вам не пришлось в голову, что мой отказ произошел под чьим-либо влиянием, я даже с близкими не говорил, а исключительно про себя весь вчерашний день взвешивал это дело и пишу Вам только результаты собственных размышлений; пишу откровенно, искренно и с чувством давней моей преданности Вам и веры в Вас. Целую Вашу руку.

Александр Блок.

Р. S. Хотел говорить по телефону, но он испорчен.

220. В. М. ЖИРМУНСКОМУ

16 августа 1919. <Петроград.>

Многоуважаемый Виктор Максимович.

Позвольте Вас просить дать мне Вашу статью «Гейне и романтизм». Я очень хочу поместить ее в VII томе редактируемого мной собрания сочинений Гейне в виде предисловия по *существу* (небольшие деловые предисловия напишу сам). VII том, это — «К истории религии и философии в Германии» и «Романтическая школа». ¹

Редакционная коллегия «Всемирной Литературы» уже одобрила мой план — поместить Вашу статью. ² Хочется прибавить, что мне лично Ваше согласие доставило бы большую внутреннюю радость. Заново писать не нужно; по-моему, то, что напечатано в майской книжке «Русской мысли» 1914 года, и сжато, и содержательно,

и способно сильно взволновать тех, кому не безразлична тема статьи.

Нельзя ли просить Вас только вот о чем: 1) писать Фарнгаген фон Энзе; 2) привести цитированное Вами в новых переводах, сообразно всему плану издания; 3) — можете сделать только Вы: вставить где-нибудь абзац об «иронии» романтиков и «иронии» Гейне, определив различие между ними с классической четкостью; 4) исключить по своему усмотрению несколько фраз, не соответствующих по тону статье, *как предисловию*; 5) может быть, если найдете нужным, — забронировать статью от будущих нападений еще несколькими увесистыми библиографическими ссылками.

Искренно Вас уважающий *Ал. Блок.*

221. В. Е. АРЕНС

28 октября 1919. *(Петроград.)*

Многоуважаемая Вера Евгеньевна.

Среди всего, что нас окружает, я совсем разучился и думать и говорить в том направлении, какое в Вашем письме. К тому же, сейчас как-то все обострилось, и это отражается на семье. Каждый почти день — большой труд, кончающийся победой или поражением, чего прежде не бывало, и личное ушло и все еще не знает, где, среди каких развалин, ему вновь начинать расти, и начинать ли.

Вот какое у меня чувство; с ним я читал Ваше письмо, оно мне было приятно, но немного страшно в том месте, где Вы говорите о «человеке». ¹ О себе это плохо знаешь и не всегда в это веришь. Кроме того, я привык теперь говорить с массой людей о «делах» и совершенно отвык говорить с кем-нибудь одним о «душе». Несмотря на все это, письмо было приятно. Да, вероятно, в нас с Вами есть сходное; я тоже не совсем русский, как и Вы, кажется; и другое. Будем ждать, чтобы судьба нас познакомила.

Ал. Блок.

222. Г. П. БЛОКУ

10 декабря 1920. <Петроград.>

Спасибо Вам за письмо, дорогой Георгий Петрович. Оно мне очень близко и понятно. Да, конечно, все, что мне нужно, это чтобы у меня «нахмурилась ночь». ¹ Что касается «нельзя писать», то эта мысль много раз перевертывалась и взвешивалась, но, конечно, она — мысль и только покамест. ² А я, чем старше, тем радостнее готов всякие отвлеченности закидывать на чердак, как только они отслужили свою необходимую, увы, службу. И Вы великолепно говорите о том, что, все-таки, живете, — сторонитесь или нет, выкидывают Вас или нет.

Не принимайте во мне за «страшное» (слово, которое Вы несколько раз употребили в письме) то, что другие называют еще «пессимизмом», «разлагающим» и т. д. Я действительно хочу многое «разложить» и во многом «усумниться», но это — не «искусство» для искусства, а происходит от большой требовательности к жизни, от того, что, я думаю, то, чего нельзя разложить, и не разложится, а только очистится. Совсем не считаю себя пессимистом.

Не знаю, когда удастся зайти к Вам, не могу обещать, что скоро, но, очевидно, наша встреча была не последней.

Всего Вам лучшего.

Ваш Ал. Блок.

223. Н. А. НОЛЛЕ-КОГАН

8 января 1921 года. <Петроград.>

Дорогая Надежда Александровна.

То, что Вы мне написали, очень важно, потому что Вы хотите, чтобы это было важно. Все на свете так — зависит от отношения. Даже то, о чем Вы пишете, может пройти и проходит почти у всех кое-как, так себе, как всё; но Вы говорите этому «да». Говоря так, Вы берете на себя страшную ответственность. — Вы хотите, чтобы я нашел в душе «хорошие слова» и написал Вам. Я нахожу слова, но не знаю, хорошие ли они; во всяком случае, они — горькие, но иными сейчас не могут быть настоящие слова.

Вы связываете будущего ребенка с мыслью обо мне.¹ Я принимаю это, насколько умею, а умею очень плохо. Вообще, я бесконечно отяжелел от всей жизни, и Вы помните это и не думайте о ⁹⁹/₁₀₀ меня, о всем слабом, грешном и ничтожном, что во мне. Но во мне есть, правда, ¹/₁₀₀ того, чтобы надо было передать кому-то; вот эту лучшую мою часть я бы мог выразить в пожелании Вашему ребенку, человеку близкого будущего. Это пожелание такое: пусть, если только это будет возможно, он будет человеком *мира*, а не войны, пусть он будет спокойно и медленно созидать истребленное семью годами ужаса. Если же это невозможно, если кровь все еще будет в нем кипеть и бунтовать и разрушать, она во всех нас, грешных, — то пусть уж его терзает всегда и неотступно прежде всего *совесть*, пусть она хоть обезвреживает его ядовитые, страшные порывы, которыми богата современность наша и, может быть, будет богато и ближайшее будущее.

Поймите, как я говорю это, говорю с болью и с отчаяньем в душе; но пойти в церковь все еще не могу, хотя она зовет. Жалейте и лелейте своего будущего ре-

бенка; если он будет хороший, какой он будет мученик, он будет расплачиваться за все, что мы наделали, за каждую минуту наших дней.

Вот Вам слова лучшие, какие только могу найти сейчас, самое бóльшее, что я могу увидеть и обобщить моими слепнувшими от ужаса глазами — в будущем.

Теперь о другом. Я получил в целости все — в два приема: и деньги (по 70 т. в два приема), и I том «Былин»,² и все вкусные вещи, которые, право, украсили жизнь в эти дни. За все это великое Вам спасибо. Каково происхождение I тома «Былин». Если это подарок, то не надо делать таких роскошных подарков. Часть экземпляров этой книги была скуплена здесь Митюрниковым, а много сгорело на складе у Сабашникова. Я могу ее купить, а вы дарите. Ведь Вы так много дарите и без того, и мне будет стыдно поэтому просить у Вас еще некоторых книг, которые можно было бы купить, пользуясь услугами «картели деятелей искусства».

Нового года я еще не чувствовал, поздравляю Вас с тем, который наступает. Он наступает вообще всегда *после* Рождества. Тот новый год я никак не встретил. У меня было что-то вроде простуды, у меня повысилась температура, я отказался идти в одно место, где обещали, что будет очень пьяно. В таком месте я был недавно только раз, не откажусь пойти и теперь, когда представится случай; все-таки — встряхивает. А зима, перевалившая за половину, уже дает себя чувствовать, лежит тяжестью на плечах. Все, что я слышу от приезжающих из Москвы, невесело, хуже, чем то, что видел я. И у Вас уже жизнь умирает, как здесь.

Меня поддерживает, главным образом, работа. Я окончил редакцию Гете «Торквато Тассо», проведя с Гете много часов и набравшись от него силы, насколько сумел.³ Можно было бы соединить приятное и с полезным, если бы литературный труд хоть сколько-нибудь оплачивался сейчас. Но положение писателей (не говорю о себе, потому что у меня есть разные выходы) хуже, чем когда-нибудь. Мы заседаем, пишем всякие воззвания, не знаю, будет ли от них прок. Засесть мне уже вовсе не трудно, хотя удалось сохранить здоровое чувство карикатурности при взгляде на самого

себя и на других, которые, окончив болтать о литературе, садятся за тот же стол болтать о театре, а потом — о пайках, а потом — о «мерах», и т. д. Посмеяться иногда помогает, все-таки.

Ну, до свиданья, берегите себя, будьте здоровы. Петру Семеновичу передайте от меня искренние пожелания на Новый год. Любовь Дмитриевна кланяется Вам и поздравляет Вас. Она очень увлечена работой в театре «Народной Комедии», где сейчас много и с успехом играет.⁴

Преданный Вам Ал. Блок.

224. Н. А. НОЛЛЕ-КОГАН

20 мая 1921. <Петроград.>

Дорогая Надежда Александровна.

Чувствую себя вправе писать Вам карандашом, в постели и самое домашнее письмо; потому что мне кажется уже после нынешней Москвы наше знакомство и наша дружба — старыми, укрепившимися.

Больше недели прошло с тех пор, как я приехал. Это время я провел дома, сначала — на разных креслах и наконец уже в постели, с жаром, что и до сих пор продолжается. Доктор, не опровергающий ничего, что сказала Александра Юлиановна, считает, что без санатории не поправить ни душевного, ни физического состояния. Я чувствую, что он прав, хотя думать об этом, как обо всем, мне, конечно, лень. Тем не менее, может быть, следовало бы сделать последнюю в жизни попытку «поправиться» (не знаю зачем). От кого зависит попасть, например, к Габаю на июль и август? Как этого достичь?

Ваши дела гораздо серьезнее моих.¹ Напишите мне, как Вы чувствуете себя, как дело Вашего отца,² уехала ли Любовь Ивановна?³ У Вас мне было хорошо, насколько только можно в таком состоянии, в каком я сейчас нахожусь. Поверьте, что я глубоко благодарю и ценю Вашу удивительную заботливость и чуткость, доброту и мудрую мягкость Петра Семеновича. Вне атмосферы Вашего дома — в Москве хуже, чем было в прошлом году; или я не мог воспринимать ничего от

болезни; все эти публичные чтения, несмотря на многое приятное, что даже до меня доходило, — были, как тяжелый, трудный сон, как кошмары.

Выгоды моего положения заключаются в том, что я так никого и не видал и никуда не ходил — ни в театры, ни в заседания; вследствие этого у меня появились в голове некоторые мысли, и я даже пробую писать. Любовь Дмитриевна очень заботится обо мне. Мама живет в Луге пока благополучно. Мой телефон давно и вероятно надолго сломан.

Я вспоминал «Розу и Крест», еще раз проверил ее *правду*, сейчас верю в пьесу, при встрече с Оск. Блумом мог бы рассказать ему много.⁴ Не давал ли знать о себе Шлуглейт, не выяснилось ли чудо с Брайловским?⁵

Книжки скоро вышлю. Сердечно приветствую обоих Вас, Любовь Дмитриевна просит кланяться. Ездите ли Вы на дачу? В своем ли уме еще серый кот?

Ваш Ал. Блок.

225. М. С. ШАГИНЯН

22 мая 1921. (Петроград.)

Многоуважаемая Мариэтта Сергеевна.

Ваш «Театр» произвел на меня сильное впечатление. Сначала, когда я стал читать, казалось книжным, производным, но скоро я почувствовал щекотание в горле. Правда, я сейчас очень слаб физически, но зато и туп душевно тоже достаточно, так что расшевеливаюсь с трудом. Всего больше мне понравилось (я все читал только раз) *Чудо на колокольне*, потом *Истинно суженый*, т. е. русские. Во второй — много штампованного, правда — это «в манере», но мера не совсем соблюдена. Не знаю, меньше ли мне нравится *Разлука по любви*; меня смущает подзаголовок «соната» и растянутость. *Дом у дороги* тоже близок. Совсем не нравится мне *Самопознание* (не понимаю и как-то не интересно понять, может быть, ошибаюсь).¹

Говоря о недостатках, которые есть в большем или меньшем числе во всех драмах, я бы повторил все-таки, что книжность и производность есть; язык не особенно органический (общий порок «символистов», от

которого ни один из нас не был свободен); главный же недостаток, всего труднее определимый, тоже общий нам всем: некоторая торопливость, короткое дыхание, неравномерное внимание ко всем частям, иногда — предпочтение более легких путей — более трудным, недостаточная пристальность взгляда. Элементарный пример: все «отрицательные типы» *Чуда на колокольне* Вы хватаете сверху, одним талантом, не влюбившись в них, так сказать, «сатирически». В этом больше блеску, но это более преходяще, чем короткий разговор игумена и монахов, за которым, мне кажется, стоит более твердое знание предмета.

О подробностях языка и пр. будет говорить всякий читатель, и всякий о своих, и я тоже — о своих; но — не стоит, общее побуждает.

«Неизвестный» — немного *ex machina* *(?).²

Я вам все это излагаю откровенно, не думаю, чтобы Вам было это неприятно, хотя мало Вас знаю. Прежде всего у меня нет тени желания говорить неприятное, напротив, я хочу сказать приятное. Знаю я Вас мало по своему всегдашнему нелюбопытству; Вы никогда не хотели никому бросаться в глаза, и вот я, например, не знаю даже «*Orientalia*».

С Алконостом³ я говорил и еще поговорю. Мне бы хотелось *Чудо на колокольне* в «Записки мечтателей». Поговорите с ним, он передаст Вам рукописи и всегда бывает в лавке Дома Искусств.

Ал. Блок.

226. К. И. ЧУКОВСКОМУ

26 мая 1921. Петроград.

Дорогой Корней Иванович.

На Ваше необыкновенно милое и доброе письмо я хотел ответить как следует. Но сейчас у меня ни души, ни тела нет, я болен, как не был никогда еще: жар не прекращается, и все всегда болит. Я думал о русской санатории около Москвы, но, кажется, выздоро-

* <Deus> *ex machina* — «бог из машины» (лат.) — т. е. неожиданная развязка. — Ред.

веть можно только в настоящей. То же думает и доктор. Итак, «здравствуем и посейчас»¹ сказать уже нельзя: слопала-таки поганая, гнивая родимая матушка Россия, как чушка своего поросенка.

В Вас еще очень много сил, но есть и в голосе, и в манере, и в отношении к внешнему миру, и даже в последнем письме — надорванная струна.

«Объективно» говоря, может быть, еще поправимся.

Ваш Ал. Блок.

227. МАТЕРИ

4 июня 1921. <Петроград.>

Мама, доктор Пекелис знает все мои болезни, ты ошибаешься, точно так же отравления никакого не было и вообще не может быть. О болезнях писать нестерпимо скучно, но больше не о чем писать. Делать я ничего не могу, потому что температура редко нормальная, все болит, трудно дышать и т. д. В чем дело, неизвестно. Если нервы несколько поправятся, то можно будет узнать, настоящая ли это сердечная болезнь, или только неврозы. Нужно понизить температуру. Я принимаю водевильное количество лекарств.

Ем я хорошо, чтобы мне нравилась еда и что-нибудь вообще, не могу сказать. Люба почти всегда дома. Незлобин будет платить за пьесу в разные сроки.¹ Вот, кажется, все.

Сашиа.

Спасибо за хлеб и яйца. Хлеб настоящий, русский, почти без примеси, я очень давно не ел такого.

228. Н. А. НОЛЛЕ-КОГАН

2 июля <1921. Петроград.>

Дорогая Надежда Александровна, ну, поздравляю Вас.¹

Письмо с этой серьезной вестью было *первым* от Вас, предыдущего я не получил.

Едва ли Вы сможете теперь устраивать дела. Поэтому я изложил С. М. Алянскому, который и передаст Вам это письмо, все свои мысли о Художественном театре (кажется, согласные с Вашими),² он и переговорит с ними, и получит деньги от Незлобина.³

Мне очень трудно писать, потому что я не выхожу из постели, где лежать не могу никогда, а только сижу. Вся главная моя болезнь — сердечная. Температура не падает. Постоянно задыхаюсь, не вижу почти никого. Исхода из этого острого состояния не вижу тоже.

Мама продолжает жить в *Луге* (у переезда, дача Васильевой) и наверное будет рада получить от Вас письмо.

До свиданья, поправляйтесь и укрепляйтесь, напишите мне побольше.

Преданный Вам *Ал. Блок*.

ПРИМЕЧАНИЯ

Большое место в литературном наследии Блока занимает его переписка. Она дошла до нас не полностью: часть писем утрачена, местонахождение ряда писем неизвестно. Однако число выявленных писем достигает в настоящее время 2542, а предположительный объем сохранившегося эпистолярного наследия поэта определяется примерно в 3000 писем.

Письма Блока — это не только историко-литературные документы, которые с беспощадной искренностью раскрывают личность поэта, знакомят с литературной жизнью его времени; очень многие из них с полным правом могут быть отнесены к лирико-публицистической прозе Блока. Как и статьи, письма углубляют восприятие его поэзии, проясняют ее лирические темы и образы, подчас обнажают конкретный подтекст; в то же время по своей эстетической и идейной значимости они в известной мере — самостоятельное художественное явление, расширяющее представления о творческом диапазоне Блока. Не случайно он считал возможной публикацию некоторых своих писем, а в письме к Л. Д. Блок 14 июня 1908 г. замечал: «...Вообще письма писать я умею по-прежнему».

Для писем Блока характерна необычайно высокая интеллектуальная и эмоциональная напряженность. В них формулируются принципиальные для мировоззрения и мировосприятия поэта взгляды, уточняются те или иные мучившие его мысли, возникают новые темы. Ряд писем по своему пафосу и художественной завершенности близок к публичным выступлениям. Некоторые письма являются образцами высокой лирики, своего рода стихотворениями в прозе. В переписке в целом отчетливо вырисовывается пройденный поэтом сложный и трудный путь — «путь среди революций». «Время разводит» Блока со многими близкими ему людьми, изменяется «круг мыслей и чувств», все острее ощущается обособленность, одиночество Блока в литературной среде.

Другими становятся не только корреспонденты, характер, но и стиль писем: метафоричность, перенасыщенность цитатами, услож-

ненная образная структура, несколько необычная манера большей части ранних писем сменяются строгостью и ясностью, присущими прозаическому почерку зрелого Блока. Неизменным остается лишь тот своеобразный интонационный строй, который позволяет по нескольким фразам узнать автора.

Письма Блока начали публиковаться сразу же после его смерти в различных воспоминаниях, и такого рода публикации, естественно, носили случайный характер (см., например, «Записки мечтателей», 1922, № 6). Уже с конца 20-х гг. начинается систематическая публикация отдельных писем и циклов литературоведами Ц. С. Вольпе, Д. Е. Максимовым, П. Н. Медведевым, В. Н. Орловым, И. Г. Ямпольским и др. в периодических изданиях и сборниках. Выходят и отдельные сборники писем Блока. В 1925 г. в Ленинграде издаются «Письма Александра Блока» (письма к С. М. Соловьеву, Г. И. Чулкову, А. Д. Скалдину, В. Н. Княжнину с вступительными статьями и примечаниями адресатов). В издательстве «Academia» выходят под редакцией и с примечаниями М. А. Бекетовой «Письма Александра Блока к родным» (т. 1. Л., 1928; т. 2. М. — Л., 1932). В 1936 г. издаются «Письма Ал. Блока к Е. П. Иванову» (М. — Л., АН СССР). Под редакцией, со вступительной статьей и комментариями В. Н. Орлова вышла книга «Александр Блок и Андрей Белый. Переписка» (М., 1940). Им же подготовлены первые собрания писем Блока: 125 писем в «Сочинениях в одном томе» (М. — Л., 1946) и 200 писем во втором томе «Сочинений Александра Блока» (М., 1955). Мною был подготовлен 8-й том «Собрания сочинений в восьми томах» (М. — Л., 1963); в который вошло 464 письма Блока, в том числе 103 опубликованных впервые. В 1960–1970-е годы появились отдельные публикации писем в периодических изданиях; среди них следует отметить опубликованные А. Е. Гореловым письма Блока к Л. А. Дельмас («Звезда», 1970, № 11). Выявленные к 1973 г. письма были каталогизированы в книге: «Александр Блок. Переписка. Аннотированный каталог. Вып. 1. Письма Александра Блока». Под ред. В. Н. Орлова. М., 1975. Наконец, в последнее время письма публиковались в посвященных Блоку томах «Литературного наследства». Подготовленный В. Н. Орловым т. 89 имеет подзаголовок: «Александр Блок. Письма к жене» (М., 1978) и содержит 317 писем; 264 из них опубликованы впервые. Большое место письма поэта занимают в публикациях т. 92, кн. 1 и 2: «Александр Блок. Новые материалы и исследования» (М., 1980, 1981).

Из обширного эпистолярного наследия Блока в настоящее издание включены лишь наиболее значительные письма, которые печатаются по автографам, а при отсутствии или недоступности их — по первым полным публикациям. Источники текста указаны в справочной таблице «Адресаты и источники текста» (см. с. 351–354 наст. тома).

При воспроизведении текста писем, кроме отдельных случаев, соблюдаются современные нормы орфографии и пунктуации. Недописанные и сокращенные слова, кроме общепринятых сокращений, дополнены без особых обозначений. Зачеркнутое Блоком заключено в квадратные скобки. Слова и фразы, подчеркнутые в подлиннике, выделены курсивом, подчеркнутые дважды и более – прописным курсивом.

Даты писем и указания мест написания унифицированы и вынесены в начало письма. Слова, введенные Блоком в датировку (обозначение дня недели, времени суток и т. п.), сохраняются лишь в тех случаях, когда они связаны с содержанием письма. После 1 февраля 1918 г. все даты даются по новому стилю.

Уточнения и дополнения редактора, а также немногочисленные купюры обозначаются угловыми скобками.

Примечания носят справочно-библиографический характер; справки об упомянутых в письмах именах и названиях литературных произведений, периодических изданий и т. п. вынесены в «Указатель имен и названий».

М. И. Дикман

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ, ПРИНЯТЫХ В ПРИМЕЧАНИЯХ *

БВС – Александр Блок в воспоминаниях современников. В 2-х т. М., «Художественная литература», 1980.

Блоковский сб. 1 – Блоковский сборник. Труды научной конференции, посвященной изучению жизни и творчества А. А. Блока. Май 1962 г. Тарту, 1964.

Блоковский сб. 2 – Блоковский сборник. II. Труды Второй научной конференции, посвященной изучению жизни и творчества А. А. Блока. Тарту, 1972.

ГБЛ – Рукописный отдел Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина (Москва).

ГПБ – Рукописный отдел Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград).

ЗК – Александр Блок. Записные книжки. 1901–1920. М., «Художественная литература», 1965.

ИРЛИ – Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР.

ЛГТМ – Ленинградский государственный театральный музей.

* При ссылках на настоящее издание обозначается только том и страница (арабскими цифрами).

ЛН, т. 89 – Литературное наследство, т. 89. Александр Блок. Письма к жене. М., «Наука», 1978.

ЛН, кн. 1, 2, 3 – Литературное наследство, т. 92, в 4-х книгах. Александр Блок. Новые материалы и исследования. М., 1980–1983.

«Между двух революций» – Андрей Белый. Между двух революций. Л., Изд-во писателей в Ленинграде, 1934.

«Переписка» – Александр Блок и Андрей Белый. Переписка. Ред. В. Н. Орлова. М., 1940 («Летописи Государственного литературного музея», кн. 7).

«Письма к родным», 1 – Письма Александра Блока к родным. Ред. М. А. Бекетовой. Л., «Academia», 1927.

«Письма к родным», 2 – Письма Александра Блока к родным. II. М. – Л., «Academia», 1932.

Собр. соч. – Александр Блок. Собрание сочинений, тт. 1–12. Л., Изд-во писателей в Ленинграде и «Советский писатель», 1932–1936.

СС – Александр Блок. Собрание сочинений в 8-ми т. М. – Л., 1960–1963.

ЦГАЛИ – Центральный государственный архив литературы и искусства (Москва).

1. К. М. Садовской. 1. Стихи Фета.

2. К. М. Садовской. 1. Воспоминание о Бад Наугейме, где Блок летом 1897 г. познакомился с К. М. Садовской. Ср. стихотворение Блока «В темном парке под ольхой...» (2, 132). 2. Из «Письма Онегина к Татьяне» («Евгений Онегин», гл. VIII, строфа XXXII).

3. А. В. Гиппиусу. 1. Гиппиус по просьбе Блока доставал ему конспекты для экзаменов. 2. Очевидно, цитата из названия пьесы К. Пруткова «Опрометчивый турка, или Приятно ли быть внуком? (Естественно-разговорное представление)». 3. Из стих. Вл. Соловьева «Там, где семьей столпились ивы...». 4. Из стих. Вл. Соловьева «Воскресшему». 5. См. стих. 25 апреля 1901 г. «Навстречу вешнему расцвету...» (1, 137).

4. А. В. Гиппиусу. 1. В Боблове, имении Менделеевых, устраивались любительские спектакли, в которых с 1898 г. принимал большое участие Блок. 2. Имеется в виду инсценировка популярного в свое время стихотворения А. Н. Апухтина «Сумасшедший». 3. Водевиль Чехова. 4. Перевод не был напечатан, рукопись не сохранилась. 5. Из стих. Пушкина «Жил на свете рыцарь бедный...». 6. Имеется в виду неоконченный стих. Пушкина «Когда владыка ассирийский...» – переложение из библейской книги «Юдифь». 7. Имеется в виду статья Вл. Соловьева «Особое чествование Пушкина» (1899), которую Блок, очевидно, читал в приложении к третьему из-

данию «Стихотворений Вл. Соловьева» (СПб., 1900). 8. Неточно переданные слова из «Мертвых душ» Гоголя. 9. Имеется в виду курсовая работа. 10. Персонаж из водевиля Чехова «Предложение». 11. Намек на увлечение Л. Д. Менделеевой. 12. Мистический образ свершения, встречающийся в лирике Вл. Соловьева. Ср. также у Блока: «Ты... Сомкнешь последние круги...» (1, 139), «Но верю, ты взойдешь... Смыкая тайный круг...» (1, 149). 13. Из стих. Вл. Соловьева «Сон наяву».

5. А. В. Гиппиусу. 1. Л. Д. Менделеева. 2. Из стих. Фета «Когда мои мечты за гранью прошлых дней...». 3. Намек на увлечение Л. Д. Менделеевой. 4. Из стих. Фета «Чем тоске, и не знаю, помочь...». 5. Из стих. Полонского «На пути из-за Кавказа». 6. Из стих. Вл. Соловьева «Бедный друг! истомил тебя путь...».

6. А. В. Гиппиусу. 1. В письме от 3 августа 1901 г. А. В. Гиппиус писал: «Вот Вам моя жизнь... не настоящая она какая-то. Если нужно поругать меня – ругните, да хорошенько» (*ЦГАЛИ*). 2. Из стих. Вл. Гиппиуса «Проходят дни и сны земные...» («Северные цветы на 1901 г.»). 3. Термин А. В. Гиппиуса, см. письмо Блока Гиппиусу от 25 июня 1903 г. (СС, т. 8, с. 62). 4. Из стих. Вл. Соловьева «В архипелаге ночью». 5. Из стих. Вл. Соловьева «Вновь белые колокольчики». 6. Речь идет о предполагавшейся поездке А. В. Гиппиуса. 7. Имеется в виду посещение Дедова – имения, в котором жил М. С. Соловьев с семьей. «Властитель» моих дум – Вл. Соловьев. С. Соловьев писал А. Белому 11 августа 1901 г.: «Теперь у меня гостит мой родственник, студент Петербургского университета – Блок... Он теперь весь ушел в стихотворения моего дяди...» (*ГБЛ*). 8. Имеется в виду Л. Д. Менделеева. 9. Как писал Аристотель, Фалес, представлявший материю движущейся и одушевленной, сказал: «Все полно богов» (Аристотель. О душе).

8. З. Н. Гиппиус. 1. А. Н. Бекетов. 2. См. стих. Блока «Я, отрок, зажигаю свечи...» (1, 218). 3. Ф. М. Достоевский. Подросток (ч. I, гл. 4, подгл. 2). 4. См. дневник 24 июля 1901 г. и 26 июня 1902 г. (СС, т. 7, с. 38, 48); «Стихия и культура» (4, 121). 5. См.: Ф. М. Достоевский. Подросток (ч. I, гл. 8, подгл. 1). 6. Д. Мережковский и З. Н. Гиппиус совершили поездку на Керженец и озеро Светлояр, где, по преданию, находится «невидимый град Китеж» (см.: З. Гиппиус. Светлое озеро. Дневник. – «Новый путь», 1904, №№ 1 и 2). 7. Из стих. Вл. Соловьева «Иматра». 8. См.: Д. Мережковский. Воскресшие боги (кн. VIII. Золотой век, гл. 8). 9. По аналогии с «Апокалипсисом» (XXI, 2): «... увидел святой город Иерусалим, новый, сходящий... с неба». 10. Андрей Белый, автор «Симфонии (2-й, драматической)». 11. Из «Апокалипсиса» (II, 4). 12. «Когда святого забвения...» (1, 212), «Я, отрок, зажигаю свечи...» (1, 218).

9. А. В. Гиппиусу. 1. «Наше время – не время грядущего воз-

рождения — а время большого упадка... — писал А. В. Гиппиус Блоку 21 июля 1902 г. — Теперь... когда нет больше ничего сильного — в смысле силы творящей, — не ясно ли, что это перед окончательным крахом» (*ЦГАЛИ*). 2. Гиппиус писал там же: «... самое больное место Вашего мировоззрения (неудачное слово! скорее мироощущования...)». 3. См.: Ф. М. Достоевский. Подросток (ч. I, гл. 4, подгл. 2). 4. Из стих. Тютчева «Н. Ф. Щербине». 5. Имеется в виду стих. Брюсова «К скифам». 6. *Раскольников* — герой романа Достоевского «Преступление и наказание». 7. Источник цитаты не установлен. 8. Во время Куликовской битвы (8 сентября 1380 г.) хан Мамай наблюдал издали за ходом этого решающего сражения. 9. Из литургии Иоанна Златоуста. 10. Из стих. «Странное чувство какое-то в несколько дней овладело...». 11. Образ из «Апокалипсиса» (XII, 1). 12. Имеется в виду пьеса К. Пруткина (см. примеч. 2 к письму 3). 13. Ср.: записная книжка, 13 июля 1902 г. (*ЗК*, с. 31).

10. 3. *Н. Гиппиус*. 1. Из стих. 3. Гиппиус «Сны». 2. Из книги Д. Мережковского «Л. Толстой и Достоевский» (т. II. СПб., 1902, с. 503). 3. Из стих. 3. Гиппиус «Сны». 4. Из стих. Брюсова «В неконченном здании». 5. Из стих. 3. Гиппиус «Страны уныния».

11. *Отцу*. 1. См.: Ф. М. Достоевский. Подросток (ч. II, гл. 5, подгл. 3): «...все это до того пошло и прозаично, что граничит почти с фантастическим». 2. Неточная цитата из «Преступления и наказания» Достоевского (ч. I, гл. 2); слова Мармеладова: «Такова уже черта моя». 3. Из стих. Пушкина «Близ мест, где царствует Венеция златая...»: «И тайные стихи обдумывать люблю». 4. Имеются в виду поэты позднеллинистической культуры. 5. Из стих. Пушкина «19 октября». 6. Слова христианской молитвы («Символ веры»).

12. 3. *Н. Гиппиус*. 1. См. примеч. 1 к письму 4. 2. В 1899 г. Блок участвовал в Петербургском драматическом кружке, где выступал под фамилией Борский в открытом спектакле. 3. Имеется в виду смерть А. Н. Бекетова. 4. См.: дневник, 29 декабря 1901 г. (*СС*, т. 7, с. 19), записная книжка, 26 сентября 1901 г. (*ЗК*, с. 22).

13. *А. В. Гиппиусу*. 1. Из стих. «Осень». 2. Намек на отношения с Л. Д. Менделеевой. 3. Приложено стих. «Свет в окошке шатался...» (1, 223, примеч. 479).

14. 3. *Н. Гиппиус*. 1. Из стих. 3. Гиппиус «Что есть грех?». 2. Ср.: дневник, набросок статьи о русской поэзии (5, 80–95). 3. Об увлечении Блока В. П. Далматовым см.: Г. Блок. Из очерка «Герои „Возмездия“». — *БВС*, т. 1, с. 97; также — в статье Блока «Памяти К. В. Бравича» (5, 41–43). 4. Трагедия Еврипида в переводе Д. Мережковского, поставленная в Александрийском театре 14 октября 1902 г. 5. 1, 214, 222.

15. 3. *Н. Гиппиус*. 1. 3. Гиппиус писала Блоку 10 сентября 1902 г.: «Я не видала его в «Короле Лире», но видала... во всех ви-

дах... Лучше помолчать, нежели облекать Далматова в ризу священника» (*ЦГАЛИ*). 2. Из стих. Вл. Соловьева «Нет, силой не поднять тяжелого покрыва...». 3. Намек на отношения с Л. Д. Менделеевой. 4. Ср.: Заметка о Мережковском 13 декабря 1902 г. (*СС*, т. 7, с. 67). 5. Приложено стих. «Свет в окошке шатался...» (1, 223).

16. *Л. Д. Менделеевой*. 1. Письмо послано после объяснения с Л. Д. Менделеевой 7 ноября 1902 г. См.: *БВС*, т. 1, с. 167–169. 2. Из стих. Вл. Соловьева «Вижу очи твои изумрудные...».

18. *М. С. Соловьеву*. 1. Собр. соч. В. С. Соловьева (под ред. М. С. Соловьева и Г. Рачинского), т. 5. СПб., <1902>. 2. М. С. Соловьев в письме к Блоку от 21 декабря 1902 г. сообщал, что Брюсов на вопрос, будут ли напечатаны в альманахе «Северные цветы» стихи Блока, ответил: «О, да! и как можно больше!» (*ЛН*, кн. 1, с. 411). 3. Из стих. Вл. Соловьева «Белые колокольчики». 4. Из стих. Вл. Соловьева «Там, где семьей столпились ивы...». 5. Имеется в виду могила Вл. Соловьева. Ср.: записная книжка, 22–23 августа 1902 г. (*ЗК*, с. 38). 6. На жаргоне московских «аргонавтов» и самих Соловьевых гротескное отражение в быту мистического бытия. 7. А. Н. Добролюбов находился в это время в клинике для душевнобольных. 8. «Метерлинк. Le trésor des humbles; Сокращенный дневник Иоанна Кронштадтского; К. Гамсун. Пан, Драма жизни» (перечислены в письме М. С. Соловьева к Блоку от 21 декабря 1902 г. – *ЛН*, кн. 1). 9. Возможно, «Пан», роман К. Гамсуна. – «Северный Вестник», 1896, № 5.

19. *Л. Д. Менделеевой*. 1. В квартире Менделеевых. 2. В меблированных комнатах на Серпуховской ул., 10, где Блок встречался с Л. Д. Менделеевой с 8 декабря 1902 г. по 31 января 1903 г. 3. 29 января 1902 г. Любовь Дмитриевна порвала отношения с Блоком и хотела передать ему письмо, в котором писала: «Я живой человек и хочу им быть, хотя бы со всеми недостатками; когда же на меня смотрят как на какую-то отвлеченность, хотя бы и идеальнейшую, мне это невыносимо, оскорбительно, чуждо» (Учен. записки ЛГПИ, 1956, ф-т языка и литературы, вып. 5, с. 250; см. также *БВС*, т. 1, с. 162). 4. М. С. Соловьев передал в октябре 1902 г. стихи Блока Брюсову, который тогда же заметил в дневнике: «Всех этих мелких (ряд молодых поэтов. – М. Д.) интереснее, конечно, А. Блок, которого я лично не знаю» (В. Брюсов. Дневники. 1891–1910. М., 1927, с. 122). 5. См. письмо 18.

20. *Л. Д. Менделеевой*. 1. Из стих. «Е. С. Р.». 2. Из стих. Вл. Соловьева «Нет вопросов давно, и не нужно речей...». 3. Имеется в виду стих. «Все кричали у круглых столов...» (1, 259). 4. Из Евангелия от Матфея (XI, 28, 30). 5. Слова Сони – героини драмы Чехова «Дядя Ваня». 6. Термин мистической философии Д. Мережковского, согласно которой все жизненные противоречия сводятся к рас-

щеплению «духа» и «плоти», жизни и смерти — «верхней» и «нижней бездны», их соединение — «белый синтез» — осуществится в грядущем апокалипсическом царстве Третьего Завета. Молодой Блок не принимал эти умозрительные построения Мережковского. Ср. дневник, заметки о Мережковском 13 декабря 1902 г. (СС, т. 7, с. 67).

21. *Андрею Белому*. 1. Статья Белого была напечатана в журнале «Мир искусства», 1902, № 12, подпись: Борис Бугаев. В основу ее легла эстетика Шопенгауэра. «История мира искусства есть метаморфоза моментов, сбрасывающих одеяния косного мира: грубейшее вещество, краску, слово; в музыке... зерна грядущих искусств, переносящих центр тяжести от форм к самой жизни» — так формулировал впоследствии «основную мысль» статьи сам Белый («Эпопея», 1922, № 1, с. 159). Белый писал по поводу этого письма: «А. А. Блок с чрезвычайной чуткостью ухватывает слабые пункты моей юношеской статьи. Она написана академически. Музыка, влияющая на изменение человеческих отношений, — музыка ли? Он ухватывает тот факт, что самой музыкой как формой искусства я оперирую двояко: с одной стороны, музыка у меня только музыка, с другой стороны, она «музыка» совсем в ином смысле — она символ души мировой стихии, или той, кого Соловьев называл «Темного хаоса светлая дочь». И вместо того, чтобы смело, с открытым забралом выбросить свой новый лозунг жизненного преобразования... я таинственную Лермонтовскую «полумаску» превращаю в «маску», и этой «маскою» для непосвященных является для меня музыка. Эта подставка тривиального, ничего не говорящего знака эпохи вместо имени и лика самой эпохи, которая несет нам благовестие Девы-Зари-Купины... Все письмо написано скорее афористическим стихом, дышит игрою и юмором. Оно одновременно и восхитило и озадачило меня: живого Блока я не представлял себе таким. Я его представлял более тихим, экстатически созерцающим. Ум, юмор, соединенный со скепсисом, показал мне в высоко ценимом поэте, в «мистике» и просто умного человека. Интеллектуалиста я менее всего ожидал встретить в Блоке» («Записки мечтателей», 1922, № 6, с. 20). 2. Следующая фраза: «Не собираются ли в жизни разыграть некую всесветную мистерию?..» 3. Здесь и далее имеется в виду «Симфония (2-я, драматическая)» (М., 1902). *Духовные стихи* — стихи «Симфонии», развивающие апокалипсическую тему предчувствия грядущих великих перемен (см. заключение «Симфонии»). Ср. рецензию Блока на «Симфонию» (СС, т. 5, с. 525). 4. «Певица». — «Мир искусства», 1902, № 11. 5. Имеется в виду следующее место статьи Белого: «В музыке постигается сущность движения; во всех бесконечных мирах эта сущность одна и та же. Музыкой выражается единство, связующее эти миры, существовавшие, существующие и также существование которых в будущем. Бесконечное

совершенствование постепенно приближает нас к сознательному пониманию этой сущности... В музыке мы бессознательно прислушиваемся к этой сущности... В музыке звучат нам намеки будущего совершенства. Вот почему мы говорим, что она о будущем. В откровении Иоанна мы имеем пророческие образы, рисующие судьбы мира: «Вострубит бо, и мертвые восстанут, и мы изменимся»... Труба архангела — эта апокалиптическая музыка — не разбудит ли нас к окончательному постижению явлений мира? — Музыка о будущем...». 6. См.: Д. С. Мережковский. Л. Толстой и Достоевский, т. I. СПб., 1902, с. 122. 7. Герои оперы-драмы Вагнера «Валькирия». 8. Эпизод из оперы-драмы Вагнера «Зигфрид». 9. См.: Ф. М. Достоевский. Подросток (ч. I, гл. 8, подгл. 1). 10. Письмо А. Белого по поводу книги Д. Мережковского «Л. Толстой и Достоевский» в извлечениях было напечатано в журнале «Новый путь», 1903, № 1. Блок получил само письмо от З. Гиппиус 25 марта 1902 г. и сделал выписки в своем дневнике, сопроводив их замечаниями. См.: дневник, 26 марта 1902 г. (СС, т. 7, с. 42). 11. Из стих. Вл. Соловьева «Les revenants». 12. Из стих. Вл. Соловьева «Иматра». 13. Слова из стих. Вл. Соловьева «Бедный друг! истомил тебя путь...». 14. См.: А. Белый. Симфония (2-я, драматическая). 15. Из стих. Вл. Соловьева «Какой тяжелый сон! в толпе немых видений...». 16. Из стих. Вл. Соловьева «Иматра». 17. Из стих. Д. Фридберга «Тютчев и Баратынский» («Северные цветы на 1901 год»). 18. См. примеч. 6 к письму 20. 19. Гностический термин, использованный Вл. Соловьевым. 20. Из стих. Пушкина «Деревня». 21. См. первоначальную редакцию стих. Вл. Соловьева «Лишь забудешься днем, иль проснешься в полночи...»: «Только имя одно Лучезарной Подруги Угадаешь ли ты?». 22. См.: Библия, Первое послание к коринфянам (XV, 51–52). 23. Источник цитаты не установлен. 24. См. примеч. 3 к письму 18.

22. Л. Д. Менделеевой. 1. Из стих. «Я к людям не выйду на встречу...» (1, 264). 2. См. «Автобиографию» Блока (5, 74). 3. См.: Библия, Книга Екклесиаста (XII, 7). 4. Высшие женские курсы находились на 10-й линии Васильевского острова, д. 33.

23. Л. Д. Менделеевой. 1. Из стих. Блока «В полночь глухую рожденная...» (1, 124). 2. См.: Библия, Деяния святых апостолов (XVII, 22–23). 3. См.: ЛН, кн. 1, с. 129. 4. Л. Д. Менделеева писала: «Очень мне неприятно писать такое холодное и глупое письмо, а лучше не могу» (ЦГАЛИ). 5. У Менделеевых, куда были приглашены мать и отчим Блока.

24. Л. Д. Менделеевой. 1. Блок был в Бад Наугейме в 1897 г.

26. Андрею Белому. 1. В письме от первой половины ноября 1903 г. Белый сообщал Блоку о позиции, занятой им в связи с требованием издательства «Скорпион» и его руководителя В. Я. Брюсова к своим сотрудникам воздержаться от участия в предприятиях изда-

тельства «Гриф» («Переписка», с. 59). 2. Из стих. К. Павловой: «Думы». 3. См.: *СС*, т. 1, с. 623. 4. Из стих. А. Белого «Маг», посвященного В. Брюсову. В ноябре 1903 г. Блок написал рецензию на «*Urbi et orbi*» Брюсова, которая опубликована не была (*СС*, т. 5, с. 532–534). 5. «Будем как солнце. Книга Символов» (М., «Скорпион», 1903) и «Только любовь. Семицветник» (М., «Гриф», 1903). См. рецензию Блока на эти книги (*СС*, т. 5, с. 528–530). 6. 12 февраля исполнилось 100 лет со дня смерти Канта. 7. См. стих. Блока «У берега зеленого на малой могиле...» (1, 277). 8. См. стих. Блока «Вербная суббота» (1, 289). 9. Имя, изобретенное Белым для шуточных визитных карточек. О происхождении подобных имен см.: А. Белый. Возвращение на родину. М., 1922, с. 72–74. 10. В «Воспоминаниях о Блоке» Белый писал о «переплетенье» темы Канта и темы «страха» у Блока: «Страх перед страхом есть самый действительный страх; таким страхом испуганным он считает философа Канта; он все возвращается к Канту, как испугавшемуся во веки веков; темы страха и темы Канта не раз повторяются; не оттого ли... что вопрос о границах познания впервые решительно выступает перед Александром Александровичем» («Эпопея», 1922, № 1, с. 184).

27. В. Я. Брюсову. 1. «Северные цветы на 1904–1905 годы».

28. П. П. Перцову. 1. 16 января 1903 г. в Москве умер М. С. Соловьев и покончила с собой О. М. Соловьева.

29. С. М. Соловьеву. 1. По предположению А. Н. Лаврова, стих. С. Соловьева «За окошком синеют снега...». 2. См.: Андрей Белый. Северная симфония (1-я, героическая). М., 1904, с. 13. 3. Стих. С. Соловьева «Смерклось. Небо потухает...» (См.: *ЛН*, кн. 1, с. 346). 4. Из стих. «Кругом покой и мрак глубокий...» (См.: там же). 5. В мае 1902 г. у Врубеля после двухлетней работы над «Демоном» появились первые симптомы душевной болезни. С. М. Соловьев писал Блоку: «Бугаев очень тонко заметил, что в ужасах у тебя есть сродство с Врубелем» (письмо Блоку 29 сентября 1903 г. – *ЛН*, кн. 1, с. 341). 6. Соловьев писал Блоку по поводу присланных ему стихов: «И мне и Бугаеву кажется, что в твоей поэзии замечен некоторый поворот за самое последнее время. Я бы мог назвать этот поворот отрешением от прерафаэлитизма» (*ЛН*, кн. 1, с. 347). 7. В предисловии к «Собранию стихов» (М., 1904) З. Гиппиус пишет об уходе в «тесную субъективность», об обособленности людей друг от друга как характерной черте современности: «исчезла возможность общения» через поэзию. 8. Образы из стихов Ф. Сологуба (цикл «Звезда Маир»). Блок особенно ценил этот цикл. На книге «Стихи о Прекрасной Даме» (1904), подаренной Сологубу, он написал: «Федору Кузьмичу Сологубу – автору «Звезды Маир» – Утешения – Сказок – в знак глубокого уважения и благодарности» (*ИРЛИ*). 9. Из стих. Блока «У забытых могил пробивалась трава...» (1, 274). 10. День смерти М. С. и О. М. Соловьев

евых. 11. «Мне гадалка с морщинистым ликом...» (1, 301), «Плачет ребенок. Под лунным серпом...» (1, 302).

30. *Отцу*. 1. Имеется в виду русско-японская война. 2. «Плачет ребенок. Под лунным серпом...» (1, 302), «Фабрика» (1, 299), «Темная, бледно-зеленая...» (1, 299), «Сижу за ширмой. У меня...» (1, 294), «По городу бегал черный человек...» (1, 277), «Я кую мой меч у порога...» (1, 306). 3. Имеются в виду «Стихи о Прекрасной Даме» (М., «Гриф», 1905). 4. «К. Д. Бальмонт. Будем как солнце. Только любовь»; «Федор Смородский. Новые мотивы»; «А. Ягодин. Из древнего мира». 5. «Ночь на Новый год» («Лежат холодные туманы...», 1, 178).

31. *Андрею Белому*. 1. Слова А. Белого из письма около 28 марта 1904 г. («Лик безумия сходит в мир, и все мы стоим перед страшною опасностью». — «Переписка», с. 75). 2. Цикл стихов А. Белого, посвященный В. Брюсову («Учителю и врагу»), в переработанной редакции стихи вошли в раздел «В. Брюсову» сборника «Урна» (М., 1909). 3. См. стих. Блока «Обман» (1, 312). 4. Из поэмы Вл. Соловьева «Три свидания». 5. Из стих. Брюсова «У себя». 6. См. стих. Белого «Осень». 7. Броненосец «Петропавловск» был потоплен японской эскадрой 31 марта 1904 г. 8. Имеются в виду рецензии на «Симфонию (2-ю, драматическую)» (СС, т. 5, с. 525 — 526) и «Северную симфонию» («Переписка», с. 60). 9. См.: записная книжка, апрель 1904 г. (ЗК, с. 61). 10. Имеется в виду игравший большую роль в религиозно-мистических концепциях Вл. Соловьева образ «Софии Премудрости божией».

32. *Андрею Белому*. 1. Ср.: записная книжка, июль 1903 г. (ЗК, с. 51). 2. Из первой части «Северной симфонии (1-я, героическая)» А. Белого. 3. Образ из стих. Фета «Памяти Н. Я. Данилевского». 4. Из стих. Брюсова «Работа». 5. Имение матери А. Белого в Тульской губернии. 6. К письму приложены: первая часть поэмы «Три свидания» («Неоконченная поэма» — 1, 427) и стих. «Фнолетовый запад гнетет...» (1, 319), «Ты оденешь меня в серебро...» (1, 318), «Взморье» (окончательная ред. — 1, 321), «Врубелью» (окончательная ред. — «Дали темны, дни безгневны...» — 1, 319), «В час, когда пьянеют нарциссы...» (1, 322).

33. *Е. П. Иванову*. 1. Е. П. Иванов извинялся, что не посещал мать Блока в его отсутствие. 2. Е. Иванов писал Блоку 3 — 4 июня 1904 г. о переживаемом им духовном кризисе вследствие расхождения проповедуемой им «веры» (христианских концепций в духе Мережковского) и жизни, об охвативших его чувствах отчаяния, бессилия, тяге к самоуничтожению и т. п. (ИРЛИ). 3. Е. Иванов впоследствии вспоминал: «Я еще имел тогда манеру говорить порой гордо до самоуверенности; будучи весь пропитан ожиданием «нового слова», которым (вот-вот, не сегодня — завтра!) откроется нам и от-

кроет нам все... Я готов был поучать всех» (Блоковский сб. 1, с. 369). 4. Блок имеет в виду «учение» Е. Иванова о Христе — «Восходящем Солнце» и «Втором пришествии». Так, в дневниковой записи 8 октября 1905 г. Е. Иванов отмечает: «Приходил А. Блок. Говорили о революции и о Христе. Опять о колоссящемся в поле и в городе идущем... В поле среди колоссящихся злаков, и сам колос, как колоссящийся Христос, волнуется в полях...» (Блоковский сб. 1, с. 396). Ср. посвященное Е. Иванову стих. «Вот он — Христос — в цепях и розах...» (1, 370). 5. «„Игрушки“ — это наши „посвящения жизни“», — поясняет в своих воспоминаниях Е. Иванов (ИРЛИ). *Симфоническом* — от «Симфоний» А. Белого. 6. Имеются в виду Мережковские. 7. В письме от 3–4 июня 1904 г. Е. Иванов делился впечатлениями от поездки по Морскому каналу и подъема на Исаакиевский собор. 8. Е. Иванов там же сообщал Блоку, ссылаясь на Чулкова, что стихи Блока для «Нового пути» «цензор почеркал до безобразия, кажется даже до искажения смысла» (ИРЛИ).

34. *Е. П. Иванову*. 1. Христос. 2. Над Москвой и ее окрестностями 16 июля 1904 г. прошел сильный смерч. 3. Из стих. 3. Гиппиус «Мертвая заря». 4. Приложены стих.: «В час, когда пьянеют нарциссы...» (1, 322), «Город в красные пределы...» (1, 325).

35. *Андрею Белому*. 1. Из стих. Лермонтова «Благодарность». 2. После окончания в 1903 г. Московского университета по естественному факультету Белый поступил в 1904 г. на историко-филологический факультет. 3. Из стих. Брюсова «Mon rêve familier». 4. Приложены стих. «Гимн» (1, 327) с припиской: «Особенно вначале подражание Тебе», «Пришлецы» («Поднимались из тьмы погребов...» — 1, 328), «В высь изверженные дымы...» (1, 328) с подзаголовком: «Подражание Валерию Брюсову».

36. *С. М. Соловьеву*. 1. С. Соловьев сообщал Блоку в октябре 1904 г.: «Весь месяц я провел в неприятнейшей борьбе с «великим магом» (Брюсовым), который пустил несколько бомб необыкновенно разрушительных: одна из них «Медая», другая «Орфей»... Поистине я ничего не пишу, кроме Брюсовских стихов, и скоро выпущу «Me eum esse». Теряю надежды писать в близком будущем оригинально» (ЛН, кн. 1, с. 378, 379). 2. См. стих. А. Белого «Маг». 3. «Болотов и Новиков» (*Собр. соч.*, т. 11). 4. С. Соловьев писал о борьбе с «брюсовщиной» как «истиной вне христианства, чуждой ему, несогласной с ним». «...Одолело то, — заключал он, — что я лучше всего назову «теократическим принципом», т. е. заветное Соловьевское» (ЛН, кн. 1, с. 379). 5. «Стихи о Прекрасной Даме». М., «Гриф», 1905.

37. *Отцу*. 1. Александр Блок. Стихи о Прекрасной Даме. М., «Гриф», 1905. 2. Первая книга стихов Блока открывалась двумя эпиграфами — из стих. Вл. Соловьева:

Ты непорочна, как снег за горами,
Ты многотуманна, как зимняя ночь.
Вся ты в лучах, как полярное пламя,
Темного хаоса светлая дочь.

И из стих. Брюсова:

И вот, как облако влекомый,
Молчанье строгое храня,
Я вдруг завижу лик знакомый,
И трепет обожжет меня.

38. *В. Я. Брюсову*. 1. В письме Блоку (ноябрь 1904 г.) Брюсов так отозвался о книге «Стихи о Прекрасной Даме»: «Читаю ее с тем редким чувством, какое испытываешь, читая «настоящие» стихи...» (ЛН, кн. 1, с. 489; см. также с. 489–490). 2. «Законодателю русского стиха, Кормщику в темном плаще, Путеводной зеленой звезде, Глубокоуважаемому Валерию Яковлевичу Брюсову В знак истинного преклонения Александр Блок. 29/X – 1904 г. С.-Петербург». 3. Слова Брюсова, который писал: «Не возлагайте на меня бремени, которое подъять я не в силах. Принимаю разве только первую строчку. Дайте мне быть только слагателем стихов, только художником в узком смысле слова, – все большее довершите Вы, молодые, младшие» (там же). 4. См.: СС, т. 5, с. 542–543.

39. *Андрею Белому*. 1. А. Белый писал Блоку в письме от 18 или 19 декабря 1904 г. о сопровождающей его всю жизнь «музыкальной теме», в которую входит «мотив ужаса»; частично этот ужас воплотился для него в облике В. Брюсова, с которым у него осенью – зимой 1904 г. были крайне напряженные отношения. См.: А. Белый. Начало века, с. 285–287. 2. Зачетное сочинение – «Болотов и Новиков». 3. Из стих. Фета «Когда мои мечты за гранью прежних дней...». 4. Из стих. Мережковского «Веселые думы». 5. «Прибытие Прекрасной Дамы». Поэма закончена не была, а семь написанных фрагментов печатались как отдельные стихотворения; впоследствии они составили цикл «Ее прибытие». 6. Слова А. Белого из письма к Блоку от 18 или 19 декабря 1904 г. («Переписка», с. 117).

40. *Отцу*. 1. См. письмо А. Л. Блока к сыну от ноября 1904 г. (ЛН, кн. 1, с. 271–272).

41. *А. В. Гиппиусу*. 1. Неточная цитата из «Преступления и наказания» Достоевского (ч. I, гл. II); слова Мармеладова: «А коли не к кому, коли идти больше некуда! Ведь надобно же, чтобы всякому человеку хоть куда-нибудь можно было пойти. Ибо бывает такое время, когда непременно надо хоть куда-нибудь да пойти». 2. Из «Гамлета» Шекспира (акт IV, сц. 5); неточно переданные слова Офелии:

«Боже мой! Мы знаем, что мы такое, но не знаем, чем мы можем стать».

42. А. М. Ремизову. 1. Блок читал «Пруд» в журнале «Вопросы жизни», 1905, №№ 4–11.

43. Г. И. Чулкову. 1. Н. Котляревский. М. Ю. Лермонтов. Личность поэта и его произведения. 2-е изд. СПб., 1905. Об этой книге Блок написал статью «Педант о поэте» (4, 12–16). 2. Имеется в виду статья Г. И. Чулкова «Поэзия Владимира Соловьева» («Вопросы жизни», 1905, №№ 4 и 5). В печати по поводу этой статьи Блок не выступил («Частная переписка» — см. следующее примеч.). 3. Письмо С. М. Соловьева было помещено в отделе «Из частной переписки» журнала «Вопросы жизни» (1905, № 8). 4. С. Н. Булгаков. Без плана («Вопросы жизни», 1905, № 6). 5. Г. И. Чулков в своей статье писал: «Если Соловьев-философ не отвергает всего мира, то Соловьев-поэт не может скрыть своего презрения к этому миру, к этой жизни, «с которой так тягостно считаться»... Поэзия смерти празднует свою черную победу в стихах Соловьева... Душевное настроение, которое преобладало у Соловьева, несовместимо с любовью и творчеством здесь, на земле... Соловьев стремился именно к совмещению мира и Христа, к примирению религии Христа с религией Земли, — и если ему удавалось иногда внешним образом примирить эти начала, в минуты поэтического творчества он не мог быть не откровенным, — и тотчас же наступал разлад, и хаос праздновал свою страшную победу» («Вопросы жизни», 1905, № 6, с. 111, 113–114). 6. См.: В. Величко. Владимир Соловьев. Жизнь и творения. СПб., 1902. 7. Ср. со статьей А. Блока «Рыцарь-монах» (4, 160). 8. Ср. письмо Ф. Д. Батюшкову от 5 декабря 1910 г. (СС, т. 5, с. 759–760). Блок писал Чулкову 19 июля 1905 г.: «Пожалуй, лучше все-таки не печатать моего письма к Вам, я не знаю, как отнеслись бы родные Соловьева к чуть-чуть разоблачительному духу его» (СС, т. 8, с. 132). 9. Имеется в виду предисловие к третьему изданию стихотворений Владимира Соловьева (СПб., 1900). 10. Здесь Орфей — создатель особой греческой религии — слияния личности с изначальным единством бытия, провозвестник учения и мистерий Диониса — воплощения жизненной силы природы. 11. Очевидно, имеются в виду рецензии на книги Мирэ «Жизнь», «Зеленый сборник», Арвида Эрнефельта «Три судьбы» (СС, т. 5, с. 584–589).

44. Е. П. Иванову. 1. В июне 1905 г. во время посещения Шахматова А. Белым и С. Соловьевым обнаружили глубокие расхождения между ними и Блоком (об этом см.: «Эпопея», № 2, с. 240–261). 2. Из стих. И. Коневского «Среда». Ср. высказывания Блока о теме Петербурга у Коневского (СС, т. 5, с. 599). 3. Блок писал Брюсову 26 декабря 1906 г.: «„Земля“ стоит для меня совсем отдельно — может быть, всех нужнее мне» (СС, т. 8, с. 172).

45. *Андрею Белому*. 1. В письме от июля 1905 г. А. Белый общал, что в лирической статье «Химеры» («Весы», 1905, № 6) в образе «безбородого прохожего с лицом Меркурия», который будит и ободряет героя, спасая его от «феоретика дионисизма» Вяч. Иванова, он вывел Блока («Переписка», с. 138). 2. Приводя высказывание Блока о Брюсове (июль 1904), А. Белый отмечал: «А. А. первый Брюсова понял: он лишь — математик... и никакого серьезного мага в нем нет» («Эпопея», 1922, № 1, с. 262). 3. Из стих. Белого «Знаю». Белый писал: «Здесь я разумел таинственные колокольчики Соловьева, теперь расцветшие в Дедове: белые тайны путей» («Эпопея», № 1, с. 145). Ср. стих. Вл. Соловьева «Вновь белые колокольчики».

46. *Андрею Белому*. 1. К письму приложены стих. «Пристань безмолвна. Земля близка...» (1, 286), «Я — меч, заостренный с обеих сторон...» (1, 287), «Ранним утром, когда люди старались не шевелиться...» («Последний день» — 1, 308), «Всё бежит, мы пребываем...» (1, 331), «В кабаках, в переулках, в извивах...» (1, 337), «Иду — и всё мимолетно...» (1, 344), «Она поет в печной трубе...» («Песенка» — 1, 345), А. М. Ремизову («Легенда» — 1, 345), «Невидимка» (1, 348), «Вот на тучах пожелтелых...» (1, 351), «Королевна жила на высокой горе...» («Влюбленность» — 1, 352), «Она веселой невестой была...» (1, 353), «Потеха! Рокошет труба...» (1, 356), Из сказок. 1. У моря (1, 358), 3. Поэт (1, 359), «Тихо. И будет все тише...» (1, 360), «Старость мертвая бродит вокруг...» (1, 361), «Девушка пела в церковном хоре...» (1, 365), «В лапах косматых и страшных...» (1, 366), «Волновать меня снова и снова...» («Пляски осенние» — 1, 367) с посвящением Б. Н. Бугаеву. 2. «Безвременье» (4, 21–36). Ср.: записная книжка, начало июня 1905 г. (ЗК, с. 70). 3. Пани Катерина — героиня повести Гоголя «Страшная месть». По свидетельству Белого, абзац его статьи «Луг зеленый», где он писал: «Россия уподоблялась символическому образу спящей пани Катерины, душу которой украл страшный колдун, чтобы пытать и мучить ее в чуждом замке» («Весы», 1905, № 8, с. 7), — «отзвук» разговоров с Блоком в Шахматове летом 1904 г. («Эпопея», 1922, № 1, с. 250). Ср. также «Вступленье» ко II главе поэмы «Возмездие» (2, 299). 4. В сентябре 1905 г. Белый писал: «Имею много сказать... и пришло Тебе целую рукопись вместо письма» («Переписка», с. 141). 5. По-видимому, либо «Безвременье», либо «Девушка розовой калитки и муравьиный царь». 6. Имеются в виду статья «Краски и слова» (4, 7–11) и рецензия на книгу Н. М. Минского «Религия будущего» (СС, т. 5, с. 593–598). Напечатана была последняя.

47. *Андрею Белому*. 1. См. примеч. 1 к письму 44. В письме 13 октября 1905 г. Белый обвинял Блока в измене «долгу творчества жизни», в отказе от «реального» мистического пути «преображения личности», иронически намекая на интерес Блока к общественности,

к окружающей действительности. Письмо Белого возмутило родных Блока (см.: М. А. Бекетова. Александр Блок и его мать. Л. – М., 1925, с. 81). 2. См. письмо 46. 3. О стихах, посланных ему Блоком (см. примеч. 1 к письму 46), Белый писал: «Над ними стоит туман нескáзанного, но они полны «скобок» и двусмысленных умалчиваний, выдаваемых порой за тайны» («Переписка», с. 157). 4. См. стих. Вл. Соловьева «Три подвига». 5. Из стих. Вл. Соловьева «Неопалимая Купина». 6. К письму приложено стих. «Вот он – Христос в цепях и розах...» (1, 370).

48. *Отцу*. 1. См.: СС, т. 5, с. 545–593. 2. См.: СС, т. 2, с. 346–359, 449–450. 3. См.: *Собр. соч.*, т. 11. 4. Блок писал А. В. Гиппиусу 9 ноября 1905 г.: «Какой-то ты? Я – СОЦИАЛЬ-ДЕМОКРАТ» (СС, т. 8, с. 141). 5. В связи со студенческими волнениями университет был закрыт с 4 ноября 1904 г. до осени 1906 г. 6. Имеются в виду «Заметки о мещанстве» Горького («Новая жизнь», 1905, № 18). 7. Умеренно-оппозиционное движение либеральных помещиков («Союз освобождения», «Союз земцев-конституционалистов»).

49. *Андрею Белому*. 1. Имеется в виду обсуждение сотрудниками альманаха «Факелы» и сатирического журнала «Жупел» проекта организации театра «Факелы» на «литературном утре» у Вяч. Иванова, инициатор – Г. Чулков. Были заслушаны доклады Вяч. Иванова о театре «Диониса», Г. Чулкова о мистическом анархизме на театре и В. Мейерхольда о «технике нового театра». Присутствовавший на собрании М. Горький, в свою очередь, предложил создать театр политической сатиры, мелких пьес – «Жупел». Проекты организации театров не осуществились. 2. В заметке «К истории „Балаганчика“» Г. И. Чулков писал: «В конце 1905 г. я предложил Александру Александровичу разработать в драматическую сцену тему этого стихотворения („Балаганчик“)» («Культура театра», 1921, № 7 – 8, с. 21). Блок охотно согласился и к 23 января 1906 г. написал «лирическую драму» «Балаганчик». 3. В ночь на 29 декабря 1905 г. в квартире Вяч. Иванова, где происходило литературное собрание, полиция произвела обыск, после которого из прихожей пропало несколько шапок (см.: «Золотое руно», 1906, № 1, с. 133). 4. Речь идет о сборнике «Нечаянная Радость». Предложение было принято. 5. См.: СС, т. 2, с. 346–359, 449–451.

50. *В. Я. Брюсову*. 1. Stephanos. Венок. Стихи. 1903–1905 гг. (М., «Скорпион», 1906) – с надписью: «Александру Блоку, одному из немногих избранных наших дней. Валерий Брюсов. 1906» (ИРЛИ). 2. См.: СС, т. 5, с. 600–606.

51. *П. П. Перцову*. 1. «Венеция» (СПб., 1905) – с надписью. «Милому поэту «поздних времен» – Александру Александровичу Блоку – от искренно любящего автора. СПб. 30 января 1906 г.»

(ИРЛИ). 2. Из стих. Блока «Вербная суббота» (1, 289). 3. См. стих. «Нежный! У ласковой речки...» (1, 332) и статью «Педант о поэте» (4, 12–16). 4. Слова Евгения из поэмы Пушкина «Медный всадник». 5. Из стих. Вл. Соловьева «Бедный друг! истомил тебя путь...». 6. Речь идет о части статьи, изъятной при печати.

52. И. Ф. Анненскому. 1. «Царь Иксион. Трагедия» (СПб., 1902) – с надписью: «А. А. Блоку в знак уважения и преданности автор (Ник. Т – о). 6 – III. 1906. Ц(арское) С(ело)» и «Меланиппа-философ» (СПб., 1901) – с надписью: «А. А. Блоку с искренним уважением автор этой книги и «Тихих песен». 6 – III. 1906. Ц(арское) С(ело)» (ИРЛИ). 2. Из стих. И. Анненского «В дороге». 3. Из стих. И. Анненского «Под зеленым абажуром». 4. Из стих. И. Анненского «Далеко... далеко...». 5. Рецензия написана не была.

53. В. Я. Брюсову. 1. Имеется в виду издание книги стихов Блока «Нечаянная Радость. Второй сборник стихов» (М., «Скорпион», 1907). 2. В. Брюсов. *Urbi et orbi*. Стихи. 1900–1903 г. М., «Скорпион», 1903; его же. *Stephanos*. Венки. Стихи. 1903–1905 года. М., «Скорпион», 1906. Об оформлении «*Urbi et orbi*» см. рецензию Блока (СС, т. 5, с. 532). 3. «Письма Пушкина и к Пушкину. Новые материалы, собр. книгоиздательством «Скорпион». Ред. и примечания В. Брюсова. М., «Скорпион», 1903. 4. Кнут Гамсун. Пан. Из записок лейтенанта Томаса Глана. Предисловие К. Д. Бальмонта. Пер. с норв. С. А. Полякова. М., «Скорпион», 1901. Цвета обложки и букв заглавия сохранены в сборнике стихов Блока. 5. «Весы», 1906, № 5, где печатался цикл стихов Блока под названием «Тишина цветет».

55. В. Я. Брюсову. 1. «Стихи о современности» (М., «Скорпион», 1906) – с надписью: «Светлому поэту Нечаянной Радости Александру Блоку. Валерий Брюсов. 1906. Июнь» (ИРЛИ). Блок написал две рецензии на эту книгу (см.: СС, т. 5, с. 626–628, 633–635). 2. Речь идет о стих. Верхарна «*Les pas*» (отзыв Брюсова о переводе Блока – СС, т. 2, с. 449). 3. В заметке «От издателей» в книге Верхарна, присланной Блоку, сообщалось о намерении издательства выпустить «серию небольших книжек», целью которых будет распространить знакомство с «новой поэзией» в «широких кругах». В эту серию должны были войти произведения наиболее выдающихся авторов. В перечне предполагаемых к изданию русских писателей значился Блок. В каталоге издательства «Скорпион», приложенном к этой книге, упоминался сборник Блока «Нечаянная Радость» с указанием: «печатается».

56. Е. П. Иванову. 1. Фраза из неоднократно рассказывавшегося у Блоков юмористического эпизода с неудачной покупкой Е. П. Ивановым шляпы в магазине Шиффлера. Она «осталась, – писал в дневнике Иванов, – навсегда между мною и Блоком как нечто,

объясняющее сразу многое, понятное обоим в восприятии эпизодов жизни», — «так горечь разрешалась в утехе балаганной» (ИРЛИ). 2. Е. Иванов писал Блоку 8 июня 1906 г.: «Нынче время великого искушения, испытания... На всех лицах легла тень серая «злодей-тоски», великого недотыкомки, имя которой «смерть и закон». Эта тоска так неуловима, и сражаться с ней так трудно» (ИРЛИ). 3. Блок поместил в 1906 г. семь рецензий и одну статью в литературном приложении к газете «Слово». См.: СС, т. 5, с. 25, 611 — 626. 4. Поездка не состоялась.

57. Г. И. Чулкову. 1. Г. Чулков. О мистическом анархизме (СПб., «Факелы», 1906) — с надписью: «Александру Блоку в знак любви. — Георгий Чулков» с пометками Блока (ИРЛИ). 2. В книге отчеркнуто Блоком с пометкой **НВ**: «...социализм — по счастью — перестал быть мечтой: он сделался практикой и борьбой, жизнью и необходимостью. И с тех пор, как социализм потерял свой утопический характер, невозможно убежать от него, обнаруживая тем самым свою рабскую и мещанскую природу, скрыть которую не в состоянии никакие догматы и никакие доктрины (с. 37; курсив — подчеркнутое Блоком). 3. Ср. 4-ю строфу стих. Блока «Рожденные в года глухие...» (2, 239). 4. Заметка «От издателей», подписанная «Скорпион», в кн.: Эмиль Верхарн. Стихи о современности. В переводе В. Брюсова (М., «Скорпион», 1906) — начиналась так: «Круг развития той литературной школы, которая известна под названием «новой поэзии», можно считать замкнувшимся».

58. Андрею Белому. 1. Имеется в виду одно из двух писем Белого — от 10 августа или недатированное (ГБЛ). 2. В дневнике Е. П. Иванова в записи от 13 апреля 1906 г. приводятся слова Блока: «Белый навертел на себя любовь к Любе, а и нет ее...» (Блоковский сб. 1, с. 404). Об отношениях Белого и Л. Д. Блок см.: «Между двух революций», с. 74 — 95; Вл. Орлов. История одной любви. — В кн.: «Пути и судьбы». М. — Л., 1963. 3. 10 августа 1906 г. Белый послал Блоку через Эллиса письменный вызов на дуэль. После переговоров Эллиса с Блоком вопрос о дуэли отпал. См.: «Между двух революций», с. 92. 4. Письма А. А. Кублицкой-Пиоттух и Л. Д. Блок к Андрею Белому от 12 августа 1906 г. см.: ЛН, кн. 3, с. 253. 5. Слова Белого из писем к Блоку.

59. Матери. 1. Намек на гипертрофированную любовь А. Л. Блока в конце жизни к родственникам. См.: Г. Блок. Герои «Возмездия». — «Русский современник», 1924, № 3, с. 175. 2. Ответ на сообщение о смерти таксы Крабба.

60. В. Я. Брюсову. 1. Брюсов предлагал Блоку печатать драму в «Весакх». «А что это за драма? Заглавие меня соблазняет», — писал он в 1906 г. (ЛН, кн. 1, с. 497). 2. Для «Золотого руна». 3. В том же письме Брюсов сообщал, что книга «в работе и к Рождеству по-

явится наврное», а также спрашивал, отдал ли Блок в какой-нибудь журнал поэму «Ночная Фиалка», которой заканчивается сборник (там же).

61. *Е. Я. Архиппову*. 1. Из стих. «Не верь, не верь поэту, дева...».

62. *Е. П. Иванову*. 1. Письмо Е. П. Иванова от 14 ноября 1906 г. проникнуто сознанием, что «что-то нехорошо», утрачены прежние религиозно-мистические ценности, их подлинность, — отсюда его «призыв, и укор, и тоска по уходящей чистоте юношеского пушка на щеках души». Он призывает Блока «сознать в себе лишь сочинителя — поэта бездны... т. е. сознать картонность бездны своей и себя как поэта... Это совсем человека переделывает». И далее «моральный вывод: не надо ненавидеть и бранить тех, кто не с нами, ибо и мы сами не с нами и себя прежде всего ненавидеть бы: избранные!» (*ИРЛИ*). 2. В дневниковой записи 20 ноября 1906 г. Е. Иванов передает разговор с Блоком: «Каменный гость Пушкина — автомат, через него судьба стучит в дверь. Связь «Незнакомки» с «Каменным гостем» через картонность. Саша Блок говорит, что ему уже не страшно, если он придет и за руку возьмет как Дон-Жуана» (Блоковский сб. 1, с. 415). 3. Блок писал Иванову 6 августа 1906 г.: «Женя, неизменно тебя люблю» (*СС*, т. 8, с. 159).

63. *Андрею Белому*. 1. Блок входил в состав жюри конкурса литературных и живописных произведений на тему «Дьявол», объявленного редакцией журнала «Золотое руно». 2. «Куст» — рассказ Белого («Золотое руно», 1906, № 7—9, с. 129—135). Л. Д. Блок увидела в нем пасквиль на себя и Блока (см. «Между двух революций», с. 138). 3. Из стих. Белого «А. А. Блоку» («Я помню — мне в дали холодной...»). 4. На фотографической карточке, присланной Блоку (см.: «Переписка», с. 177), Белый написал: «Милому брату в знак дружбы и нерушимой связи. 3 дек. 06 года. Борис Бугаев», а на обороте: «Жду очень «Нечаянной Радости». Хочу писать о Тебе».

64. *В. Э. Мейерхольду*. 1. На предгенеральной репетиции драмы «Балаганчик» в театре В. Ф. Коммиссаржевской.

66. *А. В. Гиппиусу*. 1. «Напиши, что поделяваешь, чем живешь», — спрашивал Блока Гиппиус в письме без даты (*ЦГАЛИ*). 2. 2 сентября 1906 г. Блок уехал от матери и поселился с женой отдельно. 3. «Снежная маска» в издательстве «Оры». 4. Слова Гиппиуса из его письма. 5. Гиппиус жил в Сызрани и работал регистратором на переселенческом пункте.

67. *В. П. Веригиной*. 1. Блок сделал «довольно резкое замечание» по поводу критики В. П. Веригиной пьесы Л. Андреева «Жизнь Человека» после первого ее представления. См.: В. П. Веригина. Воспоминания об Александре Блоке. — «Учен. записки Тартуского гос. ун-та. Труды по русской и славянской филологии», IV.

Тарту, 1961, с. 334–335. 2. Ср.: «Памяти Леонида Андреева» (5, 55–58).

68. *Л. Л. Кобылинскому* (Эллису). 1. Издание альманаха «Vox Coelestis» осуществлено не было. 2. Эллис писал Блоку (письмо без даты): «„Эрос“ В. Иванова я прочел, но кроме отдельных строк и строк его не принимаю. Вообще для меня В. Иванов – просто вулгаризатор нищевского дионисизма... самая обыкновенная размеренно-кропотливо-скучная и абстрактно-извращенная литература. Превратить «распятого Диониса» в... Кузмина, при одном виде которого я краснею от стыда и отвращения...» (ЛН, кн. 2, с. 284–285). 3. Из стих. Вяч. Иванова «Нищ и светел». 4. Герой трагедии Шекспира. 5. Неточно переданные слова Гамлета из трагедии Шекспира «Гамлет» (акт II, сц. 2). 6. Эллис просил Блока переговорить с каким-нибудь петербургским издательством о переведенном им романе Роденбаха «Искусство в изгнании» («L'art en exil»). 7. Эллис обещал прислать Блоку сборник переводов современных бельгийских поэтов и перевод дневника Бодлера «Мое обнаженное сердце» (М., 1907).

69. *Т. Н. Гиппиус*. 1. Ср. мысли Блока об искренности в творчестве (СС, т. 5, с. 278). Записки Дмитриева в печати, по-видимому, не появились.

70. *В. Я. Брюсову*. 1. В разделе «Новые сборники стихов» («Весь», 1907, № 2, с. 84–85). В этой рецензии Брюсов утверждал, что Блок – не «поэт таинственного, мистического» («Это была не мистичность, а недосказанность») и отмечал другое, подлинное, по его мнению, начало блоковской поэзии: «А. Блок... поэт дня, а не ночи, поэт красок, а не оттенков, полных звуков, а не криков и не молчания. Он только там глубок и истинно прекрасен, где стремится быть простым и ясным. Он только там силен, где перед ним зрительные, внешние образы». И далее: «А. Блок скорее эпик, чем лирик, и творчество его особенно полно выражается в двух формах: в драме и в песне... Перед нами создается новая вселенная, и мы верим, что увидим ее полную и богатую жизнь – ярко озаренной в следующей книге А. Блока». В этой рецензии явно сказалось стремление Брюсова воздействовать на эволюцию Блока в желательном ему направлении. 2. «Еще не мало стихотворений должно быть отвергнуто, – замечал Брюсов, – как такие, в которых поэт не сумел адекватно воплотить в слова свои переживания» (там же). 3. «Снежная маска» в издательстве «Оры».

71. *Андрею Белому*. 1. См. «Перевал», 1907, № 4. Перепечатано в сборнике статей Белого «Арабески» (М., 1911). Впоследствии Белый писал об этой рецензии: «Оценка моя замечательной книги – несправедлива; перепечатаваю ее как необходимый, увы, документ отношений моих к его [Блока] миру поэзии» («Эпопея», 1922, № 3, с. 134). 2. Белый писал: «Сквозь бесовскую прелесть, сквозь ласки, рас-

точаемые чертеныкам, подчас сквозь подделку под детское или просто идиотское обнажается вдруг надрыв души глубокой и чистой, как бы спрашивающей судьбу с удивленной покорностью: «Зачем, за что?» И увидав этот образ, мы уже не только преклоняемся перед крупным талантом, не только восхищаемся совершенством и новизною стихотворной техники, — мы начинаем горячо любить обнаженную душу поэта. Мы с тревогой ожидаем от нее не только совершенной словесности, но и совершенных путей жизни» («Перевал», 1907, № 4, с. 61).

72. *Л. Д. Блок. 1.* «Песня Судьбы». 2. См.: дневник, 3 июля 1921 г. (СС, т. 7, с. 425).

73. *Андрею Белому. 1.* В результате конфликта с издателем журнала «Золотое руно» Н. Рябушинским А. Белый совместно с В. Брюсовым ушли из журнала. См. «Между двух революций», с. 246. 2. Издававшийся в Киеве иллюстрированный журнал «В мире искусств». 3. См. рецензию А. Белого на драму Г. Чулкова «Тайга» («Весы», 1907, № 6, с. 70). 4. См. статью «Штемпелеванная калоша» («Весы», 1907, № 5, с. 52), где Блок именуется «автором золотого кренделя» (имеется в виду стих. «Незнакомка»). 5. См. рецензии А. Белого на сб. «Нечаянная Радость» («Перевал», 1907, № 4, с. 59—61), на альманахи «Белые ночи» («Весы», 1907, № 7, с. 73) и «Шиповник» («Перевал», 1907, № 5, с. 51). 6. См. рецензию А. Белого на альманах «Цветник Ор. Кошница первая» («Весы», 1907, № 6, с. 67). 7. См. там же, с. 68—69. Белый имеет в виду статью Блока «Девушка розовой калитки и муравьиный царь». 8. См. статью А. Белого «Чехов» («В мире искусств», 1907, № 11—12, с. 11). 9. Имеется в виду статья З. Гиппиус «Трихина» («Весы», 1907, № 5, с. 68, подпись: «Товарищ Герман»). 10. Блок коснулся этого вопроса в статье «О современной критике» (СС, т. 5, с. 207—208).

74. *Андрею Белому. 1.* Блок писал Е. П. Иванову 9 августа 1907 г.: «С той же почтой <с которой он отправил письмо Белому от 6 августа 1907 г.> я получил от него письмо, разошедшееся с моим; в этом письме, называя меня «милостивым государем», он сообщает, что ему стало легко, когда он понял, что я не имею никакой цены; понял же он это окончательно с тех пор, как прочел мою статью о «реалистах» (тебе известную) (СС, т. 5, с. 99—130), которую он называет «проникнем»; что поздороваётся со мной, если я первый подам ему руку, когда встретимся («от чего Боже сохрани»). Письмо написано в форме необыкновенно решительной и грубой. Вывод из него самый точный: он называет меня подлецом» (СС, т. 8, с. 193).

75. *Андрею Белому. 1.* А. Белый писал в воспоминаниях: «Я задумался над письмом своим (письмо от 5 или 6 августа 1907 г.); да, я нашел его резким, несправедливым; друзья тут вмешались, застави-

ли меня написать объяснительное письмо Блоку; поводов к дуэли действительных не было; в-третьих же: я дал слово, что никогда между нами не будет «дуэли»; и слова нарушить не мог» («Эпопея», 1923, № 3, с. 270). 2. В письме к Блоку Белый назвал «прошением» статью Блока «О реалистах» (СС, т. 5, с. 99–129). 3. Об этом О. М. Соловьева писала 22 декабря 1902 г. матери Блока – А. А. Кублицкой-Пиоттух. 4. Из стих. Вл. Соловьева «В тумане утреннем неверными шагами...». 5. Из рецензии на «Снежную Маску» («Весы», 1907, № 5, с. 67). 6. В статье Е. Семенова «Lettres russes. Le mysticisme anarchique» («Mercure de France», 1907, № 242, 16 июля) поэты-символисты были разделены на три группы: декадентов, неохристианских мистиков и мистических анархистов; к последним, наряду с Вяч. Ивановым, Г. Чулковым и С. Городецким, был отнесен Блок. 7. См. письмо Блока Л. Л. Кобылинскому от 1 апреля 1907 г. (СС, т. 8, с. 185). 8. Имеется в виду черновик статьи «О реалистах». 9. См.: СС, т. 5, с. 99–130. 10. Белый в письме Блоку 10–11 августа 1907 г. писал: «В «Драмах» Ваших вижу постоянное богохульство...» («Переписка», с. 198). 11. Из стих. Блока «Ушла. Но гиацинты ждали...» (2, 35). О них см. рецензию Белого на «Цветник Ор» («Весы», 1907, № 6, с. 68). Впоследствии Блок исключил эту строфу из стихотворения. 12. Речь идет о цикле «Ненужная весна» (2, 33), который цитирует А. Белый в указанной выше рецензии («Весы», 1907, № 6, с. 68). Блок не включил цикл в свои сборники. 13. Имеются в виду статьи Блока «О реалистах», «О лирике», «О драме» (СС, т. 5, с. 99–164). 14. Так Блок называет сотрудников альманаха «Факелы». 15. Эта фраза подчеркнута Блоком на полях. 16. Цитата из «Гамлета» Шекспира (акт II, сц. 2). 17. Имеется в виду стих. Блока «Поэт» (1, 359). О нем см. рецензию Белого на сборник «Нечаянная Радость» («Перевал», 1907, № 4, с. 60). 18. А. Белый 10–11 августа 1907 г. писал Блоку, что подозревает в проповеди мистического анархизма Чулковым, Гофманом и др. – шарлатанство, основа которого карьеризм («Переписка», с. 196). 19. Белый в воспоминаниях указывал, что это письмо Блока положило «начало и «мирным переговорам»... окончившимся его приездом в Москву» («Между двух революций», с. 327). 20. Имеется в виду «Письмо в редакцию» Белого по поводу статьи Э. Метнера «Борис Бугаев против музыки» («Золотое руно», 1907, № 5 – подпись: Вольфинг). Письмо было отвергнуто редакцией «Золотого руна» и появилось в «Перевале» (1907, № 10, с. 58–60).

76. Г. И. Чулкову. 1. См. примеч. 6 к письму 75. 2. Из стих. С. Городецкого «Дьявол» (где 4-я строка: «В моем невиданном аду»).

77. Андрею Белому. 1. Белый смотрел «Балаганчик» на гастролях театра В. Ф. Коммиссаржевской в Москве. См.: «Между двух революций», с. 330. 2. Первый фельетон «Символический театр» («Утро России», 1907, № 1, 16 сентября). 3. О впечатлении Л. Андре-

ева от знакомства с Блоком см.: «Эпопея», № 3, с. 281. 4. Свидание Блока и Белого в Москве 24 августа 1907 г. «...Объяснения наши сложились под знаком доверия...», — вспоминал Белый. «Встреча... 1907 года... была ликвидацией личной драмы меж нами; ее корень вырван был, — правда; но разность во мнениях, в бытах, в обстаниях все ж перевесила готовность нас лично друг с другом дружить...» «...Решили, что мы — в разных группах; и в них оставаясь, мы будем друг друга всегда уважать» («Между двух революций», с. 328, 335, 329). 5.: См. статью Д. Философова «Дела домашние» («Товарищ», 1907, № 379, 23 сентября). 6. См.: СС, т. 5, с. 675.

78. *Андрею Белому*. 1. О фельетонах Белого «Символический театр» Блок упоминал в статье «Пеллеас и Мелизанда» (СС, т. 5, с. 198). 2. Белый писал Блоку 27 сентября 1907 г.: «...я хочу еще раз узнать Тебя, проверить себя Тобой, пути проверить души своей, потому что все более и более смещаюсь в своем отношении к будущему «наших горений» в темных душах современников — смещаюсь в сторону плача» («Переписка», с. 217). 3. Из предисловия С. Соловьева к его сборнику стихов «Цветы и ладан» (М., 1907, с. 9). В этом предисловии Соловьев декларирует уход искусства от современной действительности с ее противоречиями. Задачей искусства, по его мнению, является конструкция идеального мира, мистического града, «созданного из положительных потенций природы». 4. Шестая глава статьи «О лирике», посвященная книге С. Соловьева «Цветы и ладан» (СС, т. 5, с. 151–156). Книга сохранилась в библиотеке Блока, многочисленные его пометки подчеркивают «полное пренебрежение к внешнему миру», о котором говорится в его статье. 5. Из стих. С. Соловьева «Свете тихий!». 6. Блок имеет в виду замечание Белого по поводу двух строк первого стихотворения из цикла «Ненужная весна»: «Она сера и неумыта, Она развратна до конца» (2, 33): «Ах, Весна ли развратна? Весна безразлична сама по себе; всякий вносит в Нее свое содержание» (рецензия на «Цветник Ор. Кошница первая». СПб., 1907 — «Весы», 1907, № 6, с. 68). 7. Ср.: «О драме» — СС, т. 5, с. 164.

79. *В. Я. Брюсову*. 1. Письмо З. И. Гржебина Брюсову от 31 октября 1907 г. (ГБЛ). 2. Книги изд-ва «Пантеон» выходили с 1908 г.; произведения Гамсуна и Андреева изданы не были. 3. «Северные сборники» изд-ва «Шиповник» выходили в 1907–1911 гг. В первом сб. (СПб., 1907) опубликован перевод Блока из И.-П. Якобсена «Пусть розы здесь цветут». 4. Русская серия была поручена тоже Брюсову. 5. Эти авторы в изд-ве «Пантеон» изданы не были. 6. В проспекте изд-ва, вышедшем в 1908 г., была объявлена книга М. Метерлинка «Драмы. Статьи о театре» в переводе Блока. В 1908 г. Блок переводил драмы «Семь Принцесс», «Алладина и Паломид» и стихи из сб. «Serres chaudes». 7. В кн.: М. Метерлинк. Пеллеас

и Мелизанда и стихи в переводе Вал. Брюсова. М., «Скорпион», 1907.

80. *Федору Сологубу*. 1. П. Верлен. Стихи, избранные и переведенные Ф. Сологубом. СПб., 1908 — с надписью: «Александру Александровичу Блоку. Милый и прекрасный поэт, я дарю Вам эту книгу с такою же любовью, с какою переводил собранные здесь стихи. Федор Сологуб. Ноябрь 1907 г.» (с пометками Блока. — *ИРЛИ*). 2. Перевод стих. Верлена «Le ciel est pardessus le toit...». 3. Из стих. Фега «Когда мои мечты за гранью прошлых дней...».

81. *Л. Я. Гуревич*. 1. Л. Гуревич. 9-е января. По данным анкетной комиссии. СПб., <1907>. 2. «Действо о Теофиле».

83. *А. Н. Чеботаревской*. 1. Сведениями об этом вечере не располагаем. 2. «Песню Судьбы».

84. *Матери*. 1. «Песня Судьбы». 2. См.: *ЛН*, кн. 1, с. 273. 3. «Сети». М., 1908. В экземпляре Блока (*ИРЛИ*) это стихотворение отчеркнуто.

85. *Л. Д. Блок*. 1. Из стих. Вл. Соловьева «У себя». 2. Имеется в виду Союз русских художников — широкое объединение, в которое входили преимущественно московские художники. 3. В № 1 «Золотого руна» за 1908 г. были помещены цикл стихов Блока «За гранью прошлых дней» и его портрет работы Сомова. 4. Публичную лекцию о театре Блок прочел в Театральном клубе (Петербург) 18 мая 1908 г. 5. Лирические драмы. СПб., «Шиповник», 1908. 6. Перевод не сохранился. 7. «До чего это реально «актерский мир», — писала Л. Д. Блок 25 февраля 1908 г. — ...Все дело в том, чтобы за актерством не потерять свою человеческую душу, чтобы всегда можно было ее вскрыть, а если и еще душа актрисы — еще богатство, еще новое» (*ЦГАЛИ*). 8. «Земля в снегу».

86. *Л. Д. Блок*. 1. Из Евангелия от Иоанна (XIII, 27). 2. См. примеч. 4 к письму 85. К письму приложена программа лекций в Театральном клубе (Литейный, 42).

87. *Л. Д. Блок*. 1. 8 апреля 1908 г. перед пасхой Л. Д. Блок на несколько дней приехала в Петербург для объяснений с Блоком и 13 апреля уехала в Киев. 2. Ср. стих. «Не спят, не помнят, не торгуют...» (2, 113). См. также письмо к матери от 15 апреля 1908 г. (*СС*, т. 8, с. 236).

88. *Андрею Белому*. 1. Белый писал Блоку 6 апреля 1908 г. о «симфонии» «Кубок метелей»: «Она самая искренняя моя из всех 4-х... Она — паспорт к моей душе» («Переписка», с. 230). 2. Имеются в виду: статья о Ф. Сологубе «Далай-лама из Сапожка» («Весь», 1908, № 3, с. 63), рецензия на книгу Антона Крайнего (З. Гиппиус) «Литературный дневник» («Весы», 1908, № 3, с. 86) и статья «Вольноотпущенники» («Весь», 1908, № 2, с. 69). 3. Из стих. Брюсова «Неколебимой истине». 4. Имеется в виду статья из заключительного от-

дела книги С. Соловьева «Crurifragium» (М., 1908): «Г. Блок о земледелях, долгобородых арийцах, паре пива, обо мне и о многом другом», написанная в крайне резком и развязном тоне. 5. А. Белый в ответном письме 3 мая 1908 г. благодарил за «правдивое мнение» о себе («Оно показывает, насколько мы чужды друг другу») и заявлял, что прерывает сношения с Блоком («Переписка», с. 232). После этого письма в личных отношениях и переписке Блока и Белого наступил перерыв до сентября 1910 г. (См. письмо 120).

89. *Матери. 1.* Фотография воспроизведена в кн.: М. А. Бекетова. Александр Блок и его мать. Л.—М., 1925. 2. Из стих. Пушкина «Калмычке».

90. *М. А. Кузмину. 1.* М. Кузмин. Сети. (М., «Скорпион», 1908) — с надписью: «Милому Александру Александровичу Блоку с любовью. М. Кузмин. 1908 г. Май» (с многочисленными пометами Блока. — *ИРЛИ*).

91. *М. И. Пантюхову. 1.* Перефразированная цитата из стих. Тютчева «Silentium» («Мысль изреченная есть ложь»).

92. *Л. Д. Блок. 1.* Блок перевел трагедию Грильпарцера «Праматерь» по заказу В. Ф. Коммиссаржевской; в ее театре трагедия была поставлена Ф. Ф. Коммиссаржевским и А. Н. Бенуа. 2. К письму приложен список стихотворения «В ночь, когда Мамай залег с ордою...» (2, 86). Подписан и датирован Блоком.

93. *Л. Д. Блок. 1.* Ср.: записная книжка, 26 июня 1908 г. (ЗК, с. 108—109). 2. В трагедии «Праматерь» (3, 265).

94. *Л. Д. Блок. 1.* См.: записная книжка, май 1908 г. (ЗК, с. 107). 2. Первая строка стих. Лермонтова.

95. *Л. Д. Блок. 1.* На конверте — помета «Очень нужное».

96. *Е. П. Иванову. 1.* Д. С. Мережковский, З. Н. Гиппиус и Д. В. Filosoфoв вернулись в Петербург в 1908 г. после двухлетнего пребывания в Париже. «...Все трое безусловно «обасурманились», то есть как-то кишки их отучились от наших кушаний и принимают они слова, которые говоришь, как-то по-иностранному, не улавливают тонкостей, не замечают, где переход от шутки в серьез, и где просто за дурашной формой скрывается самое ценное», — писал Е. П. Иванов 7 сентября 1908 г. (*ИРЛИ*). 2. Имеется в виду письмо Н. А. Клюева к литератору В. С. Миролубову с ответом на вопросы, знают ли крестьяне его местности, «что такое республика, как они относятся к царской власти, к нынешнему царю, и какое общее настроение среди их». Это письмо, ярко рисующее рост революционных настроений среди крестьянства, было вложено в письмо Клюева к Блоку (получено 11 сентября 1908 г.) с просьбой переслать во Францию В. С. Миролубову. Блок переписал письмо (копия — *ЦГАЛИ*) и процитировал его в статье «Стихия и культура» (СС, т. 5, с. 357). 3. В своей статье «Автор «Балаганчика» о петербургских религиозно-философ-

ских собраниях» («Русское Слово», 1908, 25 января, подпись: В. Варавин) В. Розанов, отрицая раскол между интеллигенцией и народом, назвал письмо Ключева письмом «бывшего дворового человека», а его самого — «мужиком», взятым откуда-нибудь из ресторана, где он имел достаточно поводов завидовать кутящим «господам». 4. В письме 9 сентября 1908 г. (ЦГАЛИ) Л. Андреев пишет о кружке «одиноких», организованном М. Либерсон. Предполагаемое издание газеты и сборника не осуществилось. Об «одиноких» см.: записная книжка, 12 сентября 1908 г. (ЗК, с. 114). 5. Е. П. Иванов ответил в письме от 19 сентября 1908 г.: «Спрашиваешь, как мне она, „Земля в снегу“? Очень... Много значит цельность сборника: ощущаются концы вожжей переживаний целого периода... Если Прекрасная Дама была отчасти предисловием „Балаганчика“ и „Короля на Площади“, то „Земля в снегу“ — к „Песне Судьбы“» (ИРЛИ).

97. В. И. Стражеву. 1. В журнале «Северное сияние» (1908, № 2) было опубликовано стих. «Я помню длительные муки...» (2, 292) под заглавием «Воспоминание». 2. Ср.: записная книжка, 12 сентября 1908 г. (ЗК, с. 113).

98. Матери. 1. «Аполлон». 2. 2 ноября 1908 г. Блок читал реферат об Ибсене в театре В. Ф. Коммиссаржевской. 3. В письме без даты Н. А. Ключев писал о «Вольных мыслях»: «Отдел „Вольные мысли“ — мысли барина-дачника, гуляющего, поющего, стреляющего за девчонками „для разнообразия“ и вообще „отдыхающего“ на лоне природы. Никому это не нужно, кроме Чулкова, коему посвящены эти „Мысли“» (ЦГАЛИ). 4. Письмо Н. А. Ключева опубликовано не было. 5. Поездка не состоялась.

99. Матери. 1. Письмо Н. Ключева (без даты) проникнуто ненавистью к интеллигенции: «Люди, считающие себя лучшими в царствии, светом родной земли, духовно не выше публики, выведенной в «Царе Голоде» в картине „Суд над голодными“», «дела рук их ни на волос не устраниют лжи жизни — безобразия отношений человеческих, а прекрасному даже вредят», — пишет он. Анализируя сборники Блока «Нечаянная Радость» и «Земля в снегу», Ключев обвиняет его в присущих, по его мнению, интеллигенции аморализме, индивидуализме («Многие стихи из Вашей книги похабны по существу, хотя наружно и прекрасны!»; «Смело кричу Вам: не наполняйте чашу Духа своего трупным ядом самоуслаждения собственным я — я!»). О «Земле в снегу» в целом он писал: «Верю, что будет весна, найдет душа свет солнца правды, обретет великое «настоящее», а пока надтреснутый колокол пусть звенит и поет и вместе с вьюгой лесными тропами и озерами, на огни родных изб, несется звон его — вспыхивает, как ивановский червячек в сумерках человеческих душ, отчего длиннее и кручиннее становится запевочка, крепче думушка сухотная неотпадная, голее горюшко голое, ярче и большее ненависть зеленогла-

зая, изначальная ярость земли-матери, придавленной снегами до часа и дня урочного» (*ЦГАЛИ*). Раздумья над этим письмом отразились в докладе «Россия и интеллигенция» (4, 105–114), прочитанном Блоком 13 ноября 1908 г. в Религиозно-философском обществе. См. также высказывания Горького о влиянии на Блока писем Ключева. — *ЛН*, т. 70, с. 625. 2. Имеется в виду доклад Блока «Россия и интеллигенция». 3. См. примеч. 2 к письму 98.

100. К. С. *Станиславскому*. 1. К «Песне Судьбы». Мать Блока, А. А. Кублицкая-Пиоттук, писала 27 октября 1921 г. К. С. Станиславскому: «...я не могу забыть, как Саша мне рассказывал о вашем общении и разговорах с ним. Раз он мне сказал: «Я думаю, Станиславский — самый талантливый человек в России». Верил он Вам очень как человеку, и глубоко чувствовал к Вам симпатию» («Станиславский». М., «Искусство», 1963, с. 30). 2. Выражение кадетского идеолога П. Б. Струве, означающее мощную империалистическую державу (см.: П е т р С т р у в е. Великая Россия. Из размышлений о проблеме русского могущества. — «Русская мысль», 1908, № 1). 3. Имеются в виду основные принципы так называемой официальной народности: «православие, самодержавие, народность», — которую проповедовало правое крыло славянофильства. 4. К. С. Станиславский в письме от 3 декабря 1908 г. отмечал, что его волнуют как прежние, так и новые картины, которые любит «за их поэзию и темперамент», но ни действующие лица, ни сама пьеса его не удовлетворяют. «Очень может быть, что я не понимаю чего-то, что связывает все акты в одно гармоническое целое, а может быть, что и в пьесе нет цельности. Почти каждый раз меня беспокоит то, что действие происходит в России! Зачем?» — писал он. (К. С. Станиславский. Собр. соч., т. 7, с. 415). 5. Слова Станиславского: «Идя от реализма, я дохожу до широкого и глубокого обобщения» (там же). 6. К. С. Станиславский в этот период начал разрабатывать свою «систему». «Места, увлекающие меня, математически точны и в смысле физиологии и психологии человека, — замечает он, — а там, где интерес падает, мне почудились ошибки, противоречащие природе человека» (там же). 7. Статья «Россия и интеллигенция» — первоначальное название статьи «Народ и интеллигенция» (4, 105–114). 8. См. замыслы новой пьесы — записная книжка, 19–20 ноября 1908 г. (*ЗК*, с. 120–121). 9. «Песня Судьбы» — «Шиповник», 1909, № 9.

102. В. В. *Розанову*. 1. «Трагическое остроумие» («Новое время», 1909, 9 февраля), «Попы, жандармы и Блок» («Новое время», 1909, 16 февраля). 2. В печати Блок не ответил. 3. В. Розанов в своих статьях цитировал статьи Блока «Стихия и культура» (4, 115–124) и «Мережковский» (*СС*, т. 5, с. 360–366). 4. В статье «Попы, жандармы и Блок» В. Розанов обвинял Блока в эгоизме и бесчувственно-

сти, искажая смысл его высказываний о землетрясении в Сицилии (см.: 4, 119). Там же Розанов утверждал, что для народа «ненасытимо необходима» бытовая церковная обрядность («храм с горящими свечами и канун и сорокоуст»).

103. *В. В. Розанову*. 1. Письмо В. Розанова, полученное 19 февраля 1909 г., было скопировано Блоком и сопровождено подстрочными примечаниями (копия — ЦГАЛИ); очевидно, он хотел его опубликовать вместе со своим ответом. 2. В письме, как и в фельетонах этого времени, Розанов осыпал Мережковских упреками за измену своим прежним взглядам и «духу товарищества». К этим словам в копии письма Блок сделал примечание: «Удивительно, что В. В. произносит это слово (А. Б.)». 3. Розанов писал Блоку: «Вы не видите софизма в душе Вашей, что бомба *решиительно* Вам не *отвратительна* и, след., что тут не «кровь» в Вас говорит «не убий» (см. письмо 102), а разум — всегда плутяга — разум подсказывающий — «перевешать надо правительство, и *за то, что оно вешает*». Но ведь это — предлог («что оно вешает»), а в сущности, просто хочется повесить». Стремясь опорочить общественную позицию Блока и его сочувствие революции, Розанов сводил все к якобы вечной подсознательной тяге человека к убийству: «„дай полизать крови“, от которого (по моему) люди только и отделялись древними жертвоприношениями. А исчезли они, исчезло (сравнительно) кроткое язычество, и начались пытки, костры, гильотина, и, в общем, христианско-свхаристическое («бескровная жертва»): «дай полизать крови» (ибо ее не имели даже — хотя бы в жертвоприношениях). Все это противно, и для меня революция так же противна, как «сабли наголо» и жандармы (см. письмо 102), а «пропагандист» с книжками ничуть не милее дьячка с Господи помилуй», — заключал он (ЦГАЛИ). 4. Из письма Ап. Григорьева М. П. Погодину (до 18 января 1856 г. Москва). 5. В сборнике «Былое» (Париж, 1908, № 7) было опубликовано: Егор Сазонов. И. П. Каляев (Из воспоминаний); Борис Савинков. Из воспоминаний об Иване Каляеве. Кассационная жалоба И. П. Каляева).

104. *Матери*. 1. См. примеч. 2 к письму 102. 2. Очевидно, имеются в виду статьи в газете «Речь»: Д. Мережковского «Сердце человеческое или сердце звериное?» (1909, № 38, 8 февраля) и З. Гиппиус «Христианин и казнь» (1909, № 52, 23 февраля). В письме к матери 7 марта 1909 г. Блок сообщал, что написал «злое письмо» З. Н. Гиппиус о том, что ему «тошно слышать о Христе» («Письма к родным», 2, с. 249).

105. *Матери*. 1. Блок читал речь о Гоголе 19 марта 1909 г. на вечере в честь столетия со дня рождения Н. В. Гоголя в зале петербургского Дворянского собрания. См.: СС, т. 5, с. 376. 2. См.: СС, т. 2, с. 327 — 332. 3. Блок предполагал читать «Песню Судьбы» в большой университетской аудитории («Письма к родным», 2, с. 249). 4. Имеет-

ся в виду письмо Л. Толстого к З. Гиппиус от 5 марта 1909 г. См.: Л. Толстой. Полн. собр. соч. (Юбилейное), т. 79. М., 1955, с. 103. 5. Альманахи «Шиповник». 6. Л. Андреев приглашал Блока приехать к нему на дачу для разговора. Он просил у Блока «Песню Судьбы» для Нового драматического театра и хотел привлечь его «к этому делу». «Условия крайне благоприятны для того, чтобы мы, литераторы, могли общими силами создать хороший театр», — писал он (письмо от 2 марта 1909 г. — «Реквием. Сб. памяти Леонида Андреева». М., 1930, с. 86). Письмо Л. Андреева, о котором идет речь, см. там же, с. 86—87. 7. См. примеч. 8 к письму 100. 8. Имеется в виду книга Б. Зайцева «Рассказы» (кн. 2-я. СПб., 1909) — с надписью: «Александру Блоку с лучшими чувствами. Бор. Зайцев. 28 февр. 1909» (ИРЛИ).

106. *Матери.* 1. Имеется в виду сборник «Италии» (СПб., 1909), где были опубликованы «Письмо к Л. Андрееву по поводу посвящения „Рассказа о семи повешенных“» Л. Н. Толстого и стихотворение З. Гиппиус «Земля». 2. З. Н. Гиппиус, Д. С. Мережковский и Д. В. Философов. 3. Во время гастролей Московского художественного театра в Петербурге Блок смотрел «Трех сестер» Чехова, «Синию птицу» Метерлинка, «У врат царства» Гамсуна, «Ревизора» Гоголя.

107. *Матери.* 1. Открытка от 4 мая 1909 г. из Венеции с изображением мадонны Сассо Ферато. 2. Ср.: записная книжка, между 1 и 8 мая 1909 г. (ЗК, с. 133). 3. К письму приложены две открытки, датированные: «Венеция, 7 мая 1909 г.», с репродукциями с картин Беллини «La Maddalena» и «Правда. Аллегория». В блоковском альбоме с открытками (ИРЛИ) есть репродукции с картин Беллини.

108. *Матери.* 1. Ср. стих. «Равенна» (2, 117). 2. Ср. стих. «Флоренция», 1 (2, 122). 3. Блок был во Флоренции в четырехлетнем возрасте. 4. Имеются в виду неполадки с ведением хозяйства в Шахматове и возможная его продажа.

109. *Матери.* 1. Ср. стих. «Умри, Флоренция, Иуда...» (2, 122). 2. Ср.: записная книжка, 15, 16, 18, 23—24 мая 1909 г. (ЗК, с. 134—136, 139). 3. Открытки с репродукциями с картин из итальянских музеев. 4. См. примеч. 4 к письму 108.

110. *Матери.* 1. Очевидно, «Глаза, опущенные скромно...» (2, 128), «Сиена» (2, 126), «Сиенский собор» (2, 127), а также стих. 2—5 цикла «Флоренция» (2, 122—123). 2. Перефразировано из стих. Тютчева «О чем ты воешь, ветр ночной?» («Про древний хаос, про родимый!»). 3. Ср.: записная книжка, 18 июня 1909 г. (ЗК, с. 147). 4. Ср.: записная книжка, ночь 11—12 июня, ночь с 14 на 15 июня 1909 г. (ЗК, с. 145, 147).

111. *Е. П. Иванову.* 1. «Весы», 1909, № 6, с. 81, где Брюсов пи-

сал: «Приняв одно произвольное положение... за исходную точку, автор все остальное выводит из него с неодолимой логикой, с реализмом крайним... Это — тот же метод, который позволяет математикам определять элементы и свойства фигур и тел в различных не-евклидовых пространствах». 2. Ср.: записная книжка, 5 сентября 1909 г. (ЗК, с. 160).

112. В. Я. Брюсову. 1. «Венеция», «Лев Святого Марка», «Помню вечер, помню лето...». 2. Пушкин. Под ред. С. А. Венгерова, т. 3. СПб., изд. Брокгауз — Ефрон, 1909. 3. См. примеч. 3 к письму 107 и примеч. 2 к письму 109. 4. Стих. «Равенна» (2, 117) посвящено Брюсову не было. 5. Ср. очерк «Взгляд египтянки» (5, 33). В альбоме, который Блок составил после поездки за границу, есть репродукция этого изображения (ИРЛИ). 6. См.: записная книжка, 25 мая 1909 г. (ЗК, с. 140).

113. А. А. Измайлову. 1. В Полн. собр. соч. Кнута Гамсуна (т. IV. СПб., Изд-во т-ва А. Ф. Маркс, 1910) были напечатаны за подписью Блока переводы рассказов: «Рабы любви», «Победитель», «Отец и сын», «Голос жизни», выполненные Л. Д. Блок.

114. С. К. Маковскому. 1. В «Аполлоне» (1910, № 4) печатался цикл Блока «Итальянские стихи» в следующем составе: «Равенна», «Maria de Spoleto», «Венеция», «Благовещение», «Успение».

115. П. И. Карпову. 1. Пимен Карпов. Говор зорь. СПб., 1909. 2. О «Говоре зорь» Блок не высказался, но в 1913 г. написал статью о другой книге П. Карпова — «Пламень» (4, 192—195). 3. В письме 26 января 1910 г., проникнутом крайними антиинтеллигентскими настроениями, Карпов утверждал: «Интеллигенты могут слиться с народом, сделавшись народом, т. е. когда перестанут мудрствовать лукаво и возмущаться за плуг» (ЦГАЛИ).

117. Л. Я. Гуревич. 1. «Алконост», кн. 1. Памяти Веры Федоровны Коммиссаржевской. СПб., 1911. Воспоминаний о Коммиссаржевской Блок не написал.

118. В. И. Кривичу. 1. 12 апреля 1910 г. В. И. Кривич писал Блоку: «Хотелось... лично передать Вам мою большую просьбу: может быть, дадите о «Ларце» отзыв в «Речи»? Вы, именно, Вы. Стихи свои отец любил особенной, какой-то болезненной и ревниво-чуткой любовью — «так любит мать, и лишь больных детей...» — хотелось бы видеть об этой выношенной, так долгожданной им книге отзывы писателей, мнения которых его интересовали, над творчеством которых он думал и творчество которых он любил» (ЛН, кн. 2, с. 323).

119. Е. П. Иванову. 1. Имеется в виду перестройка дома в Шахматове. «Валгалла» — по скандинавской мифологии дворец, где пребывали павшие в сражениях герои. Эпизод постройки этого двор-

ца входит в драму-оперу Вагнера «Золото Рейна». Весной 1910 г. Блок посещает все спектакли «Кольца Нибелунгов» Вагнера. 2. Перефразировано из стих. Апухтина «Ночи безумные, ночи бессонные...» 3. Ср. стих. «На железной дороге» (2, 154) и очерк «Ни сны, ни явь» (5, 61 – 64).

120. *Андрею Белому*. 1. Речь идет о письме А. Белого (первом после разрыва в 1908 г.), в котором он писал, что после прочтения статьи «О современном состоянии русского символизма» «почувствовал долг написать... чтобы выразить... мое глубокое уважение за слова огромного мужества и благородной правды... Во имя правды прошу у Тебя прощения...» («Переписка», с. 233). 2. Имеется в виду встреча в Петербурге на вечере памяти В. Ф. Коммиссаржевской 7 марта 1910 г. Об этой встрече см. в воспоминаниях А. Белого («Записки мечтателей», 1922, № 6, с. 118). 3. А. Белый писал: «...новое сближение с Ивановым – дело рук Минцловой... Иванов, в свою очередь, делает все усилия, чтобы сгладить шероховатости моих отношений с Блоком...» («Между двух революций», с. 393).

121. *Андрею Белому*. 1. В заметке «Вместо предисловия» в сборнике стихов «Урна» (М., 1909) Белый писал: «В «Урне» я собираю свой собственный пепел, чтобы он не заслонял света моему живому „я“». («Пепел» – заглавие сборника стихов А. Белого – «книга самосожжения и смерти», как он ее назвал). 2. «Балаган и трагедия» – «Русское слово», 1910, 14 сентября. 3. В альманахе «Антология» (М., «Мусагет», 1911) был помещен цикл «Ночные часы»: «Вступление» («Когда, вступая в мир огромный...» – 2, 114), «Искуситель» («Ты в комнате один сидишь...» – 2, 116), «Посещение» (2, 160), «Исход» («Идут часы, и дни, и годы...» – 2, 161).

122. *Б. А. Садовскому*. 1. Из стих. Тютчева «О чем ты воешь, ветр ночной...». 2. Неточная цитата из стих. Брюсова «Юргису Балтрушайтису» («Нам должно жить! Лучом и светлой пылью, Волной и бездной должно опьянеть...»). 3. См.: Б. Садовской. Русская Камена. М., 1910, с. 24 – 26: «...в сущности, главными деятелями великой эпохи (наполеоновских войн) были скромные Белкины и Гриневы, повесть жизни которых начиналась эпитафией: „Береги честь смолоду“». 4. См.: там же, с. 128. 5. См.: там же, с. 145 – 146, где сказано: «Всякий истинный поэт прежде всего есть человек... Прежде чем начать творить, поэт обязан многое пережить и, только претворив пережитое в поэзию, имеет право на звание поэта...» 6. Пафос борьбы за внеобщественную «чистую поэзию». 7. См. там же, с. 150: «Во всей фетовской поэзии несокрушимо преобладает спокойный и мудрый голос человеческого самолюбия. Силой духа поэт преодолевает и смерть, и время, и самую вечность; он никогда не жалуется и не боится. До него такой ясной примиренности с жизнью, такого умения владеть ею достигал в русской поэзии только Пушкин».

123. *Н. С. Архиповой*. 1. К письму приложено стих. «К мадонне» («Madonna da Settignano» — 2, 125).

124. *В. А. Пясту*. 1. О журнале, который хотел организовать Пяст в 1910—1911 гг., см.: письмо Блока А. Белому 17 января 1911 г. (СС, т. 8, с. 327); В. А. Пяст. Воспоминания о Блоке. — БВС, т. 1, с. 378, 538; «Письма к родным», 2, с. 109—113. 2. Блок писал Белому 23 января 1911 г.: «Журнал, конечно, расстраивается, так что все мои просьбы к Тебе — напрасны» («Переписка», с. 247).

125. *Л. Н. Андрееву*. 1. Л. Андреев писал Блоку 26 января 1911 г.: «Прочел Вашего «матроса» <стих. «Поздней осенью из гавани...» (2, 145)> в «Новой жизни» и как-то душевно потянуло меня к Вам. Нужно ли это писать Вам, или нет, не знаю. Может, и не нужно. Но подчиняюсь влечению, шлю Вам сердечный привет и память...» («Реквием. Сб. памяти Леонида Андреева». М., 1930, с. 87). Строки из этого стих. Андреев назвал «гениальнейшими» (см.: К. Чуковский. Собр. соч., т. 2. М., 1965, с. 293). 2. См.: «Памяти Леонида Андреева» (5, 59).

126. *Матери*. 1. «Возмездие» (2, 270). 2. См. предисловие к поэме «Возмездие» (2, 270—274).

127. *Андрею Белому*. 1. Написано под впечатлением газетных сообщений о напряженных русско-китайских отношениях (см.: «Речь», 1911, 2 и 3 марта). 2. Блок писал матери 8 марта 1911 г.: «Правительства всех стран зарвались окончательно. Может быть, еще и нам суждено увидеть три великих войны, своих Наполеонов и новую картину мира» («Письма к родным», 2, с. 132). Ср. о зиме 1911 г. в «Предисловии» к поэме «Возмездие» (2, 270). 3. «Возмездие». 4. От А. Белого.

128. *Андрею Белому*. 1. В письме начала марта 1911 г. из Каира А. Белый передавал ощущения, которые он испытывал, стоя перед Сфинксом («Переписка», с. 249). 2. Так Блок выражал сознание ответственности за Россию, стоящую на гребне волны мировых событий. 3. Корректura первого тома Собрания стихотворений.

129. *Андрею Белому*. 1. Блок писал Белому 11 апреля 1911 г.: «...оборвётся что-то, и до сих пор не могу поправиться и стать собой. Все — «семейное»; боюсь этого больше всего: здесь всего страшнее, потому что здешние призраки умеют нанести удар, откуда не ждал...» (СС, т. 8, с. 335). 2. Собрание стихотворений. Стихи о Прекрасной Даме (1898—1904), 2-е изд., испр. и дополненное. М., «Мусaget», 1911. 3. Ср.: очерк Блока «Wirballen» (СС, т. 5, с. 404); записная книжка, 21 июня 1909 (ЗК, с. 151); «Письма к родным», 2, с. 272—273. 4. Ср. стих. Блока «Да. Так диктует вдохновение...» (сентябрь 1911—7 февраля 1914) (2, 166).

130. *Л. Д. Блок*. 1. Церковь в селе Тараканово (близ Шахматова), где в августе 1903 г. Блок венчался с Л. Д. Менделеевой.

131. *Андрею Белому*. 1. Блок выехал за границу 5 июля 1911 г. через Вержболово — Эйдкунен. 2. Источник цитаты не установлен. 3. Статьи и заметки Белого 1906—1908 гг., перепечатанные в разделе «Литературный дневник» его сборника «Арабески» (М., «Мусaget», 1911). В этот же сборник вошли две статьи о Блоке — «Нечаянная Радость» и «Обломки миров». 4. Ср.: предисловие к «Собранию стихотворений» (1, 467), записная книжка, 4 июня 1911 г. (ЗК, с. 182). 5. Ср.: записная книжка, 4 июня 1911 г. (ЗК, с. 182). 6. Белый писал Блоку (конец мая 1911 г.) по поводу проекта издания «Дневника поэтов», участниками которого должны были быть Белый, Вяч. Иванов, Блок («Переписка», с. 257). 7. Там же Белый писал по поводу участия Блока в «Мусagetе»: «Для меня было бы счастьем превратить *Musaget* в наш общий орган...» («Переписка», с. 257).

132. *В. А. Пясту*. 1. Пяст иронически сообщал Блоку: «Чувствую свой публицистический долг: написать о трамваях, о съеденном действительными статскими советниками одного учреждения обеде, который предназначался для рабочих...» (Вл. Пяст. Воспоминания о Блоке, с. 92). 2. Вл. Пяст по происхождению — поляк. 3. Рудин — герой одноименного романа И. С. Тургенева.

133. *В. А. Пясту*. 1. Ср.: стих «Седое утро» (2, 197) и записная книжка, 3 июля 1911 г. (ЗК, с. 183).

134. *Матери*. 1. Л. Д. Блок выехала за границу раньше и встретила с Блоком в Абервраке.

135. *Матери*. 1. Albert Le Grand. Les vies des saints de la Bretagne. Armorique, Brest et Paris, 1837. Использована Блоком в работе над драмой «Роза и Крест». См.: СС, т. 4, с. 515; записная книжка, август, 1911 г. (ЗК, с. 184—185). 2. Имеется в виду драма Чехова «Три сестры». 3. 11 июля 1891 г. французская эскадра прибыла в Кронштадт в связи с заключением русско-французского союза. 4. Выражение А. Белого, обозначающее особый круг понятий и представлений. 5. В 1911 г. обострились франко-немецкие противоречия в связи с требованиями Германии раздела Марокко. 1 июня 1911 г. она направила в порт Агадир канонерскую лодку «Пантера». После вмешательства Англии Германия ограничилась захватом Французского Конго. Агадирский инцидент сгустил общую атмосферу тревоги в Европе. 6. См. стих «Ты помнишь? В нашей бухте сонной...» (2, 215).

136. *Матери*. 1. Из трагедии Шекспира «Король Лир» (акт 4, сц. 6). 2. Источник цитаты не установлен. 3. См. примеч. 5 к письму 135. 4. Ср.: дневник, 14 ноября 1911 г. (5, 151—152). 5. Приложено двенадцать открыток с видами Кемпера.

137. *Матери*. 1. Ср. стих Блока «Да. Так диктует вдохновенье...» (2, 166). 2. Блок считал своих предков со стороны отца

голландцами. 3. Замок, место действия трагедии Шекспира «Гамлет».

139. *Матери. 1.* Ф. Ф. Кублицкий-Пиоттук, отчим Блока, был переведен из Ревеля (Таллин) в Петербург, где стал командиром бригады.

140. *М. А. Ковалеву* (Р. Ивнелу). 1. См. дневник, 16 ноября 1911 г. (СС, т. 7, с. 92).

141. *Матери. 1.* См.: дневник, 28 ноября 1911 г. (СС, т. 7, с. 98). Блок слушал «Хованщину» в Мариинском театре с Шаляпиным в роли Досифея. 2. Ср.: дневник, 26 ноября 1911 г. (СС, т. 7, с. 97).

142. *Е. В. Спекторскому. 1.* «А. Л. Блок, государствовед и философ». Варшава, 1911. 2. С июня 1910 г. Блок начал работать над поэмой «Возмездие», которая первоначально называлась «1 декабря 1909 года» (дата смерти А. Л. Блока), затем «Отец». 3. Поэма «Возмездие» вышла отдельным изданием в 1922 г. в изд-ве «Алконост».

143. *Вяч. Иванову. 1.* Блок дважды отказывался прийти к Иванову. См. письма Вяч. Иванову от 5 декабря 1911 г. и от 2 января 1912 г. (Блоковский сб. 2, с. 377). 2. См. запись в дневнике от 16 января 1912 г. (СС, т. 7, с. 124). В марте 1912 г. отмечалось двадцатипятилетие литературной деятельности К. Бальмонта. На чествовании Блок не выступал. См. запись в дневнике от 5 марта 1912 г. (там же, с. 131). 3. «Вячеславу Иванову» (2, 178). См. запись в дневнике от 5 января 1912 г. (5, 162). 4. Имеется в виду третий том собрания стихотворений А. Блока («Мусагет»). 5. 6 мая 1912 г. Блок писал матери: «Вячеслав прислал мне *Cor Ardens* с ответом в стихах — очень трогательным» («Письма к родным», 2, с. 197). 6. Имеется в виду вторая книга сб. «На рассвете», которая не появилась.

144. *Андрею Белому. 1.* «Труды и дни». 2. Письмо не сохранилось. О Стриндберге ср.: дневник, 17–19 января 1911 г. (СС, т. 7, с. 124–125). 3. В журнале «Труды и дни», проект которого собирав А. Белый Блоку 30 сентября 1911 г. («Переписка», с. 266–267), второй отдел должен был состоять из лирических статей, фрагментов из дневников, писем и т. п.

145. *А. И. Арсенишвили. 1.* «Возмездие» (2, 270–312). 2. Перефразировано из стих. Пушкина «Поэт и чернь». 3. Из стих. Тютчева «О чем ты воешь, ветр ночной...».

147. *Андрею Белому. 1.* Ср.: дневник, 17 апреля 1912 г. (5, 170). 2. Вяч. Иванов. Мысли о символизме. — «Труды и дни», 1912, № 1. В дневнике к этому месту черновика письма была дана сноска: «Не из письма: утверждение Гумилева, что «слово должно значить только то, что оно значит», как утверждение — глупо, но понятно психологически, как бунт против Вяч. Иванова и даже как же-

ление развязаться с его авторитетом и деспотизмом» (там же). 3. Имеются в виду заключительные слова статьи Вяч. Иванова: «Истинный символизм... ставит себе цель: освобождение души (ῥῆσις как событие внутреннего опыта)». 4. Из статьи М. Кузмина «„Cor Ardens“ Вяч. Иванова» («Труды и дни», 1912, № 1, с. 51). 5. «О символизме» («Труды и дни», 1912, № 1). 6. «Лист»; подпись: Вольфинг. См. об этой статье: «Письма к родным», 2, с. 196. 7. Блок написал для 2-го номера «Трудов и дней» статью «От Ибсена к Стриндбергу» (4, 168–175). 8. В. Пяст. Нечто о каноне. — «Труды и дни», 1912, № 1. 9. См.: дневник, 17 апреля 1912 г.: «Соображения попутные (не из письма)...» (5, 170). 10. Намек на работу над сценарием балета из средневековой жизни — первоначальным наброском «Розы и Креста». Ср.: дневник, 24 марта 1912 г. (СС, т. 7, с. 136).

149. *Матери.* 1. «Роза и крест». Первоначально либретто оперы. 2. Пьеса А. Стриндберга «Винновны — не виновны» в постановке В. Э. Мейерхольда, декорации Ю. Бонди. 3. «Обыск в редакциях и арест журналистов» («Речь», 1912, 3 июля). Руманов был арестован после обыска в редакции газеты «Русское слово» в связи с опубликованием сведений о деятельности чинов охраны.

150. Э. К. *Метнеру.* 1. Из стих. Пушкина «Герой». 2. На полях книги Стриндберга, где описывается «душевный комплекс» одного из героев — помета Блока: «хаотичность души современного интеллигента» (Блоковский сб. 2, с. 395). 3. Имеются в виду эпизоды из автобиографического романа А. Стриндберга «Исповедь глупца». 4. Из стих. А. Белого «Друзьям», где третья строка: «Думой века измерил».

151. И. П. *Брихничеву.* 1. И. П. Брихничев просил Блока прислать для первого номера журнала «Новое вино» отзыв о «Братских песнях» Клюева, которым придавал «огромное религиозное значение», и высказаться по поводу программы журнала (письмо от августа 1912 г. — ЦГАЛИ).

152. Д. В. *Философову.* 1. Д. В. Философов обиделся, что Блок, обещав, не пришел к нему на именины и не предупредил его заранее. См.: дневник, 26 и 27 октября 1912 г. (СС, т. 7, с. 169–170). 2. Совет Религиозно-философского общества. 3. Слова из письма Д. В. Философова 27 октября 1912 г. (ЦГАЛИ), обращенные к Блоку.

153. В. Н. *Княжнину.* 1. Ср.: дневник, 9 ноября 1912 г. (СС, т. 7, с. 176).

154. Л. Д. *Блок.* 1. С мая по август 1908 г. Л. Д. Блок гастролировала с театральной труппой на Кавказе, где вела «вольную богемскую жизнь». 2. 7 ноября 1902 г. Блок решил в случае отказа Л. Д. Менделеевой принять его любовь покончить жизнь самоубийством. См.: БВС, т. 1, с. 169. 3. Письмо Л. Д. Блок начиналось: «Милый мой Лала».

155. *А. И. Исаковой. 1.* См.: дневник, 5 и 11 января 1913 г. (СС, т. 7, с. 204, 206).

156. *Л. Д. Блок. 1.* 18 февраля 1913 г. в Марининском театре состоялась премьера музыкальной драмы Р. Штрауса «Электра» в постановке В. Э. Мейерхольда, декорации А. Я. Головина, балетмейстер М. Фокин. Постановка шумно обсуждалась в литературно-художественных кругах. Ср.: дневник, 18 февраля 1913 г. (СС, т. 7, с. 222). 2. «„Электра“». Впечатления от генеральной репетиции» («Русское слово», 1913, 17 февраля), где Д. В. Filosofov крайне отрицательно высказывался о постановке. В этом же номере была опубликована статья Filosofova «Электра и Вяльцева» по поводу душной, ядовитой атмосферы, утраты иерархии ценностей в современной культуре, ее вопиющей противоречивости и беспринципности. Ср.: Блок о постановке «Электры» — дневник, 16 февраля и 20 апреля 1913 г. (СС, т. 7, с. 220, 239). 3. Ф. Коммиссаржевский. По поводу книги В. Э. Мейерхольда «О театре». — «Маски», 1912 — 1913, № 4. 4. «Наш театр» под руководством А. Зонина и Ж. Питоева открылся постановкой «Русалки» (по драме Пушкина) 12 февраля 1913 г. 5. «Роза и Крест».

157. *Ю. Н. Верховскому. 1.* Верховский прислал Блоку свое стих. «Даль очарована. И разочарованье...», которое, как считал автор, навеяно стих. Блока «Грусть и плача и смеясь...» (2, 104). 2. Имеются в виду драма «Роза и Крест» и поэма «Возмездие».

158. *К. П. Цинговатовой. 1.* К. П. Цинговатова обратилась к Блоку с благодарностью за все то, что дает его поэзия, — «солнце», в которое она «поверила». «Моя жизнь скоро сторит», — пишет она и просит написать приветственное слово ее сыну (письмо от 15 февраля 1913 г. — ЦГАЛИ. Ср.: дневник, 23 февраля 1913 г. — СС, т. 7, с. 224). 2. Из стих. «А. Л. Бржеской» («Далекый друг, пойми мои рыдания...»).

159. *Л. Д. Блок. 1.* «Возмездие». 2. См. план поэмы 21 февраля 1913 г. (2, 366). 3. См. письмо 156.

160. *Э. П. Юргенсону. 1.* Имеется в виду портрет Блока работы К. А. Сомова 1907 г. (Гос. Третьяковская галерея).

161. *С. А. Богомоллову. 1.* «Я с ужасом посмотрел на себя как на юношу этого века... — писал Богомоллов 4 марта 1913 г. — Мы читаем и смотрим новую драму, а Шекспир — спит. Один из моих знакомых недавно открыл, что «Гоголь — хороший писатель». И нет воли уйти от современности, от красных галстуков, фельетонов и судов над «Екатериной Ивановной» и удручающего безвкусицы» (ЦГАЛИ). На письме Богомоллова пометка Блока: «Очень значительное письмо». Ср.: дневник, 7 марта 1913 г. (СС, т. 7, с. 228).

162. *В. М. Отроковскому. 1.* См.: дневник, 4 марта 1913 г. (СС, т. 7, с. 227).

163. Л. Д. Блок. 1. Л. Д. Блок уезжала в Житомир. 2. Ср.: дневник, 27 апреля 1913 г. (СС, т. 7, с. 241–242). 3. Термин Ницше.

164. Ю. Н. Верховскому. 1. Г. В. Соболевский предоставил возможность Ю. Н. Верховскому и Блоку совершить большое морское путешествие (см. «Встречи с прошлым». М., 1982, с. 123). 2. Имеется в виду рецензия Ю. Н. Верховского на книги Блока: «Сказки» (М., 1912), «Круглый год» (М., 1912). – Ю. В. Детские стихи А. Блока. – «Русская Молва», 1913, № 126, 19 апреля. 3. Л. Я. Гуревич возглавила вместо В. Я. Брюсова литературно-критический отдел журнала «Русская мысль».

165. С. А. Богомолу. 1. См.: дневник, 1 мая 1913 г. (СС, т. 7, с. 247). На сохранившихся последующих письмах С. А. Богомолу пометы Блока: «Еще не живет вовсе. Какой будет – не видно. Пока не отвечу» (сентябрь 1913); «Плохо верится, чтобы эта «красная девица» переменялась и возмужала» (май 1914); «По-бабьи бездарно, банально и ничемно. Не стоит отвечать. Все ведь неправда» (октябрь 1914).

166. В. А. Пясту. 1. Конверт письма склеен из иллюстрированного проспекта Гетари.

167. Л. А. Дельмас. 1. Ср.: записная книжка, 14 февраля 1914 г. (ЗК, с. 207). Блок впервые увидел Л. А. Дельмас в роли Кармен в спектакле петербургского театра Музыкальной драмы в октябре 1913 г. (см.: М. А. Бекетова. Александр Блок, 2-е изд. Л., 1930, с. 192).

168. Л. А. Дельмас. 1. См. письмо 167. 2. Ср.: записная книжка, 2 марта 1914 г. (ЗК, с. 210, 211–213).

169. В. М. Жирмунскому. 1. В. М. Жирмунский. Немецкий романтизм и современная мистика. СПб., 1914 – с надписью: «Глубокоуважаемому Александру Александровичу Блоку от искренно обязанного и благодарного ему автора. СПб. 2 марта 1914» (с многочисленными пометками и подчеркиваниями Блока. – ИРЛИ). 2. Эпиграф: «Еще летали сны – и схваченная снами Душа молилася неведомым богам. Вл. Соловьев»; в записной книжке (6 января) отмечена рецензия Д. Философова «Немецкий романтизм и русская литература» («Речь», 1914, 6 января); *сегодняшний день* – в записной книжке, 3 марта 1914 г.: «Серый день, освященный ею (Л. А. Дельмас)».

170. Л. А. Дельмас. 1. Очевидно, дата ошибочна, нужно 26 марта. Ср.: записная книжка, 26 марта 1914 г. (ЗК, с. 218). 2. Блок прислал Л. А. Дельмас «Собрание стихотворений» (т. 1–3, «Мусaget», 1911–1912) – с надписью: «Среди поклонников Кармен...» (2, 225). 3. Стихотворения «Как океан меняет цвет...» (2, 224), «Сердитый взор бесцветных глаз...» (2, 226).

171. Л. А. Дельмас. 1. См.: записная книжка, 1 и 2 апреля 1914 г. (ЗК, с. 212).

172. Л. А. Дельмас. 1. См.: записная книжка, 6 мая 1914 г. (ЗК, с. 226).

173. Л. А. Дельмас. 1. Ср.: разговор Л. А. Дельмас с А. Е. Гореловым (Анат. Горелов. Гроза над соловьиным садом. Александр Блок, 2-е изд. Л., 1973, с. 58). 2. Стих. «Сердитый взор бесцветных глаз...» (2, 226). 3. Ср.: записная книжка, 2, 4, 5, 9, 12, 14, 25–29 марта 1914 г. (ЗК, с. 211–216, 218–221). 4. Из стих. «Нет, никогда моей, и ты ничьей не будешь...» (2, 229). 5. См.: записная книжка, 19 июня 1914 г. (ЗК, с. 233).

174. В. А. Зоргенфрею. 1. В письме от 4 июня 1914 г. В. А. Зоргенфрей сообщал Блоку, что лечится от сильного нервного расстройства в санатории. «Ничего не пишу, ничего не читаю – со мною только сборник Ваших стихов и несколько латинских авторов, – писал он. – ...Мир мой далеко от меня, но Вы мне снитесь постоянно, и только Ваши стихи помнятся мне и говорят о жизни» (ЦГАЛИ). На письме пометка Блока: «Ответил почти через месяц – и вяло». 2. К письму были приложены посвященные Блоку стихи: «Помнит месяц наплывающий...». 3. Имеется в виду увлечение Л. А. Дельмас. 4. Намек на романы Гете: «Годы учения Вильгельма Мейстера» и «Годы странствий Вильгельма Мейстера».

175. Л. А. Дельмас. 1. См. записная книжка, 16 и 17 августа 1914 г. (ЗК, с. 237). К августу относится и второй расширенный черновик поэмы «Соловьиный сад» (СС, т. 3, с. 579–580). Ср. также стих. «Ты жил один! Друзей ты не искал...» (2, 233), «Была ты всех ярче, верней и прелестней...» (2, 235).

176. В. Э. Мейерхольду. 1. Стих. З. Гиппиус «Любовь – одна». 2. От названия журнала «Любовь к трем апельсинам. Журнал доктора Дапертутто», редактором-издателем которого был Мейерхольд. Блок отрицательно относился к модернистским тенденциям журнала, хотя и принимал в нем участие как редактор отдела стихов. См.: М. А. Бекетова. Александр Блок. Пб., 1922, с. 193. 3. Намек на слова паяца из драмы Блока «Балаганчик»: «Истекаю клюквенным соком». «Балаганчик» был посвящен Мейерхольду.

178. Л. Д. Блок. 1. Имеется в виду спектакль «Театральной студии» под руководством В. Э. Мейерхольда 12 февраля 1915 г. из трех отделений: первое – интермедия Сервантеса «Саламанкская пещера», второе и третье – этюды и пантомимы. 2. Пьеса З. Гиппиус, которую В. Э. Мейерхольд ставил в Александринском театре. Блок был на одной из репетиций 5 февраля 1915 г.

179. В. А. Пясту. 1. Блок редактировал книгу: «Стихотворения Аполлона Григорьева. Собрал и примечаниями снабдил Александр Блок». М., изд. К. Ф. Некрасова, 1916. 2. Имеются в виду «Собрание

стихотворений» (т. 1–3) и «Театр» (М., «Мусагет», 1916). 3. Пяст был обижен откровенно высказанным мнением Блока по поводу обострения его психического заболевания. 4. Пяст в письме Блоку от 25 марта 1915 г. (ЛН, кн. 1, с. 218) жаловался, что за время его болезни все о нем забыли и, в частности, не пригласили участвовать в сб. «Жертвам войны». 5. «Любовь к трем апельсинам».

181. *Матери*. 1. Ср.: записная книжка, 4 и 11 июня 1915 г. (ЗК, с. 265). 9 июня 1915 г. русские войска сдали Львов, одновременно немецкие войска перешли в наступление на северном крыле фронта и заняли Либаву. 2. Ср.: записная книжка, 7, 10, 14 июня 1915 г. (ЗК, с. 265, 266). 3. Автобиографический очерк для «Русской литературы XX века» под ред. С. А. Венгерова (изд-во «Мир»).

182. *Л. А. Дельмас*. 1. В конце июля 1915 г. Дельмас неделю гостила в Шахматове. См.: М. А. Бекетова. Александр Блок. Пб., 1922, с. 203, а также письмо А. А. Кублицкой-Пиотух к М. П. Ивановой от 6 августа 1915 (ЛН, кн. 3, с. 450–451).

183. *В. Я. Брюсову*. 1. Блок перевел 20 стихотворений Аветика Исаакяна (2, 333–341). 2. Брюсов предложил Блоку принять участие в редактировавшемся им сборнике «Поэзия Армении с древнейших времен до наших дней» (М., 1916) и послал ему стихотворения Терь-яна (письмо от 13 сентября 1915 г. – ЛН, кн. 1, с. 517).

184. *А. Н. Чеботаревской*. 1. «Летопись». 2. На письме Чеботаревской надпись Блока: «1915. Получ. 25.XII. После совещ. с мамой, З. Н. <Гиппиус> и Ал. Н. Чеботарев. отв. 27 дек.». На втором письме Чеботаревской с оскорбительными нападками на Горького Блок написал: «Сие получено 30.XII.1915. Нельзя так говорить об авторе Фомы Гордеева, Троих, На дне – недостойно. Не отвечу» (ЦГАЛИ).

187. *С. Н. Тутолминой*. 1. Блок уклонился от участия в ужине после венчания С. Н. Тутолминой, на котором присутствовал в качестве шафера. См.: ЛН, кн. 1, с. 295–296. 2. Рассказ Л. Андреева «Тьма».

188. *Н. А. Нолле-Коган*. 1. Книга П. С. Когана (М., 1915). 2. П. С. Коган в «Прологе» излагает «программу действия» модернистов: 1. Себялюбие и признание ценности лишь собственных переживаний. 2. Взгляд на людей как на средство внутреннего обогащения. 3. Враждебность творческой личности всякого рода человеческих соглашений. 3. «Всякий читатель, особенно русский, всегда ждал и ждет от литературы указания жизненного пути»; «самое большое, что может сделать лирика, – это обогатить душу и усложнить переживания... Никаких идейных, моральных или иных выводов я здесь не делаю». 4. «Душа молчит. В холодном небе...» (1, 132).

189. *А. А. Измайлову*. 1. В «Биржевых ведомостях» 20 марта 1916 г. был опубликован перевод Блока стих. Исаакяна «Во долине,

во долине Сално боевой...» (2, 335). 2. В «Биржевых ведомостях» (утренний выпуск, 1916, 28 января) была помещена статья А. Измайлова о посещении им вдовы Ф. М. Достоевского «У А. Г. Достоевской (к 35-летию со дня кончины Ф. М. Достоевского)». 3. Об откликах на «Стихотворения Аполлона Григорьева» (М., 1916) см.: СС, т. 5, с. 766.

190. В. Э. Мейерхольду. 1. В журнале «Любовь к трем апельсинам. Журнал доктора Дапертутто» (1916, кн. 1) были напечатаны стих. Блока: «Голос из хора» (2, 223) и Влад. Княжнина «Свет ангельский». 2. Имеются в виду отрывки из поэм Маяковского. Маяковский публиковал в альманахах и сборниках отрывки из поэм «Облако в штанах» и «Флейта-позвоночник», с которыми, очевидно, Блок был знаком.

191. П. С. Сухотину. 1. А. Григорьев. Мои литературные и нравственные скитальчества. Послесловие и примечания П. Сухотина. М., изд. К. Ф. Некрасова, 1915 — с надписью: «1916 г. 5 февр. Дорогому Александру Александровичу Блоку на память о свидании на Пряжке от Павла Сухотина» (ИРЛИ).

192. А. Я. Гуревич. 1. А. Я. Гуревич благодарила Блока за присланную им поэму «Соловьиный сад», писала о своей любви к его поэзии и выражала сожаление, что Блок хочет изъять из подготавливаемого им в изд-ве «Мусaget» нового издания своих стихотворений стих. «Влюбленность» («Весна над замком» — 1, 352). Блок включил это стихотворение во вторую книгу стихотворений (1916).

193. Л. Я. Гуревич. 1. См.: СС, с. 4, с. 521 — 527. Ср.: дневник, 2 мая 1913 г. (СС, т. 7, с. 247). 2. Имеется в виду решение Московского Художественного театра ставить «Розу и Крест» (телеграмма В. И. Немировича-Данченко 24 ноября 1915 г. — ЦГАЛИ). 3. Слова из стих. Баратынского «Муза».

194. А. А. Ахматовой. 1. «У самого моря» (оттиск из журнала «Аполлон», 1915, № 3 — с надписью: «Александру Блоку — Анна Ахматова. 27 апреля 1915. Царское Село». — ИРЛИ).

195. О. А. Кауфман. 1. Из стих. Блока «Рожденные в года глухие...» (2, 239). 2. Имеется в виду цикл «Снежная маска».

196. В. В. Лужскому. 1. Репетиции «Розы и Креста» в Московском Художественном театре были перенесены на осень 1916 г. После того как музыка Ю. П. Базилевского к постановке «Розы и Креста» была забракована, предполагалось, что ее будет писать С. Н. Василенко. Декорации были поручены М. В. Добужинскому (письмо В. В. Лужского от 22 мая 1916 г. — ЦГАЛИ; см. также «Письма к родным», 2, с. 285).

197. О. В. Гзовской. 1. Ср.: записная книжка 19 и 26 мая 1916 г. (ЗК, с. 300, 302). 2. Имеются в виду пародийные сценки, которые сочиняла и показывала Гзовская в узком кругу (см.: БВС,

т. 2, с. 132). 3. «Аристократка» и «англичанка» — геронни сценок Гзовской. 4. Играя женщину в притоне, Гзовская забыла загримировать руки.

198. *Матери*. 1. Из трагедии Пушкина «Дон Жуан». 2. «Добролюбие», в русском переводе, дополненное (т. I. М., 1883). Впоследствии книга была подарена Блоком Н. А. Павлович; в книге многочисленные пометки и подчеркивания Блока. Ср.: записная книжка, 14 и 16 июня 1916 г. (ЗК, с. 306, 307). 3. «Сведения о жизни аввы Евагрия» и «Евагрия монаха наставления о подвижничестве» — последняя глава книги.

200. *Л. Н. Андрееву*. 1. Л. Андреев хотел привлечь Блока к сотрудничеству в газете «Русская воля», где он редактировал литературный и театральный отдел. См. письмо Л. Андреева от 6 октября 1916 г. («Реквием. Сб. памяти Леонида Андреева». М., 1930, с. 87—88). По поручению Андреева Блоку звонил его секретарь В. В. Брусянин.

201. *Матери*. 1. М. А. Бекетову. 2. См. стих. «Новая Америка» (2, 198) и предисловие к поэме «Возмездие» (2, 273).

202. *Матери*. 1. В Московский Художественный театр, где готовилась постановка драмы «Роза и Крест». 2. «Чрезвычайная следственная комиссия для расследования противозаконных по должности действий бывших министров, главноуправляющих и прочих высших должностных лиц как гражданского, так и военного и морского ведомств», учрежденная Временным правительством 5 марта 1917 г. При комиссии работала редакторская коллегия, обрабатывавшая стенограммы допросов. 3. 23 марта 1917 г. на Марсовом поле были торжественно похоронены борцы, павшие в дни Февральской революции.

203. *Матери*. 1. Вместо «сливки общества».

205. *Л. Д. Блок*. 1. Имеется в виду работа в Чрезвычайной следственной комиссии. 2. По поводу откомандирования из дружины.

206. *Л. Д. Блок*. 1. Л. Д. Блок писал: «Счастлив ты, да так и должно быть, так справедливо, что к тебе события повернуты их грандиозною стороною и тебе некогда их видеть так, как они отражаются в повседневной жизни...» (ЦГАЛИ).

207. *Матери*. 1. Ср.: дневник, 19 июня 1917 г. (СС, т. 7, с. 265). 2. 16 июня 1917 г. открылся I Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. См.: дневник, 16 июня 1917 г. (СС, т. 7, с. 262—264).

208. *Л. Д. Блок*. 1. Из книги Т. Карлейля «Французская революция» (СПб., 1907, гл. V, с. 31); в экземпляре Блока (ИРЛИ) эти слова подчеркнуты. 2. См. примеч. 2 к письму 207.

209. *П. Б. Струве*. 1. В шоле статей В. Бурцева была начата травля Горького буржуазной печатью, обвинившей его в измене ро-

дине. В защиту Горького выступили С. Ф. Ольденбург, В. Я. Брюсов и др.

210. *Матери*. 1. Из стих. Пушкина «Деревня». 2. Из поэмы Горького «Песня о Соколе».

211. *Андрею Белому*. 1. А. Белый писал Блоку 17 марта 1918 г.: «Читаю с трепетом Тебя. «Скифы» (стихи) — огромны и эпохальны, как «Куликово поле»... По-моему, Ты слишком неосторожно берешь иные ноты. Помни — Тебе не «простят» «никогда»... Кое-чему из твоих фельетонов в «Знамени труда» и не сочувствую, но поражаюсь отвагой и мужеством Твоим. ...Будь мудр: соедини с отвагой и осторожность» («Переписка», с. 335). Об этом письме см.: записная книжка, 18 марта 1918 г. (ЗК, с. 395). 2. См.: записная книжка, 9, 29 января и 18 февраля 1918 г. (ЗК, с. 383, 387, 388–389), а также «Из Записки о „Двенадцати“» (2, 377, полностью — «Памяти Александра Блока». Пб., «Вольфила». 1922, с. 30–32). *Дух земли* — в «Фаусте» Гете — олицетворение жизни природы в ее целом. 3. Ср. «Записку о „Двенадцати“» (СС, т. 3, с. 474).

212. *Ю. П. Анненкову*. 1. Ю. П. Анненков иллюстрировал «Двенадцать» в издании «Алконост» (1918). 2. От названия сатирического журнала «Сатирикон». 3. См. также замечания Блока об образе Христа (СС, т. 3, с. 629).

213. *Н. А. Нолле-Коган*. 1. «Лирик нашего времени» — «Театральный курьер», 1918, № 11, 29 сентября. 2. Из стих. Пушкина «Деревня». 3. В конце марта Блок начал работать в Репертуарной секции Петроградского театрального отдела Наркомпроса, а с октября 1918 г. стал ее председателем.

214. *Н. А. Нолле-Коган*. 1. См.: ЛН, кн. 2, с. 358. Речь идет об участии П. С. Когана в работе Репертуарной секции Театрального отдела Наркомпроса.

215. *В. А. Зоргенфрею*. 1. Блок взял на себя редактирование избранных сочинений Гейне в изд-ве «Всемирная литература». Он приступил к работе 24 ноября 1918 г. и занимался ею по март 1921 г. Предполагалось собрание в 5-ти, а затем в 7-ми томах. Вышли в свет 2 тома: Г. Гейне. Собрание сочинений. Под ред. А. Блока, т. V, VI. Пб., «Всемирная литература», 1920, 1922. Записи об этой работе заняли большое место в записных книжках этих лет и в дневнике 1921 г. Одновременно Блок опять стал переводить Гейне. Со смертью Блока издание прекратилось. Стихи, отредактированные Блоком, были использованы В. А. Зоргенфреем в кн.: Г. Гейне. Стихотворения. М. — Л., «Academia», 1931. 2. Блок сначала для пробы перевел 10 страниц «Путевых картин» Гейне. В 1920 г. переводил его стихи.

216. *Н. А. Нолле-Коган*. 1. Речь идет об устройстве вечера Блока в Москве; такие вечера состоялись в Москве в мае и июле 1920 г. 2. См. примеч. 1 к письму 215. 16 декабря 1918 г. Блок писал

Нолле-Коган: «Если Вы знаете молодых поэтов, переводивших или желающих переводить Гейне, укажите мне на них, а им на меня. Все переводы, которые мне пришлют, я рассмотрю с благодарностью. Считаю, что русского Гейне не существует» (ЛН, кн. 2, с. 333). 3. Н. Heine. *Sämtliche Werke*. Hrsg. von E. Elster. Lpz. Wien, 1887–1890.

217. Н. А. Нолле-Коган. 1. См. записная книжка, 24 декабря 1918 г. (ЗК, с. 441).

218. П. О. Морозову. 1. См.: записная книжка, 12 февраля 1919 г. (ЗК, с. 449).

219. М. Ф. Андреевой. 1. Блок был назначен 26 апреля 1919 г. председателем режиссерского управления Большого драматического театра и оставался на этом посту до июля 1921 г. 2. См. статью Блока «Большой драматический театр в будущем сезоне» (СС, т. 6, с. 347–350), а также вступления к спектаклям (4, 370–381).

220. В. М. Жирмунскому. 1. По поводу статьи В. М. Жирмунского в изд-ве «Всемирная литература» возникли прения. В связи с этими прениями А. Л. Вольнский выступил 26 декабря 1919 г. с докладом «Разрыв с христианством» («Жизнь искусства», 1923, № 31). С ответным докладом «О иудаизме у Гейне» выступил Блок (СС, т. 6, с. 144–150). 2. Этот том в свет не вышел.

221. В. Е. Аренс. 1. В. Е. Аренс писала 21 октября 1919 г. Блоку: «Меня тянет к Вам не как к великому поэту, но как к настоящему человеку, что почти так же редко встречается... будь Вы самым простым смертным, я думаю, что мне также бы хотелось подойти к Вам ближе» (ЦГАЛИ).

222. Г. П. Блоку. 1. Из стих. Фета «Ярким солнцем в лесу пламенеет костер...», где: «Но нахмурится ночь». В письме Блоку от 5 декабря 1920 г., написанном под впечатлением свидания с ним, Г. П. Блок цитировал две последние строфы этого стихотворения (ЦГАЛИ). 2. Имеются в виду слова Блока: «Если не жить современностью – нельзя писать». См.: Г. Блок. Из очерка «Герои „Возмездия“». – БВС, т. 1, с. 102.

223. Н. А. Нолле-Коган. 1. Нолле-Коган просила Блока быть крестным отцом ее будущего ребенка. 2. Русская устная словесность, т. I. Былины. Исторические песни. М., изд. М. и С. Сабашниковых, 1916. 3. «Редакция 1-го явления «Тассо» Гете (перевод Зоргенфрея...). Дни большой и хорошей работы», – записал Блок 9 декабря 1920 г. (ЗК, с. 509). Ср. также заметку 16 декабря 1920 г. (ЗК, с. 509) и записи в дневнике 7, 8 января 1921 г. (СС, т. 7, с. 392–395). 4. См.: записная книжка, 25 декабря 1920 г. (ЗК, с. 510).

224. Н. А. Нолле-Коган. 1. Н. А. Нолле-Коган ожидала тяжелые роды. 2. А. Н. Нолле был болен. 3. Родственница Коганов. 4. После неудачи в Художественном театре Блок передал драму

«Роза и Крест» в театр МОНО (быв. Незлобина), где ее должен был ставить режиссер О. В. Блюм. 5. См.: запись в дневнике от 11 мая 1921 г. (СС, т. 7, с. 418–419).

225. М. С. Шагинян. 1. «Дом у дороги» и «Самопознание» изданы не были. «Чудо на колокольне» — «Записки мечтателей», 1922, № 5. «Истинно суженый» — «Приазовский край», 1918, № 229. «Разлука по любви» — М. Шагинян. Собр. соч, т. 1. М., 1935. О драмах Шагинян см.: дневник, 25 мая 1921 г. (СС, т. 7, с. 421). 2. Персонаж из «Чуда на колокольне». 3. Имеется в виду С. М. Алянский.

226. К. И. Чуковскому. 1. Из стих. Блока «Стихи о предметах первой необходимости» (СС, т. 3, с. 426).

227. Матери. 1. Имеется в виду договор Блока с быв. театром Незлобина на постановку драмы «Роза и Крест». См.: Блоковский сб. 2, с. 411.

228. Н. А. Нолле-Коган. 1. С рождением сына. 2. Н. А. Нолле-Коган советовала согласиться с предложением Художественного театра оставить драму «Роза и Крест» им. 3. См. примеч. 1 к письму 227.

Андреев Л. Н. — 125 (собр. А. Я. Полонского (Париж); «Нева», 1966, № 1); 200 (*ИРЛИ*; «Новый мир», 1932, № 2).

Андреева М. Ф. — 219 (Архив А. М. Горького; «Лит. Ленинград», 1934, № 22, 14 мая).

Анненков Ю. П. — 212 (*ИРЛИ*; «Записки мечтателей», 1922, № 6).

Анненский И. Ф. — 52 (*ЦГАЛИ*; «Стройка», 1931, № 20—21).

Аренс В. Е. — 221 (*ЦГАЛИ*; *СС*, т. 8).

Арсенишвили А. И. — 145 («А. Блок. Неизданные стихи. История одного письма». Тифлис, 1927 — факсимильное воспроизведение).

Архипов Е. Я. — 61 (*ЦГАЛИ*; «Знамя», 1964, № 1).

Архипова Н. С. — 123 (*ИРЛИ*; «Русская литература», 1962, № 2).

Ахматова А. А. — 194 (*ЦГАЛИ*; К. Чуковский. Александр Блок как человек и поэт. Пг., 1924).

Белый Андрей — 21 (*ГБЛ*; «Записки мечтателей», 1922, № 6); 26, 31, 32, 35, 39, 45, 46, 47, 49, 58, 63, 71, 73, 74, 75, 77, 78, 82, 88, 120, 121, 127, 128, 129, 131, 211 (*ГБЛ*; «Переписка»); 144 (черновик в дневнике 1912 г. — *ИРЛИ*; «Дневник Ал. Блока 1911—1913». Л., 1928); 147 (Гос. лит. музей; «Переписка»).

Блок А. Л. (отец поэта) — 7, 11, 30, 37, 40, 48 (*ИРЛИ*; «Письма к родным», 1).

Блок Г. П. — 222 («Русский современник», 1924, № 3).

Блок Л. Д. — 16, 17, 22, 23, 25, 154, 156 (*ЦГАЛИ*; *ЛН*, т. 89); 19, 20 (*ЦГАЛИ*; «Лит. газета», 1973, № 14, 4 апреля); 24, 178 (*ЦГАЛИ*; «Звезда», 1936, № 8); 72, 85, 86, 87, 92, 93, 94, 95, 130, 159, 205, 206 (*ЦГАЛИ*; *СС*, т. 8); 163, 208 (*ЦГАЛИ*; «Ленинград», 1945, № 21—22).

Богомолов С. А. — 161, 165 (*ИРЛИ*; «Лит. современник», 1934, № 8).

* Цифры после имени адресата указывают номер письма в настоящем томе, в скобках приведены сведения о местонахождении автографа и первой публикации.

- Брихничев И. П. — 151 («Сегодня», 1922, № 2–3).
- Брюсов В. Я. — 27, 38, 70, 112 (ГБЛ; «Печать и революция», 1928, № 4); 50, 55, 183 (ГБЛ; «Лит. современник», 1936, № 9); 53, 79 (ГБЛ; ЛН, кн. 1); 60 (ГБЛ; А. Блок. Соч. в 2-х т., т. 2. М., 1955).
- Веригина В. П. — 65 (Гос. лит. музей; А. Блок. Соч. в 2-х т., т. 2); 67 (Гос. лит. музей; «Лит. критик», 1940, № 11–12).
- Верховский Ю. Н. — 157, 164 (копии в статье Ю. Н. Верховского «Улыбка Блока» — ЦГАЛИ; «Встречи с прошлым». М., 1982).
- Гзовская О. В. — 197 (ЛГТМ; «Русская литература», 1961, № 3).
- Гиттис А. В. — 3 (ИРЛИ; ЛН, кн. 1); 4, 5, 6, 9, 13, 66 (ИРЛИ; А. Блок. Соч. в 2-х т., т. 2); 41, 54 (ИРЛИ; СС, т. 8).
- Гиттис З. Н. — 8 (автограф-черновик — ИРЛИ; ЛН, т. 27–28); 10, 12, 14, 15 (автограф-черновик в дневнике 1902 г. — ИРЛИ; ЛН, т. 27–28).
- Гиттис Т. Н. — 69 (ИРЛИ; «Ивановский альманах», 1945, кн. 5–6).
- Гуревич А. Я. — 192 (ИРЛИ; «Ивановский альманах», 1945, кн. 5–6).
- Гуревич Л. Я. — 81 (ИРЛИ; «Литература и искусство», 1928, № 1); 117 (ИРЛИ; «Новый мир», 1932, № 5); 193 (ИРЛИ; «Вечерний Киев», 1928, № 172, 25 июля).
- Дельмас Л. А. — 167 (собр. Л. А. Дельмас; СС, т. 8); 168, 171, 172, 173, 175 (собр. Л. А. Дельмас; «Звезда», 1970, № 11); 170 (Музей Ал. Блока; СС, т. 8); 182 (Музей Ал. Блока; «Звезда», 1970, № 11).
- Есенин С. А. — 180 (ЦГАЛИ; «Огонек», 1955, № 48).
- Жирмунский В. М. — 169, 220 (ИРЛИ; СС, т. 8).
- Зоргенфрей В. А. — 174 (ИРЛИ; «Записки мечтателей», 1922, № 6); 215 (ИРЛИ; СС, т. 8).
- Иванов В. И. — 143 (ГБЛ; Блоковский сб. 2).
- Иванов Е. П. — 33, 56 (ЦГАЛИ; «Звезда», 1931, № 10); 34, 96, 111, 119 (ЦГАЛИ; «Письма Ал. Блока к Е. П. Иванову». М. — Л., 1936); 44, 62 (ЦГАЛИ; «Звезда», 1935, № 8).
- Измайлов А. А. — 113, 189 (ИРЛИ; «Стройка», 1931, № 20–21).
- Исакова А. П. — 155 (ИРЛИ; «Новый мир», 1955, № 11).
- Карпов П. И. — 115 (ГПБ; «Лит. современник», 1933, № 5).
- Катонин Л. И. — 204 (Архив АН УССР; «Филологический сборник», Изд-во Киевского гос. ун-та им. Т. Г. Шевченко, 1953, № 5).
- Кауфман О. А. — 195 («Лит. критик», 1940, № 11–12).
- Княжнин В. Н. — 153 («Письма Александра Блока». Л., 1925).
- Кобылинский Л. Л. (Эллис) — 68 (ГБЛ; СС, т. 8).
- Ковалев М. А. (Р. Ивнев) — 140 (Гос. лит. музей Грузии; «Лит. газета», 1956, № 93, 7 августа).
- Кривич В. И. — 118 (ЦГАЛИ; СС, т. 8).
- Кублицкая-Пиоттук А. А. (мать поэта) — 59, 84, 89, 98, 99, 104,

105, 106, 107, 108, 109, 110 (ИРЛИ; «Письма к родным», 1); 126, 134, 135, 136, 137, 138, 139, 141, 149, 181, 198, 199, 201, 202, 203, 207, 210 (ИРЛИ; «Письма к родным», 2); 227 (ИРЛИ; «Звезда», 1931, № 10).

Кузмин М. А. — 90 (ГПБ; «Ивановский альманах», 1945, кн. 5—6).

Куликов С. Н. — 116 (ЦГАЛИ; «Новый мир», 1955, № 11).

Лужский В. В. — 196 (Музей МХАТ; СС, т. 8).

Маковский С. К. — 114 (ГПБ; «Стройка», 1931, № 20—21).

Мейерхольд В. Э. — 64 (ГБЛ; «Искусство и труд», 1921, № 1); 176 (ГБЛ; «Лит. газета», 1973, № 11, 14 марта), 190 (ГБЛ; «Новый мир», 1979, № 4).

Менделеева Л. Д. — см. Блок Л. Д.

Метнер Э. К. — 150 (ГБЛ; Блоковский сб. 2).

Михайлова С. М. и Романова А. И. — 146 (ИРЛИ; «Русская литература», 1962, № 2).

Морозов П. О. — 218 (ИРЛИ; «Новый мир», 1932, № 2).

Нолле-Коган Н. А. — 188, 213, 214, 217, 228 (Ин-т мировой литературы; ЛН, кн. 2); 216 (ЦГАЛИ; ЛН, кн. 2); 223, 224 (ЦГАЛИ; СС, т. 8).

Отроковский В. М. — 162 (ИРЛИ; «Новый мир», 1955, № 11).

Пантюхов М. И. — 91 («М. И. Пантюхов — автор повести „Тишина и старик“». Киев, 1911).

Перцов П. П. — 28, 51 (Ин-т мировой литературы; П. Перцов. Ранний Блок. М., 1922).

Пяст В. А. — 124, 133 (ИРЛИ; Вл. Пяст. Воспоминания о Блоке. Пб., 1923); 132 (ИРЛИ; «Лит. ежегодник», 1923, № 31); 166, 179 (ИРЛИ; «Петроград», 1923, № 6).

Ремизов А. М. — 42 (ГПБ; «Лит. современник», 1933, № 5).

Розанов В. В. — 102, 103 (ЦГАЛИ; А. Блок. Соч. М. — Л., 1946).

Садовская К. М. — 1, 2 (ИРЛИ; СС, т. 8).

Садовской Б. А. — 122 (ЦГАЛИ; ЛН, т. 27—28).

Соловьев М. С. — 18 (Гос. лит. музей; «Письма Александра Блока». Л., 1925).

Соловьев С. М. — 29, 36 (Гос. лит. музей; «Письма Александра Блока». Л., 1925).

Сологуб Федор — 80 (ИРЛИ; «Звезда», 1931, № 10).

Спекторский Е. В. — 142 (Центр. научная б-ка АН УССР; ЛН, кн. 1).

Станиславский К. С. — 100 (Музей МХАТ; «Лит. критик», 1940, № 11—12).

Стражев В. Н. — 97 (ЦГАЛИ; СС, т. 8).

Струве П. Б. — 209 (автограф-черновик в дневнике 1917 г.; «Дневник Ал. Блока 1917—1921». Л., 1928).

Сухотин П. С. — 191 (Архив А. М. Горького; СС, т. 8).

Тагер Е. М. — 185, 186 («Учен. записки Тартуского ун-та», 1961, вып. 104).

Тутолмина С. Н. — 187 (ЦГАЛИ; «Красная газета» (веч. вып.), 1928, № 215, 6 августа).

Философов Д. В. — 152 (ГПБ; СС, т. 8).

Х-а Е. И. — 148 («Стройка», 1931, № 20—21).

Цинговатова К. П. — 158 (А. Цинговатов. Муза Блока. Ивано-Вознесенск, 1922).

Чеботаревская А. Н. — 83, 101, 177 (ЦГАЛИ; «Учен. записки Ленингр. гос. пед. ин-та им. М. Н. Покровского», 1940, т. IV, вып. 2); 184 (ЦГАЛИ; «Лит. современник», 1936, № 9).

Чуковский К. И. — 226 (ГБЛ; К. Чуковский. Александр Блок как человек и поэт. Пг., 1924).

Чулков Г. И. — 43, 57, 76 (ГБЛ; «Письма Александра Блока». Л., 1925).

Шагинян М. С. — 225 (ИРЛИ; М. Шагинян. Собр. соч., т. 1. М., 1953).

Юргенсон Э. П. — 160 (ГПБ; «Новый мир», 1955, № 11).

- Аванцо Сильвио Карл, владелец магазина художественных принадлежностей «Аванцо и К^о» — VI, 152.
- Аввакум (1620 или 1621—1682), протопоп, глава и идеолог русского церковного раскола; писатель, автор «Жития» — IV, 428.
- Август (63 до н. э. — 14 н. э.), рим. император — II, 361; V, 30.
- Адабаш Михаил Алексеевич (1864—1927), генерал, председатель военно-цензурной комиссии (1917) — V, 317.
- Аджемов Моисей Сергеевич (1878—1950), юрист, врач; член Госдумы; кадет; белоэмигрант — V, 301.
- Адрианов Сергей Александрович (1871—1941), лит. критик — VI, 226.
- «Адская почта», сатирический журнал (1906) — VI, 99.
- Азеф Евно Фишелевич (1869—1918), провокатор, секретный сотрудник полиции — IV, 229; V, 28.
- Айхенвальд Юлий Исаевич (1872—1928), лит. критик; в 1922 г. выслан из СССР — VI, 287, 288.
- Аксаков Константин Сергеевич (1817—1860), поэт и публицист; идеолог славянофильства — IV, 111.
- Александр I (1777—1825), император (с 1801) — V, 147, 148, 275.
- «Александр I», роман Д. Мережковского (1913) — V, 147, 148.
- Александр II (1818—1881), император (с 1855) — II, 367; V, 67, 146, 218.
- Александр III (1845—1894), император (с 1881) — II, 367; IV, 398; V, 143, 152, 316, 319; VI, 98.
- Александр Македонский (356—323 до н. э.), царь Македонии (с 336), полководец — IV, 19.
- Александр Михайлович (1866—1933), вел. князь — V, 285, 309.
- Александр Павлович — см. Иванов А. П.
- Александра Павловна, жена Ю. Н. Верховского — VI, 231, 236.
- Александра Федоровна (1872—1918), жена императора Николая II — V, 283, 314, 322, 326, 333.
- Александра Юлиановна — см. Канель А. Ю.
- «Александрийские песни», цикл стих. М. Кузмина (1905—1908) — IV, 402.
- Алексеев Василий Михайлович (1881—1951), академик, китаист — V, 271.
- Алексеев Михаил Васильевич (1857—1918), генерал; начальник

* Указатель составлен К. А. Кумпан и А. М. Конечным. Авторами учтены многочисленные дополнения, уточнения и поправки в указателях, сделанных В. Н. Орловым и К. Н. Суворовой.

- штаба Ставки, верх. главнокомандующий (1917); один из организаторов российской контрреволюции — V, 307, 314, 321, 322, 331, 333—339, 346, 348, 349, 351, 352, 356, 357.
- «Алексей» — «Царевич Алексей», драма Д. Мережковского (1917) — VI, 294, 296.
- Алексей Михайлович (1629—1676), царь (с 1645) — V, 71.
- Алексей Николаевич (1904—1918), сын Николая II, престолонаследник — V, 317, 353.
- Аленина — см. Оленина-д'Альгейм М. А.
- «Алеша-Горшок», повесть Л. Толстого (1905) — V, 150.
- «Алинуры», пьеса-сказка В. Мейерхольда и Ю. Бонди (1918) — IV, 311, 313, 315, 316.
- Алис — см. Александра Федоровна.
- «Алконост», изд-во (1918—1923) — V, 254; VI, 304.
- «Алладина и Паломид», пьеса М. Метерлинка (1894) — VI, 139.
- Алперс Борис Владимирович (1894—1974), поэт, драматург, театровед — VI, 248.
- Альберт Великий, Альберт фон Больштедт (ок. 1193—1280), нем. философ и теолог — III, 243.
- Albert Le-Grand (ум. 1640), доминиканский монах — III, 398.
- «Альциона», изд-во (1910—1919) — V, 176.
- Алянский Самуил Миронович (1891—1974), книгоиздатель, владелец изд-ва «Алконост»; автор кн. «Встречи с Александром Блоком» (1969) — V, 254, 258, 277; VI, 286, 287, 293, 306.
- Амальрик Арнольд (ум. 1225), легат папы Иннокентия III, искоренитель ереси — III, 400.
- Амфитеатров Александр Валентинович (1862—1938), поэт, прозаик, фельетонист; с 1920 г. в эмиграции — VI, 196, 294, 295.
- «Анатомия стихотворения», статья Н. Гумилева (1921) — IV, 428.
- Ангелина — см. Блок А. А.
- «Ангелочек», рассказ Л. Андреева (1899) — IV, 23, 24.
- «Английские поэты», хрестоматия, составленная Н. Гербелем (1875) — V, 69.
- Андерсен Ханс Кристиан (1805—1875), дат. писатель — II, 369; V, 71, 114.
- Андерсон Владимир Максимович (1880—1931), историк, библиограф — IV, 17.
- Анджелис, знатный синьор в Мессине — IV, 135, 136.
- Андреа дель Сарто (1486—1530), ит. живописец — II, 361.
- Андреев Леонид Николаевич (1871—1919), писатель — IV, 23, 24, 41, 73, 102, 103, 125, 159, 250, 380, 384; V, 42, 54—60, 121, 135, 149, 150, 158, 176, 179, 201; VI, 112, 113, 124, 126, 130, 133, 149, 152, 162, 164, 181, 185—186, 258, 272—273.
- Андреева (Юрковская) Мария Федоровна (1868—1953), драм. актриса и общественная деятельница, комиссар театров и зрелищ Петрограда (1919—1921); жена М. Горького — V, 259, 266; VI, 92, 294—297.
- «Андрей-Ротозей», один из рассказов книги «Степка-Растрепка» — V, 196.
- Андронников Михаил Михайлович (1875—1919), князь, политический деятель из круга Распутина — V, 282, 285, 286.
- Анжелико фра Джованни — см. Беато Анжелико.
- Аничков Евгений Васильевич (1866—1937), литературовед и критик; после Октября в эмиграции — III, 394, 400—402; IV, 68; V, 145, 146, 151, 178, 179; VI, 105, 185, 196.
- Аничкова Анна Митрофановна (1868—1935), жена Е. В. Анич-

- кова; писательница (псевд. Ivan Strannik) – V, 146, 179; VI, 185.
- Аничковы – Евгений Васильевич и Анна Митрофановна – V, 178; VI, 184.
- Анна Алексеевна – см. Тургенева А. А.
- Анна Ивановна – см. Менделеева А. И.
- «Анна Каренина», роман Л. Толстого (1873 – 1877) – V, 129.
- Анна Павловна – см. Философова А. П.
- Анна Яковлевна – см. Гуревич А. Я.
- Анненков Юрий Павлович (1889 – 1974), художник; иллюстратор поэмы Блока «Двенадцать»; беллетрист; с 1924 г. за границей – V, 254; VI, 285 – 287.
- Анненский Иннокентий Федорович (1855 – 1909), поэт, драматург, переводчик, филолог, критик – VI, 94 – 95, 234.
- Аннуцио Габриеле д' (1863 – 1938), ит. писатель и полит. деятель; произведения проникнуты шовинистическими и ницшеанскими идеями – IV, 381; VI, 145.
- Аннушка – Шелгунова Анна Ивановна, служанка М. А. Бекетовой – VI, 268.
- «Анониму» – см. «Ответ анониму».
- Аносова Маргарита, поэтесса, корреспондентка Блока – II, 79.
- «Антверпен», стих. Блока (1914) – V, 194.
- «Антихрист (Записки странного человека)», книга В. Свенцицкого (1908) – IV, 195.
- «Антология», стих. альманах изд-ва «Мусагет» (1911) – VI, 193.
- Антоний (Вадковский) Александр Васильевич; 1845 – 1912), духовный писатель; митрополит петербургский и ладожский (с 1898) – VI, 20.
- Антоний Марк (ок. 83 – 30 до н. э.), рим. полководец – IV, 279, 281.
- «Аполлон», журнал (1909 – 1917) – IV, 423, 425, 426; V, 55, 74; VI, 184, 216.
- Апухтин Алексей Николаевич (1840 – 1893), поэт – IV, 384; V, 73.
- Арабаджин Константин Иванович (1866 – 1929), критик и литературовед; с 1918 г. жил за границей – V, 182.
- «Арабески», сб. статей А. Белого (1911) – VI, 193.
- Арбенин (Гильдебрандт) Николай Федорович (1863 – 1906), драм. артист, переводчик – III, 266.
- Аргутинский-Долгоруков Константин Сергеевич, князь, полковник Преображенского полка – V, 328.
- Аренс (в замуж. Гаккель) Вера Евгеньевна (1890 – 1962), поэтесса, переводчица – VI, 298.
- Аристотель (384 – 322 до н. э.), др.-греч. философ и ученый – IV, 398; V, 271; VI, 22.
- Аристофан (ок. 445 – ок. 385 до н. э.), др.-греч. поэт-комедиограф – VI, 33.
- Арсенишвили Алексей Ильич (1892 – 1939), критик и литературовед; в 1912 г. студент-юрист – VI, 213 – 215.
- «Артист», журнал (1889 – 1895) – III, 266.
- Архиппов Евгений Яковлевич (1882 – 1950), поэт, библиограф – VI, 103 – 104.
- Архиппова (урожд. Платонова, во втором браке Гурвич) Надежда Сергеевна, жена Е. Я. Архиппова – VI, 184.
- Арцыбашев Михаил Петрович (1878 – 1927), писатель; после 1917 г. в эмиграции – IV, 254; V, 125; VI, 226.
- Аснык Адам (1838 – 1897), польск. поэт – VI, 14.
- Атаульф (ум. 415), король вестготов – II, 360.
- «Аттис», поэма Катулла – IV, 285, 288.

- Ахматова (Горенко) Анна Андреевна (1889–1966) – II, 204; IV, 427; V, 147, 150, 248; VI, 263–264.
- Ащеулов, сослуживец Блока по 13-й инженерно-строительной дружке – VI, 269.
- Бадмаев Петр Александрович (1851–1919), врач, лечивший по тибетской медицинской системе; близкий к придворным кругам – V, 282, 285, 286, 291.
- Базилевский Юрий Петрович, композитор; автор музыки к драме Блока «Роза и Крест» – VI, 249.
- Байрон Джордж Ноэл Гордон (1788–1824) – I, 448; II, 273, 292, 293, 297; IV, 60, 208; V, 88; VI, 89, 91, 207.
- Бакунин Михаил Александрович (1814–1876), революционер, теоретик анархизма – IV, 17–20, 241.
- «М. А. Бакунин, его идеи и деятельность», книга Л. С. Кульчицкого (1906) – IV, 17
- Бакунина Екатерина Павловна (1795–1869), юношеская любовь Пушкина – V, 274.
- «Балаганчик», лирическая драма Блока (1906) – III, 384; V, 73, 110, 114, 175; VI, 107, 109–111, 116, 125, 127, 130, 132, 180.
- «Балаганчик», стих. Блока (1905) – VI, 91.
- Балк Александр Павлович (1866–?), генерал, петроградский градоначальник (1916–1917) – V, 315, 316, 329, 330, 333, 342.
- Балтрушайтис Юргис (1873–1944), поэт, переводчик; писал на лит. и рус. языках; в 1921–1939 гг. полномочный представитель Литвы в СССР; с 1939 г. жил в Париже – V, 277; VI, 134.
- Бальзак Оноре де (1799–1850) – V, 22, 69, 71.
- Бальмонт Константин Дмитриевич (1867–1942), поэт-символист; с 1920 г. в эмиграции – IV, 262; V, 103, 106, 114, 118, 141; VI, 53, 60, 104, 134, 212.
- Бальони, правящий перуджинский род (XV в.) – V, 28.
- Баратынский (Боратынский) Евгений Абрамович (1800–1844), поэт – I, 123; V, 141.
- «Barzaz-Breiz. Chants populaires de la Bretagne», мистификация народных бретонских песен, автором которых был поэт Е. Villemarqué (1839) – III, 397, 402.
- Барк Петр Львович (1869–1937), министр финансов (1914–1916); после Октября в эмиграции – V, 330.
- Баронов Герман Андреевич (1883–?), внук декабриста барона В. И. Штейнгеля; публицист; в 1908 г. студент-филолог – IV 105–107, 111.
- Барсуков Николай Платонович (1838–1906), историк, археограф, библиограф – IV, 202, 207, 208, 211.
- Батюшин Николай Степанович (1874–?), генерал – V, 290.
- Батюшков Константин Николаевич (1787–1855), поэт – V, 274.
- Батюшков Федор Дмитриевич (1857–1920), литературовед, публицист, критик – V, 186, 231, 261.
- Бах Иоганн Себастьян (1685–1750), нем. композитор – III, 86.
- Баян (Кольшко Иосиф Иосифович; 1862–1920), фельетонист и драматург – V, 186.
- «Be m platz lo dous temps de pasco...», сирвента Бертрана де Борна – III, 402.
- Беато Анжелико (Беато фра Джованни да Фьезоле; 1387–1455), ит. живописец – II, 122, 126, 361; IV, 151; VI, 168, 172.
- Беатриче (1266–1290), возлюбленная Данте – IV, 101.
- «Бегут неверные дневные тени...», стих. Блока (1902) – VI, 253.

- Бедкер Карл (1801 – 1859), нем. издатель путеводителей по различным странам – IV, 142.
- Бедный Демьян (Придворов Ефим Алексеевич; 1883 – 1945), поэт – IV, 429.
- Bédier Joseph (1864 – 1938), фр. филолог-медиевист – III, 399.
- «Безмолвный призрак в терему...», стих. Блока (1902) – VI, 30.
- «Безумис», стих. Тютчева (1830) – V, 89.
- Бейлис Мендель (1874 – 1934), киевский приказчик, ложно обвиненный черносотенцами и царскими властями в ритуальном убийстве русского мальчика в 1913 г. – IV, 193; V, 211, 362.
- Бекетов Андрей Николаевич (1825 – 1902), ботаник, профессор и ректор (1876 – 1883) Петерб. ун-та; дед Блока – II, 291; V, 67; VI, 158.
- Бекетова (в замуж. Краснова) Екатерина Андреевна (1855 – 1892), поэтесса, детская писательница и переводчица; тетка Блока – V, 71.
- Бекетова (урожд. Карелина) Елизавета Григорьевна (1836 – 1902), переводчица; бабушка Блока – V, 69.
- Бекетова Мария Андреевна (1862 – 1938), писательница и переводчица; тетка Блока – V, 71; VI, 105.
- Беклин Арнольд (1827 – 1901), швейц. художник-символист – IV, 9.
- «Белая Лилия, или Сон в ночь на Покрова», шуточная пьеса Вл. Соловьева (1878 – 1880) – V, 181.
- «Bele Aaliz main leva...», ст.-фр. народная песня – III, 394.
- Белецкий Степан Петрович (1873 – 1918), директор департамента полиции, товарищ министра внутренних дел (1912 – 1915) – V, 211, 213, 282, 290, 301, 330.
- Белинский Виссарион Григорьевич (1811 – 1848) – IV, 20, 93, 112, 197 – 199, 210, 385, 419; V, 103, 123, 182, 229.
- Белицкий Ефим Яковлевич, в 1921 г. зав. отделом управления Петро-совета – V, 277, 278.
- Беллини Джованни (ок. 1430 – 1516), ит. живописец – IV, 151, 154; VI, 165, 166, 168, 170, 172.
- Белопольский Иосиф Романович, сотрудник гос. изд-в – V, 254.
- Белый Андрей (Бугаев Борис Николаевич; 1880 – 1934), поэт и прозаик – I, 256, 263, 293, 295, 315; IV, 25, 27, 52, 68, 149, 194, 204, 398; V, 55, 57, 58, 75, 97, 98, 117, 118, 122, 124, 125, 127, 131, 135, 136, 148, 158, 170, 181, 184, 186, 205, 229, 236, 246, 269; VI, 26, 32, 37 – 41, 51 – 55, 60, 62 – 65, 67, 69 – 70, 72 – 76, 79 – 81, 83 – 88, 91 – 93, 95, 99 – 100, 106 – 107, 113, 115 – 133, 136, 141 – 143, 146, 178 – 182, 185, 188 – 190, 192 – 194, 213, 216 – 218, 221, 222, 234, 285.
- Беляев Михаил Алексеевич (1863 – 1918), генерал, военный министр (январь – февраль 1917) – V, 282, 289, 294, 304, 316, 317, 321, 323, 324, 327 – 333, 336, 338, 340 – 342, 345.
- Бенедиктов Владимир Григорьевич (1807 – 1873), поэт – IV, 384.
- Бенелли Сем (1875 – 1949), ит. поэт и драматург – IV, 380, 381; VI, 295, 296.
- Бенкендорф Александр Христофорович (1783 – 1844), граф, шеф жандармов при Николае I – IV, 415, 419.
- Бенкендорф Павел Константинович (1853 – 1921), граф, в 1917 г. генерал-адъютант – V, 334, 336.
- Бенуа Александр Николаевич (1870 – 1960), художник, искусствовед; один из организаторов группы «Мир искусства»; оформитель спектакля театра В. Ф. Коммиссаржевской «Праматерь» (1909) по трагедии Ф. Грильпарцера в переводе Блока – VI, 32, 157, 277.
- Бергсон Анри (1859 – 1941), фр. философ-идеалист – IV, 198.
- Бернар (Бернард) Клервоский '1090 –

- 1153), фр. теолог-мистик – III, 243; V, 28.
- Бернарден де Сен-Пьер Жак Анри (1737 – 1814), фр. писатель – V, 71.
- Бертран де Борн (ок. 1140 – ок. 1215), провансальский трубадур – III, 402.
- «Беседы с Иваном Ивановичем о современной нашей словесности», фельетоны Ап. Григорьева (1860) – IV, 226.
- Бестужев Владимир – см. Гиппиус Вл. В.
- Бестужев-Рюмин Константин Николаевич (1829 – 1897), историк, академик; возглавлял Высшие женские курсы (1878 – 1882), названные его именем – V, 67.
- «Бесы», роман Достоевского (1871 – 1872) – IV, 219.
- Бецкий Иван Егорович (1817 – 1891), переводчик, коллекционер автографов – IV, 213.
- Бибикова Анна Ивановна, писательница и общественная деятельница 1850-х гг. – IV, 219.
- Билицкий – см. Белицкий Е. Я.
- «Биржевка», «Биржевые ведомости», газета (1880 – 1917) – IV, 193; VI, 259.
- Бирюков Павел Иванович (1860 – 1931), издатель; биограф Л. Толстого – IV, 49.
- Бисмарк Отто фон Шёнхаузен (1815 – 1898), князь, 1-й рейхсканцлер Германской империи – V, 12.
- Бичер-Стоу Гарриет (1811 – 1896), амер. писательница – V, 69.
- Блок Александр Львович (1852 – 1909), юрист, профессор Варшавск. ун-та; отец поэта – II, 368; V, 71, 160; VI, 16 – 17, 23 – 25, 59 – 61, 72, 76, 101, 211.
- Блок Ангелина Александровна (1892 – 1918), сестра поэта, дочь А. Л. Блока от второго брака – V, 141 – 143, 155, 165, 166, 168, 179, 200, 244.
- Блок (урожд. Черкасова) Ариадна Александровна (1832 – 1900), бабка Блока, мать его отца – V, 71.
- Блок Георгий Петрович (1888 – 1962), литературовед и писатель; двоюродный брат Блока – VI, 299.
- Блок Иван Леонтьевич (Иоганн Фридрих) (1735 – 1810), нем. фельдшер, получивший русское дворянство; предок Блока – V, 71.
- Блок Любовь Дмитриевна (1881 – 1939), жена поэта, дочь Д. И. Менделеева – V, 69, 99, 131, 137, 139, 145, 147, 150, 156, 158, 159, 164, 170, 173, 178, 192, 193, 206, 207, 211, 216, 221, 230, 232, 238 – 241, 245, 247 – 249, 251, 252, 256, 278; VI, 29 – 31, 33 – 36, 41 – 51, 56, 58, 64, 74, 76, 80, 98 – 101, 110, 111, 114, 116, 139 – 141, 144 – 149, 157, 161, 163, 166, 167, 169 – 171, 184, 186, 190 – 191, 197, 208, 209, 219, 220, 227 – 228, 230 – 233, 235, 236, 249 – 250, 253, 263, 267, 268, 271, 272, 274, 275, 278 – 280, 282 – 284, 302, 303, 305.
- Блок (урожд. Беляева) Мария Тимофеевна (1876 – 1922), вторая жена А. Л. Блока – V, 143, 167, 179, 183; VI, 211.
- Блок Митя (1909, 2 февраля – 1909, 10 февраля), сын Л. Д. Блок – V, 130.
- Блум (Блюм) Оскар Вениаминович (1887 – ?), литератор и театр. деятель – VI, 303.
- Боборыкин Петр Дмитриевич (1836 – 1921), писатель – IV, 215, 219; V, 135.
- Бобров Сергей Павлович (1889 – 1971), поэт, прозаик, стиховед – V, 277.
- Боброк-Волынский Дмитрий Михайлович, князь, воевода Дмитрия Донского, решивший успех Куликовской битвы (1380) – IV, 110.
- Богданович Павел Николаевич (1883 – 1917), командир Преображенского полка в период Февральской революции – V, 334.
- Богомолов Сергей Александрович, поэт, корреспондент Блока в

- 1912–1914 гг. – VI, 233–234, 236–237.
- Бодлер (Бодэлер) Шарль (1821–1867), фр. поэт – I, 45; IV, 263; V, 71; VI, 114, 206.
- Божерянов Иван Николаевич (1852–1919), писатель, историк театра и искусства – IV, 58.
- «Божественная комедия», поэма Данте (1307–1321) – IV, 225, 429.
- Бойковский, следователь – V, 259.
- Боккачини Боккацио (1467–1524), ит. живописец – VI, 165.
- Боккаччо Джованни (1313–1375), ит. писатель, гуманист – III, 396; IV, 327, 328.
- Бокль Генри Томас (1821–1862), англ. историк и социолог-позитивист – V, 69.
- Болотов Андрей Тимофеевич (1738–1833), агроном; писатель – VI, 72.
- «Болотов и Новиков», курсовое сочинение Блока (1904) – VI, 72.
- Бонавентура (Джованни Фиданца; 1221–1274), философ-мистик – III, 243.
- Бонди Юрий Михайлович (1889–1926), сорежиссер и художник постановки драмы Блока «Балаганчик» в Тенишевском училище (1914); режиссер и художник спектакля Костромского театра «Роза и Крест» в сезон 1920/21 г. – IV, 311; V, 191.
- Бонч-Бруевич Владимир Дмитриевич (1873–1955), сов. партийный и гос. деятель; историк, этнограф, литературовед – IV, 193.
- Борель, владелец ресторана в Петербурге – II, 287.
- «Борис Годунов», трагедия Пушкина (1825) – IV, 384.
- Борис Николаевич – см. Белый А.
- Борисов-Мусатов Виктор Эльзидифорович (1870–1905), художник – VI, 139.
- Бороздин Илья Николаевич (1883–1959), историк и лит. критик – V, 277.
- «Борцы освободительного движения. М. А. Бакунин», очерк В. М. Андерсона (1906) – IV, 17.
- «Борьба», цикл стих. Ап. Григорьева (1857) – IV, 224.
- Боря – см. Белый А.
- Ботрейль (Ботрель) Теодор (1868–1925), фр. поэт-песенник – VI, 202.
- Бравич (Баранович) Казимир Викентьевич (1861–1912), драм. артист – V, 41–43, 58; VI, 144.
- Браиловский Семен Осипович (1876–1959), член правления театра МОНО (бывш. Незлобина), режиссер, переводчик – V, 277, 278; VI, 303.
- «Бранд», драм. поэма Г. Ибсена (1865) – IV, 170.
- Брандес Георг (1842–1927), дат. критик и историк литературы – IV, 293, 355; V, 145.
- Браун Федор Александрович (1862–1942), филолог-германист, профессор Петерб. ун-та; в 1919 г. сотрудник изд-ва «Всемирная литература» – V, 261.
- Брауншвейгский Карл Вильгельм Фердинанд (1735–1806), герцог, главнокомандующий войсками антифранцузской коалиции (1792) – IV, 378.
- Брем Альфред Эдмунд (1829–1884), нем. зоолог – II, 369; V, 69.
- Брентано Клеменс (1778–1842), нем. поэт и прозаик – III, 265.
- Брешко-Брешковский Николай Николаевич (1874–1943), писатель; с 1919 г. в эмиграции – VI, 187.
- Брихничев Иона Пантелеймонович (1879–1968), священник, лишенный сана за рев. деятельность; поэт, публицист, редактор ряда журналов – VI, 122–123.
- «Брожу в стенах монастыря...», стих. Блока (1902) – VI, 28.
- Брусилов Алексей Алексеевич (1853–1926), генерал, верх. главнокоман-

- дующий (1917); с 1920 г. служил в Красной Армии — V, 323, 352.
- Брут Марк Юний (85—42 до н. э.), рим. политич. деятель, глава заговора против Цезаря — I, 458.
- Брэм — см. Брем А. Э.
- Брэммель Джордж Брайан (1778—1816), англ. законодатель мод — IV, 263.
- Брэт-Гарт — см. Гарт Фрэнсис Брет.
- Брюсов Валерий Яковлевич (1873—1924) — I, 316; II, 177; IV, 42, 51, 53, 142, 148, 400, 424; V, 82, 92, 103, 105, 106, 118, 131, 135, 136, 164, 168, 190, 198; VI, 20, 23, 26, 32, 35, 53, 55, 57, 60, 62, 70—74, 82, 83, 92, 95, 96, 102, 115, 119, 121, 133—135, 162, 166, 171—173, 187, 205, 254—255.
- Бубликов Александр Александрович (1875—?), инженер, член Гос. думы; после Октября в эмиграции — V, 301, 342, 349, 351.
- Бугаев Б. Н. — см. Белый А.
- Бугаев Николай Васильевич (1837—1903), профессор математики Моск. ун-та, отец А. Белого — VI, 60.
- «Будущие рыцари», неопубликованная детская книжка Е. Книпович (1920) — V, 271.
- «Висолица» («Буколики»), сб. «Пастушеских песен» Вергилия (42—38 до н. э.) — V, 89.
- Булацель Павел Федорович, комиссар Петроградской ЧК — V, 258.
- Булгарин Фаддей Венедиктович (1789—1859), писатель и журналист; его пасквили на русских литераторов носили характер политических доносов — IV, 209, 210, 415.
- Бунин Иван Алексеевич (1870—1953) — V, 124; VI, 288.
- Буренин Виктор Петрович (1841—1926), реакционный литератор, фельетонист «Нового времени» — V, 84; VI, 60.
- Бурлюк Давид Давидович (1882—1967), поэт и художник; один из основателей рус. футуризма, с 1920 г. в эмиграции — V, 177, 185.
- Бурлюки — братья Давид Давидович, Владимир Давидович (1886—1919) и Николай Давидович (1890—1920), представители рус. футуризма в поэзии и живописи — V, 185.
- «Бушует снежная весна...», стих Блока (1914) — VI, 241.
- «Былины», издание под ред. М. Сперанского (т. I, 1916) — VI, 301
- «Былое», журнал, публиковавший материалы по истории русского революционного движения (1906—1907, 1917—1926) — V, 281; VI, 160.
- Бьернсон Бьерстjerne Мартиниус (1832—1910), норв. писатель и театр. деятель — IV, 61.
- Бекер (Беккер) Густаво Адольфо (1836—1870), исп. писатель — V, 71.
- Бэкон Фрэнсис (1561—1626), англ. философ и гос. деятель — IV, 106.
- «В городе», пьеса С. Юшкевича (1906) — IV, 39.
- «В лесах», эпопея П. Мельникова-Печерского (1871—1874) — V, 120.
- «В черных сучьях деревьев обнаженных...» («Унижение»), стих. Блока (1911) — V, 157.
- «В эту ночь золотисто-пурпурную...» («Июньская ночь на Сайме»), стих. Вл. Соловьева (1896) — IV, 143.
- Вавич Михаил Иванович (1881—1931), опереточный актер — IV, 97.
- Вагнер Николай Петрович (1829—1907), зоолог и писатель (псевд. Кот Мурлыка) — II, 369; VI, 78.
- Вагнер Рихард (1813—1883), нем. композитор и дирижер — I, 126; III, 412; IV, 79, 166, 240—244, 310, 329, 340—342, 344, 347, 462; V, 133, 180, 252, 261, 262; VI, 38.
- Вакман А. Я., сослуживец Блока по

- 13-й инженерно-строительной дру-
жине — VI, 278.
- Вакхилид (Бакхилид), др.-греч. поэт
V в. до н. э. — VI, 94.
- Валентина — см. Щеголева В. А.
- Валентина Петровна — см. Вериги-
на В. П.
- Валентиниан III (Флавий Платид;
419—455), рим. император — II,
360.
- «Валкирия» — см. «Кольцо Нибелун-
га».
- Вальцель Оскар (1864—1944), нем.
литературовед — IV, 355.
- «Вампир граф Дракула», роман
Б. Стокера (рус. изд. 1902) — V,
124.
- Ван-Дейк Антонис (1599—1641),
флам. живописец — IV, 405.
- Ван-Рилль Маринус (1884—?), цир-
ковой борец — VI, 187.
- Вандервельде Эмиль (1866—1938),
бельг. социалист, реформист —
IV, 405.
- Ваня — см. Менделеев И. Д.
- Варбург, советник германского по-
сольства в Швеции во время 1-й
мировой войны — V, 290.
- Варламов Константин Александро-
вич (1849—1915), актер — V, 191.
- Василевские — братья Илья Марко-
вич (1882—1938), журналист,
писатель, и Лев Маркович (1876—
1936), поэт и театр. критик — V,
149.
- Василенко Сергей Никифорович
(1872—1956), композитор, автор
романсов на слова Блока — VI, 265.
- Васильев Алексей Тихонович
(1869—?), директор департамента
полиции (1916—1917) — V, 301,
303, 306, 316, 321.
- Васнецов Виктор Михайлович (1848—
1926), художник — I, 68; V, 74.
- Вася — см. Менделеев В. Д.
- Введенский Александр Иванович
(1856—1925), философ-идеалист,
профессор Петерб. ун-та — V, 75;
VI, 24.
- Ведекинд Франк (1864—1918), нем.
поэт и драматург — IV, 41, 42, 87;
V, 191.
- Вейнберг Петр Исаевич (1831—
1908), поэт и переводчик (псевд.
Гейне из Тамбова) — IV, 384; VI,
292, 294.
- Вейс Владимир Карлович (1864—?),
уполномоченный по продовольст-
вию в Петрограде (1916—
1917) — V, 315, 316.
- «Век», еженедельник (1861—1862) —
IV, 220.
- Веласкес (Родригес де Сильва
Веласкес) Диего (1599—1660), исп.
живописец — IV, 152.
- Величко Василий Львович (1860—
1903), поэт и критик; автор
биографии Вл. Соловьева — VI,
79.
- Венгеров Семен Афанасьевич (1855—
1920), историк литературы, ре-
дактор, библиограф — IV, 210;
V, 124, 135, 149, 164; VI, 89,
134, 211.
- Вендорф Оскар Игнатьевич (1849—?),
помощник петроградского гра-
доначальника (с 1904) — V, 342.
- Веневитинов Дмитрий Владимирович
(1805—1827), поэт и критик —
VI, 183.
- «Венеция», книга П. Перцова (1905) —
VI, 93.
- «Venezia la bella», поэма Ап. Григорье-
ва (1857) — IV, 225.
- «Венок» — см. «Stephanos. Венок».
- «Венок», повесть в стихах А. П. Иса-
ковой — VI, 229.
- Вера Константиновна — см. Швар-
салон В. К.
- Вербицкая Анастасия Алексеевна
(1861—1928), писательница — IV,
254; V, 201.
- Вергилий Марон Публий (70—19 до
н. э.), рим. поэт — V, 26, 89.
- Веригина (в замуж. Бычкова) Ва-
лентина Петровна (1882—1974),
драм. актриса — V, 170; VI, 109,
110, 112—113, 188, 250.

- Верлен Поль (1844–1896), фр. поэт-символист – III, 67; IV, 103; V, 71, 72, 84; VI, 39, 135.
- Верн Жюль (1828–1905), фр. писатель – V, 71.
- Вернер Цахарнас (1768–1823), нем. драматург – III, 267.
- Веронезе (Кальяри) Паоло (1528–1588), ит. живописец – VI, 165.
- Верр (Веррес) Гай Корнелий (ок. 115–43 до н. э.), правитель Сицилии – IV, 277.
- Верхарн Эмиль (1855–1916), бельг. поэт и драматург – I, 460; IV, 405, 406; VI, 96, 134.
- Верховский Юрий Никандрович (1878–1956), поэт, литературовед – II, 159; V, 110, 205; VI, 185, 231, 235–236, 248.
- «Вершины», журнал (1914–1915) – VI, 251.
- «Весенняя обрядовая песня на Западе и у славян», диссертация Е. Аничкова (т. 1–2, 1903–1905) – III, 394, 401, 402.
- «Вестник», домашний рукописный журнал в семье Блока (1894–1897) – V, 73.
- «Вестник Европы», журнал (1866–1918) – IV, 210; V, 71.
- «Весы», символистский журнал (1904–1909) – III, 384; IV, 25; V, 118, 123, 124, 170; VI, 60, 85, 91, 95, 102, 115, 117, 123, 128–131, 141.
- «Весь день она лежала в забытии...», стих. Тютчева (1864) – V, 89.
- «Вечер душен, ветер воет...», стих. Ап. Григорьева (1857) – IV, 224.
- «Вечернее время», газета, приложение к «Новому времени» (1911–1917) – V, 219.
- «Вечеровые песни», назв. цикла стих. сб. В. Брюсова «Stephanos» – VI, 92.
- «Вечная сказка», драма С. Пшибышевского (1903; рус. перевод 1906) – V, 42, 115.
- «Вечные спутники», сб. статей Д. Мережковского (1897) – VI, 11.
- «Vivien d'Aliscans et la légende de St. Vidian», статья А. Thomas (1891) – III, 396.
- «Видения», поэма Ап. Григорьева (1846) – IV, 224.
- «Vie de Jésus» («Жизнь Иисуса»), книга Э. Ренана (1863) – V, 233.
- «Vieilles histoires du pays breton», книга А. le Braz (1897) – III, 402.
- Вийон Франсуа (1431 или 1432–?), фр. поэт – IV, 426.
- Виктор Эммануил II (1820–1878), первый король объединенной Италии (с 1861) – IV, 305; V, 31.
- «Виктория», роман К. Гамсуна (1898) – VI, 173, 174.
- Виллон – см. Вийон Ф.
- Вильгельм II (1859–1941), последний герм. император (1888–1918) – IV, 242, 257, 404; V, 327; VI, 206.
- Villemarqué Ersar de la (1815–1895), виконт; поэт-мистификатор, автор сб. народных бретонских песен – III, 397, 402.
- «Виндзорские кумушки», комедия Шекспира (1600) – VI, 294, 296.
- Виссарионов Сергей Евлампиевич (1867–1918), вице-директор департамента полиции (1912) – VI, 282.
- Вите Сергей Юльевич (1849–1915), граф; председатель совета министров (1905–1906); автор манифеста 17 окт. 1905 г. – IV, 229; V, 103, 217.
- Вишневский (Вишневецкий) Александр Леонидович (1861–1943), артист МХАТ – III, 412.
- Владимир Иванович – см. Немирович-Данченко В. И.
- Владимир II Мономах (1053–1125), вел. князь киевский (с 1113) – IV, 310.
- «Влюбленность», стих. Блока (1905) – VI, 261.
- «Внимая ужасам войны...», стих

- Некрасова (1855 или 1856) — V, 365.
- «Вновь я посетил...», стих. Пушкина (1835) — V, 275, 276.
- Воейков Владимир Николаевич (1868 — после 1936), генерал, дворцовый комендант, доверенное лицо Николая II — V, 212, 285, 318, 325, 326, 335, 336, 342—344, 349, 350, 352, 353, 355, 357, 364.
- «Вожатый», цикл стих. М. Кузмина из сб. «Сети» (1908) — VI, 138.
- «Возмездие», поэма Блока (1910—1921) — V, 209, 210.
- «Возрождение», стих. Пушкина (1819) — V, 275.
- «Война и мир», роман Л. Толстого (1863—1869) — IV, 119, 161; V, 132; VI, 170.
- Войновский-Кригер Эдуард Брониславович, министр путей сообщения (с 1916); после Октября в эмиграции — V, 288, 312, 320, 332.
- «Vox Coelestis» («Глас небесный»), альманах, задуманный Эллисом в 1907 г. — VI, 113.
- Волконский Сергей Михайлович (1860—1937), князь; критик и театр. деятель; с 1922 г. в эмиграции — V, 146; VI, 230.
- Волохова (Анцыферова) Наталья Николаевна (1878—1966), драм. актриса; ей посвящены циклы стих. Блока «Снежная маска» и «Фаина» (1907) — II, 7, 8; V, 115, 176; VI, 110, 137, 139, 145, 188.
- Волошин (Кириенко-Волошин) Максимилиан Александрович (1877—1932), поэт, критик, художник — V, 173.
- Волумнии, знатная этрусская семья — II, 362; V, 28—30.
- «Волшебный круг» («Тебя таинственная сила...»), стих. Ап. Григорьева (1843) — IV, 222.
- Вольнский (Флексер) Аким Львович (1863—1926), критик, искусство-
- вед, философ — IV, 198; V, 260, 261.
- «Вольные мысли», цикл стих. Блока (1907) — VI, 151, 152, 266.
- Вольтер (Мари Франсуа Аруэ; 1694—1778) — VI, 207, 253.
- Вольф-Израэль Евгения Михайловна (1896—?), драм. актриса — IV, 61.
- Вольфинг — см. Метнер Э. К.
- «Воля народа», лит.-политич. газета (1917) — V, 240.
- «Вопросы жизни», журнал (1905) — V, 55; VI, 86, 89.
- «Вор», рассказ Л. Андреева (1904) — V, 55.
- «Воскресение», роман Л. Толстого (1889—1899) — V, 123, 124.
- «Воскресная вечерняя газета» (1912—1914) — V, 164.
- «Воскресшие боги. Леонардо да Винчи», роман Д. Мережковского (1900), вторая часть трилогии «Христос и Антихрист» — IV, 46.
- «Воспитание чувств», роман Г. Флора (1869) — II, 307; IV, 342.
- «Воспоминания» — «Литературные воспоминания» Д. В. Григорьевича (1892—1893) — IV, 210.
- «Воспоминания» — А. Н. Серов. «Воспоминания» В. Серовой (1913) — IV, 215.
- «Воспоминания об Аполлоне Александровиче Григорьеве» Н. Н. Страхова (1864) — IV, 211, 215, 217.
- «Восторг души расчетливым обманом...», стих. Вл. Соловьева (1885) — IV, 148.
- «Вперед! без страха и сомненья...», стих. А. Плещеева (1846) — IV, 384.
- «Вражья сила», опера А. Серова (1871) — V, 271.
- Врангель Ю. Н., соседка Блока по квартире — V, 231.
- «Время», журнал, издаваемый братьями Достоевскими (1861—1863) — IV, 201, 203, 207, 211; V, 70.
- Врубель Михаил Александрович

- (1856—1910), художник — II, 270, 309, 363; IV, 144—146, 148, 149, 152—154; V, 120; VI, 56, 57, 240.
- «Всемирная литература», изд-во (1918—1925) — V, 259, 260, 263, 264, 266, 271; VI, 289, 294, 297.
- «Встреча», поэма Ап. Григорьевы (1846) — IV, 224.
- «Вторая молодость», пьеса П. Невежина (1887) — IV, 82, 296.
- «Выбранные места из переписки с друзьями», книга Гоголя (1847) — IV, 385; V, 262.
- Вырубова (урожд. Танеева) Анна Александровна (1884 — после 1929), фрейлина и личный друг императрицы Александры Федоровны и Распутина; с 1920 г. в эмиграции — V, 212, 282, 283, 291, 314, 317, 364; VI, 275.
- Вяземский Петр Андреевич (1792—1878), князь; поэт и критик, друг Пушкина — V, 275.
- Вячеслав, Вячеслав Иванович — см. Иванов В. И.
- Габай, врач, применявший методы тибетской медицины — VI, 302.
- Гайдебуров Павел Павлович (1877—1960), актер и режиссер — VI, 280.
- Гайм Рудольф (1821—1901), нем. философ и историк искусства — IV, 355.
- Гален (ок. 131 — ок. 200), рим. врач — III, 156, 166, 394.
- «Galeriet historiques du Palais de Versailles», многотомное издание (1838) — III, 400, 403.
- Галилей Галилео (1564—1642), ит. ученый — IV, 351.
- Галла Пластиция Августа (ум. 450), рим. императрица — II, 117, 118, 360, 361; V, 152; VI, 172, 173.
- Гальдос — см. Перес Гальдос.
- «Гамбургская драматургия», сочинение Г. Лессинга (1767—1769) — IV, 78.
- «Гамлет», трагедия Шекспира (1601) — I, 51; VI, 12.
- Гамсун (Педерсен) Кнут (1859—1952), норв. писатель — VI, 33, 98, 133, 164, 173.
- Гарибальди Джузеппе (1807—1882), народный герой Италии — IV, 304, 309; V, 31.
- Гарт Фрэнсис Брет (1836—1902), амер. писатель — V, 69.
- Гаршин Всеволод Михайлович (1855—1888), писатель — IV, 106.
- «Гастроль» — «На гастролях», рассказ К. Гамсуна (1903) — VI, 173.
- Гауптман Герхарт (1862—1946), нем. писатель — III, 67; VI, 98.
- Гашцолетти Антонио (1813—1886), ит. поэт и драматург — IV, 305, 306.
- Гвоздев Косма Антонович (1883—?), меньшевик; министр труда Временного правительства — V, 300, 302, 303.
- Ге Николай Петрович (1884—1920), публицист и искусствовед — V, 205.
- «Гедда Габлер», драма Г. Ибсена (1890) — IV, 39; V, 191.
- Гезнод — см. Гесиод.
- Гейберг (Хейберг) Йохан Людвиг (1791—1860), дат. критик и драматург — IV, 61.
- Гейне Генрих (1797—1856) — I, 56; II, 327; III, 265, 266; IV, 103, 109, 182, 209, 329, 330, 341, 355; V, 252, 260—262, 269; VI, 162, 289—292, 297, 298.
- «Гейне и романтизм», статья В. Жирмунского (1914) — VI, 297.
- Гексли (Хаксли) Томас Генри (1825—1895), англ. биолог, соратник Ч. Дарвина — V, 69.
- Георгий Иванович — см. Чулков Г. И.
- Георгий Михайлович (1863—1919), вел. князь, управляющий Русским музеем; шеф нескольких полков — V, 284.
- Гераклит Эфесский (кон. VI — нач. V в. до н. э.), др.-греч. философ-диалектик — V, 119.

- Герарди Борис Андреевич (1870 – ?), жандармский полковник, начальник дворцовой полиции – V, 326.
- Гербель Николай Васильевич (1827 – 1883), поэт, переводчик, составитель ряда антологий – V, 69.
- Гервинус Георг Готфрид (1805 – 1871), нем. историк и литературовед – IV, 389.
- Гердер Иоганн Готфрид (1744 – 1803), нем. поэт, историк и теоретик искусства – III, 265.
- Гермоген (Долганов Григорий Ефремович; 1858 – 1919), епископ саратовский; сторонник, а позже обличитель Распутина – V, 165 – 167, 180.
- «Героям нашего времени», стих. Ап. Григорьева (1845) – IV, 224.
- Герцен Александр Иванович (1812 – 1870) – IV, 17, 212, 213, 385; V, 260.
- Гесиод (VIII – VII вв. до н. э.), др.-греч. поэт – VI, 18.
- Гете Иоганн Вольфганг (1749 – 1832) – III, 265; IV, 177, 198, 301, 328 – 330, 355; V, 70, 145; VI, 145, 301.
- Гзовская (в замуж. Нелидова), Ольга Владимировна (1883 – 1962), драм. актриса; репетировала роль Изоры в драме Блока «Роза и Крест» – III, 412; V, 204; VI, 265 – 266.
- Гизетти Александр Алексеевич (1888 – 1930), лит. критик и публицист – V, 236.
- «Гимны», цикл стих. Ап. Григорьева (1845) – IV, 205, 223, 224.
- Гиппиус Александр Васильевич (1878 – 1942), юрист, поэт; товарищ по ун-ту и ближайший друг Блока – V, 205; VI, 10 – 16, 19 – 21, 26 – 27, 77, 96, 111 – 112.
- Гиппиус Василий Васильевич (1890 – 1942), поэт (псевд. Вас. Галахов), литературовед – VI, 271.
- Гиппиус Владимир Васильевич (1876 – 1941), поэт (псевд. Вл. Бестужев, Вл. Нелединский), критик, педагог; директор Тенишевского училища – II, 178; V, 155, 244.
- Гиппиус (Мережковская) Зинаида Николаевна (1869 – 1945), поэт, критик, беллетрист; идеолог декадентства; с 1920 г. в эмиграции; выступала с антисоветскими статьями – II, 239, 255; IV, 34, 57; V, 75, 97, 98, 106, 164, 179, 186, 205, 228, 249, 258; VI, 18 – 19, 21 – 29, 33, 38, 52, 57, 69, 91, 118, 124, 128 – 129, 141, 159, 162, 163, 248, 250.
- Гиппиус Татьяна Николаевна (Тата; 1877 – 1957), художница; автор портрета Блока (1906) – I, 343; VI, 91, 114 – 115, 124.
- Гиппиус Юлиания Ксенофоновна, жена А. В. Гиппиуса – VI, 77.
- Гиппократ (ок. 460 – ок. 377 до н. э.), др.-греч. врач – III, 156, 166, 394.
- Глазунов Александр Константинович (1865 – 1936), композитор и дирижер – III, 411; VI, 219.
- Глазунов Илья Иванович (1856 – 1913), книгопродавец и издатель – V, 101.
- Глинка Константин Алексеевич (1898 – 1937), студент-медик, впоследствии врач; сослуживец Блока по 13-й инженерно-строительной дружине – VI, 269, 270 – 272.
- Глинка Михаил Иванович (1804 – 1857), композитор – IV, 422.
- Глобачев Константин Иванович (1870 – ?), начальник охранного отделения (1915 – 1917) – V, 296, 298, 303, 306, 316, 321.
- «Глубокий мрак, но из него возник...» («Импровизация странствующего романтика»), стих. Ап. Григорьева (1858) – IV, 225.
- Глюк Христофор Виллибальд (1714 – 1787), нем. композитор – IV, 362.
- Гнедич Петр Петрович (1855 – 1925), писатель, переводчик, историк театра – V, 137, 138; VI, 11.
- Гнесин Михаил Фабиянович (1883 –

- 1957), композитор — III, 412; VI, 230.
- Говоруха-Отрок Михаил Яковлевич (1866 — ?), сотрудник министерства внутренних дел — V, 286.
- Гоген Поль (1848 — 1903), фр. художник — IV, 10.
- Гоголь Николай Васильевич (1809 — 1852) — III, 93, 413; IV, 30 — 33, 35, 72, 88, 93, 102, 104, 108, 112, 113, 130 — 133, 149, 197, 210, 229, 233, 307, 310, 326, 342, 347, 350, 384, 385, 422; V, 70, 182, 238; VI, 16, 161, 233.
- Голдсмит Оливер (1728 — 1774), англ. писатель-сентименталист — V, 69.
- Голицын Николай Дмитриевич (1850 — 1925), князь; председатель совета министров (1916 — 1917); после Октября в эмиграции — V, 282, 286, 288, 301, 312, 313, 316, 317, 320, 321, 326, 328 — 331, 335.
- «Голос жизни», рассказ К. Гамсуна — VI, 173.
- «Голос минувшего», историко-лит. журнал (1913 — 1923) — IV, 215.
- «Голубая птица» — см. «Синяя птица».
- Гольберг (Хольберг) Людвиг (1684 — 1754), дат. писатель и драматург — IV, 61.
- Гольдони Карло (1707 — 1793), ит. драматург — IV, 429.
- Гомер, легендарный др.-греч. эпический поэт — IV, 429; V, 138.
- Гонеггер Жан Жак (1825 — 1896), швейц. литературовед — IV, 330, 331.
- Гонорий (384 — 423), император Зап. Рим. империи (с 395) — II, 360.
- Гопнер Джон Вильям Ричцо, сын англ. консула в Венеции Ричарда Гопнера — I, 457.
- Гораций (Квинт Гораций Флакк; 65 до н. э. — 8 н. э.), рим. поэт — I, 447; V, 275.
- «Горе от ума», комедия Грибоедова (1822 — 1824) — II, 309, 363; IV, 308, 384.
- Горемыкин Иван Логгинович (1839 — 1917), председатель совета министров (1906, 1914 — 1916); ставленник Распутина — V, 210, 215, 287.
- «Гореславиц», пьеса А. Чапыгина (1918) — V, 274.
- «Горница», сб. стих. Г. Иванова (1914) — IV, 325.
- «Город» («Да, я люблю его, громадный, гордый град...»), стих. Ап. Григорьева (1845) — IV, 224.
- Городецкие — Анна Алексеевна (1889? — 1946) и Сергей Митрофанович — V, 147.
- Городецкий Сергей Митрофанович (1884 — 1967), поэт, беллетрист и переводчик — I, 389; II, 43; IV, 9, 96, 401, 423, 425 — 427; V, 109 — 111, 118, 128, 164, 173, 174, 185; VI, 117, 118, 140, 181.
- Gorra Egidio (1862 — ?), ит. ученый-медиевист — III, 402.
- Горький Максим (Пешков Алексей Максимович; 1868 — 1936) — III, 59; IV, 105 — 108, 111, 134, 136, 138, 326, 381, 405; V, 165, 201, 254, 259, 260, 261, 263, 265, 268, 271, 272, 290; VI, 86, 90, 91, 98, 152, 255, 261, 279, 283, 289.
- «Горящие письма», пьеса П. Гнедича (1890) — VI, 11.
- Готье де Куэнси (1177 — 1236), фр. монах и поэт, автор мираклей — III, 243.
- Готье Теофиль (1811 — 1872), фр. писатель и критик, один из основателей «Парнаса» — IV, 426; V, 185; VI, 206 — 207.
- Говуальд Христофор Эрнест (1778 — 1845), барон; нем. поэт и драматург — III, 267.
- Гофман Виктор Викторович (1884 — 1911), поэт и прозаик — VI, 128.
- Гофман Эрнст Теодор Амадей (1776 — 1822), нем. писатель-романтик — III, 265; V, 71, 175.
- Гофмансталь Гуго фон (1874 — 1929), австр. поэт и драматург — IV, 87; VI, 230.
- Gozzi — см. Gorra E.

- Гоцци Карло (1720–1806), ит. драматург – VI, 250.
- «Гоша Долгие-Руки», детская книжка – V, 197.
- Грабарь Игорь Эммануилович (1871–1960), художник, искусствовед – VI, 277.
- Граббе Александр Николаевич (1864–?), генерал-адъютант, начальник царского конвоя – V, 343.
- «Грех да беда на кого не живет», драма А. Островского (1862) – VI, 263.
- Гребин Зиновий Исаевич (1869–1929), художник и книгоиздатель – V, 149, 265; VI, 133, 134.
- Грибоедов Александр Сергеевич (1795–1829) – II, 363; III, 413; IV, 197, 199, 221, 307, 310; V, 160, 182, 275; VI, 89.
- Григорий – см. Распутин Г. Е.
- Григорович Дмитрий Васильевич (1822–1899/1900), писатель – IV, 210.
- Григорович Иван Константинович (1853–1930), адмирал, морской министр (1911–1917); с 1923 г. в эмиграции – V, 288.
- Григорьев Александр Иванович (1787–1863), чиновник, отец Ап. Григорьева – IV, 199, 200.
- Григорьев Аполлон Александрович (1822–1864), поэт и лит. критик – II, 357; IV, 196–211, 214–226, 384, 385; V, 70, 210, 243, 262; VI, 35, 160, 250, 260, 261.
- «А. Григорьев и Л. Мей» – «А. А. Григорьев (Отрывок из воспоминаний)» А. П. Милюкова (1883) – IV, 215.
- Григорьева Татьяна Андреевна (ок. 1800–1854), мать Ап. Григорьева – IV, 199, 200.
- Грильпарцер (урожд. Зоннлейтнер) Марианна, мать Ф. Грильпарцера – III, 265.
- Грильпарцер Менцель, адвокат, отец Ф. Грильпарцера – III, 265.
- Грильпарцер Франц (1791–1872), австр. драматург – III, 265–268, 423.
- Гримм Давид Давидович (1864–1941 или 1942), юрист, профессор Петерб. ун-та; член Гос. думы и Чрезвычайной следственной комиссии; после Октября в эмиграции – V, 312.
- «Гриф», альманахи (1903–1905) и изд-во (1903–1913) – VI, 51, 53, 60, 62, 72.
- Гришин Александр Ильич, директор Большого драм. театра в Петрограде; с 1921 г. в эмиграции – VI, 296.
- «Гроза», драма А. Островского (1859) – IV, 72, 88, 384.
- «Громокопийный кубок», сб. стих. Игоря Северянина (1913) – IV, 427.
- Гросвита (Росвита) Гандерсгеймская (935–1002), монахиня, автор поэмы «Падение и обращение Теофила» – III, 243.
- Гроссман Леонид Петрович (1888–1965), литературовед и писатель – IV, 198.
- Грушко (в замуж. Островская) Наталья Васильевна (1892–?), поэтесса – V, 270.
- Гузик Ян, медиум – V, 178.
- Гулевич Арсений Анатольевич (1866–?), генерал – V, 342.
- Гумбольдт Александр (1769–1859), нем. естествоиспытатель – IV, 205.
- Гумилев Николай Степанович (1886–1921), поэт, глава акмеизма; расстрелян как участник контррев. заговора – IV, 423–430; V, 147, 170, 185, 261, 270, 271; VI, 216, 251.
- Гун Николай Васильевич (1878–1902), гимназический друг Блока – I, 47.
- Гуревич Анна Яковлевна (1878–1942), педагог, сестра Л. Я. Гуревич – VI, 261–263.
- Гуревич Любовь Яковлевна (1866–1940), критик, издатель, бел-

- летрист, театровед и переводчица — VI, 135 — 136, 176, 236, 262 — 263, 280.
- Гуро Елена Генриховна (1877 — 1913), поэтесса, художница, примыкавшая к футуристам — V, 185.
- «Гусар, на саблю опираясь...» («Разлука»), стих. К. Батюшкова (1812 — 1813) — V, 274.
- Гуттен Ульрих фон (1488 — 1523), нем. писатель и гуманист — IV, 327, 328, 347.
- Гучков Александр Иванович (1862 — 1936), промышленник; военный и морской министр Временного правительства; белоэмигрант — V, 294, 298 — 303, 308, 348 — 351, 353 — 357; VI, 284.
- Гущин Борис Петрович (1874 — 1936), студент-технолог; впоследствии библиотечный работник; близкий знакомый Бекетовых и Блока — VI, 63.
- Гюго Виктор (1802 — 1885) — IV, 83, 198; V, 15, 69, 71; VI, 135, 207, 294, 296.
- Гюнтер Иоганн фон (Huenther Hans; 1886 — 1973), нем. поэт, переводчик рус. писателей — I, 390; V, 151; VI, 84, 143.
- «Да, я знаю, что с тобою...» — см. «Е. С. Р.».
- Далматов (Лучич) Василий Пантелеймонович (1852 — 1912), драм. артист — IV, 81; V, 41, 42; VI, 27, 28.
- «Дама с камелиями», драма А. Дюма-сына (1848) — IV, 87.
- Данилов Георгий Никифорович (1866 — ?), генерал, начальник штаба Сев. фронта (1917) — V, 342, 349, 352, 355, 356.
- Д'Аннунцио — см. Аннунцио Габриеле д'.
- Данте Алигьери (1265 — 1321), ит. поэт — I, 468; II, 118, 360; IV, 101, 183, 225, 429; V, 109, 251, 275; VI, 166, 171, 173, 187.
- Дантес Жорж Шарль (1812 — 1895), убийца Пушкина — IV, 93, 419; V, 164.
- Дантон Жорж Жак (1759 — 1794), деятель Великой французской революции — IV, 377 — 379; VI, 294 — 296.
- «Дантон», пьеса М. Левберг (1919) — IV, 377; VI, 294 — 296.
- Дарвин Чарлз Роберт (1809 — 1882), англ. естествоиспытатель — V, 69.
- «Два голоса», стих. Тютчева (1850) — III, 390.
- «Два гоизма», драма Ап. Григорьева (1845) — IV, 224; VI, 261.
- «Две гитары, зазвонев...» («Цыганская венгерка»), стих. и романс Ап. Григорьева (1857) — IV, 225.
- «Две судьбы», стих. Ап. Григорьева (1844) — IV, 222.
- «Двенадцать», поэма Блока (1918) — II, 377, 378; V, 233, 238, 240, 241, 243, 245, 248, 249, 254, 274; VI, 285 — 287.
- «Двойник», повесть Достоевского (1846) — IV, 204.
- «Дворянское гнездо», роман Тургенева (1859) — V, 124.
- Дега Эдгар (1834 — 1917), фр. художник — VI, 165.
- «Действо о Теофиле», средневековый миряль Рютбефа, переведенный Блоком (1907) — V, 206; VI, 136.
- «Декабрьская ночь», поэма А. Мюссе из цикла «Ночи» (1835 — 1837) — VI, 134.
- «Дела и дни», поэма Гесиода — VI, 18.
- Делавар Джордж Джон (1791 — 1869), граф, школьный товарищ Байрона — I, 450.
- «Delirium tremens», сб. стих. А. Звенигородского (1906) — VI, 103.
- «Delle origini della poesia lirica del medio evo: prolusione», книга ит. медиевиста Е. Gotta (1895) — III, 402.
- «Дело», меньшевистский журнал (1916 — 1918) — V, 296.

- Дельвиг Антон Антонович (1798 – 1831), поэт; друг Пушкина – V, 141.
- Дельмас-Андреева (урожд. Тишинская) Любовь Александровна (1879 – 1969), оперная актриса – II, 224; V, 203, 212; VI, 238 – 247, 253 – 254, 267, 271, 278.
- Демкин Дмитрий Иванович, товарищ петроградского городского головы – V, 316.
- «Демон», опера А. Рубинштейна (1871) – V, 264.
- «День», газета (1912 – 1918); после Февральской революции орган меньшевиков – IV, 193; V, 194, 296.
- «Деревня», стих. Пушкина (1819) – V, 275.
- Державин Гаврила Романович (1743 – 1816) – IV, 197; V, 275; VI, 183.
- «Детство», повесть М. Горького (1913 – 1914) – VI, 261, 283.
- Джакоза Джузеппе (1847 – 1906), ит. драматург – IV, 305.
- Джакометти Паоло (1816 – 1882), ит. драматург – IV, 305, 306.
- Джерсей Сарра (1785 – 1867), графиня; светская знакомая Байрона – I, 458.
- Джунковский Владимир Федорович (1865 – ?), генерал-лейтенант, товарищ министра внутренних дел (1913 – 1915) – V, 307.
- Диккенс Чарлз (1812 – 1870), англ. писатель – IV, 341, 342; V, 69.
- Дильтей Вильгельм (1833 – 1911), нем. философ-идеалист и историк культуры – IV, 355.
- «Для берегов отчизны дальней...», стих. Пушкина (1830) – V, 155.
- Дмитриев, начинающий автор – VI, 114.
- Дмитрий Донской (1350 – 1389), вел. князь московский (1359) и владимирский (с 1362) – IV, 110.
- Дмитрий Иванович – см. Менделеев Д. И.
- Дмитрий Павлович (1891 – 1942), вел. князь – V, 285, 306.
- Дмитрий Сергеевич – см. Мережковский Д. С.
- «Дневник писателя», публицистическое произведение Достоевского (1873, 1876 – 1877, 1880 – 1881) – II, 291; IV, 21; V, 262.
- Добровольский Николай Александрович (1857 – 1918), министр юстиции (1916 – 1917) – V, 288, 289, 320, 321.
- «Доброй ночи» («Спи спокойно – доброй ночи...»), стих. Ап. Григорьева (1843) – IV, 222.
- Добролюбов Александр Михайлович (1876 – 1944?), поэт-декадент; в 1903 г. основал в Поволжье секту «добролюбовцев», близкую к молоканам – I, 275; V, 103; VI, 20, 33.
- Добролюбов Николай Александрович (1836 – 1861) – IV, 93, 102, 197, 217; V, 123, 124.
- «Добротолубие», собрание сочинений раннехристианских церковных деятелей (рус. перевод в 5 томах, 1883) – VI, 267.
- «Добрый совет», стих. Пушкина (1817 – 1820) – V, 274.
- Добужинский Мстислав Валерианович (1875 – 1957), художник; автор декораций и костюмов к неосуществленной постановке драмы Блока «Роза и Крест» (МХТ); с 1925 г. жил за границей – VI, 265, 277.
- Доде Альфонс (1840 – 1897), фр. писатель – V, 71.
- «Доктор Стокман» («Враг народа»), пьеса Г. Ибсена (1882) – IV, 62, 171.
- «Doctrina», стих. Г. Гейне из цикла «Zeitgedichte» (1844) – VI, 292.
- «Долгота проклятия» – см. «История детской души».
- Долидзе Федор Евсеевич (1883 – ?), театр. антрепренер, организатор лит. вечеров и лекций – VI, 291.
- Долинов Анатолий Иванович (1869 –

- 1945), режиссер и преподаватель драм. курсов — VI, 263.
- Дольчи Карло (1616 — 1686), ит. живописец — VI, 172.
- «Дом у дороги», пьеса М. Шагинян (1918) — VI, 204.
- Доманевский Владимир Николаевич (1878 — ?), полковник Генерального штаба — V, 348.
- Домашева Мария Петровна (1875 — 1952), драм. актриса — VI, 250.
- «Домик в Коломне», поэма Пушкина (1830) — VI, 172.
- «Дон Жуан», драма Мольера (1665) — IV, 361; V, 191.
- «Дон Карлос», трагедия Шиллера (1783 — 1787) — IV, 333, 370.
- Достоевские — братья Федор Михайлович и Михаил Михайлович (1820 — 1864) — V, 70.
- Достоевский Федор Михайлович (1821 — 1881) — II, 290, 292, 367, 368; III, 62, 66; IV, 13, 21 — 23, 30, 33, 35, 49, 75, 93, 98, 102, 103, 111, 167, 197, 209, 216, 217, 219, 221, 229, 233, 234, 250, 275, 347, 422; V, 70, 79, 98, 135 — 137, 155, 156, 262, 275, 362; VI, 18 — 20, 24, 36, 47, 48, 160, 171.
- Драгоманов Михаил Петрович (1841 — 1895), укр. историк и публицист — IV, 17.
- «Дракон», альманах (1921) — IV, 428.
- Дрентельн Александр Александрович (1868 — 1925), генерал, командир лейб-гв. Преображенского полка; после Октября в эмиграции — V, 284, 350.
- Дубенский Дмитрий Николаевич (1858 — ?), генерал, издатель журналов, придворный историограф — V, 283, 284, 314, 317, 322, 326, 333, 335, 336, 342 — 344, 349, 350, 352, 353.
- Дудышкин Степан Семенович (1820 — 1866), журналист, редактор «Отечественных записок» — IV, 209.
- Дузэ Элеонора (1858 — 1924), ит. драм. актриса — IV, 81 — 83, 87.
- Дуня, прислуга Блоков — V, 177.
- Дурново Петр Николаевич (1845 — 1915), министр внутренних дел (1905 — 1906) — IV, 229.
- Дуччо ди Буонинсеня (ок. 1255 — 1319), ит. живописец — V, 28.
- «Дымка прозрачного пара...», стих. С. Соловьева (1903) — VI, 57.
- Дымов О. (Перельман Осип Исидорович; 1878 — 1959), писатель, драматург, журналист; после Октября в эмиграции — V, 128, 149.
- Дымшиц — см. Толстая С. И.
- Дюма Александр, отец (1802 — 1870), фр. писатель — IV, 66.
- Дюма Александр, сын (1824 — 1895), фр. писатель и драматург — IV, 19.
- Дюморье Шарль Франсуа дю Перье (1739 — 1823), фр. генерал и политич. деятель — IV, 404.
- Дюрер Альбрехт (1471 — 1528), нем. живописец и график — VI, 287.
- Дягилев Сергей Павлович (1872 — 1929), театр. и художественный деятель; один из лидеров «Мира искусства»; с 1907 г. жил за границей — V, 182; VI, 32.
- Е. А. — Победоносцева (урожд. Энгельгардт) Екатерина Алексеевна, переводчица; жена К. П. Победоносцева — V, 142.
- «Е. С. Р.» («Да, я знаю, что с тобою...»), стих. Ап. Григорьева (1842) — IV, 222; VI, 36.
- Евагрий (345 — 399), греч. монах и теолог — VI, 267.
- «Евгений Онегин», роман в стихах Пушкина (1823 — 1831) — V, 122, 190, 192.
- Евгения Алексеевна — см. Иванова Е. А.
- Еврейнов Николай Николаевич (1879 — 1953), драматург и режиссер; после Октября в эмиграции — V, 174.

- Еврипид (ок. 480—406 до н. э.), др.-греч. поэт-драматург — IV, 361.
- Евтихиан (VI в.), писатель — III, 243.
- Егор, крестьянин-арендатор из деревни Тараканово — V, 139, 140.
- Егоров Владимир Николаевич (1887—?), инженер; сослуживец Блока по 13-й инженерно-строительной дружине — VI, 269, 272.
- «Еду ли ночью по улице темной...», стих. Некрасова (1847) — V, 365.
- Екатерина II (1729—1796), императрица (с 1762) — V, 283; VI, 195.
- «Екатерина Ивановна», драма Л. Андреева (1912) — VI, 233.
- Елизавета Петровна (1709—1761), императрица (с 1741) — IV, 58.
- Елисеев Григорий Григорьевич, председатель торгового товарищества «Бр. Елисеевы» — V, 323.
- Ермак Тимофеевич (ум. 1585), казачий атаман; ок. 1581 г. совершил поход в Сибирь; герой народных песен — II, 156.
- Ершов Петр Павлович (1815—1869), поэт, автор сказки «Конек-Горбунок» — IV, 384.
- Есенин Сергей Александрович (1895—1925), поэт — V, 229, 230, 236; VI, 252.
- Ефремов Иван Николаевич (1866—?), член Гос. думы — V, 312.
- Ефрон Илья Абрамович (1845—1919), издатель — V, 275; VI, 89.
- «Еще доброй ночи» («Доброй ночи!.. Пора!..»), стих. Ап. Григорьева (1843, 1857) — IV, 222.
- «Еще шумел веселый день...», стих. Тютчева (1851) — V, 91.
- Жакомино (Джакомо Чирени; 1884—1956), ит. клоун — VI, 250.
- «Женитьба», комедия Гоголя (1833—1835) — IV, 72, 88.
- «Женитьба Фигаро», комедия Бомарше (1784) — V, 237.
- «Женщина», стих. Ап. Григорьева (1843) — IV, 222.
- Женя — см. Иванов Е. П.
- Жерве Альфред Альбер (1837—1921), фр. адмирал; командовал эскадрой, посетившей Кронштадт в 1891 г. — VI, 200.
- «Живой труп», драма Л. Толстого (1900) — V, 169.
- «Жизнь Василия Фивейского», повесть Л. Андреева (1904) — V, 55.
- «Жизнь животных», книга А. Брема (1863—1869) — II, 369.
- «Жизнь и труды М. П. Погодина», многотомное издание Н. Барсукова (1888—1910) — IV, 202, 207, 208, 211.
- «Жизнь Человека», драма Л. Андреева (1907) — IV, 41, 42, 83, 103; V, 42, 57, 58.
- «Жил на свете рыцарь бедный...» — см. «Легенда».
- Gilbert Ivette (1867—1944), фр. эстрадная певица — VI, 208.
- Жирмунский Виктор Максимович (1891—1971), литературовед, академик — IV, 356; VI, 240, 297—298.
- «Жуазель», драма М. Метерлинка (1903) — IV, 406.
- Жуковский Василий Андреевич (1783—1852) — I, 52; V, 72, 88, 271, 275; VI, 44.
- «Жупел», сатирич. журнал (1905—1906) — VI, 91.
- «Журнал для всех» (1895—1906) — VI, 60, 96.
- «За все, за все тебя благодарю я...» («Благодарность»), стих. Лермонтова (1840) — II, 61; VI, 147.
- «За гранью прошлых дней», сб. стих. Блока (1920) — I, 469.
- «За мною грохочущий город...» («Шоссе»), стих. А. Белого (1904) — IV, 27.
- Забела-Врубель Надежда Ивановна (1867—1913), певица, жена художника — VI, 240.
- «Завоеватель», рассказ К. Гамсуна (1905) — VI, 173.
- «Зажженные бездны», сб. стих. Г. Новицкого (1908) — IV, 97.

- Зайцев Борис Константинович (1881 – 1972), писатель; с 1922 г. в эмиграции – V, 115, 277; VI, 114, 163.
- Зайцевы – Вера Алексеевна и Борис Константинович – V, 277.
- «Заложники жизни», пьеса Ф. Сологуба (1912) – V, 174.
- «Заметки петербургского зеваки», анонимная статья в журнале «Репертуар и пантеон» (1844, № 12) – IV, 204.
- «Замолчки, Муза мести и печали!..», стих. Некрасова (1855) – V, 365.
- Замяткина Мария Михайловна (1865 – 1919), друг и домохозяйка Вяч. Иванова; секретарь изд-ва «Оры» – VI, 212.
- Занкевич Михаил Ипполитович (1872 – ?), генерал, начальник Генерального штаба (1916) – V, 328, 329, 331 – 333, 338, 348.
- «Записки Аньи», книга Н. Санжарь (1910) – IV, 195.
- «Записки мечтателей», журнал (1919 – 1922) – VI, 304.
- «Записки сумасшедшего», повесть Голя (1835) – IV, 131.
- Зарудный Сергей Митрофанович (1865 – 1940), юрист, сенатор, переводчик и театрал – VI, 253.
- «Захарова смерть», драма А. Неверова (опубл. в 1922 г.) – V, 273.
- «Звезда», легальная большевистская газета (1910 – 1912) – V, 164, 165.
- Звенигородский Андрей Владимирович (1878 – 1961), поэт, литературовед – VI, 103, 104.
- Зворыкин Борис Васильевич, художник-иллюстратор – V, 198.
- Здобнов Дмитрий Спиридонович, петерб. фотограф – V, 149; VI, 80.
- «Зеленое кольцо», драма З. Гиппиус (пост. 1915) – VI, 249, 250.
- «Зеленый луг» – см. «Луг зеленый».
- Зелинский Фаддей Францевич (1859 – 1944), филолог-классик, профессор Петерб. и Варшавск. ун-тов – V, 75, 81.
- «Землетрясение в Калибрии и Сицилии», книга М. Горького и В. Мейера (1909) – IV, 135.
- «Земля», драма В. Брюсова (1905) – IV, 42; VI, 82.
- «Земля в снегу», третий сб. стих. Блока (1908) – II, 357, 358; IV, 145; VI, 150, 151.
- «Зеркало теней», сб. стих. В. Брюсова (1912) – II, 177.
- «Зигфрид» – см. «Кольцо Нибелунга».
- Зиммель Георг (1858 – 1918), нем. философ – IV, 198.
- Зина, Зинаида Николаевна – см. Гиппиус З. Н.
- Зиновьев (Радомысльский) Григорий Евсеевич (1883 – 1936); с 1901 г. в партии большевиков; председатель Петроградского Совета (1918 – 1926); за антипартийную деятельность исключен из ВКП(б) – V, 217, 228.
- Зиновьева-Аннибал (в перв. замуж. Шварсалон) Лидия Дмитриевна (1866 – 1907), писательница, жена Вяч. Иванова – V, 162; VI, 185.
- «Злые чары», сб. стих. К. Бальмонта (1906) – V, 114.
- «Знамя труда», газета левых эсеров (1917 – 1918) – V, 240, 241.
- «Знание», книгоиздательство (1898 – 1913) – IV, 135.
- «Зной», стих. С. Городецкого (1905) – IV, 9.
- «Золото в лазури», сб. стих. А. Белого (1904) – VI, 63.
- «Золотое руно», моск. журнал символистов (1906 – 1909) – III, 384; IV, 53, 80; V, 119; VI, 92, 103, 106, 117, 119, 125, 129, 139.
- «Золотой век в кармане», название одной из глав «Дневника писателя» Достоевского (январь 1876) – IV, 21.
- «Золотой качался колос...», стих. С. Соловьева (1903) – VI, 57.

- «Золотому блеску верил...» («Друзьям»), стих. А. Белого (1907) — VI, 221.
- Золя Эмиль (1840–1902), фр. писатель — III, 413; IV, 166; V, 71; VI, 207.
- Зонов (Павлов) Аркадий Павлович (1875–1922), режиссер — V, 180; VI, 233.
- Зоргенфрей Вильгельм Александрович (1882–1938), поэт и переводчик; один из друзей Блока — III, 172; V, 205; VI, 246–247, 253, 277, 289–290.
- «Зреет рожь над жаркой нивой...», стих. Фета (конец 1850-х гг.) — V, 92.
- Ибсен Генрик (1828–1906), норв. драматург — I, 389; II, 270, 312; III, 266; IV, 39, 54, 55, 60–62, 81, 82, 87, 104, 140, 168–174, 291–295, 342; V, 142, 162, 191; VI, 145, 151, 153, 296.
- Ибсен (Торесен) Сусанна, жена драматурга — IV, 172.
- «Ива», сб. стих. С. Городецкого (1913) — V, 173.
- Иван I Данилович Калита (ум. 1340), князь московский (с 1325) и владимирский (с 1328) — II, 138.
- Иван Странник — см. Аничкова А. М.
- Иванов Александр Андреевич (1806–1858), художник — IV, 422.
- Иванов Александр Павлович (1876–1933), математик по образованию; прозаик, искусствовед; брат Е. П. Иванова — IV, 152, 156; V, 136; VI, 69, 71, 98.
- Иванов Вячеслав Иванович (1866–1949), поэт, филолог, теоретик символизма; с 1924 г. жил в Италии — II, 178; IV, 38, 80, 141, 146, 322, 402, 425; V, 106, 109, 117, 118, 124, 128, 131, 145, 149, 150, 162, 170, 174, 187; VI, 84, 85, 91, 113, 117, 118, 124, 126, 177, 178, 180, 185, 187, 194, 212, 213, 216–218.
- Иванов Георгий Владимирович (1894–1958), поэт; с 1923 г. в эмиграции — IV, 323–325.
- Иванов Евгений Павлович (1879–1942), литератор; ближайший друг Блока — I, 302, 309, 370; II, 114, 120, 149; V, 151, 170, 181, 205; VI, 63, 65–69, 71, 81–82, 96–98, 104–105, 144, 147, 149–150, 171–172, 177–178, 219, 220, 271.
- Иванов Иван Иванович (1862–1929), историк литературы и критик — IV, 198.
- Иванов Николай Иудович (1851–1919), генерал-адъютант; главнокомандующий Юго-Зап. фронтом (1914–1916); по приказу царя был направлен в Петроград для подавления Февральской революции — V, 284, 308, 314, 329, 332, 334–344, 346–348, 350–352, 356, 357.
- Иванов Сергей Валентинович (1852–1925), юрист, сенатор, товарищ председателя Чрезвычайной следственной комиссии; после Октября в эмиграции — V, 320.
- Иванов-Разумник (Иванов Разумник Васильевич; 1878–1946), критик, публицист и литературовед — V, 230, 240, 241, 255, 271; VI, 285.
- Иванова Вера Викторовна (1880–после 1917), драм. актриса театра В. Ф. Коммиссаржевской — V, 117.
- Иванова (урожд. Смирнова) Евгения Алексеевна, жена А. П. Иванова — VI, 98.
- Иванова Мария Павловна (1873–1941), врач; сестра А. П. и Е. П. Ивановых — II, 154.
- Ивнев Рюрик (Ковалев Михаил Александрович; 1891–1981), писатель — VI, 209–210.
- Ивойлов — см. Княжнин В.
- Игнатов Михаил Иванович, сослуживец Блока по 13-й инженерно-строительной дружине — VI, 269.
- Игнатьев Павел Николаевич (1870–1926), граф; министр народного

- просвещения (1915–1916); после Октября в эмиграции – V, 282, 289; VI, 160.
- Игнатиева (урожд. Мещерская) Софья Сергеевна, графиня; деятельница благотворительных обществ, игравшая видную роль в церковных кругах Петербурга – V, 167, 183, 306, 307.
- Идельсон Наум Ильич (1885–1951), юрист и математик; сослуживец Блока по 13-й инженерно-строительной дружине и Чрезвычайной следственной комиссии – V, 210, 215; VI, 268, 269, 272, 276.
- «Идиллии и элегии», сб. стих. Ю. Верховского (1910) – II, 159.
- «Из Пиндемонти», стих. Пушкина (1836) – V, 275, 276.
- «Издаেলা пришел жених и друг...», стих. М. Кузмина (1908) – VI, 138.
- Измайлов Александр Алексеевич (1873–1921), поэт-пародист, критик и прозаик – V, 149; VI, 173–174, 259–260.
- «Иксион» – см. «Царь Иксион».
- Илиодор (Труфанов С. В.; 1880 – после 1917), иеромонах-проповедник, один из деятелей черносотенства – V, 166, 167.
- Ильяшенко Лидия Степановна (р. 1894), драм. актриса; двоюродная сестра А. Белого; с 1922 г. играла в Пражском камерном русском театре – VI, 250.
- Иммерман Карл Леберехт (1796–1840), нем. театр. деятель и писатель – III, 265.
- «Импровизация странствующего романтика», цикл стих. Ап. Григорьева (1858) – IV, 225.
- Иннокентий (Борисов Иван Алексеевич; 1800–1857), богослов и церковный оратор – IV, 213.
- Иннокентий III (1160 или 1161–1216), рим. папа – III, 400.
- «Инок шел и нес святые знаки...», стих. Блока (1902) – VI, 28.
- «Интеллигенция и революция», статья Блока (1918) – V, 234, 237, 245.
- «Intérieur» («Там внутри»), драма М. Метерлинка (1894) – VI, 134.
- «Inferno» («Ад»), роман А. Стриндберга (1897) – VI, 219, 222.
- Ионов (Бернштейн) Илья Ионович (1887–1942), поэт; заведующий петроградским отделением ГИЗ – V, 254.
- «Ипполит», трагедия Еврипида (428 до н. э.) – VI, 27.
- Ирод I Великий (ок. 73–4 до н. э.), царь Иудеи (с 37) – VI, 11.
- Исаакян Аветик Саакович (1875–1957), армянский поэт – II, 333; VI, 254, 260.
- Исакова А. П., поэтесса, автор повести в стихах «Венок» – VI, 229–230.
- «Искра», сатирический журнал (1859–1873) – IV, 217.
- «Искусство», журнал (1905) – VI, 85.
- «Искусство и газета», статья Блока (1912) – IV, 189.
- «Искусство и правда», стих. Ап. Григорьева (1854) – IV, 210, 224.
- «Искусство и революция», трактат Р. Вагнера (1849; рус. перевод 1906) – IV, 240, 241, 243.
- «Исповедь», повесть М. Горького (1908) – IV, 105–108; VI, 283.
- «Истинно суженый», пьеса М. Шагинян (1918) – VI, 303.
- «Исторический вестник», журнал (1880–1917) – IV, 215, 217; V, 179.
- «История детской души», повесть М. Корелли (рус. перевод 1897) – V, 141, 142.
- «История драматической литературы и театра», книга П. Морозова (1903) – VI, 293.
- «История русского театра до половины XVIII столетия», книга П. Морозова (1889) – IV, 58.
- «История французской революции», соч. Т. Карлейля (1837; рус. перевод 1866, 1907) – VI, 196.

- «История церквей и часовен Божьей Матери, построенных в диоцезе св. Льва», соч. Кирилла де Пеннека (1647) — III, 398.
- «Италии. Сборник в пользу пострадавших от землетрясения в Мессине» (1909) — VI, 163.
- «Итальянские стихи», цикл стих. Блока (1909) — II, 117, 360.
- «Итальянский сборник» — см. «Италии».
- «Иуда Искарот и другие», повесть Л. Андреева (1907) — V, 59.
- Иулиания Ксенофоновна — см. Гиппиус Ю. К.
- «К***» («Не спрашивай, зачем унылой думой...»), стих. Пушкина (1817) — V, 274.
- «К биографии А. Григорьева» — «Новые материалы для биографии А. А. Григорьева», статья П. Юдина (1894) — IV, 217.
- «К истории религии и философии в Германии», соч. Г. Гейне (1834) — VI, 297.
- «К Лавинии» («Для себя мы не просим покоя...»), стих. Ап. Григорьева (1843) — IV, 222.
- К. М. С. — см. Садовская К. М.
- «К Офелии», цикл стих. Фета (1842–1847) — V, 93.
- «К портрету Жуковского», стих. Пушкина (1818) — V, 275.
- «К 50-летию кончины Ап. А. Григорьева», статья В. Розанова (1914) — IV, 210.
- К. Р. (Романов Константин Константинович; 1858–1915), вел. князь; поэт, президент Академии наук (с 1889) — VI, 253.
- «К собору Кэмпера», стих. В. Брюсова (1908) — VI, 205.
- «К Чаадаеву» («Любви, надежды, тихой славы...»), стих. Пушкина (1818) — V, 274.
- Кавур Камилло Бенсо (1810–1861), ит. политич. деятель — IV, 305.
- Калиостро Алессандро (Джузеппе Бальзамо; 1743–1795), маг-авантюрист — IV, 218, 226.
- Калита — см. Иван Калита.
- Каляев Иван Платонович (1877–1905), революционер — VI, 160.
- Камбек Лев Логгинович, журналист 1860-х гг. — IV, 219, 220.
- Каменев (Розенфельд) Лев Борисович (1883–1936); с 1901 г. в партии большевиков; председатель Московского Совета; за антипартийную деятельность исключен из ВКП(б) — V, 217, 277, 278.
- Каменева (Бронштейн) Ольга Давыдовна (1883–1941), зав. Театр. отделом Наркомпроса — V, 245, 246, 278.
- Каменский Анатолий Павлович (1876–1941), писатель — V, 151.
- Кампиони Софья Николаевна, теща А. Белого, мать А. А. Тургеневой — VI, 194.
- Канель Александра Юлиановна, врач кремлевской больницы — VI, 302.
- Каннабих Юрий Владимирович (1872–1939), врач-психиатр и сатирический поэт — V, 207.
- Кант Иммануил (1724–1804), нем. философ — I, 294; IV, 334; V, 12, 99, 103; VI, 24, 52, 54.
- Капнист, адмирал, и. о. начальника морского Генерального штаба (1917) — V, 341.
- Карамзин Николай Михайлович (1766–1826) — V, 274.
- Караулов Михаил Александрович (1878–1917), подъясаул, член Гос. думы; атаман Терского казачьего войска — V, 301.
- Кареев Николай Иванович (1850–1931), историк и публицист — V, 215.
- Карелин Григорий Силыч (1801–1872), путешественник-натуралист; прадед Блока — V, 69.
- Карлейль Томас (1795–1881), англ. публицист, историк и философ — IV, 191, 198, 229, 306; VI, 196.

- «Кармен», опера Ж. Бизе (1874) – V, 192; VI, 238, 243.
- «Кармен», цикл. стих. Блока (1914) – V, 206.
- «Кармозина», драма А. Мюссе (1865) – V, 71; VI, 134.
- Карпов Евтихий Павлович (1857–1926), драматург и режиссер – V, 41.
- Карпов Пимен Иванович (1884–1963), писатель – IV, 192–194; VI, 175–176.
- Каррер Луиджи (1801–1850), ит. поэт – IV, 305.
- Каррьер Эжен (1849–1906), фр. художник – IV, 149.
- Кассо Лев Аристидович (1865–1914), министр народного просвещения (1910–1914) – V, 146.
- Катилина (ок. 108–62 до н. э.), рим. политический деятель – IV, 266, 267, 269, 271–276, 278–285, 288–295, 377; V, 247.
- «Катилина», статья Блока (1919) – V, 247, 248, 253, 255, 259.
- «Катилина», драма Г. Ибсена (1850) – IV, 54, 293; VI, 296.
- «Катилина», трагедия П. Кребийона (1748) – IV, 291.
- «Катилина» – «Заговор Катилины», соч. Саллюстия (41 до н. э.) – IV, 269, 292.
- Катков Михаил Никифорович (1818–1887), публицист, издатель «Русского вестника» – II, 368; IV, 18, 19.
- Катон Младший (95–46 до н. э.), рим. политический деятель – IV, 280.
- Катонин Леонид Иванович (1876–1936), архитектор; сослуживец Блока по 13-й инженерно-строительной дружине – VI, 278–279.
- Катулл Гай Валерий (ок. 87 – ок. 54 до н. э.), рим. поэт – I, 448; IV, 285, 287–290; V, 172.
- Катя – см. Манасеева Е. М.
- Каутский Карл (1854–1938), лидер германской социал-демократии и II Интернационала – IV, 81.
- Кауфман Ольга Александровна (р. 1898), гимназистка, затем слушательница Высших женских курсов; корреспондентка Блока (1916–1918) – VI, 264.
- Кауфман-Туркестанский Петр Михайлович (1857–1926), министр народного просвещения (1906–1908); главноуполномоченный Красного Креста (1915) – V, 284.
- Кафафов Константин Дмитриевич (1863–?), вице-директор департамента полиции (1912–1917) – V, 213.
- Качалов (Шверубович) Василий Иванович (1875–1948), актер – III, 412.
- Качалов Николай Николаевич (Никс) (1883–1961), химик и технолог; двоюродный брат Блока – VI, 257.
- Качаловы – семья Качалова Николая Николаевича (1852–1909), директора Электротехнического ин-та, и Ольги Львовны (урожд. Блок; 1861–1900), тетки Блока – VI, 257.
- Квинт Курий, участник заговора против Катилины – IV, 279.
- Керенский Александр Федорович (1881–1970), министр-председатель и верх. главнокомандующий Временного правительства; один из организаторов антисоветского мятежа; белоэмигрант – V, 211, 218, 301, 313, 317, 320, 322, 323; VI, 280, 284.
- «Киевская мысль», газета (1906–1918) – IV, 193.
- Кин Эдмунд (1787–1833), англ. драм. актер, исполнитель ролей в драмах Шекспира – IV, 66.
- «Кин, или Гений и беспутство», пьеса А. Дюма-отца (1836) – I, 415.
- Киндерлен-Вехтер Альфред (1852–1912), герм. министр иностранных дел – VI, 201.
- «Кипарисовый ларец», сб. стих. И. Анненского (1910) – VI, 177.

- Кирилл Владимирович (1876–1938), вел. князь, контр-адмирал; белоэмигрант – V, 329.
- Кирилл ле Пеннек – см. Ле Пеннек.
- «Клеветникам России», стих. Пушкина (1831) – V, 241, 275.
- Клейст Генрих фон (1777–1811), нем. поэт и драматург – III, 265.
- Клеон (ум. 422 до н. э.), афинский политический деятель – IV, 377.
- Клеопатра (68–30 до н. э.), египетская царица – II, 73; IV, 271; V, 33.
- Климович Евгений Константинович (1871–?), генерал-лейтенант, директор департамента полиции (1916) – V, 213.
- «Клич. День печати. Сборник на помощь жертвам войны» (1915) – VI, 251.
- Клопшток Фридрих Готлиб (1724–1803), нем. поэт – III, 265.
- Клыков Митрофан Яковлевич (1847–1918), генерал-лейтенант корпуса жандармов – V, 316.
- Клюев Николай Алексеевич (1884–1937), поэт – V, 124, 145, 146, 158, 159, 229, 230; VI, 149, 151, 152, 222, 223.
- Ключевский Василий Осипович (1841–1911), историк, академик – IV, 307; V, 218; VI, 252.
- «Книга о новом театре» – см. «Театр. Книга о новом театре».
- «Книга отражений», сб. статей И. Анненского (1906) – VI, 95.
- Книпович Евгения Федоровна (р. 1898), критик – V, 271, 274, 275.
- Книппер-Чехова Ольга Леонардовна (1868–1959), актриса, жена А. П. Чехова – III, 412; VI, 253.
- Княжнин В. (Ивойлов Владимир Николаевич; 1883–1942), поэт и литературовед – IV, 203; V, 178, 205; VI, 185, 225–227, 251, 260.
- Кобылинский Л. Л. – см. Эллис.
- Ковалевский Владислав Викентьевич (1862–?), зав. продовольственным делом в России (с 1915 г.) – V, 326.
- Ковалевский Максим Максимович (1851–1916), юрист, историк, социолог – V, 145, 146.
- Коган Петр Семенович (1872–1932), критик и литературовед – V, 277, 278; VI, 288, 289, 292, 302.
- Коганы – Надежда Александровна и Петр Семенович – V, 278.
- «Когда владыка ассирийский...», стих. Пушкина (1835) – V, 275; VI, 11.
- «Когда мои мечты за гранью прошлых дней...», стих. Фета (1844) – I, 469.
- «Когда мы, мертвые, пробуемся», драма Г. Ибсена (1899) – IV, 173.
- «Когда средь сонма звезд, размеренно и стройно...» – см. «Комета».
- «Codex Compostellanus», путеводитель пилигримов (XII в.) – III, 399.
- Кожеваткин Александр Мелентьевич (1884–1942), секретарь изд-ва «Мусагет» (1910–1912), владелец изд-ва «Альциона» – VI, 179, 190, 193.
- Козлов Иван Иванович (1779–1840), поэт и переводчик – II, 342.
- Козьма Прутков, коллективный псевдоним А. К. Толстого и братьев Жемчужниковых – IV, 102, 425.
- Коковцов Владимир Николаевич (1853–1943), граф; министр финансов (1906–1914) и председатель совета министров (1911–1914); белоэмигрант – V, 146, 148.
- Кокошкина Мария Филипповна, жена Ф. Ф. Кокошкина (1871–1918), члена Временного правительства – V, 217.
- «Колокольчик», стих. Полонского (1854) – VI, 183.
- Коломийцов Виктор Павлович (1868–1936), переводчик и музыкальный критик – V, 260, 269.

- Колумб Христофор (1451–1506), мореплаватель – IV, 351.
- Кольт, командир 2-й дивизии Зап. фронта – V, 337.
- «Кольцо Нибелунга», музык.-драм. тетралогия Р. Вагнера: «Золото Рейна» (1854), «Валькирия» (1856), «Зигфрид» (1869), «Гибель богов» (1874) – I, 126; IV, 241, 242, 329; VI, 162.
- Кольцов Алексей Васильевич (1809–1842), поэт – V, 103, 229.
- Комаров Владимир Александрович (1861–?), генерал-лейтенант, начальник дворцового управления (с 1914) – V, 332, 333.
- «Комедия любви», пьеса Г. Ибсена (1862) – IV, 170; V, 191.
- «Комета», стих. Ап. Григорьева (1843) – II, 357; IV, 222.
- Коммиссаржевская Вера Федоровна (1864–1910), актриса, организатор «Нового драматического театра» (1904) – II, 149, 270; III, 266; IV, 37, 59, 81, 82, 96, 139, 140, 149; V, 42, 43, 57, 75, 123, 175; VI, 102, 111, 146, 176, 263.
- Коммиссаржевский Федор Федорович (1882–1954), режиссер, педагог, театровед; режиссер театра В. Ф. Коммиссаржевской, поставивший драму Ф. Грильпарцера «Праматерь» (1909) в переводе Блока; брат В. Ф. Коммиссаржевской; с 1919 г. за границей – VI, 144, 230.
- «Коммунистический манифест» – «Манифест коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса (1848) – IV, 241.
- Кондзеровский Петр Константинович (1869–?), генерал-майор – V, 335, 338.
- Кондурушкин Степан Семенович (1874–1919), писатель и журналист – V, 124.
- Коневской Иван (Ореус Иван Иванович; 1877–1901), поэт и критик – IV, 32; V, 103, 104; VI, 20, 56, 81.
- «Конек-Горбунок», сказка П. Ершова (1834) – IV, 384.
- Коновалов Александр Иванович (1875–1948), зам. председателя военно-промышленного комитета (1915–1917), министр торговли и промышленности Временного правительства; после Октября организатор контрреволюционных заговоров и мятежей; белоэмигрант – V, 298, 299, 301.
- Конрад Михаэль Георг (1846–1927), нем. писатель – IV, 62.
- Констан де Ребек Бенжамен Анри (1767–1830), фр. писатель и публицист – II, 294.
- Константин Сергеевич – см. Станиславский К. С.
- Констанций Флавий, полководец рим. императора Гонория, позже его соправитель (421) – II, 360.
- Конт Огюст (1798–1857), фр. философ-позитивист и социолог – IV, 166.
- «Конь блед», стих. В. Брюсова (1904) – VI, 71.
- Копельман Соломон Юльевич (1881–1944), совладелец и главный редактор изд-ва «Шиповник» – V, 130, 149, 176.
- Коперник Николай (1473–1543), польск. астроном – II, 302, 311.
- «Cor Ardens», сб. стих. Вяч. Иванова (1911–1912) – VI, 212.
- «Корабль», драма Г. д'Аннунцио (1908) – VI, 145.
- Корвин Ада – сценич. псевдоним танцовщицы-босоножки Юшкевич Ады Адамовны (ум. 1919), приятельницы Л. Д. Блок – VI, 139, 250.
- Корелли Мария (1854–1924), англ. писательница – V, 142.
- Коркунов Николай Михайлович (1853–1904), юрист; профессор Петерб. ун-та; по его учебнику

- Блок готовился к экзамену — VI, 11, 13.
- Корнилов Лавр Георгиевич (1870—1918), генерал; один из руководителей российской контрреволюции — V, 227, 228, 356, 357.
- «Коробейники», поэма Некрасова (1861) — II, 359; V, 116, 122.
- «Король Лир», трагедия Шекспира (1605) — I, 81; IV, 81, 386; VI, 27.
- «Король на площади», лирич. драма Блока (1906) — III, 384; V, 206; VI, 102, 110, 111.
- Корш Федор Адамович (1852—1923), антрепренер, владелец театра в Москве, основанного в 1882 г. — V, 277.
- Косса Пьетро (1830—1881), ит. драматург — IV, 305.
- Костер Шарль де (1827—1879), бельг. писатель — IV, 405.
- Костюшко Тадеуш (1746—1817), руководитель Польского восстания 1794 г. — II, 274.
- Кот Мурлыка — см. Вагнер Н. П.
- Котляревский Нестор Александрович (1863—1925), литературовед, академик — IV, 12—16; V, 186; VI, 78.
- «Красный милиционер», журнал (1919—1922) — V, 271.
- «Красный смех», рассказ Л. Андреева (1904) — IV, 102, 103; V, 55.
- Красов (Некрасов) Николай Дмитриевич (1867—1940), актер — IV, 82.
- Красс Марк Лициний (ок. 115—53 до н. э.), рим. полководец — IV, 273.
- «Краткий послужной список на память моим старым и новым друзьям», автобиографическая заметка Ап. Григорьева (1864) — IV, 223.
- Кребийон Старший Проспер Жолио (1674—1762), фр. драматург — IV, 291.
- «Крейцера соната», повесть Л. Толстого (1887—1889) — IV, 251.
- Кривич (Анненский) Валентин Иннокентьевич (1880—1936), поэт, про-
- заик; сын И. Ф. Анненского — VI, 177.
- Кригер-Войновский — см. Войновский-Кригер Э. Б.
- Кринский, полковник, адъютант Н. И. Иванова — V, 337, 342.
- Кроммелинк Фернан (1888—1970), бельг. драматург — V, 171.
- «Крушение гуманизма», статья Блока (1919) — V, 268.
- Крыжановский Сергей Ефимович (1861—?), товарищ министра внутренних дел (с 1906), государственный секретарь (с 1911) — V, 331.
- «Крылья», повесть М. Кузмина (1907) — V, 109, 111.
- Кублицкая-Пиоттук (урожд. Бекетова, в первом браке Блок) Александра Андреевна (1860—1923), мать поэта; писательница и переводчица — V, 71; VI, 100—102, 137—138, 142—143, 151—153, 161—171, 186—188, 197—211, 218—220, 252—253, 266—272, 274—278, 281—282, 284, 305.
- Кублицкий-Пиоттук Франц Феликсович (1860—1920), отчим Блока; офицер лейб-гв. Гренадерского полка; в 1914—1917 гг. генерал-лейтенант, командир пехотной дивизии — V, 74, 184, 192, 193; VI, 58, 101, 112, 230, 277.
- «Кубок метелей. Четвертая симфония», поэма в прозе А. Белого (1908) — VI, 141.
- Кузмин Михаил Алексеевич (1872—1936), поэт, прозаик, драматург, переводчик и композитор — III, 384; IV, 402; V, 109, 111, 171; VI, 113, 137, 138, 143, 216, 248.
- Кузьмин-Караваев Константин Константинович (1890—1944?), артист, режиссер (псевд. К. Тверской), педагог — V, 248.
- Кузьмина-Караваева (урожд. Пиленко; в монашестве мать Мария) Елизавета Юрьевна (1891—1945), поэтесса; погибла в фашистском концлагере — V, 147; VI, 271.

- Кузьмины-Караваевы — Дмитрий Владимирович (1886 — ок. 1960), юрист, один из руководителей «Цеха поэтов», и его жена Елизавета Юрьевна — V, 147.
- «Кукольный дом» («Нора»), пьеса Г. Ибсена (1879) — IV, 171, 172.
- Куликов Сергей Николаевич (р. 1887), студент Петерб. политехнического ин-та; поэт — VI, 176.
- Кульбин Николай Иванович (1866 — 1917), военный врач; художник и искусствовед; теоретик рус. футуризма — V, 170, 176, 179.
- Кульчицкий Людвиг Станиславович (1866 — ?), историк революционного движения — IV, 17.
- Кульчицкий Николай Константинович (1856 — 1925), врач, министр народного просвещения (1916 — 1917); после Октября в эмиграции — V, 288, 289.
- Купер Джеймс Фенимор (1789 — 1851), амер. писатель — IV, 18.
- Купреянов Николай Николаевич (1894 — 1933), художник-график; автор обложки к сб. Блока «Ямбы» (1919) — V, 204, 205.
- Куприн Александр Иванович (1870 — 1938) — V, 124, 164, 178.
- Куранов Федор, крестьянин из Шахматова — V, 68.
- «Куранты любви», сб. стих. и нот М. Кузмина (1910) — IV, 402.
- Курлов Павел Григорьевич (1860 — 1923), генерал-лейтенант, командир корпуса жандармов, товарищ министра внутренних дел (сент. — окт. 1916); белоэмигрант — V, 286, 291.
- Курсинский Александр Антонович (1873 — 1919), поэт — V, 110.
- Кускова Екатерина Дмитриевна (1869 — 1958), публицистка; в 1922 г. выслана за границу — V, 127.
- «Куст», рассказ А. Белого (1906) — VI, 106.
- Кутепов Александр Павлович (1882 — 1930), генерал; один из организаторов российской контрреволюции — V, 327, 328.
- Кутлер Николай Николаевич (1859 — 1924), юрист; один из лидеров кадетов (1906 — 1917); белоэмигрант — V, 301.
- Кутузов Михаил Илларионович (1745 — 1813), полководец — VI, 252.
- Кучак Наапет (ум. ок. 1592), армянский поэт — VI, 254.
- Л. А. Д. — см. Дельмас Л. А.
- Л. Б. — см. Блок Л. Д.
- «L'intruse» («Непрошенная»), драма М. Метерлинка (1890) — VI, 134.
- «La littérature française au moyen-âge», исследование G. Paris (1888) — III, 396.
- Ла Мотт Фуке Фридрих де (1777 — 1843), нем. писатель — III, 265.
- Лаврентий Великолепный — Медици Лоренцо Великолепный (1449 — 1492), ит. поэт и правитель Флоренции — II, 131; V, 32.
- Лагранж Жозеф Луи (1736 — 1813), фр. математик — VI, 64.
- Ладыженский — см. Лодыженский И. Н.
- Лазаревский Борис Александрович (1871 — 1936), писатель — V, 124, 149.
- «Лалла Рук», поэма Т. Мура (1817) — V, 69.
- «Ланселот» («Lancelot du Lac»), роман Круглого стола (XII в.) — III, 386, 394, 399.
- Лансере Евгений Евгеньевич (1875 — 1946), художник; автор обложки сб. стих. Блока «Земля в снегу» (1908) — VI, 133.
- Larousse Pierre (1817 — 1875), фр. лексикограф, издатель энциклопедии — IV, 352.
- Le Braz Anatole (1859 — 1926), фр. литератор — III, 402.
- «Le double Jardin» («Двойной сад»), сб. статей М. Метерлинка (1904) — VI, 134.

- «Le premier jor de mai...», фр. пастурель (XIII в.) – III, 402.
- «Le roman de Flamensa», провансальский роман (XIII в.) – III, 389, 400, 401, 414.
- «Les armes», книга М. Maindron (1890) – III, 413.
- «Les vies des saints de la Bretagne-Armorique», книга Albert Le-Grand (1837; 1-е изд. 1636) – III, 398.
- «Les légendes épiques», исследование J. Bédier (1908–1913) – III, 399.
- Лебедев В. П. (1869–1939), поэт и переводчик – VI, 14.
- Лебедев Николай Владимирович (1877–?), заведующий передвижением войск китайско-восточного р-на (с 1913) – V, 344.
- Левберг Мария Евгеньевна (1894–1934), поэтесса и драматург – VI, 296.
- Левинсон Андрей Яковлевич (1887–1933), художник и театр. критик; с 1920 г. в эмиграции – V, 260, 261.
- «Легенда» («Жил на свете рыцарь бедный...»), стих. Пушкина (1829) – V, 275.
- «Легенда будней», сб. стих. Д. Цензора (1913) – IV, 323.
- «Легенда об Уленшпигеле», книга Ш. де Костера (1867) – IV, 405.
- «Легенда о святом Юлиане Странноприимце», повесть Г. Флобера (1877) – IV, 313.
- Лейкин Николай Александрович (1841–1906), писатель – VI, 98.
- Лейхтенбергский Николай Николаевич (1868–?), герцог; флигель-адъютант – V, 343, 353.
- Леконт де Лиль Шарль (1818–1894), фр. поэт; глава группы «Парнас» – V, 270.
- Леконт Себастьян Шарль (1865–1934), фр. поэт – I, 463.
- Леянов Павел Иванович, петроградский городской голова (1916–1917) – V, 316, 319.
- Лемешев, следователь ЧК – V, 258.
- Лемонье Камилль (1844–1913), бельг. писатель и искусствовед; один из основателей группы «Молодая Бельгия» – IV, 405.
- Ленин Владимир Ильич (1870–1924) – V, 208, 219, 228, 241, 245, 254; VI, 278.
- Леонардо да Винчи (1452–1519), ит. живописец, скульптор, архитектор и ученый – II, 122; IV, 149, 155; V, 24, 32, 182; VI, 68, 168, 170, 171.
- «Леонардо» – см. «Воскресшие боги. Леонардо да Винчи».
- Леонидов (Вольфензон) Леонид Миронович (1873–1941), актер МХАТ (с 1903) – III, 412.
- Леонтьев Константин Николаевич (1831–1891), писатель, публицист, лит. критик; поздний славянофил – IV, 385, 422.
- Леопарди Джакомо (1798–1837), ит. поэт-романтик – IV, 304.
- Ле Пеннек Кирилл (ум. 1649), фр. религиозный писатель – III, 398.
- Лермонтов Михаил Юрьевич (1814–1841) – I, 68; II, 61; IV, 12–16, 30, 33, 35, 98, 108, 149, 150, 155, 162, 199, 208, 384, 422; V, 88, 105, 160, 223, 365; VI, 93, 94, 296.
- «М. Ю. Лермонтов. Личность поэта и его произведения», монография Н. Котляревского (1905) – IV, 12–16.
- Лесаж Ален Рене (1668–1747), фр. писатель – V, 69.
- «Лесная царевна», сказка в стихах (1910) – V, 197.
- Лессинг Готхольд Эфраим (1729–1781), нем. драматург, теоретик искусства – III, 265; IV, 78.
- «Летний сон», заглавие, данное П. Перцовым при публикации стих. Блока «Нежный! У ласковой речки...» (1904) – VI, 93.
- «Летопись», журнал М. Горького (1915–1917) – V, 296.
- Либкнехт Карл (1871–1919), деятель

- герм. и международного коммунистического движения – V, 258.
- Лидия Семеновна – Цулукидзе Л. С., подруга Л. Д. Блок по Высшим женским курсам – VI, 67.
- Ликиардопуло (Попандопуло) Михаил Федорович (1883 – 1925), переводчик и критик; секретарь редакции журнала «Весы»; после Октября в эмиграции – VI, 95.
- Лилина Мария Петровна (1866 – 1943), драм. актриса; жена К. С. Станиславского – VI, 276.
- Липпи Фра Филиппо (ок. 1406 – 1469), ит. живописец – II, 131, 362.
- Литвинов Александр Владимирович (1860 – 1925), генерал-майор; петерб. брандмайор (с 1904) – V, 327.
- «Лишь забудешься днем иль проснешься в полночи...», стих. Вл. Соловьева (1898) – IV, 143.
- «Логос», журнал (1910 – 1914) – VI, 211.
- Лодыженский Иван Николаевич (1872 – ?), сенатор, управляющий делами совета министров (1914 – 1917) – V, 288, 312, 321, 330, 337.
- Лозинский Михаил Леонидович (1886 – 1955), поэт и переводчик – V, 270.
- Ломоносов Михаил Васильевич (1711 – 1765) – IV, 110; VI, 183.
- «Луг зеленый», статья А. Белого (1905) – IV, 25; VI, 83.
- Лужский (Калужский) Василий Васильевич (1869 – 1931), драм. актер и режиссер – III, 413; VI, 262, 265.
- Луначарский Анатолий Васильевич (1875 – 1933) – IV, 78, 80, 88, 105, 106, 108, 400; V, 217, 237, 238, 245, 252, 254, 259, 277.
- Лундберг Евгений Германович (1883 – 1965), писатель, критик; организатор изд-ва «Скифы» (Берлин, 1920 – 1922) – V, 241.
- «Луч», меньшевистская газета (1912 – 1913) – V, 296.
- Львов Георгий Евгеньевич (1861 – 1925), князь; один из руководителей Земгора; глава Временного правительства; белоэмигрант – V, 298, 299, 331, 356, 357.
- Льдов (Розенблюм) Константин Николаевич (1862 – после 1935), поэт и критик – VI, 33.
- Люба – см. Блок Л. Д.
- Любовь Александровна – см. Дельмас Л. А.
- Любовь Яковлевна – см. Гуревич Л. Я.
- «Любовь в XIX веке» – см. «Последний фазис любви – любовь в XIX веке».
- «Любовь к трем апельсинам», журнал, издававшийся В. Э. Мейерхольдом (1914 – 1916) – IV, 203.
- «Любуша» («Libussa»), трагедия Ф. Грильпарцера (1844) – VI, 290.
- Люксембург Роза (1871 – 1919), деятель герм., польск. и международного рабочего движения – V, 258.
- Лютер Мартин (1483 – 1546), реформатор церкви – IV, 122.
- Лядов Анатолий Константинович (1855 – 1914), композитор – IV, 39.
- М. Д. – см. Шепелева М. Д.
- М. Т. – см. Блок М. Т.
- Мадзини Джузеппе (1805 – 1872), ит. революционер – IV, 304.
- Майков Аполлон Николаевич (1821 – 1897), поэт – II, 91; IV, 98; V, 70, 73.
- Макаренко Александр Сергеевич (1861 – ?), генерал-лейтенант; главный военный прокурор (с 1911); министр внутренних дел (февр. 1917) – V, 329.
- «Макбет», трагедия Шекспира (1606) – II, 77; III, 266; IV, 246, 302, 388; V, 148; VI, 114.
- Макинцян – Макинцян Павел Никитич (1884 – 1938), критик и переводчик; сотрудник В. Брюсова по изданию антологии «Поэзия Армении» (1916) – VI, 254, 255.

- Маклаков Николай Алексеевич (1871–1918), министр внутренних дел (1912–1915); расстрелян по приговору советского суда – V, 282, 286, 290, 294, 308–311.
- Маковский Сергей Константинович (1877–1962), поэт, художественный критик; редактор журнала «Аполлон»; после Октября жил за границей – V, 147, 176; VI, 151, 174.
- Максимов (Самусь) Владимир Васильевич (1880–1937), драм. актер – VI, 296.
- «Маленькая Клудина», пьеса, переведенная с французского – IV, 297.
- Малиновский Роман Вацлавович (1876–1918), провокатор и агент царской охранки (с 1910 г.); расстрелян по приговору Верховного трибунала ВЦИК – V, 362.
- «Мальва», рассказ М. Горького (1897) – IV, 106.
- «Мальчик у Христа на елке», рассказ Достоевского (1876) – IV, 21, 23.
- Мамай (ум. 1380), правитель Золотой Орды – II, 86; VI, 21.
- Манасевич-Мануйлов Иван Федорович (1869–1918), журналист; чиновник департамента полиции – V, 282, 285–287.
- Манасеина Екатерина Михайловна, драм. актриса – VI, 263, 277.
- Манасеина Наталия Ивановна (1869–1930), детская писательница; редактор журнала «Тропинка» – VI, 277.
- Мандельштам Осип Эмильевич (1891–1938), поэт – V, 270; VI, 194, 249.
- Манни Джанникола ди Паоло (1460–1544), ит. живописец – II, 362; V, 28.
- Маныч Петр Дмитриевич (ум. 1918), литератор – V, 149.
- Маня, портниха Л. Д. Блок – VI, 280.
- Маня (тетя Маня) – см. Бекетова М. А.
- «Мара Крамская», кинофильм (1916) – VI, 265.
- Марат Жан Поль (1743–1793), вождь якобинцев – IV, 377.
- Марбод (1035–1123), рейнский епископ и писатель – III, 243.
- Маргарита – см. Аносова М.
- Марий Гай (ок. 156–86 до н. э.), рим. полководец – IV, 269, 270, 272, 281.
- Марина – см. Мнишек Марина.
- Маринетти Филиппо Томмазо (1876–1944), ит. писатель, теоретик футуризма; приезжал в Россию в 1914 г.; сподвижник Муссолини – IV, 305, 324.
- «Марино Фальеро, дож Венеции», драма Байрона (1821) – IV, 60.
- Мария Михайловна – см. Замятина М. М.
- Марков (Марков 2-й) Николай Евгеньевич (1866–?), член Гос. думы; лидер черносотенцев; белоэмигрант – V, 286, 315.
- Маркс Карл (1818–1883) – IV, 241.
- Мартынов Николай Соломонович (1815–1876), убийца Лермонтова – IV, 93.
- «Марья Ивановна», комедия Е. Чирикова (1908) – VI, 147.
- «Маскарад», драма Лермонтова (1835–1836) – VI, 93.
- «Маски», театр. журнал (1912–1915) – VI, 230.
- Масперо Гастон Камиль Шарль (1846–1916), фр. египтолог – III, 239.
- Массалитинов Николай Осипович (1880–1961), рус. и болг. актер и режиссер – III, 412.
- Массис – Массейс Квинтен (1465 или 1466–1530), нидерл. живописец – II, 240; VI, 218.
- Матисс Анри (1869–1954), фр. художник, график – V, 148.
- «Мать», роман М. Горького (1906) – IV, 106.
- «Маяк» – «Маяк современного про-

- свещения и образованности», журнал (1840 – 1845) – IV, 212.
- Маяковский Владимир Владимирович (1893 – 1930) – IV, 262; V, 205, 251, 252; VI, 261.
- Мгебров Александр Авелевич (1884 – 1966), драм. актер; исполнитель роли Звездочета в драме Блока «Незнакомка» (пост. 1914) – V, 170.
- «Me eum esse», сб. стих. В. Брюсова (1897) – VI, 92.
- «Медая», стих. В. Брюсова (1904) – VI, 71.
- Медичи, флорентийский род в средневековой Италии – II, 122.
- «Медный всадник», поэма Пушкина (1833) – IV, 204; V, 275; VI, 172.
- Межевич Василий Степанович (1814 – 1849), журналист – IV, 206.
- Мей Лев Александрович (1822 – 1862), поэт и драматург – IV, 215.
- Мейер Александр Александрович (1875 – 1939), публицист (псевд. Ветров), философ – V, 118.
- Мейер Макс Вильгельм (1853 – 1910), швейц. астроном-популяризатор – IV, 134, 135.
- Meuer Paul (1840 – 1917), фр. романист; переводчик со старофранцузского – III, 401.
- Мейерхольд Всеволод Эмильевич (1874 – 1940), режиссер – III, 7, 384; IV, 38, 42, 68, 69, 82, 311; V, 58, 170, 175, 179, 185, 191, 192, 243, 272; VI, 91, 107 – 110, 163, 219, 230, 248, 250, 251, 260 – 261, 277.
- «Мелос. Книга о музыке», сб. статей (кн. 2, 1918) – V, 244.
- Мельников Павел Иванович (1818 – 1883), писатель (псевд. Анд. Печерский) – V, 120.
- Мемлинг Ханс (ок. 1440 – 1494), нидерл. живописец – VI, 218.
- Менделеев Василий Дмитриевич (1886 – 1922), младший сын Д. И. Менделеева от второго брака – V, 159.
- Менделеев Дмитрий Иванович (1834 – 1907), химик – IV, 111, 119; V, 68, 69, 98, 99, 103, 124; VI, 20, 111, 152.
- Менделеев Иван Дмитриевич (1883 – 1936), физик и философ; сын Д. И. Менделеева от второго брака – I, 300; V, 159.
- Менделеева (урожд. Попова) Анна Ивановна (1858 – 1942), вторая жена Д. И. Менделеева; теща Блока – VI, 166.
- Менделеева Л. Д. – см. Блок Л. Д.
- Менделеева (в замуж. Кузьмина) Мария Дмитриевна (1886 – 1952), младшая дочь Д. И. Менделеева от второго брака – V, 158, 159.
- Менделеевы – семейство Д. И. Менделеева – VI, 11, 13.
- Мендель – Менде Михаил Константинович (1861 – ?), генерал-майор военно-судебного ведомства; помощник прокурора военно-окружного суда – V, 324.
- Maindron Maurice Georges René (1857 – 1911), фр. писатель – III, 413.
- Меньшиков Михаил Осипович (1859 – 1919), публицист и критик – V, 145, 151, 152, 160, 290; VI, 159.
- Мережковская – см. Гиппиус З. Н.
- Мережковские – Гиппиус Зинаида Николаевна и Дмитрий Сергеевич – V, 75, 97, 98, 122, 131, 145, 159, 162, 236, 237; VI, 32, 53, 62, 63, 84, 91, 146, 149, 151, 153, 159, 161, 163, 173, 182, 218, 224, 275.
- Мережковский Дмитрий Сергеевич (1866 – 1941), писатель и критик; с 1920 г. в эмиграции, выступал с антисоветских позиций – IV, 13, 46, 49, 57, 111, 112, 115, 121, 156, 185, 198; V, 75, 84, 98, 99, 121, 128, 135, 147, 157, 161, 162, 166, 176, 179, 186, 188, 190, 201, 228, 231, 272; VI, 11, 19, 20, 22, 24, 28, 38, 39, 71, 79, 91, 97, 159, 180, 181, 216, 226.

- Мериме Проспер (1803–1870), фр. писатель – VI, 134.
- «Mercure de France», фр. журнал (вых. с 1890) – V, 118; VI, 123, 128, 129.
- «Мертвые души», поэма Гоголя (1842) – IV, 131.
- «Метаморфозы», мифологическая поэма Овидия – IV, 275.
- Метерлинка Морис (1862–1949), бельг. драматург и поэт – IV, 38, 39, 42, 70, 81, 82, 86, 87, 404–407, 409, 411, 412; V, 175; VI, 109, 134, 164.
- Метнер Эмилий Карлович (1872–1936), музыкальный критик (псевд. Вольфинг); руководитель изд-ва «Мусажет», редактор журнала «Труды и дни»; цензор сб. стих. Блока «Стихи о Прекрасной Даме»; после Октября в эмиграции – VI, 129, 193, 194, 216, 217, 220–222.
- Меттерних Клеменс (1773–1859), князь, канцлер Австрии – III, 266.
- Ми Анна (1775?–1851), англ. художница-миниатюристка – I, 458.
- Микеланджело Буонарроти (1475–1564), ит. скульптор, живописец, архитектор и поэт – V, 35, 257; VI, 168, 171.
- Мыклашевский Михаил Петрович (1866–1943), писатель, публицист (псевд. Неведомский); сотрудник Чрезвычайной следственной комиссии – V, 186, 210.
- Миллер Орест Федорович (1833–1889), литературовед и фольклорист – V, 13.
- «Миллион терзаний», статья И. Гончарова (1872) – II, 363.
- Милюков Александр Петрович (1817–1897), писатель и педагог – IV, 215.
- Милюков Павел Николаевич (1859–1943), историк, публицист; один из организаторов партии кадетов; министр иностранных дел Временного правительства; белоэмигрант – II, 271; IV, 258; V, 146, 231, 285, 287, 290, 292, 297, 301, 306, 308, 313, 321; VI, 166, 284.
- Mindron – см. Maindron.
- Минич Наталия Антоновна (р. ок. 1896), слушательница Бестужевских курсов; поэтесса – V, 205.
- Минский Н. (Виленикин Николай Максимович; 1855–1937), поэт, философ и публицист; с 1914 г. жил за границей – V, 91, 119; VI, 134.
- Минцлова Анна Рудольфовна (ум. 1910?), теософка – VI, 178.
- «Мир божий», журнал (1892–1906) – V, 74; VI, 40.
- «Мир искусства», журнал (1899–1904) и связанная с ним группа художников, литераторов и музыкантов – V, 236; VI, 32, 38, 40, 133.
- Миролюбов Виктор Сергеевич (1860–1939), редактор «Журнала для всех» и др. периодических изданий – V, 237, 258.
- Митюрников Иван Иванович, книготорговец – VI, 301.
- Митя – см. Блок Митя.
- Михаил Александрович (1878–1918), вел. князь, брат Николая II – V, 309, 314, 331, 333, 338, 350, 352, 353, 355–357.
- Михайличенко Алексей Яковлевич (1867–?), полковник лейб-гв. Московского полка – V, 327, 329, 340.
- Михайлова (в замуж. Марр) Софья Михайловна (р. 1890), слушательница Бестужевских курсов – VI, 215.
- Михайловский Николай Константинович (1842–1904), публицист и лит. критик народнического направления – IV, 54, 55, 198.
- Мицкевич Адам (1798–1855) – II, 274; VI, 207.
- Michel M. F., фр. литератор – III, 243.
- «Мне бой знаком. Люблю я звук

- мечей...», стих. Пушкина (1820) – V, 275.
- Мнишек Марина (ок. 1588 – ок. 1614), жена Лжедмитрия I и II – II, 274.
- «Много шуму из ничего», комедия Шекспира (1598) – IV, 375.
- «Мой друг, в тебе пойму я много...» («К ***»), стих. Ап. Григорьева (1843) – IV, 222.
- «Молодая Бельгия», бельг. журнал и лит. объединение 1880 – 1890-х гг. – IV, 405.
- «Молодая Бельгия», сб. под ред. М. Веселовской, со вступ. статьей М. Веселовской и Элліса (1908?) – VI, 114.
- «Молодая редакция „Москвитянина“», статья С. Венгерова (1886) – IV, 210.
- Мольер (Жан Батист Поклен; 1622 – 1673) – IV, 68, 301; V, 122; VI, 235.
- «Монастырь», драма Э. Верхарна (1900) – VI, 114.
- Монахов Николай Федорович (1875 – 1936), драм. актер – VI, 296.
- Monterqu  Louis Jean Nicolas (1780 – 1860), фр. литератор – III, 243.
- «Монна Ванна», драма М. Метерлинка (1902) – IV, 406.
- Мономах – см. Владимир Мономах.
- Монтень Мишель де (1533 – 1592), фр. философ-гуманист – IV, 327.
- Монтескье Шарль Луи (1689 – 1755), фр. философ-просветитель – V, 71.
- Монфор Амори де (1192 – 1241), сын Симона – III, 395.
- Монфор Симон де (ок. 1160 – 1218), граф – III, 160, 161, 173, 180, 186, 205, 206, 213, 214, 395, 399, 400, 405, 407.
- Мопассан Ги де (1850 – 1893) – V, 69; VI, 153.
- Мор Томас (1478 – 1535), англ. гуманист и писатель-утопист – IV, 327.
- Мордвинов, граф – V, 178.
- Морозов Николай Александрович (1854 – 1946), революционер-народник, поэт и ученый – IV, 98.
- Морозов Петр Осипович (1854 – 1920), историк театра и литературовед – IV, 58; V, 190, 276; VI, 293 – 295.
- «Москва и Петербург. Заметки зеваки», статья Ап. Григорьева (1847) – IV, 203.
- «Москвитянин», журнал (1841 – 1856) – IV, 207, 210, 211, 213.
- «Московский городской листок», газета (1847) – IV, 203.
- Мосолов Борис Сергеевич (1888 – 1941), режиссер и искусствовед – V, 149.
- Моцарт Вольфганг Амадей (1756 – 1791) – VI, 93.
- Мочалов Павел Степанович (1800 – 1848), актер, представитель романтизма в рус. театре – V, 175.
- Мрозовский Иосиф Иванович (1857 – ?), генерал, командующий войсками Московского округа (с 1915) – V, 346.
- «Мужайтесь, о други, боритесь прилежно...» («Два голоса»), стих. Тютчева (1850) – V, 150, 151.
- Мур Томас (1779 – 1852), англ. поэт-романтик – V, 69.
- Муравьев Андрей Николаевич (1806 – 1874), духовный писатель – IV, 213.
- Муравьев Николай Константинович (1870 – 1936), юрист, председатель Чрезвычайной следственной комиссии – V, 210, 212; VI, 276, 281, 282.
- Муратов Павел Павлович (1881 – 1950), историк искусства и писатель – V, 277.
- Мурашев Михаил Павлович (1884 – 1957), журналист – V, 232.
- «Мусагет», изд.-во (1910 – 1920-е гг.) – V, 143, 176; VI, 179, 181, 182, 189, 193, 194, 217, 251.
- Мусоргский Модест Петрович (1839 – 1881), композитор – V, 157.
- Муся – см. Менделеева М. Д.

- Муций Сцевола Квинт (II в. до н. э.), рим. авгур и консул — IV, 276.
- «Мы бродим в неконченном здании...» («В неконченном здании»), стих. В. Брюсова (1900) — VI, 23.
- «Мы шли в последней темноте...», стих. С. Соловьёва (1903) — VI, 57.
- Мюльнер Адольф (1774—1829), нем. поэт, прозаик и драматург — III, 267.
- Мюссе Альфред де (1810—1857), фр. поэт-романтик — V, 71; VI, 134.
- Н. Н. В. — см. Волохова Н. Н.
- «На лире скромной, благородной...» («К Н. Я. Плюсковой»), стих. Пушкина (1818) — V, 275, 276.
- «На поле Куликовом», цикл стих. Блока (1908) — V, 176; VI, 162.
- Набоков Владимир Дмитриевич (1869—1922), юрист, публицист; один из лидеров партии кадетов; белэмигрант — V, 217.
- «Над тобою мне тайная сила дана...», стих. Ап. Григорьева (1843) — IV, 222.
- Надежда Григорьевна — см. Чулкова Н. Г.
- Надеждин Александр Александрович, артист Александринского театра; сослуживец Блока по 13-й инженерно-строительной дружине — VI, 278.
- Надсон Семен Яковлевич (1862—1887), поэт — II, 219; IV, 252, 384, 429.
- Наживин Иван Федорович (1874—1940), писатель-толстовец — IV, 49, 50.
- Наполеон I (Бонапарт; 1769—1821), фр. император (1804—1815) — IV, 19, 404; VI, 252.
- Наполеон III (Луи Наполеон Бонапарт; 1808—1873), фр. император (1852—1870) — VI, 206.
- «Народ и интеллигенция», доклад Блока (1908) — IV, 115.
- «Народная воля», нелегальная газета народолюбцев (1879—1885) — II, 286.
- «Народоправство» — имеется в виду газета «Народовластие» (1917—1918) — V, 244—245.
- Нарышкин Кирилл Анатольевич (1868—1924), генерал-майор, начальник военно-походной канцелярии Николая II (1916) — V, 334, 343, 352, 354, 355.
- «Насильники», комедия А. Н. Толстого (1911) — V, 183.
- Наталия Ивановна — см. Манасеина Н. И.
- Наталя Николаевна — см. Волохова Н. Н.
- Наташа, дочь А. В. Гиппиуса — VI, 112.
- «Наша газета» (1907—1909) — VI, 163, 167.
- «Не здесь ли ты легкою тенью...», стих. Фета (1842) — VI, 8.
- «Не судьба», повесть Е. А. Бекетовой (Красновой) (1881) — V, 71.
- «Не уходи, побудь со мною...», цыганский романс (слова М. П. Пойгина, муз. Н. В. Зубова) — II, 137.
- Неведомский — см. Миклашевский М. П.
- Невежин Петр Михайлович (1841—1919), писатель и драматург — IV, 82, 296, 299.
- Неверов (Скобелев) Александр Сергеевич (1886—1923), писатель — V, 273.
- Недобробо Николай Владимирович (1882—1919), поэт и лит. критик — V, 141.
- Незлобин (Алябьев) Константин Николаевич (1857—1930), драм. артист, режиссер и антрепренер; после Октября в эмиграции — V, 277, 278; VI, 305, 306.
- «Незнакомка», лирич. драма Блока (1906) — III, 384; VI, 110, 111, 180.
- «Незнакомка», стих. Блока (1906) — IV, 146; V, 110; VI, 253.

- Некрасов Николай Алексеевич (1821—1877), поэт — IV, 48, 100, 108, 147, 156; V, 365, 366.
- Некрасов Николай Виссарионович (1879—1940), товарищ председателя Главного комитета по снабжению армии (1914—1917); министр путей сообщения Временного правительства; с 1921 г. в Центросоюзе — V, 345.
- «Нелепый человек», замысел пьесы Блока (1913—1916) — V, 187, 188.
- Немирович-Данченко Владимир Иванович (1858—1943), режиссер, драматург, писатель — III, 413; V, 176, 277; VI, 262, 277.
- Непенин Адриан Иванович (1871—1917), вице-адмирал, командующий Балтийским флотом (1915—1917) — V, 352.
- «Нет, не тебе идти со мной...», стих. Ап. Григорьева (1845) — IV, 224.
- «Нет, никогда печальной тайны...», стих. Ап. Григорьева (1843) — IV, 222.
- «Нет, я не дорожу мятежным наслаждением...», стих. Пушкина (1830) — V, 275.
- «Нечаянная Радость», второй сб. стих. Блока (1907) — I, 469, 470; II, 357; IV, 146; V, 145; VI, 100, 102, 103, 107, 111, 115, 116, 141, 150, 193, 212.
- «Ни сны, ни явь», статья Блока (1907—1921) — V, 98.
- «Нива», журнал (1870—1918) — IV, 209, 222; V, 179.
- Никитин Владимир Николаевич (1848—?), генерал-адъютант, комендант Петропавловской крепости (1916—1917) — V, 325.
- Никитин Иван Саввич (1824—1861), поэт — IV, 48.
- Никколини Джованни Баттиста (1782—1861), ит. поэт — IV, 305.
- Николаев — см. Никитин В. Н.
- Николаенко Аркадий Иванович, член совета министров (1917) — V, 288.
- Николай I (1796—1855), император (с 1825) — IV, 18.
- Николай II (1868—1918), император (с 1894) — IV, 242; V, 283, 312, 319, 331, 342, 346, 348—350, 355—357.
- Николай Михайлович (1859—1919), вел. князь — V, 285; VI, 277.
- Николай Николаевич (Младший; 1856—1928), вел. князь, верх. главнокомандующий (1914—1915, 1917); белоэмигрант — V, 352, 355, 356, 358.
- Николай Николаевич — см. Тутолмин Н. Н.
- Никольский Борис Владимирович (1870—1920), юрист, поэт, критик; профессор Петерб. ун-та — V, 74; VI, 60.
- Никс — см. Качалов Н. Н.
- Нилов Константин Дмитриевич (1856—?), адмирал, генерал-адъютант (с 1912) — V, 284, 285, 343.
- Ницше Фридрих (1844—1900), нем. писатель и философ, представитель иррационализма и волюнтаризма, проповедовал эстетический имморализм и культ сильной личности — III, 57; IV, 118, 162, 166; VI, 38, 180.
- Новалис (Фридрих фон Харденберг; 1772—1801), нем. поэт и философ — IV, 355, 357, 406.
- «Новая жизнь», автобиографическая повесть Данте (1292) — I, 468; II, 118.
- «Новая жизнь», меньшевистская газета (1917—1918) — V, 209, 211, 234, 235.
- «Новая земля», газета (1910—1912) — VI, 223.
- Новиков Николай Иванович (1744—1818), писатель, журналист, издатель — IV, 200; VI, 72.
- Новицкий Григорий, поэт-декадент — IV, 98.
- «Новое вино», журнал (1912—1913) — VI, 223.
- «Новое время», газета (1868—1917); с 1905 г. орган черносотенцев — IV,

- 193, 210, 219, 250; V, 151, 156, 160, 218, 228, 286; VI, 26, 158, 295.
- «Новый путь», журнал (1903 – 1904) – V, 74, 106, 170; VI, 19, 22, 24, 26, 38, 57, 59, 67, 73, 93.
- «Новый энциклопедический словарь» Ф. А. Брокгауза и Е. А. Ефрона (1911 – 1916) – VI, 211.
- «Nôel de Chouans», рассказ из сб. «Vieilles histoires du pays breton» – III, 402.
- Нолле (в замуж. Коган) Надежда Александровна (1888 – 1966), переводчица; жена П. С. Когана – V, 277, 278; VI, 259, 287 – 289, 291 – 293, 300 – 303, 305 – 306.
- «Нора» – см. «Кукольный дом».
- «Норд» («Nord»), газета, выходившая в Брюсселе (1855 – 1862) – IV, 212.
- Нордай Макс (Макс Зидфельд; 1849 – 1923), нем. писатель – IV, 242.
- «Нос», повесть Гоголя (1835; опубл. 1836) – IV, 204.
- Нотман (Энритон) Генрих Федорович (1889 – ?), режиссер – VI, 250.
- «Ночи любви», романс М. Вавича – IV, 98.
- «Ночная Фиалка», поэма Блока (1906) – V, 110; VI, 102.
- «Ночные пляски», пьеса Ф. Сологуба (1909) – VI, 157.
- «Ночные часы», четвертый сб. стих. Блока (1911) – V, 143.
- Ньютон Исаак (1643 – 1727), англ. математик, астроном и физик – IV, 351.
- «Нюрнбергские мастерзингеры», опера Р. Вагнера (1867) – V, 180.
- «О, говори хоть ты со мной...», стих. и романс Ап. Григорьева (1857) – IV, 224.
- «О демотеизме», доклад Г. Баронова (1908) – IV, 105.
- «О лирике», статья Блока (1907) – VI, 131, 132.
- «О нашем современнике Аполлоне Александровиче Григорьеве», статья В. Княжнина (1914) – IV, 203.
- «О, не зови! Страстей твоих так звонок...», стих. Фета (1847) – V, 94.
- «О, сжался надо мной!.. Значенья слов моих...», стих. Ап. Григорьева (1843) – IV, 222.
- «О современном состоянии русского символизма», статья Блока (1910) – V, 74.
- «Обаяние» («Безумного счастья страдания...»), стих. Ап. Григорьева (1843) – IV, 222.
- Облонская, организатор вечеров Блока в Москве – V, 277.
- Ободовский Платон Григорьевич (1803 – 1864), педагог и переводчик – III, 266.
- Обросимов (Абросимов) Владимир Митрофанович, член военно-промышленного комитета, сотрудник охраны – V, 294, 302, 303.
- Овидий (Публий Овидий Назон; 43 до н. э. – ок. 18 н. э.), рим. поэт – IV, 274, 275.
- Овсянко-Куликовский Дмитрий Николаевич (1853 – 1920), литературовед и языковед – V, 147.
- Огурцов, помощник секретаря военного министра (1917) – V, 345.
- «Одинокий», название первоначальной редакции стих. А. Белого «Поэт» (1904; опубл. 1906) – VI, 62.
- Одоевский Владимир Федорович (1803 или 1804 – 1869), князь; писатель и музыкальный критик – IV, 385.
- Одоевцева Ирина Владимировна, псевд. поэтессы Гейнеке Иранды Густавовны (р. 1901) – V, 270.
- «Озарены церковные ступени...» – см. «Бегут неслерные дневные тени...»
- Оленина-д'Альгейм Мария Алексеевна (1869 – 1970), камерная певица – I, 299; VI, 37.

- «Олимпий Радин», поэма Ап. Григорьева (1845) — IV, 224.
- Ольга Николаевна (1895—1918), всл. княгиня, дочь Николая II — V, 317.
- Ольденбург Сергей Федорович (1863—1934), академик, востоковед; член Чрезвычайной следственной комиссии — V, 221, 231; VI, 283.
- Оля (тетя Оля) — см. Соловьева О. М.
- Онгаро (далл'Онгаро) Франческо (1808—1873), ит. поэт и драматург — IV, 305.
- Онерва Л., псевдоним фин. писательницы Хильи Онервы Лехтинен (1882—1972) — II, 346.
- «Опавшие листья», книга В. Розанова (т. 1—2, 1913—1915) — IV, 217—219; VI, 234, 237.
- «Опера и драма», трактат Р. Вагнера (1851) — IV, 340.
- «Оправдание добра. Нравственная философия», трактат по этике Вл. Соловьева (1897) — VI, 67.
- Ореус — см. Коневской И.
- «Orientalia», сб. стих. М. Шагинян (1913) — VI, 304.
- «Орлеанская дева», драма Шиллера (1801) — VI, 294.
- Орлов Владимир Николаевич (1868—1928), князь; генерал-лейтенант, начальник военно-походной канцелярии (1906—1915) — V, 284.
- «Орфей», речь идет о стих. В. Брюсова «Орфей и аргонавты» (1904) или «Орфей и Эвридика» (1904) — VI, 71.
- «Орфей в аду», оперетта Ж. Оффенбаха (1858) — V, 172.
- «Оры», изд-во (1907—1910) — V, 115.
- Осипов Николай Васильевич (1850—?), генерал, комендант Царского Села (с 1912) — V, 346.
- «Основатель новой критики», статья Л. Гроссмана о творчестве Ап. Григорьева (1914) — IV, 198.
- Островский Александр Николаевич (1823—1886) — I, 190; IV, 72, 88, 91, 207, 210, 217, 384; V, 70, 122.
- Острогорский Виктор Петрович (1840—1902), педагог и литератор; редактор ряда петерб. журналов — V, 74; VI, 40.
- «От Чехова до наших дней», сб. статей К. Чуковского (1908) — V, 127.
- «Ответ анониму», стих. Пушкина (1830) — V, 276.
- «Отелло», трагедия Шекспира (1604) — IV, 364—366, 390; VI, 294.
- «Отец и сын», неопubl. драма Ап. Григорьева (до 1845) — VI, 261.
- «Отец и сын», рассказ К. Гамсуна — VI, 173.
- «Отпетая» — «Первая глава из романа „Отпетая“», поэма Ап. Григорьева (1847) — IV, 224.
- «Отречемся от старого мира...» («Новая песня»), стих. П. Лаврова (1876), ставшее русским революционным гимном — IV, 384.
- Отроковский Владимир Михайлович (1892—1918), студент-филолог, поэт — VI, 234.
- «Отцы и дети», роман Тургенева (1862) — V, 125.
- Оцуп Николай Авдиевич (1894—1958), поэт, критик; с 1923 г. в эмиграции — V, 270.
- «Очерк литературы о Грибоедове», историко-литературная компиляция Блока (1905) — VI, 89.
- Павел I (1754—1801), император (с 1896) — V, 71.
- Павленков Владимир Иванович (1865—?), полковник, начальник охраны Петрограда (1917) — V, 316, 318, 327, 329.
- Павлова Анна Ивановна, владелица театрального зала в Петербурге — VI, 25.
- Павлович Надежда Александровна (1895—1980), поэтесса, переводчица — V, 270.

- «Падение дома Эшер», новелла Э. По (1839; рус. перевод 1881) — III, 266.
- «Пан», роман К. Гамсуна (1894) — V, 7; VI, 95.
- «Панмонголизм! Хоть слово дико...» («Панмонголизм»), стих. Вл. Со- ловьева (1894) — II, 253.
- Пантелеев Лонгин Федорович (1840—1919), издатель и мемуа- рист — V, 69.
- «Пантеон», изд-во З. Грыкебина (1907—1910) — VI, 133, 135.
- Пантюхов Михаил Иванович (1880—1910), писатель — VI, 143—144.
- Панченко Семен Викторович (1867—1937), композитор, автор романсов на стих. Блока; друг семьи Беке- товых — VI, 135.
- Пардо Басан Эмилия (1852—1921), исп. писательница — V, 71.
- Paris Gaston (1800—1881), фр. фи- лолог-медиевист — III, 393, 396.
- Парни Эварист (1753—1814), фр. поэт — V, 274.
- Парфений (Агеев Петр; ок. 1807—1878), игумен, писатель-самоуч- ка — IV, 213—215.
- Паскаль Блез (1623—1662), фр. фи- лософ, математик и физик — IV, 306, 340.
- Патрашкин Сергей Тимофеевич (1875—1953), писатель, журна- лист (псевд. Григорьев) — IV, 193.
- Паульсен Йун (1851—1924), норв. писатель — IV, 61.
- «Певец», стих. Пушкина (1816) — V, 274.
- Пекелис Александр Георгиевич (ум. 1922), врач, лечивший Блока в 1921 г. — VI, 305.
- «Пеллеас и Мелизанда», пьеса М. Метерлинка (1892) — IV, 82, 96; VI, 134.
- Пеллико Сильвио (1789—1854), ит. писатель — IV, 304; V, 71.
- «Пер Гюнт», драм. поэма Г. Ибсена (1866) — I, 389.
- «Переат», журнал (1906—1907) — V, 118, 119; VI, 115, 117, 118.
- Переверзев Павел Николаевич, при- сяжный поверенный; министр юстиции Временного правитель- ства — V, 301.
- «Переписка с друзьями» — см. «Вы- бранные места из переписки с друзьями».
- Перес Гальдос Бенито (1843—1920), исп. писатель — V, 71.
- Перикл (ок. 490—429 до н. э.), др.- греч. гос. деятель — IV, 332.
- Перрен Шарль, амер. подданный; спирит и магнетизер, заподозрен- ный в шпионаже в пользу Герма- нии — V, 292.
- Перуджиа Жанна, ит. кафешантанная певица — IV, 137.
- Перуджино (Ваннуччи) Пьетро (меж- ду 1445 и 1452—1523), ит. живо- писец — II, 121; V, 28.
- Перцов Петр Петрович (1868—1947), поэт, публицист и лит. критик; соредaktor журнала «Новый путь» (1903—1904) — V, 106; VI, 24, 55—56, 93—94.
- Перцов Сергей Николаевич (1867—?), генерал-майор, старший адъю- тант Петроградского военного округа (с 1914) — V, 315.
- Перэн — см. Перрен Ш.
- «Песня Судьбы», драм. поэма Блока (1908) — IV, 147; V, 59, 121, 131, 175, 176, 257; VI, 142, 145, 146, 154—156, 162, 168.
- «Петербург», роман А. Белого (1913—1914) — IV, 204; V, 184.
- «Петербургская газета» (1867—1914), затем «Петроградская газета» (1914—1918) — V, 236, 240.
- «Петербургский листок», газета (1864—1914), затем «Петроград- ский листок» (1914—1918) — V, 235.
- Петр I Великий (1672—1725), им- ператор (с 1689) — I, 309, 310; IV, 382; V, 74, 79, 169; VI, 195, 252.
- Петр Семенович — см. Коган П. С.

- Петрарка Франческо (1304 – 1374), ит. поэт – I, 172; III, 62; IV, 327, 347; VI, 166.
- Петрашевский (Бутаевич-Петрашевский) Михаил Васильевич (1821 – 1866), революционер, утопический социалист – IV, 205.
- Петровский Алексей Сергеевич (1881 – 1958), переводчик; близкий друг А. Белого – VI, 122.
- «Петроградское эхо», газета (1918) – V, 246.
- «Печальная береза...», стих. Фета (1842) – IV, 201.
- Печерский – см. Мельников П. И.
- Пинто делла Мирандола Джованни (1463 – 1494), ит. мыслитель – IV, 327.
- «Пиковая дама», опера П. Чайковского (1890) – IV, 422; VI, 84, 93.
- «Пиковая дама», повесть Пушкина (1833) – IV, 204; VI, 93.
- Пинтуриккьо (Бернардино ди Бетто ди Бьяджо; ок. 1454 – 1513), ит. живописец – II, 361.
- Пиотровский Адриан Иванович (1898 – 1938), литературовед, театровед, переводчик-античник – IV, 286; V, 173.
- Писарев Дмитрий Иванович (1840 – 1868) – IV, 419.
- «Письма к Е. С. П(ртополовой)...» – «Новые письма Аполлона Григорьева», публикация Н. Страхова в журнале «Эпоха» (1865, № 2) – IV, 211.
- «Письма Пушкина и к Пушкину», книга под ред. В. Брюсова (1903) – VI, 95.
- Питирим (Окнов Павел; 1858 – 1921), петроградский митрополит (с 1915) – V, 307.
- Пифагор Самосский (VI в. до н. э.), др.-греч. философ и математик – VI, 39.
- Плавт Тит Макций (сер. III в. – ок. 184 до н. э.), рим. комедиограф – III, 240.
- Плакida (Плацидия) – см. Галла Плацидия Августа.
- «Пламень», книга П. Карпова (1913) – IV, 192, 194, 195.
- Платон (ок. 428 – 348 до н. э.), др.-греч. философ – II, 374; IV, 233, 360, 398; V, 271; VI, 38.
- Платонов Сергей Федорович (1860 – 1933), историк, академик – V, 75, 166, 231.
- Плеве Вячеслав Константинович (1846 – 1904), министр внутренних дел и шеф корпуса жандармов (1902 – 1904); убит эсером Е. С. Саоновым – V, 292; VI, 160.
- Плетнев Петр Александрович (1792 – 1865), поэт и лит. критик – IV, 223.
- Плещеев Алексей Николаевич (1825 – 1893), поэт – IV, 98.
- Плотин (ок. 204/205 – 269/270), др.-греч. философ, основатель неоплатонизма – V, 86, 95.
- Плудонис Вилис (1874 – 1940), латыш. поэт – II, 342.
- Плутарх (ок. 45 – ок. 127), др.-греч. писатель и историк – IV, 273, 278, 289.
- Плюшкова Наталья Яковлевна (ок. 1780 – 1845), фрейлина императрицы Елизаветы Алексеевны, жены Александра I – V, 275.
- По Эдгар Аллан (1809 – 1849), амер. писатель – II, 188; III, 266; V, 152; VI, 217.
- Победоносцев Константин Петрович (1827 – 1907), юрист; обер-прокурор Синода (1880 – 1905) – II, 291, 299, 368; IV, 92, 242; V, 141 – 143.
- Погодин Михаил Петрович (1800 – 1875), историк, писатель и публицист – IV, 199, 202, 206, 207, 211, 212, 217, 218, 226; V, 275.
- «Подросток», роман Достоевского (1875) – VI, 20, 24.
- Пожарский, генерал, командир Георгиевского батальона – V, 338, 346.

- «Познание России» — «К познанию России», книга Д. И. Менделеева (1906) — V, 188.
- «Поклонение кресту», драма Кальдерона (опубл. 1636) — V, 191.
- Покровский Николай Николаевич (1865 — ?), член Гос. совета (с 1914), министр иностранных дел (с 1916) — V, 282, 288, 289, 320, 321, 330.
- Поливанов Алексей Андреевич (1855 — 1920), генерал, член Гос. совета (1915 — 1916); эксперт по военным вопросам в Красной Армии (1920) — V, 290.
- Полксена Сергеевна — см. Соловьева П. С.
- Полициано (Амброджини) Анджело (1454 — 1494), ит. поэт — II, 131.
- Полонский Яков Петрович (1819 — 1898), поэт — I, 60; II, 291; IV, 98, 108, 222, 384; V, 70, 72, 73, 87, 88, 93, 106, 271; VI, 183.
- Поляков Сергей Александрович (1874 — 1942), математик, переводчик; владетель изд-ва «Скорпион», редактор журнала «Весь» — VI, 91.
- Pompadour m-me de (Жанна Антуанетта Пуассон; 1721 — 1764), маркиза, фаворитка фр. короля Людовика XV — IV, 291.
- Помпей Великий Гней (106 — 48 до н. э.), рим. полководец — IV, 273.
- Помяловский Николай Герасимович (1835 — 1863), писатель — V, 48.
- Попов Е. И., студент-юрист, сослуживец Блока по 13-й инженерно-строительной дружине — VI, 269.
- «Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит...», стих. Пушкина (1834) — IV, 419; V, 275.
- «Портрет», повесть Гоголя (1835) — IV, 130, 131.
- «Последние дни старого режима», сокращенный вариант книги Блока «Последние дни императорской власти» («Былое», 1919, № 15) — V, 281.
- «Последние стихи», книга З. Гиппиу (1918) — II, 255.
- «Последний фазис любви — любовь в XIX веке», статья Ал. Григорьева («Репертуар и пантеон», 1846, № 12) — IV, 206.
- Посошков Иван Тихонович (1652 — 1726), экономист и публицист — IV, 383, 385; V, 243.
- «Посредник», просветительское изд-во, основанное по инициативе Л. Толстого (1884 — 1935) — IV, 50.
- Потапенко Игнатий Николаевич (1856 — 1929), беллетрист, драматург, фельетонист — V, 135.
- Потебня Александр Афанасьевич (1835 — 1891), лингвист и литературовед — V, 275.
- Потемкин Петр Петрович (1886 — 1926), поэт и драматург; после Октября в эмиграции — V, 149; VI, 194.
- «Правда», газета большевиков (вых. с 1912) — V, 235, 258.
- «Правда вечная кумиров», название второго цикла стих. в сб. В. Брюсова «Stephanos» — VI, 92.
- «Праматерь» («Die Ahnfrau»), трагедия Ф. Грильпарцера (1817) — III, 266 — 269, 422, 423; VI, 142, 144.
- «Прародительница», трагедия Ф. Грильпарцера «Die Ahnfrau» в переводе П. Ободовского (1830) — III, 266.
- «Предложение», водевиль Чехова (1888 — 1889) — VI, 11.
- «Предсмертная исповедь», поэма Ал. Григорьева (1846) — IV, 224.
- «Предчувствия и предвестия», статья Вяч. Иванова (1906) — IV, 80.
- «Предчувствую Тебя. Года проходят мимо...», стих. Блока (1901) — IV, 149.
- «Преступление и наказание», роман Достоевского (1866) — IV, 204.
- «Призраки», рассказ Л. Андреева (1904) — IV, 73.

- «Приключения зайчика», детская книжка Н. Руммель (1912) – V, 198.
- «Приключения Кроли», детская книжка П. Соловьевой (1914) – V, 198.
- «Пробуждение весны», пьеса Ф. Ведекинда (1891) – IV, 41, 42; V, 191.
- «Прозвучало над ясной рекою...» («Вечер»), стих. Фета (1855) – V, 92.
- «Пролог», книга П. Когана (1915) – VI, 259.
- Пронин Борис Константинович (1875 – 1946), драм. актер и режиссер; основатель артистических клубов «Бродячая собака» и «Привал комедиантов» – V, 170.
- «Пророк», стих. Лермонтова (1841) – IV, 98.
- «Пророк», стих. Пушкина (1826) – IV, 98.
- «Прости», стих. Ап. Григорьева (1844) – IV, 222.
- Протопопов Александр Дмитриевич (1866 – 1917/1918), министр внутренних дел (1916 – февр. 1917); ставленник Распутина – V, 212, 282 – 284, 286 – 293, 295, 301, 303, 304, 306 – 311, 314, 316, 318 – 321, 325, 326, 328 – 330, 333, 336, 363, 364; VI, 282.
- Протопопов Виктор Викторович (ум. 1916), драматург и журналист – IV, 82, 83.
- Протопопова (в замуж. Бородина) Екатерина Сергеевна, знакомая Ап. Григорьева – IV, 211, 212, 214.
- «Профессор Сумцов», статья П. Перцова (1905) – VI, 93.
- Пругавин Александр Степанович (1850 – 1921), этнограф и публицист; исследователь старообрядчества и сектантства – IV, 49.
- «Пруд», роман А. Ремизова (1905) – VI, 77.
- Пугачев Емельян Иванович (1740 или 1742 – 1775), предводитель Крестьянской войны (1773 – 1775) – V, 226.
- Пуришкевич Владимир Митрофанович (1870 – 1920), черносотенец, один из лидеров «Союза русского народа»; после Октября глава контрреволюционной организации – V, 287, 298, 312; VI, 159.
- «Пути и перепутья», собр. стих. В. Брюсова (т. 1 – 3; 1908 – 1909) – IV, 51; VI, 172.
- Путилов Александр Сергеевич (1875 – 1925), управляющий делами совета министров (1916 – 1917) – V, 332.
- Пушкин Александр Сергеевич (1799 – 1837) – I, 275; II, 219, 294, 367; III, 413; IV, 10, 12, 13, 48, 98, 162, 183, 195, 196, 199, 201, 208, 220 – 223, 233, 237, 285, 307, 400, 413, 415 – 420, 422; V, 34, 79, 105, 136, 152, 164, 175, 190, 263, 274 – 278, 365; VI, 11, 93, 94, 161, 170 – 172, 252, 295.
- Пушбывевский Станислав (1868 – 1927), польск. писатель и драматург – V, 42; VI, 109.
- Пяст Вл. (Пестовский Владимир Алексеевич; 1886 – 1940), поэт и переводчик; друг Блока – II, 83; V, 75, 147, 155, 169, 176, 179, 202, 205, 248, 250, 270; VI, 184 – 185, 195 – 197, 213, 217, 219, 220, 237, 250 – 252.
- Рабле Франсуа (1494 – 1553), фр. писатель – IV, 426.
- «Рабы любви», рассказ К. Гамсуна (1903) и название первого тома его «Собрания сочинений» в изд. В. М. Саблина – VI, 173.
- Радишев Александр Николаевич (1749 – 1802) – IV, 385.
- Радлова (урожд. Дармолатова) Анна Дмитриевна (1891 – 1949), поэтесса и переводчица – V, 270.
- Раев Николай Павлович (1856 – ?), обер-прокурор Синода (с 1916) – V, 288, 289, 320.
- «Разбойники», драма Шиллера

- (1781) — IV, 370, 373, 374; VI, 294.
- «Разговор с Ив. Ив.» — см. «Беседы с Иваном Ивановичем о современной нашей словесности».
- Разин Степан Тимофеевич (ок. 1630 — 1671), предводитель Крестьянской войны (1670 — 1671) — V, 226.
- «Разлука по любви», пьеса М. Шагинян (1918) — VI, 303.
- Разумник, Разумник Васильевич — см. Иванов-Разумник Р. В.
- Разумовский Аполлон Николаевич (1853 — ?), сенатор, член Гос. совета (1917) — V, 288.
- Раймонд VI (1156 — 1222), граф Тулузский — III, 160, 213, 215, 395, 403, 405, 408.
- Рамзес II (XIV в. до н. э.), 15-й представитель XIX династии египетских фараонов — III, 224, 225, 234, 235, 236, 237.
- «Ранние годы моей жизни», мемуары Фета (1893) — IV, 222.
- Распутин (Новых) Григорий Ефимович (1872 — 1916), фаворит Николая II и его жены Александры Федоровны — IV, 229; V, 166, 213, 217, 282 — 288, 291 — 293, 297, 306, 309, 310, 353, 364; VI, 277.
- «Рассказы», сб. Е. А. Бекетовой (Красновой) (1896) — V, 71.
- «Рассказы Фенрика Столя» («Сказания прапорщика Столя»), сб. стих. Й. Л. Рунеберга (1848 — 1860) — II, 346.
- Ратьков Николай Михайлович (1868 — ?), полковник, командир первой дивизии 37-й арт. бригады — V, 334.
- Рафаэль Санти (1483 — 1520), ит. живописец и архитектор — II, 361; V, 28; VI, 168, 170.
- «Рашель и правда» — см. «Искусство и правда».
- «Рваный плащ», пьеса С. Бенелли (1911) — IV, 379 — 381; VI, 294, 296.
- «Ревизор», комедия Гоголя (1836) — IV, 308; VI, 164.
- «Revue des deux-mondes», фр. лит. журнал (1831 — 1971) — V, 70.
- Рейн Георгий Ермолаевич (1854 — ?), лейб-хирург, академик; член Гос. совета (с 1915), главноуправляющий здравоохранением (с 1916) — V, 315.
- Рейнгардт (Рейнхардт) Макс (1873 — 1943), нем. режиссер и актер — VI, 195.
- Рейснер Лариса Михайловна (1895 — 1926), писательница; политабоник Красной Армии — IV, 401.
- Рейхлин Иоганн (1455 — 1522), нем. филолог, гуманист — IV, 327.
- Рекамье Юлия Аделаида (1777 — 1849), фр. светская красавица, хозяйка известного салона — II, 276.
- «Религия и балаган», фельетон Д. Ме-режковского (1910) — IV, 156.
- Рембрандт Харменс ван Рейн (1606 — 1669), голл. живописец — IV, 149.
- Ремизов Алексей Михайлович (1877 — 1957), писатель; с 1921 г. в эмиграции — I, 340; IV, 96, 422; V, 110, 137, 138, 149 — 151, 158, 175, 180, 186, 230; VI, 77 — 78, 185, 225, 226, 230, 251, 277.
- Ремизова (урожд. Довгелло) Серафима Павловна (1876 — 1943), палеонтолог, жена А. М. Ремизова — V, 180; VI, 78, 277.
- Ренан Жозеф Эрнест (1823 — 1892), фр. писатель, философ, историк религии — IV, 198; V, 233 — 235; VI, 11.
- «Репертуар и пантеон», театр. журнал (1839 — 1856) — IV, 204, 206; VI 261.
- Репин Илья Ефимович (1844 — 1930), художник — V, 74, 159.
- Рерих Николай Константинович (1874 — 1947), художник и писатель; с 20-х гг. жил в Индии — IV, 422.
- Рескин Джон (1819 — 1900), англ. писатель, теоретик искусства — V, 23; VI, 166.

- «Речь», газета; орган партии кадетов (1906–1917) – IV, 57, 189, 193; V, 127, 132, 158, 164, 170, 209, 235; VI, 158, 163, 167, 177, 220.
- Римский-Корсаков Александр Александрович (1850–?), сенатор, член Гос. совета (с 1915); после Октября в эмиграции – V, 286.
- Риттих Александр Александрович (1868–?), сенатор, министр земледелия (1917); после Октября в эмиграции – V, 288, 312, 315, 316, 320, 321, 323.
- Ришлен Жан (Огюст Жюль; 1849–1926), фр. поэт, романист и драматург – V, 71.
- «Роберт-Дьявол», опера Д. Мейербера (1830) – IV, 201.
- Робеспьер Максимилиен (1758–1794), деятель Великой французской революции – IV, 377, 378.
- Рогатевич И., автор учебника «Повторительный курс уголовного права...» (1900), по которому Блок готовился к экзамену – VI, 10.
- Роденбах Жорж (1855–1898), бельг. писатель – IV, 405, 406; VI, 114.
- Роджерс Генриетта, фр. драм. актриса – IV, 301; V, 239.
- Родзянко Михаил Владимирович (1859–1924), председатель Гос. думы (1911–1917); лидер октябристов; белоэмигрант – V, 284, 289, 292, 294, 297, 298, 306, 309, 310, 312, 313, 316, 320, 321, 323, 324, 326, 327, 329–331, 336, 342, 347–350, 356, 357, 362; VI, 283.
- Родичев Федор Измаилович (1853–1932), юрист; один из лидеров партии кадетов; министр Временного правительства по делам Финляндии; белоэмигрант – V, 317.
- Рожественский Всеволод Александрович (1895–1977), поэт – V, 270.
- «Роза и Крест», драма Блока (1913) – III, 385–422; V, 75, 174, 180, 184, 186, 206, 210, 277; VI, 248, 249, 262, 266, 277, 303.
- Розанов Василий Васильевич (1856–1919), писатель, публицист, философ – IV, 46, 210, 217–219, 250, 253; V, 126, 135, 145, 151, 152; VI, 63, 78, 80, 149, 153, 158–161, 234, 237, 260.
- «Рокамболь», серия многотомных авантурных романов Понсон дю Террайля (1859, 1866, 1867) – IV, 19.
- «Роман о Розе», ст.-фр. аллегорическая поэма (XIII в.) – IV, 409.
- «Роман о Флоре и Бланшефлере» – «Флуар и Бланшефлор», ст.-фр. повесть (XII в.) – III, 163, 391, 396.
- Романова Анна Илларионовна (р. 1890), слушательница Высших женских курсов – VI, 215.
- Романовы, царская династия – V, 184.
- «Романтическая школа», книга Г. Гейне (1833) – V, 269; VI, 297.
- «Ромео и Джульетта», трагедия Шекспира (1595) – VI, 12.
- Ромульд (ум. 1027), местный святой Равенны – IV, 165.
- Рославлев Александр Степанович (1879–1920), поэт – IV, 96.
- «Росмерсхольм», драма Г. Ибсена (1886) – III, 266.
- Россетти Данте Габриел (1828–1882), англ. живописец и поэт – IV, 10.
- Росси Карл Иванович (1775–1849), архитектор – V, 175.
- «Россия и интеллигенция», доклад Блока в религиозно-философском обществе (13 ноября 1908) – V, 127.
- «Россия и интеллигенция», сб. статей Блока (1918) – IV, 228; V, 234, 258.
- Ростан Эдмон (1868–1918), фр. поэт и драматург – VI, 202.
- Ростовцева Софья Михайловна (1878–?), жена историка М. И. Ростовцева – V, 183; VI, 212.
- Рубанович Семен Яковлевич (ум. 1932), поэт – VI, 194.
- Рубенс Питер Пауэл (1577–1640), фламанд. живописец – IV, 405; VI, 209.

- Рубинштейн Антон Григорьевич (1829–1894), композитор и пианист – IV, 422.
- «Rougon-Macquart'ы», двадцатитомная серия романов Э. Золя (1871–1893) – II, 272.
- Рузский Николай Владимирович (1854–1918), генерал-адъютант; главнокомандующий Сев.-Зап. и Сев. фронтами (с 1916) – V, 304, 323, 342, 343, 349–352, 354–356.
- Рукавишников Иван Сергеевич (1877–1930), поэт и прозаик – VI, 137.
- Руманов Аркадий Вениаминович (1878–1960), журналист, зав. петроградским отделением газеты «Русское слово»; после Октября в эмиграции – VI, 220, 251.
- Руммель Н. С., детская писательница – V, 198.
- Рунеберг Йохан Людвиг (1804–1877), фин. поэт – II, 346.
- Рунеберг Н. – Рунеберг Ялмар-Иоганнес (1874–1934), фин. поэт (псевд. Нинно) – II, 349.
- «Руно» – см. «Золотое руно».
- Русин Александр Иванович (1861–?), адмирал, помощник морского министра (с 1915) – V, 341.
- «Руслан и Людмила», опера Глинки (1842) – IV, 422.
- «Руслан и Людмила», поэма Пушкина (1820) – V, 275.
- «Русская воля», газета (1916–1917) – V, 59, 225, 290, 296; VI, 284.
- «Русская камена», сб. статей Б. Садовского (1910) – VI, 182.
- «Русская молва», газета (1912–1913) – IV, 189; V, 179.
- «Русская мысль», журнал (1880–1918); с 1905 г. орган партии кадетов – IV, 198, 210, 215; V, 164; VI, 211, 236, 251, 260, 297.
- «Русская свобода», кадетская газета (1917) – V, 223.
- «Русский бред», незаконченные стих. Блока (1918–1919) – V, 241.
- «Русский вестник», журнал (1856–1906) – IV, 217.
- «Русское слово», либерально-буржуазная газета (1894–1918) – V, 162, 164, 169; VI, 230, 268.
- Руссо Жан Жак (1712–1778) – V, 69, 179; VI, 207.
- Рухлов Сергей Васильевич (1853–1918), член Гос. совета, министр путей сообщения (1909–1915) – V, 288.
- «Рыцари» – см. «Будущие рыцари».
- «Рыцарь на час», стих. Некрасова (опубл. 1863) – V, 365.
- Рюккерт Фридрих (1789–1866), нем. поэт-романтик – III, 265.
- Рютбеф (Rutebeuf; ок. 1230–1285), фр. поэт-трувер – III, 243.
- Рябушинский Николай Павлович (1876–1951), меценат; издатель журнала «Золотое руно»; поэт (псевд. Н. Шинский) и художник-дилетант; после Октября в эмиграции – VI, 102, 129.
- С. Ал. – Славин (Протопопов) Александр Павлович (1814–1867), актер и писатель – IV, 206.
- Сабашников Михаил Васильевич (1871–1943), совладелец изд-ва – VI, 293, 301.
- «C'est le mai, le joli mai...», ст.-фр. народная обрядовая весенняя песня – III, 401.
- Саблер (Десятовский) Владимир Карлович (1845–?), обер-прокурор Синода (1911–1915) – V, 166, 167.
- Саблин, генерал – V, 343.
- Саблин Владимир Михайлович (1872–1916), издатель и переводчик – VI, 173.
- Саввич Сергей Сергеевич (1863–?), генерал, начальник штаба Сев.-Зап. фронта (с 1915), начальник снабжения армий Сев.-Зап. и Сев. фронтов (в 1917) – V, 356.

- Савина Мария Гавриловна (1854 – 1915), драм. актриса – IV, 82; VI, 250.
- Савич Никанор Васильевич (1869 – ?), член Гос. думы, октябрист – V, 321.
- Савояров Михаил Николаевич (1883 – 1941), эстрадный артист, исполнитель куплетов, фельетонист – V, 247.
- «Садко», опера Н. Римского-Корсакова (1896) – V, 180.
- Садовская (урожд. Островская) Ксения Михайловна (1860 – 1925), адресат ранней лирики Блока, ей посвящен цикл «Через двенадцать лет» (1909 – 1910) – I, 59, 80, 111, 125, 283; II, 132; V, 187; VI, 7 – 10.
- Садовской Борис Александрович (1881 – 1952), поэт, прозаик, критик и литературовед – II, 169; V, 175; VI, 182 – 183.
- Саллюстий (86 – ок. 35 до н. э.), рим. историк – IV, 266, 268 – 270, 281, 289, 291, 292.
- Salmon Amédée (1857 – 1920), фр. филолог-медиевист – III, 393.
- «Саломея», драма О. Уайльда (1892) – VI, 151.
- Салтыков (Салтыков-Щедрин) Михаил Евграфович (1826 – 1889) – II, 287, 368; V, 67, 123.
- Сальвини Густаво (1859 – 1930), ит. драм. артист, сын актера Томмазо Сальвини – IV, 65.
- Самарин Юрий Федорович (1819 – 1876), философ, историк, публицист; идеолог славянофильства – IV, 111.
- «Самопознание», пьеса М. Шагинян (1918) – VI, 303.
- Самуил Миронович – см. Алянский С. М.
- Санд Жорж (Аврора Дюпен; 1804 – 1876), фр. писательница – V, 79.
- Санжарь (псевд. Бриллиант Надежды Дмитриевны; 1875 – 1932), писательница – IV, 195.
- Сапунов Николай Николаевич (1880 – 1912), художник; автор декораций к драме Блока «Балаганчик» (1906) – III, 384; V, 171.
- Сар-Пеладан (Пеладан Жозеф) Жозефен (1858 – 1918), фр. писатель – VI, 221 – 222.
- Сарду Викторьен (1831 – 1908), фр. драматург – V, 41.
- Сарто – см. Андреа дель Сарто.
- «Сафо», трагедия Ф. Грильпарцера (1818; рус. перевод 1895) – III, 266, 422.
- Сахаров Владимир Викторович (1853 – ?), генерал, командующий армией – V, 352.
- Сашка – см. Серов А. Н.
- «Сашка Жегулев», роман Л. Андреева (1912) – V, 59.
- Сведенборг Эмануэль (1688 – 1772), швед. философ, создатель теософского учения – IV, 181.
- Свенцицкий (Свентицкий) Валентин Павлович (1879 – 1931), писатель на религиозные темы – IV, 195.
- «Святой Георгий, убив дракона...» («Святой Георгий»), стих. К. Бальмонта (1900) – V, 114.
- Север Люций Септимий (146 – 211), рим. император (с 193) – II, 125.
- «Северная симфония (1-я, героическая)» А. Белого (1901) – VI, 56.
- «Северное сияние», журнал (1908 – 1909) – VI, 151.
- «Северные сборники», семь лит. сб., вышедших в изд-ве «Шиповник» (1907 – 1911) – VI, 133.
- «Северные цветы», альманахи (1901 – 1905, 1911) – V, 74; VI, 26, 35, 95.
- Северянин Игорь (Лотарев Игорь Васильевич; 1887 – 1941), поэт; с 1918 г. жил в Эстонии – IV, 262, 426; V, 185, 201; VI, 249.
- «Седое утро», сб. стих. Блока (1920) – II, 259.
- Секретев Петр Иванович (1877 – ?), генерал-майор; начальник военной автоматной школы (1915 – 1917) – V, 327.

- Сем-Бенелли – см. Бенелли Сем.
- Семенов Евгений Петрович (Коган Соломон Моисеевич; 1858–1944), журналист, корреспондент газеты «*Mercur de France*» – VI, 123, 128, 129.
- Семенов (Семенов-Тянь-Шанский) Леонид Дмитриевич (1880–1917), поэт; товарищ Блока по ун-ту; после 1905 г. «ушел в народ» – I, 308; VI, 57, 60.
- «Семь принцесс», драма М. Метерлинка (1891) – VI, 134.
- Сенкевич Генрик (1846–1916), польск. писатель – V, 71.
- «Сентиментальное воспитание» – см. «Воспитание чувств».
- Серафима Павловна – см. Ремизова С. П.
- «Серафита», повесть Бальзака (1833) – V, 187.
- Сервантес Сааведра Мигель де (1547–1616), исп. писатель – IV, 360.
- Сергеева, курсистка женского педагогического ин-та – V, 165–167.
- Сергей Александрович (1857–1905), вел. князь; московский генерал-губернатор (с 1891); убит И. П. Каляевым – VI, 77.
- «Сердитый взор бесцветных глаз...», стих. Блока (1914) – VI, 244.
- «Серебряный голубь. Повесть в 7-ми главах» А. Белого (1909) – IV, 149, 194.
- Сережа – см. Соловьев С. М.
- Серов Александр Николаевич (1820–1871), композитор и музыкальный критик – IV, 215, 216; V, 271.
- Серова (урожд. Бергман) Валентина Семеновна (1846–1924), пианистка и композитор; жена А. Н. Серова – IV, 215.
- «*Serres chaudes*», сб. стих. М. Метерлинка (1889) – VI, 134.
- «Сестра Беатриса», пьеса М. Метерлинка (1900) – IV, 38, 39.
- «Сию за ширмой. У меня...», стих. Блока (1903) – VI, 53.
- Сизов Михаил Иванович (1884–1956), физиолог; писатель, публицист, переводчик; друг А. Белого – VI, 131.
- Сильверсван Борис Павлович (1883–1934), литературовед; зав. скандинавским отделом изд-ва «Всемирная литература»; с 20-х гг. в эмиграции – V, 272.
- «Символический театр», статья А. Белого (1907) – VI, 131.
- «Симфонии» – «Северная симфония» и «Симфония (2-я, драматическая)» – VI, 63.
- «Симфония (1-я, героическая)» – см. «Северная симфония».
- «Симфония (2-я, драматическая)», А. Белого (1902) – VI, 19, 26, 37, 39, 41.
- «Синева небес над кровлей...», стих. П. Верлена в переводе Ф. Сологуба (1893) – VI, 135.
- Синьорелли Лука (между 1445 и 1450–1523), ит. живописец – II, 361; IV, 135, 151.
- «Синяя птица», пьеса М. Метерлинка (1908) – IV, 404, 406, 407.
- «Сирин», сборник I (1913) – III, 392.
- «Сирин», изд-во (1912–1915) – V, 176, 184; VI, 232.
- «Сказания об иконах Богородицы», не осуществленный Блоком замысел курсового сочинения (1903) – VI, 61.
- «Сказка о золотом петушке» Пушкина (1834) – V, 275.
- «Сказка об Окассене и Николетте» («*Aucassin et Nicolette*»), ст.-фр. повесть (XII в.) – III, 396.
- Скворцова Наталия Николаевна (1891–?), корреспондентка Блока – V, 153, 157, 162, 169; VI, 191.
- Скиталец (Петров) Степан Гаврилович (1869–1941), писатель – V, 119; VI, 125.
- «Скифы», стих. Блока (1918) – V, 240, 241.
- Скобелев Матвей Иванович (1885–после 1927); министр труда Времен-

- ного правительства; впоследствии работник Госплана – V, 322.
- «Скорпион», изд-во (1900–1916) – VI, 51, 53, 55, 60, 91, 95, 96, 99, 111, 116, 212.
- Скотт Вальтер (1771–1832) – III, 394; V, 69.
- «Слеза», стих. Пушкина (1815) – V, 274.
- Слепцов Василий Алексеевич (1836–1878), писатель – V, 70.
- «Слепые», драма М. Метерлинка (1890) – VI, 134.
- «Слово», газета (1903–1909) – V, 123; VI, 93, 95, 98, 163.
- «Слово милой», стих. Пушкина (1816) – V, 274.
- «Слуга двух господ», комедия К. Гольдони (1745) – IV, 429.
- «Смерть богов (Юлиан Отступник)», роман Д. Мережковского (1895), первая часть трилогии «Христос и Антихрист» – IV, 46; V, 235.
- «Смерть Ивана Ильича», повесть Л. Толстого (1884–1886) – V, 127.
- Смирнов Александр Александрович (1883–1962), литературовед, поэт и переводчик; товарищ Блока по ун-ту – VI, 57.
- Смит Мария Николаевна, юношеское увлечение Пушкина – V, 274.
- Смородский Федор Александрович (1883–?), поэт (псевд. Ф. Ладосветогорский); знакомый Блока по ун-ту – I, 332; VI, 93.
- «Снегурочка», пьеса А. Островского (1873) – I, 190.
- «Снежная маска», сб. стих. Блока (1907) – II, 8; VI, 121, 126, 285.
- «Снежная ночь», название третьего тома «Собрания стихотворений» Блока (1912) – I, 470; II, 360.
- «Снова иду я над этой пустынной равниной...», стих. Блока (1903) – VI, 43.
- Соболевский Алексей Иванович (1856–1929), лингвист, академик; профессор Петерб. ун-та – V, 75.
- «Собрание стихов» – см. «Пути и перепутья».
- «Собрание стихов» З. Гиппиус (1904) – VI, 57.
- «Собрание стихотворений» Блока в 3-х книгах (1911–1912) – I, 467, 470.
- «Современная идиллия», сатира Салтыкова-Щедрина (1877–1883) – II, 368.
- «Современник», журнал революционных демократов (1847–1866) – IV, 214; V, 69, 123.
- «Современник», журнал (1911–1915) – IV, 223.
- «Современные стихотворения» («Zeitgedichte»), цикл стих. Г. Гейне (1844) – VI, 292.
- Соколов Сергей Алексеевич (1878–1936), поэт (псевд. С. Кречетов), владелец изд-ва «Гриф», редактор журналов «Искусство», «Перевал»; после Октября в эмиграции – VI, 72, 85.
- Сократ (470/469–399 до н. э.), др.-греч. философ – IV, 239.
- «Солнце в могилу глядит...», стих. А. Звенигородского – VI, 103.
- «Солнцев перстень», поэма Вяч. Иванова (1911) – V, 150.
- Соловьев Владимир Николаевич (1887–1941), режиссер и театр. критик – V, 185; VI, 250.
- Соловьев Владимир Сергеевич (1853–1900), поэт и религиозный философ, оказавший большое влияние на русский идеализм и символизм – I, 142, 144, 161; II, 88, 253; IV, 19, 20, 65, 101, 102, 104, 143, 148, 160–167, 197, 199, 359, 385, 394, 395, 398, 399; V, 73, 75, 79, 81, 86–89, 91–93, 95, 105, 128; VI, 11, 32, 33, 38, 43, 48, 57, 67, 72, 73, 78–80, 139.
- Соловьев Михаил Сергеевич (1862–1903), педагог, переводчик; брат Вл. Соловьева и редактор его сочинений – V, 74, 75; VI, 15, 32–33, 35.

- Соловьев Сергей Михайлович (1885 – 1942), поэт, лит. критик, переводчик; троюродный брат Блока – I, 146, 151, 180, 274, 291; V, 105, 131; VI, 32, 56–60, 67, 69–72, 78, 80, 81, 83, 85, 132, 143, 190, 194.
- Соловьева (урожд. Коваленская) Ольга Михайловна (1855–1903), художница и переводчица; жена М. С. Соловьева; двоюродная сестра матери Блока – I, 119, 137, V, 74, 75; VI, 32, 121.
- Соловьева Поликсена Сергеевна (1867–1924), поэтесса (псевд. Allegro), художница; соредатор журнала «Тропинка» (1906–1912); сестра Вл. Соловьева – V, 145, 183, 195, 198, 205; VI, 266, 277.
- Соловьевы – Ольга Михайловна, Михаил Сергеевич и Сергей Михайлович – VI, 15, 16, 55.
- Сологуб (Тетерников) Федор Кузьмич (1863–1927), поэт, прозаик и драматург – IV, 34, 35, 101–103, 128, 142, 262; V, 91, 118, 152, 174, 211, 237, 248; VI, 58, 77, 84, 98, 134, 135, 141, 142, 157.
- «Сольнес» – см. «Строитель Сольнес».
- Сомов Константин Андреевич (1869–1939), художник, автор портрета Блока (1907) и обложки к его «Лирическим драмам» (1908) – VI, 233.
- Сомов М., переводчик – IV, 39.
- «Сорочинская ярмарка», повесть Гоголя (1831) – IV, 131.
- Софокл (ок. 496–405 до н. э.), др.-греч. поэт-драматург – IV, 157, 301, 332; VI, 220, 230.
- «Сочинения Аполлона Григорьева», издание Н. Н. Страхова (1876) – IV, 196.
- Спартак (ум. 71 до н. э.), вожь восстания рабов в Италии – IV, 377.
- Спекторский Евгений Васильевич (1875–1951), юрист; профессор Варшавск. ун-та; профессор (с 1914) и ректор Киевск. ун-та; после Октября в эмиграции – VI, 25, 90, 211.
- Спиноза Бенедикт (Барух) (1632–1677), нидерл. философ – IV, 106.
- Спиридович Александр Иванович (1873–1959), генерал-майор корпуса жандармов; белоэмигрант – V, 314.
- Спиридонов Василий Спиридонович (1878–1952), литературовед – IV, 223.
- «Способ последовательных приближений. Приложение к выводу теорем Тейлора и Лагранжа в преобразованной форме», книга Н. В. Бугаева (1896) – VI, 64.
- «Способ последовательных приближений. Приложение к интегрированию дифференциальных уравнений», книга Н. В. Бугаева (1896) – VI, 64.
- «Способ последовательных приближений. Приложение к разложению функций в непрерывные ряды», книга Н. В. Бугаева (1895) – VI, 64.
- Стааль фон Гольштейн Владимир Иванович (1853–?), барон; генерал-лейтенант, помощник коменданта Петропавловской крепости (1908–1917) – V, 333.
- Станиславский (Алексеев) Константин Сергеевич (1863–1938), режиссер и актер – IV, 38; V, 131, 169, 175, 176, 185, 186, 191, 207, 277; VI, 153–156, 231, 235, 262, 265.
- «Старые годы», журнал (1907–1916) – V, 55, 236.
- «Степка-Растрепка», рассказы для детей в стихах (первое изд. 1849, послед. 1923) – V, 195–197.
- «Стереоскоп», рассказ А. П. Иванова (1909) – V, 136; VI, 171.
- «Stephanos. Венок», сб. стих. В. Брюсова (1906) – VI, 92, 95.
- Стивенсон Роберт Льюис (1850–1894), англ. писатель – V, 71.

- «Стихи о Прекрасной Даме», первый сб. стих. Блока (1905) – I, 467, 468, 470; II, 357; IV, 149; V, 73, 205, 251; VI, 74, 103, 118, 180, 259.
- «Стихотворения», посмертный сб. Е. А. Бекетовой (Красновой) (1895) – V, 71.
- «Стоит шест с гагарой...» («Гагара»), стих. Г. Чулкова (1906) – V, 17.
- Столица (урожд. Ершова) Любовь Никитична (1884 – 1934), поэтесса; после Октября в эмиграции – VI, 194.
- «Столпы общества», пьеса Г. Ибсена (1877) – IV, 171.
- Столыпин Александр Аркадьевич (1863 – 1925), публицист, брат П. А. Столыпина – IV, 193; V, 145.
- Столыпин Петр Аркадьевич (1862 – 1911), министр внутренних дел и председатель совета министров (с 1906); убит агентом охраны – II, 271; IV, 47, 229; V, 146, 152, 286, 287.
- Стражев Виктор Иванович (1879 – 1950), поэт, прозаик; зав. лит. отделом журнала «Северное сияние» (1908) – VI, 150 – 151.
- «Страна», газета (1906 – 1907) – VI, 98.
- Страхов Николай Николаевич (1828 – 1896), публицист, критик, философ – IV, 198, 199, 211, 215, 217, 219.
- «Страшная месть», повесть Гоголя (1832) – IV, 32, 132.
- Стриндберг Август Юхан (1849 – 1912), швед. писатель и драматург – II, 236, 271; IV, 168, 175, 176, 178 – 181, 341; V, 75, 262; VI, 213, 217, 219 – 221, 267.
- «Строитель Сольнес», драма Г. Ибсена (1892) – IV, 81, 140; V, 43.
- Струве Петр Бернгардович (1870 – 1944), экономист, философ, историк и публицист; редактор журналов «Освобождение» и «Русская мысль»; участник сб. «Вехи»; один из лидеров кадетов; белоэмигрант – V, 127, 128; VI, 90, 154, 236, 283 – 284.
- «Студенческие воспоминания» – «Мои студенческие воспоминания» Я. Полонского (1898) – IV, 222.
- Стэнли Генри Мортон (Джон Роуллендс; 1841 – 1904), амер. журналист, исследователь Африки – V, 69.
- Суворин Алексей Сергеевич (1834 – 1912), писатель, журналист и издатель – V, 71, 151, 152, 228.
- Сулла (138 – 78 до н. э.), рим. полководец, консул и диктатор (88 – 79 до н. э.) – IV, 269, 270, 272, 273, 281.
- Султанова (урожд. Леткова) Екатерина Павловна (1856 – 1937), писательница – V, 231.
- Сумароков Александр Петрович (1717 – 1777), поэт и драматург – IV, 384.
- Сумароков-Эльстон (князь Юсупов) Феликс Феликсович (1887 – ?), участник убийства Распутина; после Октября в эмиграции – V, 306.
- Сумцов Николай Федорович (1854 – 1922), этнограф, литературовед – VI, 93.
- Суриков Иван Захарович (1841 – 1880), поэт – IV, 48.
- Суслов Александр Васильевич (1879 – ?), помощник делопроизводителя канцелярии министерства двора – V, 335.
- Сухова-Кобылин Александр Васильевич (1817 – 1903), драматург – IV, 384.
- Сухомлинова (урожд. Горшкевич) Екатерина Викторовна, жена военного министра В. А. Сухомлинова – V, 303.
- Сухотин Павел Сергеевич (1884 – 1935), писатель – VI, 261.
- Сфорца Галеаццо Мария (1444 – 1476), герцог Миланский (с 1466) – IV, 291.

- «Сцены из рыцарских времен», незаконченная пьеса Пушкина (1835) — V, 275.
- «Сын отечества», журнал (1856—1861) — IV, 226.
- Сюннерберг Константин Александрович (1871—1942), поэт, философ и критик (псевд. Конст. Эрберг) — V, 118, 270; VI, 142, 144.
- Тагер Елена Михайловна (1895—1964), писательница — VI, 255—256.
- Тагер Павел Семенович, юрист, сотрудник Чрезвычайной следственной комиссии — V, 215.
- «Тайна скуки» («Скучаю я, — но ради бога...»), стих. Ап. Григорьева (1843) — IV, 222.
- «Там, в ночной завывающей стуже...», стих. Блока (1905) — IV, 26, 145.
- «Тарас Бульба», повесть Гоголя (1839—1842) — VI, 261.
- Тастевен Генрих Эдмундович (ок. 1881—1915), журналист, художественный критик; зав. редакцией журнала «Золотое руно» — VI, 117, 129.
- Тата — см. Гиппиус Т. Н.
- Татищев Сергей Спиридонович (1846—1906), историк и публицист — V, 146.
- Татьяна Николаевна (1897—1918), вел. княгиня, дочь Николая II — V, 317.
- Тацит (ок. 58 — ок. 117), рим. историк — IV, 267, 336, 397.
- «Театр», сб. драм. произведений Блока (1916, 1918) — V, 176, 206, 257.
- «Театр», рукописный сб. драм. произведений М. Шагинян — VI, 303.
- «Театр. Книга о новом театре», сб. статей (1908) — IV, 80, 88.
- «Théâtre français au moyen-âge publié d'après les manuscrits de la Bibliothèque du roi, XI-e et XIV-e siècles», книга М. F. Michel и L. J. Monmerqué (1839) — III, 243.
- Тегенгрен Якоб-Август (1875—1956), швед.-фин. поэт-лирик — II, 353.
- Тейлор Брук (1685—1731), англ. математик — VI, 64.
- Теккерей Уильям Мейкпис (1811—1863), англ. писатель — V, 69.
- Теньер Давид I (1582—1649), флам. художник — IV, 405.
- Теодорих Великий (454—526), король остготов — II, 118, 360; VI, 166, 172.
- «Теофиль» — см. «Действо о Теофиле».
- Терешенки — Михаил Иванович и его сестры Елизавета Ивановна и Пелагея Ивановна — V, 180.
- Терещенко Михаил Иванович (1886—1956), чиновник при директоре имп. театров; совладелец изд-ва «Сирин»; министр Временного правительства; белоэмигрант — V, 184, 186, 209, 210, 257; VI, 218, 219, 226, 230.
- Тернан — см. Терьян Ваан.
- «Термидор», пьеса В. Сарду (1891) — V, 41.
- Тернавцев Валентин Александрович (1866—1940), писатель-богослов; участник петерб. религиозно-философского общества — V, 126; VI, 163.
- «Tertia Vigilia», сб. стих. В. Брюсова (1900) — VI, 23.
- Терьян Ваан (Тер-Григорьян Ваан Сукиасович; 1885—1920), армянский поэт — VI, 254, 255.
- Тибулл Альбий (ок. 55—19 до н. э.), рим. поэт — I, 448.
- Тик Людвиг (1773—1853), нем. писатель-романтик — IV, 355.
- Тилли, подполковник Генерального штаба — V, 352.
- Тимковский Иван Осипович (1768—1837), петерб. цензор — IV, 415.
- Тинторетто (Робусти) Якопо (1518—1594), ит. живописец — VI, 165.
- Тиняков Александр Иванович (1886—1934), поэт, журналист и критик — VI, 251.

- «Тихие песни», сб. стих. Ник.Т-о (И. Анненского) (1904) – VI, 94.
- Тихменев, генерал – V, 342, 351, 352.
- «Тихой ночью, поздним летом...», стих. Тютчева (1849) – V, 92.
- Тихонов Александр Николаевич (1880–1956), писатель (псевд. А. и Н. Серебров); сотрудник М. Горького по изд-ву «Всемирная литература» – V, 259, 261, 265; VI, 289.
- Тициан (Тициано Вечеллио; ок. 1476/1477 или 1489/1490 – 1576), ит. живописец – VI, 165.
- «Тоже тенденция», статья Д. Философова (1908) – IV, 53.
- Толстая (Дымшиц) Софья Исаковна (1886–1963), художница, жена А. Н. Толстого – V, 147; VI, 230.
- Толстой Алексей Константинович (1817–1875), граф; поэт; романист и драматург – IV, 384; V, 13.
- Толстой Алексей Николаевич (1882/1883–1945), писатель – V, 147, 183.
- Толстой Лев Николаевич (1828–1910) – I, 61; II, 270; IV, 49, 92–94, 106, 111, 118, 119, 161, 166, 221, 233, 234, 251, 347, 421, 422; V, 70, 98, 122–124, 130, 136, 137, 150, 155, 156, 186, 190, 203, 268, 362; VI, 152, 160–163, 171, 184.
- «Л. Толстой и Достоевский», книга Д. Мережковского (1900–1902) – V, 236.
- Толстые – Алексей Николаевич и Софья Исаковна – V, 147, 179.
- Thomas Antoine André (1857–1935), фр. филолог – III, 396.
- Топелиус Цакариас (1818–1898), фин.-швед. писатель – II, 350, 369.
- «Торжество Вакха», стих. Пушкина (1818) – V, 274.
- «Торквато Тассо», драма Гете (1790) – VI, 301.
- Траверси Камилло Антона (1857–1934), ит. критик и драматург – IV, 305.
- Трегубов Сергей Николаевич (1866–?), сенатор, консультант по воен-но-судебным вопросам в ставке главнокомандующего (с 1915) – V, 333.
- Трепов Александр Федорович (1862–1928), сенатор; министр путей сообщения (с 1915), председатель Совета министров (1916); бело-эмигрант – V, 282, 287, 312, 347.
- Трепов Дмитрий Федорович (1855–1906), генерал-майор; моск. обер-полицейстер (1896–1905); петерб. генерал-губернатор (с 1905), организатор вооруженного подавления революции 1905 г. – VI, 160.
- «Trésor des Humbles», философский трактат М. Метерлинка (1896) – VI, 134.
- Третьяков С. Н. – V, 299.
- «Три поэта», статья С. Городецкого (1907) – V, 118.
- «Три свидания», поэма Вл. Соловьева (1898) – IV, 143, 165.
- «Три сестры», пьеса Чехова (1901) – III, 411; V, 40; VI, 163.
- Трисмегистов А., псевд. Ап. Григорьева – IV, 203.
- «Трое», повесть М. Горького (1900) – VI, 98.
- Трубецкие – семья князя Николая Ивановича (1807–1874) – IV, 211.
- Трубецкой Георгий Иванович (1866–?), генерал из свиты Николая II – V, 342.
- «Труды и дни», журнал (1912–1916) – V, 170; VI, 216–218.
- Тураев Борис Александрович (1868–1920), востоковед, академик – III, 239.
- Тургенев Иван Сергеевич (1818–1883) – II, 197; IV, 384, 407; V, 67, 124, 260, 262, 365.
- Тургенева Анна Алексеевна (Ася) (1890–1966), художница, первая жена А. Белого; с 1913 г. за границей – VI, 192, 194, 218.
- «Toute la Flandre», сб. стих. Э. Верхарна (1904–1911) – VI, 96.

Тутотмин Николай Николаевич (1877—1943), врач, муж С. Н. Тутотминой — VI, 257, 258.

Тутотмина (урожд. Качатова) Софья Николаевна (1880—1967), двоюродная сестра Блока — VI, 257—258.

«Ты не бойся, что темно...», стих. Ф. Сологуба (1902) — VI, 142.

«Ты прошла голубыми путями...», стих. Блока (1901) — VI, 16.

Тютчев Федор Иванович (1803—1873) — I, 395; II, 165; III, 390; IV, 12, 108, 199, 231, 422; V, 79, 80, 87, 88, 90—94, 151, 157, 190; VI, 33, 104.

«Тяжелые сны», роман Ф. Сологуба (1895) — VI, 98.

Тяжелыников Михаил Иванович (1866—?), генерал-майор, начальник штаба петроградского военного округа (с 1915) — V, 330, 340.

Уайльд Оскар (1856—1900), англ. поэт, прозаик и драматург — II, 84; IV, 263.

Удинэ да Джованни (1487—1564), ит. живописец — II, 361.

«Уединенное», книга В. Розанова (1912) — IV, 217.

«Уединенный эстетизм», статья Д. Философова (1912) — IV, 189.

«Ужин шуток», пьеса С. Бенелли (1909) — IV, 380.

Уланд Людвиг (1787—1862), нем. поэт-романтик — III, 265.

«Улеглася метелица... Путь озарен...» — см. «Колокольчик».

«Уличная революция», рассказ К. Гамсуна — VI, 173.

«Умолкни муза...» — см. «Замолкни, Муза мести и печали!»

«Ундина», поэма В. Жуковского (1831—1836) — VI, 44.

«Уныние» — см. «К***»

«Urbi et orbi», сб. стих. В. Брюсова (1903) — IV, 51; V, 106; VI, 53, 55, 60, 70, 71, 95.

«Успение», стих. Блока (1909) — VI, 174.

Успенская Вера Глебовна, дочь писателя Г. И. Успенского — VI, 162.

Успенский Глеб Иванович (1843—1902), писатель-народник — IV, 102, 108; V, 123.

«Утешение», рассказ Ф. Сологуба (1899) — IV, 35.

«Утро России», газета (1907—1918), орган торгово-промышленных кругов — V, 236; VI, 130.

«Утро туманное, утро седое...» («В дороге»), стих. И. Тургенева (1843) — II, 197; V, 365.

«Учение о числовых производных», книга Н. В. Бугаева (т. 1—4, 1870—1873) — VI, 64.

Уэллс Герберт (1866—1946), англ. писатель — V, 272; VI, 171.

«Факелы», альманахи и изд-во (1906—1908) — III, 384; VI, 91, 99, 137.

Фалес (ок. 625 — ок. 547 до н. э.), др.-греч. философ — VI, 15.

Фальконет (Фальконе) Этьен Морис (1716—1791), фр. скульптор, автор памятника Петру I в Петербурге — IV, 321; V, 204.

«Фальшивый купон», повесть Л. Толстого (опубл. 1911) — V, 156.

Фаминцын Андрей Сергеевич (1835—1918), физиолог, академик — I, 235.

Фарнгаген фон Энзе Карл Август (1785—1858), нем. писатель и критик — VI, 298.

«Фауст», трагедия Гете (1808—1832) — IV, 329, 356; V, 70, 94, 269.

Федоров М. М. — V, 299.

Федоров Сергей Петрович, лейб-хирург — V, 334, 342, 343, 353.

Федот — Седов Федот Тимофеевич, крестьянин из деревни Гудино (близ Шахматова) — V, 255.

Феодосий Печерский (ум. 1074), игумен Кирилло-Печерского мо-

- настыря, автор поучений и посланий — V, 155.
- Феодосьев Сергей Григорьевич (1880 — ?), товарищ министра финансов (с 1916), гос. контролер (1916 — 1917) — V, 288.
- Феона Алексей Николаевич (1879 — 1949), драм. и опереточный артист — VI, 109.
- Феррари Паоло (1822 — 1889), ит. комедиограф — IV, 305.
- Фет (Шеншин) Афанасий Афанасьевич (1820 — 1892) — I, 155, 251, 469; II, 153; IV, 49, 141, 199, 201, 202, 209, 215, 222, 226, 285, 382, 418, 422; V, 73, 79, 87 — 90, 92 — 95, 106, 271, 275; VI, 10, 13, 21, 26, 32, 183, 232.
- Фетисова Ксения Александровна, драм. актриса — VI, 230.
- Фидлер Федор Федорович (1859 — 1917), переводчик — V, 149.
- Филипп II (1527 — 1598), исп. король (с 1556) — IV, 404; VI, 134.
- «Филипп II», драма Э. Верхарна (1901) — VI, 134.
- Филиппов Третий Иванович (1825 — 1899), писатель-славянофил — IV, 207.
- Философов Дмитрий Владимирович (1872 — 1940), публицист и лит. критик; с 1920 г. в эмиграции — IV, 53, 189, 190, 193; V, 146, 186; VI, 60, 131, 149, 223 — 225, 230.
- Философова Анна Павловна (1837 — 1912), либеральная общественная деятельница, инициатор создания женских курсов (1870) — II, 291.
- «Фламенка» («Flamenca») — см. «Le roman de Flamenca».
- Флобер Гюстав (1821 — 1880) — II, 294, 307; III, 417; IV, 313; V, 23, 69, 71, 72; VI, 11.
- Фонвизин Денис Иванович (1744 или 1745 — 1792) — IV, 384.
- «Формы искусства», статья А. Белого (1902) — VI, 37, 38.
- Форш Ольга Дмитриевна (1875 — 1961), писательница — VI, 267.
- Фра Беато — см. Беато Анжелико.
- Фра Филиппо Липпи — см. Липпи Фра Филиппо.
- Франц — см. Кублицкий-Пиотух Ф. Ф.
- Франциск Ассизский (1181 или 1182 — 1226), католический деятель, основатель ордена францисканцев — IV, 248, 249; V, 28.
- Фредерикс Владимир Борисович (1838 — 1927), граф, генерал; министр двора и уделов канцелярии империи (1897 — 1917); после Октября в эмиграции — V, 284, 285, 324, 334 — 336, 343, 350, 352 — 355, 357.
- Фрелих Катарина, возлюбленная Ф. Гримальпарцера — III, 265.
- Фролов Петр Александрович (1852 — ?), генерал; помощник военного министра (с 1916) и член Гос. совета (1917) — V, 304.
- Фульвия, рим. аристократка — IV, 279.
- Хабалов Сергей Семенович (1858 — 1924), генерал-лейтенант; командующий войсками Петроградского военного округа (1916 — 1917) — V, 301, 304, 306, 314 — 325, 327 — 333, 338 — 340, 348.
- Хаггардт Генри Райдер (1856 — 1925), англ. писатель — V, 71.
- Хвостов Алексей Николаевич (1872 — 1918), министр внутренних дел (1915 — 1916) — V, 223.
- Хлебников Велимир (Виктор Владимирович; 1885 — 1922), поэт-футурист — V, 185.
- Хлебников Владимир Николаевич (1836 — ?), генерал от артиллерии — V, 325.
- «Хованщина», опера М. Мусоргского (1872 — 1881) — VI, 210.
- Хомяков Алексей Степанович (1804 — 1860), поэт, философ и публицист; идеолог славянофильства — IV, 108; V, 88.
- Хрусталева-Носарь Георгий Степано-

- вич (1877–1918), председатель Петерб. Совета рабочих депутатов (1905); меньшевик; впоследствии контрреволюционер – V, 301.
- Хрусталева Екатерина Евгеньевна, дальняя родственница Кублицких-Пиотух – VI, 13.
- Цабель Сергей Александрович (1871–?), генерал-майор, командир имп. железнодорожного полка – V, 335.
- Цакони Эрмете (1857–1948), ит. драм. артист – IV, 65.
- «Царь Голод», драма Л. Андреева (1908) – IV, 74, 103.
- «Царь-Девница», стих. Я. Полонского (1880) – VI, 183.
- «Царь Иксион», трагедия И. Анненского (1902) – VI, 94.
- «Цветник Ор», стихотворный альманах (1907) – VI, 125.
- Цезарь Гай Юлий (102 или 100–44 до н. э.), рим. диктатор – II, 74; IV, 268, 273, 280–283, 404; V, 33.
- Целер (Квинт Метелл Целер), рим. полководец (I в. до н. э.) – IV, 281.
- Цензор Дмитрий Михайлович (1877–1947), поэт – IV, 321–324.
- «Сех поэтов», объединение акмеистов и изд-во (1911–1914; 1921–1923) – IV, 426, 428.
- Цинговатова К. П., жена литературоведа Цинговатова Алексея Яковлевича (1885–1943) – VI, 232.
- Цицерон Марк Туллий (106–43 до н. э.), рим. политический деятель, оратор и писатель – IV, 266, 271, 272, 276–283, 289, 291, 292.
- Цорн Андерс (1860–1920), швед. художник и график – VI, 165.
- Чаадаев Петр Яковлевич (1794–1856) – IV, 385; V, 160, 274.
- Чайковский Модест Ильич (1850–1916), драматург-либреттист; брат П. И. Чайковского – VI, 93.
- Чайковский Петр Ильич (1840–1893) – IV, 422; VI, 93.
- Чапыгин Алексей Павлович (1870–1937), писатель – V, 274.
- «Час», несостоявшаяся большевистская газета – V, 228.
- Чванов Иван Иванович, владелец ресторана в Петербурге – V, 119.
- Чеботаревская Александра Николаевна (1869–1925), переводчица – V, 205, 237, 243; VI, 277.
- Чеботаревская Анастасия Николаевна (1876–1921), критик и переводчица; жена Ф. Сологуба – VI, 137, 157, 248–249, 255.
- Чебыкин Александр Несторович (1857–1920), генерал-лейтенант, командир гвардейского батальона в Петрограде (1916–1917) – V, 329, 331.
- «Челкаш», рассказ М. Горького (1895) – IV, 106.
- Челноков Михаил Васильевич (1863–?), член Гос. думы, московский городской голова (с 1914) и председатель Союза городов (1914–1917) – V, 291.
- «Чем тоске, и не знаю, помочь...», стих. Фета (1862) – V, 93.
- Черевин Петр Александрович (1837–1896), генерал-адъютант, личный друг Александра III – IV, 92.
- Черкасова – см. Блок А. А.
- Чернов Виктор Михайлович (1873–1952), лидер партии эсеров; министр земледелия Временного правительства; белоэмигрант – V, 232.
- «Черные вороны», драма В. Протопопова (1907) – IV, 82.
- «Черные маски», драма Л. Андреева (1908) – IV, 103.
- «Черный день», название неосуществленного сб. стих. Блока (1921) – V, 276.
- Чернышевский Николай Гаврилович (1828–1889) – IV, 197, 198.
- «Чертик», рассказ А. Ремизова (опубл. 1907) – V, 110.
- «Четки», сб. стих. А. Ахматовой (1914) – VI, 264.

- Чехов Антон Павлович (1860 – 1904) – IV, 106, 108, 126, 421; V, 70, 127, 186, 203; VI, 118, 164, 165.
- Чириков Евгений Николаевич (1864 – 1932), писатель; с 1920 г. в эмиграции – VI, 147.
- Чирикова Валентина Георгиевна, драм. актриса, жена Е. Н. Чирикова – V, 149.
- Читау (Кармина) Мария Михайловна (1859 – 1935), драм. актриса и театр. педагог; после Октября в эмиграции – V, 95, 99.
- «Что же ты потупилась в смущеньи?..» («Перед судом»), стих. Блока (1915) – V, 206.
- «Что такое сектанты и чего они хотят?», книга И. Наживина (1906) – IV, 50.
- «Чудесный сон», стих. А. Асныка в переводе В. Лебедева («Вестник иностранной литературы», 1901, № 4) – VI, 14.
- «Чудо на колокольне», пьеса М. Шагинян (1918) – VI, 303, 304.
- Чуковский Корней Иванович (Корнейчуков Николай Васильевич; 1882 – 1969) – IV, 427; V, 110, 127, 148, 261, 265, 277; VI, 304 – 305.
- Чулков Георгий Иванович (1879 – 1939), писатель, поэт и критик – I, 342, 355; II, 44; IV, 117; V, 17, 118, 125, 128, 131, 158, 183, 187, 245; VI, 67, 78 – 81, 84, 91, 98 – 99, 117, 118, 123, 124, 128, 129 – 131, 142, 144, 150, 181, 251.
- Чулкова (урожд. Степанова) Надежда Григорьевна (1874 – 1961), переводчица, жена Г. И. Чулкова – VI, 81, 99, 130.
- Чулковы – Надежда Григорьевна и Георгий Иванович – V, 277.
- Чхеидзе Николай Семенович (1864 – 1926), лидер меньшевиков; с 1921 г. белоэмигрант – V, 217, 301, 302, 312, 317, 362; VI, 281.
- Шагинян Мариэтта Сергеевна (1888 – 1982) – VI, 303 – 304.
- Шалфеев Михаил Петрович (1859 – 1917), полковник, полицмейстер петерб. полиции (с 1906) – V, 319.
- Шаляпин Федор Иванович (1873 – 1938) – V, 271.
- Шамиссо Адельберт фон (1781 – 1838), нем. писатель – III, 265.
- Шахалов, драм. артист – V, 204.
- Шаховской Константин Михайлович (1869 – ?), князь, корнет; член Гос. думы – V, 312.
- Шварсалон Вера Константиновна (1890 – 1920), дочь Л. Д. Зиновьевой-Аннибал от первого брака; впоследствии жена Вяч. Иванова – VI, 212.
- Шварценберг – фамилия австр. фельдмаршалов и князей Карла Филиппа (1771 – 1820) и Феликса (1800 – 1852) – V, 178.
- Шекспир Уильям (1564 – 1616) – I, 415; III, 80, 412, 413; IV, 61, 66, 68, 81 – 83, 86, 87, 183, 198, 210, 301, 343, 360, 364, 365, 367, 369, 376, 386, 387, 389, 390, 393, 426; V, 90, 93, 171, 185, 277; VI, 114, 233, 294, 296 – 297.
- Шеллинг Фридрих Вильгельм (1775 – 1854), нем. философ-идеалист – IV, 198, 355.
- Шепелева Мария Дмитриевна, гимназическое увлечение С. Соловьева – VI, 71.
- Шереметева (урожд. Воронцова-Дашкова) И. И., графиня – V, 306.
- Шерр Иоганн (1817 – 1886), нем. писатель – V, 22.
- Шиллер Иоганн Фридрих (1759 – 1805) – III, 265; IV, 88, 200, 328 – 330, 333, 345, 355, 370, 372 – 375, 419; V, 88; VI, 294, 296, 297.
- Шильдер, секретарь военного министра – V, 345.
- Шингарев Андрей Иванович (1869 – 1918), врач, публицист; один из

- лидеров кадетов; министр земледелия и финансов Временного правительства; убит анархистами — V, 320.
- «Шинель», повесть Гоголя (1836—1842) — IV, 204.
- «Шиповник», альманахи (1907—1917) и изд-во (1906—1918) — IV, 80; V, 176; VI, 114, 133, 156.
- Шапская (урожд. Андреевская) Мария Михайловна (1891—1952), писательница — V, 270.
- Шлегели, братья Август Вильгельм (1767—1845), нем. поэт и переводчик, и Фридрих (1772—1829), критик и писатель — IV, 355.
- Шлейермахер Фридрих (1768—1834), нем. теолог и философ — IV, 355.
- «Шлейф, забрызганный звездами...», стих. Блока (1906) — IV, 145.
- Шленгер Пауль (1845—1916), нем. критик и театр. деятель — IV, 173.
- Шлуглейт Мориц Миронович (1883—1939), театр. деятель, директор б. театра Корша (1917—1925) — V, 277; VI, 303.
- Шляпкин Илья Александрович (1858—1918), литературовед, профессор Петерб. ун-та — V, 75; VI, 59.
- Шмидт Анна Николаевна (1851—1905), нижегородская журналистка; последовательница Вл. Соловьева, автор религиозно-мистических сочинений — VI, 63, 67.
- Шопен Фридерик (1810—1849) — VI, 248, 276.
- Шорникова (урожд. Головина) Екатерина Николаевна (1883—?), провокатор, член социал-демократической организации в Казани и секретный сотрудник петроградской охраны (с 1915) — V, 362.
- Шпагинский Ипполит Васильевич (1848—1917), драматург — IV, 81.
- Шрейфогель Йозеф (1768—1832), австр. драматург — III, 265.
- Штакельберг Константин Карлович (1848—?), барон, генерал-лейтенант, начальник придворного оркестра (с 1897) — V, 335.
- Штейн Лоренц (1815—1890), нем. юрист-государствовед — II, 294.
- Штейнберг Арон Захарович (1891—1975), литератор; после Октября в эмиграции — V, 259.
- Штейнер Рудольф (1861—1925), нем. философ-мистик, основатель антропософии — V, 238; VI, 221, 222.
- «Штокман» — см. «Доктор Штокман».
- Штраус Рихард (1864—1949), нем. композитор и дирижер — VI, 230.
- Штук Франц фон (1863—1928), нем. художник и скульптор — VI, 165.
- Штюрмер Борис Владимирович (1848—1917), министр внутренних дел (1916), ставленник Распутина — V, 217, 282, 284, 287, 312.
- Шуваев Дмитрий Савельевич (1854—1937), генерал, военный министр (1916—1917); с 1918 г. до конца 1920-х гг. в Красной Армии — V, 288.
- Шувалов (Егоров) Иван Михайлович (1865—1905), драм. актер провинциальных театров; сезон 1902/03 г. играл в Александринском театре — VI, 27.
- Шульгин Василий Витальевич (1878—1976), публицист, полит. деятель, монархист; белоэмигрант; в 1944 г. вернулся в СССР — V, 349, 350, 352—357.
- Шульман Р. Р., сосед Блока по квартире; дальний родственник по линии Качаловых — V, 250.
- Шуман Роберт (1810—1856), нем. композитор — II, 309.
- Щегловитов Иван Григорьевич (1861—1918), министр юстиции (1906—1915), председатель Гос. совета (1917); покровитель черносотенцев; расстрелян ВЧК по постановлению Совета народных комиссаров — V, 286, 295, 309, 312, 330.

- Шеголев Павел Елисеевич (1877–1931), историк и литературовед – V, 190; VI, 251.
- Шеголева (урожд. Богуславская) Валентина Андреевна (1878–1931), драм. актриса; ей посвящен цикл стих. Блока «Три послания» (1908–1910) – II, 149.
- Шедрин – см. Салтыков М. Е.
- Эверт Алексей Ермолаевич (1857–1917), генерал-адъютант, главнокомандующий Зап. фронтом (с 1915) – V, 352.
- «Эдип-царь», трагедия Софокла (ок. 429–425 до н. э.) – III, 266, 267.
- «Education sentimentale» – см. «Воспитание чувств».
- Экгут (Экаут) Жорж (1854–1927), бельг. писатель – IV, 405.
- «Электра», опера Р. Штрауса (1909) по либретто Г. Гофманстала – V, 191; VI, 230, 233.
- Эленшлегер Адам Готлоб (1779–1850), дат. писатель-романтик – IV, 61.
- Элеонора Толедская (1522–1562), исп. принцесса, герцогиня Тосканская (с 1550) – V, 32.
- Эллис (Кобылинский) Лев Львович; 1879–1947), поэт и критик; один из основателей кружка «Аргонавты» (1903); с 1911 г. жил за границей – VI, 113–114, 124, 194.
- Эльснер, киевский издатель – V, 149.
- Эмерсон Ралф Уолдо (1803–1882), амер. философ-идеалист и писатель – IV, 198.
- «Эмиль, или О воспитании», роман-трактат Ж. Ж. Руссо (1762) – V, 179.
- Энгельгардт А., имеется в виду Энгельгардт Николай Александрович (1866–1942), историк литературы – V, 79.
- Энгельс Фридрих (1820–1895) – IV, 241.
- Энес Сильвио Пикколомини (1405–1464), ит. поэт и гуманист, впоследствии папа Пий II (с 1458) – II, 361.
- «Эпоха», журнал, издаваемый братьями Достоевскими (1864–1865) – IV, 211, 217.
- Эразм Роттердамский (1469–1536), нем. писатель-гуманист – IV, 327.
- Эренбург Илья Григорьевич (1891–1967) – IV, 262.
- Эркман-Шатриан, лит. псевд. фр. писателем Эмиля Эркмана (1822–1899) и Александра Шатриана (1826–1890) – V, 71.
- Эрлих Яков Исаакович (1874–1902?), философ-идеалист, друг А. М. Добролюбова – VI, 20.
- «Эрнани», драма В. Гюго (1830) – IV, 83; VI, 294.
- «Эрос», сб. стих. Вяч. Иванова (1907) – IV, 146; VI, 114.
- Эспронседа Хосе де (1808–1842), исп. писатель и поэт – V, 71.
- «Essais sur la Chevalerie» («Эссе о рыцарстве»), соч. В. Скотта – III, 394.
- Эскил (ок. 525–456 до н. э.), др.-греч. поэт-драматург – IV, 183, 361; V, 257; VI, 171.
- «Études romanes», сб. статей, изданный учениками G. Paris (1891) и ему посвященный – III, 393, 396.
- «Эхо», стих. Пушкина (1831) – V, 275.
- Юань Ши-кай (1859–1916), президент Китая (с 1912) – V, 298.
- Ювенал Децим Юний (ок. 60 – ок. 127), рим. поэт-сатирик – V, 248.
- Югурта (160–104 до н. э.), царь Нумидии; казнен римлянами – IV, 269, 270.
- Юдин Павел Львович (1864–1928), литератор и журналист – IV, 217.
- «Юдифь», опера А. Н. Серова (1862) – IV, 215.
- «Юдифь» – см. «Когда владыка ассирийский...»

«Юдифь», стих. Л. Мея (1855) – V, 275.

«Юлиан» – см. «Смерть богов (Юлиан Отступник)».

«Юлиан Странноприимец» – см. «Легенда о святом Юлиане Странноприимце».

Юргенсон Эрнст Петрович (р. 1899), библиотекарь Публичной библиотеки в Петербурге; собиратель автографов деятелей культуры – VI, 233.

Юрьев Юрий Михайлович (1872 – 1948), драм. артист – VI, 296.

Юшкевич А. А. – см. Корвин А.

Юшкевич Семен Соломонович (1868 – 1927), писатель и драматург; с 1920 г. в эмиграции – IV, 39.

Ющинский Андрей, киевский подросток, убитый черносотенцами в 1913 г. – II, 271.

«Я – бог таинственного мира...», стих. Ф. Сологуба (1896) – IV, 142.

«Я знал ее еще тогда...», стих. Тютчева (1861) – I, 395.

«Я не люблю иронии твоей...», стих. Некрасова (1850) – IV, 100.

«Я памятник себе воздвиг нерукотворный...», стих. Пушкина (1836) – V, 275.

«Яблони цветут», рассказ З. Гиппиус (1896) – IV, 34.

Яблоновский (Потресов) Сергей Викторович (1870 – ок. 1929), лит. критик; сотрудник газеты «Русское слово» – V, 186.

«Якорь», журнал, редактируемый Ап. Григорьевым (1863 – 1864) – IV, 219.

«Ямбы», сб. стих. Блока (1919) – V, 258.

«Ярь», сб. стих. С. Городецкого (1907) – V, 109, 111.

Ясинский Иероним Иеронимович (1850 – 1931), писатель и журналист (псевд. Максим Белинский) – IV, 193; V, 149, 151.

СОДЕРЖАНИЕ

ПИСЬМА

1898 — 1901

1. К. М. Садовской. <Конец марта 1898. Петербург> . . .	7
2. К. М. Садовской. 31 марта 1900. Петербург	8
3. А. В. Гиппиусу. 26 апреля 1901. <Петербург>	10
4. А. В. Гиппиусу. 25 июня 1901. <Шахматово>	10
5. А. В. Гиппиусу. 28 июля 1901. <Шахматово>	12
6. А. В. Гиппиусу. 13 августа 1901. Шахматово	15
7. Отцу. 29 сентября 1901. Петербург	16

1902

8. З. Н. Гиппиус. <Июль (до 21) 1902. Шахматово> . . .	18
9. А. В. Гиппиусу. 23 июля 1902. Шахматово	19
10. З. Н. Гиппиус. 2 августа 1902. Шахматово	21
11. Отцу. 5 августа 1902. Шахматово	23
12. З. Н. Гиппиус. 16 августа 1902. <Шахматово>	25
13. А. В. Гиппиусу. 28 августа 1902. Шахматово	26
14. З. Н. Гиппиус. 8 сентября <1902. Петербург>	27
15. З. Н. Гиппиус. 14 сентября <1902. Петербург>	28
16. *Л. Д. Менделеевой. <10 ноября 1902. Петербург> . . .	29
17. *Л. Д. Менделеевой. <20 ноября 1902. Петербург> . . .	31
18. М. С. Соловьеву. 23 декабря 1902. Петербург	32
19. Л. Д. Менделеевой. <23 декабря 1902. Петербург> . . .	33
20. Л. Д. Менделеевой. <25 декабря 1902. Петербург> . . .	35

1903

21. Андрею Белому. 3 января 1903. Петербург	37
22. Л. Д. Менделеевой. 22 февраля 1903. Петербург . . .	40
23. Л. Д. Менделеевой. <15 мая 1903. Петербург>	44
24. Л. Д. Менделеевой. 31 мая <(13 июня н. ст.) 1903. Бад Наугейм>	47

25. Л. Д. Менделеевой. 31 мая. Вечер <(13 июня н. ст.) 1903. Бад Наугейм>	48
26. Андрею Белому. 20 ноября 1903. Петербург	51
27. В. Я. Брюсову. 26 ноября 1903. Петербург	55
28. П. П. Перцову. 9 декабря 1903. Петербург	55
29. С. М. Соловьеву. 20 декабря 1903. Петербург	56
30. Отцу. 30 декабря 1903. Петербург	59

1904

31. Андрею Белому. 7 апреля 1904. Петербург	62
32. Андрею Белому. 5 июня 1904. Шахматово	64
33. Е. П. Иванову. 15 июня 1904. Шахматово	65
34. Е. П. Иванову. 28 июня 1904. Шахматово	68
35. Андрею Белому. 29 сентября 1904. Петербург	69
36. С. М. Соловьеву. 21 октября 1904. Петербург	70
37. Отцу. 29 октября 1904. Петербург	72
38. В. Я. Брюсову. 6 ноября 1904. Петербург	72
39. Андрею Белому. 23 декабря 1904. Петербург	73
40. Отцу. <Конец декабря 1904. Петербург>	76

1905

41. А. В. Гиппиусу. 4 февраля 1905. Петербург	77
42. А. М. Ремизову. 28 мая 1905. Шахматово	77
43. Г. И. Чулкову. 23 июня 1905. Шахматово	78
44. Е. П. Иванову. <25 июня 1905. Шахматово>	81
45. Андрею Белому. 8 августа 1905. Шахматово	83
46. Андрею Белому. 2 октября <1905. Петербург>	83
47. Андрею Белому. <15 октября 1905. Петербург>	85
48. Отцу. 30 декабря 1905. Петербург	88

1906

49. Андрею Белому. 3 января <1906. Петербург>	91
50. В. Я. Брюсову. 11 января 1906. <Петербург>	92
51. П. П. Перцову. 31 января 1906. <Петербург>	93
52. И. Ф. Анненскому. 12 марта 1906. Петербург	94
53. В. Я. Брюсову. 18 апреля 1906. Петербург	95
54. А. В. Гиппиусу. <7 мая 1906. Петербург>	96
55. В. Я. Брюсову. 5 июня 1906. Шахматово	96

56. Е. П. Иванову. 25 июня 1906. <Шахматово>	96
57. Г. И. Чулкову. 7 июля 1906. Шахматово	98
58. Андрею Белому. 12 августа 1906. <Шахматово>	99
59. Матери. 1 октября <1906. Петербург>	100
60. В. Я. Брюсову. 17 октября 1906. <Петербург>	102
61. Е. Я. Архиппову. 7 ноября 1906. Петербург	103
62. Е. П. Иванову. 15 ноября <1906. Петербург>	104
63. Андрею Белому. 6 декабря 1906. Петербург	106
64. В. Э. Мейерхольду. 22 декабря 1906. <Петербург>	107
65. В. П. Веригиной. 25 декабря 1906. Петербург	110

1907

66. А. В. Гиппиусу. 20 января 1907. <Петербург>	111
67. В. П. Веригиной. 24 февраля 1907. <Петербург>	112
68. Л. Л. Кобылинскому (Эллису). 5 марта 1907. Петербург	113
69. Т. Н. Гиппиус. 16 марта 1907. <Петербург>	114
70. В. Я. Брюсову. 24 марта 1907. Петербург	115
71. Андрею Белому. 24 марта 1907. Петербург	115
72. Л. Д. Блок. 24 мая. Ночь. <1907. Сестрорецк>	116
73. Андрею Белому. 6 августа 1907. <Шахматово>	117
74. Андрею Белому. 8 августа 1907. Шахматово	120
75. Андрею Белому. 15 – 17 августа 1907. Шахматово	120
76. Г. И. Чулкову. 17 августа <1907>. Шахматово	129
77. Андрею Белому. 23 сентября 1907. Петербург	130
78. Андрею Белому. 1 октября 1907. Петербург	131
79. В. Я. Брюсову. 1 ноября 1907. <Петербург>	133
80. Федору Сологубу. 2 декабря 1907. <Петербург>	135
81. Л. Я. Гуревич. 21 декабря 1907. <Петербург>	135
82. Андрею Белому. 28 декабря 1907. <Петербург>	136

1908

83. А. Н. Чеботаревской. 19 января 1908. <Петербург>	137
84. Матери. 30 января <1908. Петербург>	137
85. Л. Д. Блок. <27 февраля 1908. Петербург>	139
86. Л. Д. Блок. 21 марта 1908. <Петербург>	140
87. Л. Д. Блок. 14 апреля 1908. <Петербург>	140
88. Андрею Белому. 24 апреля 1908. <Петербург>	141
89. Матери. 28 апреля 1908. <Петербург>	142
90. М. А. Кузмину. 13 мая <1908. Петербург>	143
91. М. И. Пантюхову. 22 мая 1908. <Петербург>	143
92. Л. Д. Блок. 14 июня 1908. Шахматово	144
93. Л. Д. Блок. 24 июня <1908>. Шахматово	145
94. Л. Д. Блок. 18 июля 1908. Петербург	146
95. Л. Д. Блок. 23 июля 1908. Петербург	148

96. Е. П. Иванову. 13 сентября <1908. Шахматово>	149
97. В. И. Стражеву. 14 сентября 1908. <Шахматово>	150
98. Матери. 2 ноября. Утром. <1908. Петербург>	151
99. Матери. 5, 6 ноября 1908. <Петербург>	152
100. К. С. Станиславскому. 9 декабря 1908. Петербург	153

1909

101. А. Н. Чеботаревской и Федору Сологубу. 22 января 1909. <Петербург>	157
102. В. В. Розанову. 17 февраля 1909. <Петербург>	158
103. В. В. Розанову. 20 февраля 1909. <Петербург>	159
104. Матери. 23 февраля 1909. Вечер. Александровский приют. <Петербург>	161
105. Матери. 13 марта <1909. Петербург>	162
106. Матери. 12, 13 апреля 1909. Петербург	163
107. Матери. 7 мая <н. ст.> 1909. Венеция	165
108. Матери. 13 мая <н. ст.> 1909. Флоренция	166
109. Матери. 25 – 26 мая <н. ст.> 1909. Флоренция	167
110. Матери. 19 июня <н. ст.> 1909. Милан	169
111. Е. П. Иванову. 3 сентября 1909. <Шахматово>	171
112. В. Я. Брюсову. 2 октября 1909. Петербург	172
113. А. А. Измайлову. 27 октября 1909. <Петербург>	173
114. С. К. Маковскому. 29 декабря 1909. Петербург	174

1910

115. П. И. Карпову. 27 января 1910. <Петербург>	175
116. С. Н. Куликову. 8 марта 1910. <Петербург>	176
117. Л. Я. Гуревич. <9 – 14 апреля 1910. Петербург>	176
118. В. И. Кривичу. 13 апреля 1910. <Петербург>	177
119. Е. П. Иванову. 29 июня <1910. Шахматово>	177
120. Андрею Белому. 6 сентября 1910. Шахматово	178
121. Андрею Белому. 22 октября 1910. Шахматово	179
122. Б. А. Садовскому. 6 декабря 1910. <Петербург>	182

1911

123. Н. С. Архипповой. 11 января 1911. <Петербург>	184
124. В. А. Пясту. 23 января 1911. <Петербург>	184
125. Л. Н. Андрееву. 3 февраля 1911. Петербург	185

126. Матери. 21 февраля 1911. <Петербург>	186
127. Андрею Белому. 3 марта 1911. <Петербург>	188
128. Андрею Белому. 12 марта 1911. <Петербург>	189
129. Андрею Белому. 8 мая 1911. <Петербург>	190
130. Л. Д. Блок. 30 мая 1911. Духов день. <Шахматово>	190
131. Андрею Белому. 6 июня 1911. Шахматово	192
132. В. А. Пясту. 6 июня 1911. Шахматово	195
133. В. А. Пясту. 3 июля <1911. Петербург>	196
134. Матери. 24 июля <н. ст.> <1911. Аберврак>	197
135. Матери. 12 августа <н. ст.> 1911. Аберврак	198
136. Матери. 20 августа <н. ст.> 1911. Кэмпер	203
137. Матери. 4 сентября <н. ст.> 1911. Париж	207
138. Матери. 6 сентября <н. ст.> 1911. Антверпен	208
139. Матери. 12 сентября <н. ст.> 1911. Амстердам	209
140. М. А. Ковалеву (Р. Ивневу). 17 ноября 1911. <Петербург>	209
141. Матери. 29 ноября 1911. <Петербург>	210
142. Е. В. Спекторскому. 12 декабря 1911. <Петербург>	211

1912

143. Вяч. Иванову. 16 января 1912. <Петербург>	212
144. Андрею Белому. <25 января 1912. Петербург>	213
145. А. И. Арсенишвили. 8 марта 1912. <Петербург>	213
146. С. М. Михайловой и А. И. Романовой. <Март – апрель 1912. Петербург>	215
147. Андрею Белому. 16 апреля 1912. <Петербург>	216
148. Е. И. Х-ой. 24 апреля 1912. <Петербург>	218
149. Матери. 15 июля. Утром. <1912. Петербург>	218
150. Э. К. Метнеру. 22 июля 1912. Петербург	220
151. И. П. Брикничеву. 26 августа 1912. <Петербург>	222
152. Д. В. Философову. 27 октября 1912. <Петербург>	223
153. В. Н. Княжнину. 9 ноября 1912. <Петербург>	225
154. Л. Д. Блок. 12 ноября 1912. <Петербург>	227

1913

155. А. П. Исаковой. 11 января 1913. <Петербург>	229
156. Л. Д. Блок. 20 февраля <1913. Петербург>	230
157. Ю. Н. Верховскому. 25 февраля 1913. <Петербург>	231
158. К. П. Цинговатовой. 25 февраля 1913. <Петербург>	232
159. Л. Д. Блок. 25 февраля <1913. Петербург>	232
160. Э. П. Юргенсону. <Февраль 1913. Петербург>	233

161. С. А. Богомолу.	9 марта 1913. <Петербург>	233
162. В. М. Отроковскому.	23 апреля 1913. <Петербург>	234
163. Л. Д. Блок.	29 апреля 1913. <Петербург>	235
164. Ю. Н. Верховскому.	30 апреля 1913. Петербург	235
165. С. А. Богомолу.	1 мая 1913. Петербург	236
166. В. А. Пясту.	19 июля <н. ст.> 1913. Гетари	237

1914

167. Л. А. Дельмас.	14 февраля 1914. <Петербург>	238
168. Л. А. Дельмас.	2 марта 1914. <Петербург>	239
169. В. М. Жирмунскому.	3 марта 1914. <Петербург>	240
170. Л. А. Дельмас.	22 марта <1914. Петербург>	240
171. Л. А. Дельмас.	<2 апреля> $\frac{1}{2}$ 3-его ночи <1914. Петербург>	240
172. Л. А. Дельмас.	<6 мая> 1 час ночи <1914. Петербург> . . .	241
173. Л. А. Дельмас.	20 июня, 23 июня 1914. Шахматово . . .	243
174. В. А. Зоргенфрею.	30 июня 1914. Шахматово	246
175. Л. А. Дельмас.	<17 августа 1914. Петербург>	247

1915

176. В. Э. Мейерхольду.	15 января 1915. <Петербург>	248
177. А. Н. Чеботаревской.	9 февраля 1915. <Петроград>	248
178. Л. Д. Блок.	19 февраля 1915. <Петроград>	249
179. В. А. Пясту.	6 апреля 1915. <Петроград>	250
180. С. А. Есенину.	22 апреля 1915. <Петроград>	252
181. Матери.	13 июня 1915. <Петроград>	252
182. Л. А. Дельмас.	12 августа 1915. <Петроград>	253
183. В. Я. Брюсову.	2 ноября 1915. Петроград	254
184. А. Н. Чеботаревской.	27 декабря 1915. <Петроград>	255
185. Е. М. Тагер.	<1915. Петроград>	255
186. Е. М. Тагер.	<1915. Петроград>	256

1916

187. С. Н. Тутолминой.	16 января 1916. Петербург	257
188. Н. А. Нолле-Коган.	17 января 1916. Петербург	259
189. А. А. Измайлову.	28 января 1916. <Петроград>	259
190. В. Э. Мейерхольду.	7 февраля 1916. <Петроград>	260
191. П. С. Сухотину.	22 февраля 1916. <Петроград>	261

192. А. Я. Гуревич. 23 февраля 1916. <Петроград>	261
193. Л. Я. Гуревич. 29 февраля 1916. <Петроград>	262
194. А. А. Ахматовой. 14 марта 1916. <Петроград>	263
195. О. А. Кауфман. 14 апреля 1916. <Петроград>	264
196. В. В. Лужскому. 24 мая 1916. <Петроград>	265
197. О. В. Гзовской. 26 мая 1916. Петербург	265
198. Матери. 16 июня 1916. <Петроград>	266
199. Матери. 21, 28 августа, 4 сентября 1916. Колбы	268
200. Л. Н. Андрееву. 29 октября 1916. <Петроград>	272

1917.

201. Матери. 19 марта. Вечером. 20 марта 1917. <Петроград>	274
202. Матери. 23 марта 1917. <Петроград>	275
203. Матери. 2 апреля 1917. <Петербург>	276
204. Л. И. Катонину. 19 апреля 1917. Петербург	278
205. Л. Д. Блок. 14 мая 1917. <Петроград>	279
206. Л. Д. Блок. 28 мая 1917. <Петроград>	280
207. Матери. 19 июня 1917. <Петроград>	281
208. Л. Д. Блок. 21 июня 1917. <Петроград>	282
209. П. Б. Струве. <30 июля 1917. Петроград>	283
210. Матери. 4 августа 1917. <Петроград>	284

1918

211. Андрею Белому. 27 марта <9 апреля> 1918. <Петроград>	285
212. Ю. П. Анненкову. 12 августа 1918. <Петроград>	285
213. Н. А. Нолле-Коган. 17 октября 1918. <Петроград>	287
214. Н. А. Нолле-Коган. 14 ноября 1918. <Петроград>	289
215. В. А. Зоргенфрею. 7 декабря 1918. <Петроград>	289

1919

216. Н. А. Нолле-Коган. 3 января 1919. <Петроград>	291
217. Н. А. Нолле-Коган. 5 февраля 1919. <Петроград>	292
218. П. О. Морозову. 12 февраля 1919. <Петроград>	293
219. М. Ф. Андреевой. 27 апреля 1919. <Петроград>	294
220. В. М. Жирмунскому. 16 августа 1919. <Петроград>	297
221. В. Е. Арнс. 28 октября 1919. <Петроград>	298

1920

222.	Г. П. Блоку. 10 декабря 1920. <Петроград>	299
------	---	-----

1921

223.	Н. А. Нолле-Коган. 8 января 1921. <Петроград>	300
224.	Н. А. Нолле-Коган. 20 мая 1921. <Петроград>	302
225.	М. С. Шагинян. 22 мая 1921. <Петроград>	303
226.	К. И. Чуковскому. 26 мая 1921. Петроград	304
227.	Матери. 4 июня 1921. <Петроград>	305
228.	*Н. А. Нолле-Коган. 2 июля <1921. Петроград>	305
Примечания		307
Адресаты и источники текста		351
Указатель имен и названий		355

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОШИБКИ И ОПЕЧАТКИ

Том	Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
1	61	16 сн.	20 декабря 1918	20 декабря 1898
»	238	11 сн.	Все они	Все огни
»	275	4 св.	Горных	Горних
»	450	12 св.	Отрыво	Отрывок
	(в части тир.)			
»	487	8 сн.	т. 4 наст. изд.	т. 5 наст. изд.
»	488	8 св.	Комиссаржевской	Коммиссаржевской
»	488	13 сн.	467	469
»	512	16 св.	ББК 84.3(2)I	ББК 84.PI
2	380	4 св.	От Матфея	От Луки
»	395	3 сн.	4.III.1919	4.III.1918
»	408	2 св.	(1907 г.)	(1908 г.)
4	438	21 св.	человек»	Человек»
»	447	12 сн.	Блок»	Блок
5	330	13 сн.	Балком	Барком

**В 1980 – 1983 ГОДАХ
В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»**

ВЫШЛИ КНИГИ:

Б л о к А. Двенадцать

Б л о к А. Стихотворения и поэмы (Школьная
б-ка)

Б л о к А. Стихотворения и поэмы (Классики
и современники)

Б л о к А. О литературе

Александр Блок в воспоминаниях современни-
ков. В 2-х томах

Блок А.

Б70 Собрание сочинений: В 6-ти т. Т. 6/Сост. В. Орлов; Подготовка текста М. Дикман; Примеч. М. Дикман. — Л.: Худож. лит., 1983. — 424 с., 1 л. портр.

Том шестой составили избранные письма А. Блока. Из огромного эпистолярного наследия отобраны письма, имеющие идейную и эстетическую значимость. Это историко-литературные документы, помогающие глубже понять и личность поэта, и эпоху, в которой протекала его литературная деятельность.

Б 4702010100-081 подписное
028(01)-83

ББК 84.Р1

Александр Александрович Блок

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

В ШЕСТИ ТОМАХ

ТОМ 6

Редактор Т. Мельникова

Художественный редактор Р. Чумаков

Технический редактор Н. Литвина

Корректор А. Борисенкова

ИБ № 2629

Слано в набор 04.04.83. Подписано в печать 22.09.83. Формат 84 × 108¹/₃₂. Бумага тип. № 1. Гарнитура «Плэтин». Печать высокая. 22,26 + вкл. 0,05 = 22,31 усл. печ. л. 24,46 усл. кр.-отт. 23,27 + 1 вкл. = 23,32 уч.-изд. л. Тираж 300 000 экз. Заказ № 875. Цена 1 р. 90 к. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Художественная литература», Ленинградское отделение. 191186, Ленинград, Д-186, Невский пр., 28. Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор» имени А. М. Горького Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197136, Ленинград, П-136, Чкаловский пр., 15